

Бертран Мейер-Стабли

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

БУКИНГЕМСКОГО ДВОРЦА ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ II

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

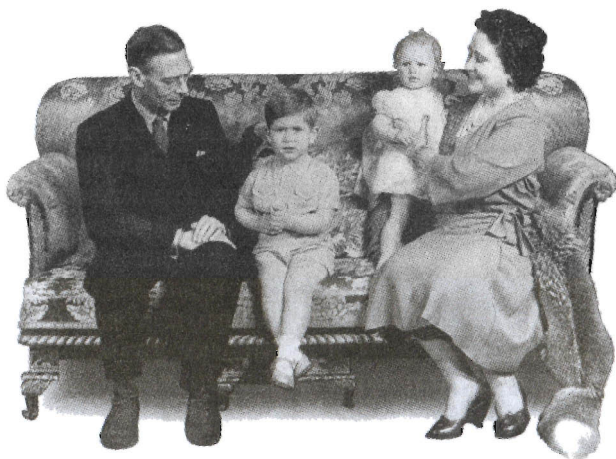

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Бертран Мейер-Стабли

Bertrand Meyer-Stabley
BUCKINGHAM PALACE
AU TEMPS
D'ÉLISABETH II

HACHETTE LITTÉRATURES

ЖИЗНЬ

БУКИНГЕМСКОГО
ДВОРЦА
ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ II

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)
М 45

Перевод с французского
Ю. М. РОЗЕНБЕРГ

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Перевод осуществлен по изданию:
Bertrand Meyer-Stabley. Buckingham palace au temps D'Élisabeth II.
Paris, Hachette Littératures, 2002

ISBN 978-5-235-03011-4

© Hachette Littératures, 2002
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2007
© «Палимпсест», 2007

Вот уже на протяжении пятидесяти лет Елизавета II продолжает защищать честь обязанностей королевы невзирая ни на что! Едва не разрываясь на части из-за прихотей и похождениям своих отпрысков, Ее Величество все же держится молодцом. Подобная одинокой скале среди бушующего моря, она с философской невозмутимостью противостоит бесконечным нападкам безжалостной прессы, которая каждое утро к завтраку преподносит ей сюрприз в виде заметки в рубрике новостей, без которого она охотно бы обошлась, потому что называется заметка так: «Скандал в семье Виндзоров».

Начиная с коронации Елизаветы II в 1952 году, весь мир принимает участие в спектакле, с таким великим тщанием поставленном на сцене, в спектакле, который королевство само себе подарило: свадьбы, коронации, похороны, рождение детей, крестины, всяческие идилии, транслируемые при помощи системы всемирного спутникового телевидения. Открыв двери Букингемского дворца перед телевизионными камерами, Елизавета II сунула свой скипетр в самый сложный механизм, иначе говоря, по собственной неосторожности попала в переделку. Машина пришла в движение, и закрутилась монархическая «мыльная опера». Пресса систематически обращала свои взоры к Маунтбеттенам-Виндзорам, чтобы удовлетворить чаяния своих читате-

лей, всегда была готова круто изменить сценарий ради повышения рейтинга.

Будучи главной звездой среди участников этого спектакля, королева, как это ни парадоксально, сумела сохранить некую таинственность. У нее немало поклонников, ибо она является для них воплощением их ностальгической привязанности к тому образу жизни, к тем правилам поведения и идеалам, которые постепенно исчезают из их жизни.

Укрывшись за стенами Букингемского дворца, та, что посвятила свою жизнь своей стране и семейству Виндзоров, продолжает править этой страной и этим семейством с завидной невозмутимостью. Казалось, смерть принцессы Дианы летом 1997 года и волнение, вызванное этой смертью, стали предвестниками неизбежного конца монархии, прозвучали похоронным звоном и еще резче обозначили пропасть, разделяющую королевскую власть и подданных королевы. Вот тогда-то у Виндзоров и возникла настоятельная необходимость заключить с народом Великобритании новый договор, чтобы доказать, что они могут принести обществу третьего тысячелетия кое-что полезное. Словно народу теперь требовалось нечто иное, чем просто обветшавшая династия с ее каретами, замками, богатствами и строжайшим протоколом. Монархия выглядела слишком отсталой в социологическом смысле по отношению к обществу. Страсти, разгоревшиеся вокруг смерти принцессы Уэльской, послужили доказательством того, что королевская власть и королевское семейство оказались неспособны оценить размеры тех гигантских изменений, что произошли в Англии в последние годы. Однако, когда волна эмоций спала, все вернулось на круги своя, за исключением кое-каких изменений, привнесенных в сферу связей с общественностью. Придавленный тоннами лепнины, присущей архитектуре эпохи правления королевы Виктории, Букингемский дворец и царящая в нем затхлая атмосфера, казалось, никогда по-настоящему не побуждали королеву выйти из кокона ее одиночества, изоляции и отчуждения от общества.

В большинстве своем сотрудники королевы имеют громкие титулы и принадлежат к сливкам британской

аристократии. Календарь королевского двора изобилует записями об аудиенциях, даваемых посланникам, судьям, епископам и губернаторам. Этот мир чрезвычайно похож на общество XIX века как царящей в нем атмосферой, так и внутренним распорядком: Букингемский дворец, где все сосредоточено на личности королевы, представляет собой своеобразный анклав. Погружаясь в хитросплетение его загадочных, порой сюрреалистических механизмов, начинаешь понимать, что ничто в этом мире не может быть обыкновенным, потому что между повседневной жизнью всех британцев и словно завернутой в вату жизнью обитателей дворца лежит пропасть, подъемный мост через которую опускается только в редких случаях.

Ежедневно прохожие останавливаются перед дворцом и поднимают головы, чтобы взглянуть на его окна в слабой надежде увидеть хоть какую-то частицу реальной жизни, скрывающейся за ними. И нередко в те же мгновения королева, скрываясь за драпировками, тоже наблюдает за ними, словно и ей хочется проникнуть в их мир. Но Алиса из Букингемского дворца никогда не пройдет сквозь зеркало, ибо внешний мир существует для королевы только как виртуальная реальность, примерно так, как сказочной грезой представлялись Елизавете I заморские территории в Индии.

Для королевы реальность – это жизнь дворца, жизнь отрегулированная, налаженная, как часовой механизм, жизнь, в которой никакие отступления от правил невозможны. Как сказал один из старых лакеев: «Снаружи одни лишь пробки и жуткая какофония, а во дворце все тихо и спокойно, чудо, да и только...»

Королевский двор Великобритании, именуемый Сент-Джеймским двором, остается огромным механизмом, гигантской машиной. Логично, в соответствии с тем, что Великобритания – единственная страна, где сохранилась такая приверженность к пышности, помпезности и торжественности. Для «роллс-ройсов» монархии Букингемский дворец и по сию пору представляет собой превосходную, хотя и обманчиво-показную декорацию, сооруженную для грандиозного фильма с многомиллионным бюджетом. Положение обязывает.

Глава I
Следуйте за гидом

Возведенный между вокзалом Виктории (Виктория-стейшн) и Гайд-парк-Корнер, Букингемский дворец сегодня зажат среди многоэтажных жилых зданий и окружен со всех сторон строениями в стиле модерн. Иногда через определенные промежутки времени привычный шум, царящий на забитых автомашинами лондонских улицах, перекрывает грохот ружейных прикладов часовых, когда они ударяют ими о мостовую, и глухим топотом их ботинок. Королевский штандарт развевается над дворцом, когда Ее Величество пребывает в нем. Под его крышей насчитывается шестьсот девяносто комнат и залов! Доминирующие цвета: красный и золотой.

Южный портал Букингемского дворца представляет собой своеобразный «главный перекресток» для посетителей, прибывающих во дворец и покидающих его. Очень строгий иерархический порядок разделяет обслуживающий персонал на две категории: тех, кто имеет право входить во дворец через главный вход, и тех, кто должен незаметно проскальзывать внутрь через боковой служебный вход. Эта дверь раньше называлась Входом поставщиков, но была переименована перед свадьбой Чарльза, так как через нее во дворец доставляли подарки, предназначенные принцу и принцессе,

и дарители могли счесть себя оскорбленными тем, что их приравнивают к поставщикам.

Члены королевского семейства, а также члены королевской свиты, придворные и фрейлины королевы, разумеется, обладают правом входить во дворец через парадный вход, так же как и члены правительства и некоторые высокопоставленные лица из числа обслуживающего персонала. Питер Таунсенд, шталмейстер Георга VI, признавал, что доступ к различным входам в «Бук-хаус» определялся рангом и статусом того, кто ими пользовался: «Всякий обычный посетитель попадал во дворец через вход, именуемый Входом королевской казны или Входом личного кошелька, расположенный в правой стороне фасада. Что же касается посетителей, направлявшихся на прием к королю, то их в период войны направляли к дверям, именуемым Входом шталмейстеров, во внутреннем дворе». Когда же вновь воцарился мир, то входом во дворец для высоких гостей и почетных посетителей, прибывавших с большой помпой в одной из запряженных лошаадьми карет короля, стал вновь служить Парадный вход. В эпоху правления Георга VI Парадный вход был отправной точкой для торжественных процессий, вроде той, что обычно предшествовала открытию сессии парламента. Король же с королевой для своих личных целей пользовались Парковым входом, то есть закрытой для других лиц особой дверью, расположенной в северном крыле здания.

В 60-е годы XX века одна дама из Австралии, находившаяся проездом в Лондоне, написала Елизавете, что мечтает увидеть Ее Величество прежде, чем вновь отправится в поросшую редкими деревьями полупустыню в самом сердце Австралии, где она живет. Королева повелела ответить ей, что на следующий день выйдет из Букингемского дворца с принцем Чарльзом через определенную дверь. Прежде чем сесть в машину, она обменялась несколькими словами с очарованной и взволнованной австралийкой (которая не знала, что накануне Скотланд-Ярд провел тайное расследование, чтобы удостовериться, что она не террористка, прибывшая в Англию с целью бросить бомбу в королевскую машину).

Красная ковровая дорожка

Если вас пригласили на аудиенцию к королеве, вы являетесь к южному portalу Букингемского дворца, где вас ожидает один из служащих. Он направляет вас к Входу королевской казны, заставляя пройти по посыпанной гравием площадке переднего двора дворца. Тысячи туристов таращат на вас глаза и спрашивают себя, кто же вы такой или такая. Часовые берут на караул.

Первая ковровая дорожка, на которую вы ступаете, уже довольно потерта, потому что она тянется от ступеней Входа королевской казны до двора. Тяжелая дверь красного дерева сама собой открывается перед вами: полицейский уже сообщил по телефону дежурному лакею о вашем приходе и назвал ваше имя и фамилию. Ваше пальто принимает некий персонаж в красном жилете, чрезвычайно, до слащавости, вежливый, с превосходными манерами, и с невероятными предосторожностями кладет его на стол, затем спешит обратиться с просьбой к одному из секретарей королевы прийти за вами (если вы представитель прессы, за вами придет пресс-секретарь, если же вы генерал или художник-портретист, за вами придет один из придворных из королевской свиты или офицер). Вы ожидаете приема в небольшой, но торжественно убранной прихожей, которую украшают полотна из королевской коллекции живописи. Некоторые, правда, полагают, что эта комната настолько тоскливая, что легко можно заработать клаустрофобию.

Сопровождающий ведет вас вглубь дворца. Вы проходите мимо огромной, написанной маслом картины, на которой запечатлена сцена коронации Елизаветы II, потом следуете по коридору, где стены обиты пурпурными тканями и на фоне этого пурпура выделяются бюсты королевы Виктории, принца Альберта, короля Эдуарда VII и их современников. Затем вы резко поворачиваете налево и, пройдя через так называемую Дверь для доставки багажа, оказываетесь во внутреннем дворе; пройдя через двор, вы наконец попадаете в кабинет секретаря королевы, который по телефону

еще раз спрашивается о том, может ли королева вас принять. Вы поднимаетесь на лифте, Елизавета ждет вас...

Вы хотите также осмотреть дворец? За этим дело не станет! Следуйте за гидом или за путеводителем! Но приготовьтесь к тому, что вам придется преодолеть многие километры, блуждая по длинным коридорам... И скажем прямо, вам придется признать, что жизнь в Букингемском дворце преисполнена величия и торжественности. Комнаты и залы, расположенные по фасаду здания, похоже, в основном пусты, кроме редких случаев, когда они нужны для официальных мероприятий. Жилые же апартаменты королевы находятся на втором этаже северного крыла, выходящего на Конститьюшен-хилл; апартаменты королевских детей расположены этажом выше, а этажом ниже размещаются административные службы.

Букингемский дворец в каком-то смысле весьма удобен для тех, кто оказывается в нем впервые: там легко можно сориентироваться благодаря тому, что он представляет собой четырехугольник, но, разумеется, при условии, что вас не устрашат его размеры. Ральф Уайт, один из старых ливрейных лакеев Елизаветы II, вспоминает: «В конце 1946 года, когда я был нанят на службу в Букингемский дворец, я был всего лишь юным ливрейным лакеем, новичком. Огромные размеры здания наводили на меня ужас. Как не заблудиться в сложном лабиринте коридоров и лестниц? Один из ветеранов из числа обслуживающего персонала дворца дал мне практический совет: “Всегда помни о том, что дворец построен в виде квадрата. Так что ты не рискуешь заблудиться. Достаточно всего лишь положиться на свой нюх, парень. Рано или поздно он приведет тебя обратно, туда, откуда ты начал свой путь”».

Действительно, с высоты птичьего полета Букингемский дворец похож на гигантский квадрат; а при взгляде с земли, то есть так, как его видит неопытный лакей, он превращается в куб, внутри представляющий собой лабиринт. «Несколько недель спустя, – признает Ральф Уайт, – мне уже удавалось перемещаться в нем без особых затруднений. Но до сих пор не знаю, как я сумел этого достичь. После пятнадцати лет, посвящен-

ных тому, что я без усталости поднимался и спускался по лестницам, прыгая через несколько ступенек, и опрометью бегал по коридорам, я так до сих пор и не могу понять, каким образом два человека, вошедшие во дворец один через Вход королевской казны в северо-восточной части здания, а другой – через дверь, ведущую на кухню в юго-западной части, двигаясь навстречу друг другу, все же так никогда и не встречаются. Как это получается? Иногда, правда, в задних покоях дворца их пути как бы перекрещиваются, но они не видят друг друга, потому что находятся на разных этажах. А бывает и так, что двое слуг, войдя в подвале в разные лифты, нажимают одновременно на кнопки, один — на кнопку четвертого этажа, второй — пятого, и встречаются на верхнем этаже, там, где располагаются комнаты прислуги».

Так что нередко можно видеть, как дополнительно нанятые для торжественных официальных банкетов ливрейные лакеи теряются на пути между кухней и большим Бальным залом и оказываются случайно этажом ниже, в Большом холле, или, наоборот, на третьем этаже, в помещениях для прислуги. Не следует удивляться и тому, что герцогиня Девонширская на протяжении тех двенадцати лет, что она занимала должность дамы—хранительницы гардероба королевы, всегда настоятельно требовала, чтобы по окончании работы ее сопровождали до ее апартаментов. Не стоит удивляться и тому, что бабушка королевы, королева Мария (Мэри), в первые недели своего пребывания во дворце однажды более часа не могла найти дорогу только потому, что по ошибке свернула по коридору налево, а не направо...

Итак, преодолев внутренний двор, вы ступаете на пушистый ковер (иранский шах выказывал большое благородство в ходе всех своих официальных визитов, превознося его красоту) и вдыхаете приятный запах воска. Затем, вступив под своды Большого холла и поднимаясь по Парадной лестнице, вы замечаете, что на мрамор здесь не поскупились. Джон Нэш, архитектор Георга IV, превративший Букингем-хаус в Букингемский дворец, отправил в Италию своего представителя,

чтобы тот закупил там мрамор, предназначенный для отделки Парадной лестницы (ее невысокие ступени плавно поднимаются от Большого зала к не самым парадным, но все же достаточно пышным и помпезным покоем), Большого зала, Мраморного зала и для кордегардии, или караульного помещения. Все работы по отделке были завершены до 1830 года, каждая колонна, возвышающаяся по периметру Большого зала, представляет собой цельный кусок каррарского мрамора с прожилками, венчает же ее капитель коринфского ордера из позолоченной бронзы. Мастер, отливавший в формы металл для капителей, также создал из позолоченной бронзы балюстраду, украшающую Парадную лестницу, и сейчас мы имеем возможность видеть наилучший образец художественного литья эпохи Регентства.

Но останемся пока на первом этаже. Вы покидаете Мраморный холл и попадаете в Зал с эркерами. Это большой полукруглый зал, заново отделанный в 1902 году (в отделке преобладают цвета: розовый, бежевый, золотой). В четырех нишах выставлен столовый сервиз герцога Мекленбург-Стрелитца, датируемый 1763 годом, типичный для мастерских, располагавшихся в районе Челси. Окна-двери Зала с эркерами выходят в парк, что позволяет легко попасть на террасы, то есть на расположенные уступами газоны и куртины, и именно это и делают ежегодно гости, приглашенные на один из приемов в саду. Следует признать, что посетители не уделяют особого внимания этому прекрасному светлому залу: равнодушно пройдя по великолепному покрывающему весь зал ковру светло-розового цвета и не замечая того, что драпировки в нем того же розового, но немного более насыщенного цвета, а также не обращая внимания на украшающие его колонны дорического ордера, они величественной поступью направляются на лужайки парка, спускаясь по ступеням террасы. Справа от Зала с эркерами находится Гостиная 1844 года, которую монархи любят использовать для неофициальных обедов. Эта гостиная своим названием обязана российскому императору Николаю I, который разместился в ней в 1844 году во время визи-

та в Англию, в результате чего был скреплен договором российско-британский союз. Она представляет собой очаровательное помещение, где преобладают золотой и белый цвета, а украшением служат колонны золотистого, янтарного цвета и аксминстерский ковер XIX века. Именно сюда прибывают послы для вручения Ее Величеству верительных грамот, а также именно здесь королева собирает членов своего Тайного совета и дает некоторым высокопоставленным персонам аудиенции.

Рядом расположен Зал Карнарвона, он носит имя джентльмена, посоветовавшего королю Георгу III купить Букингем-хаус, и служит переходом из Мраморного зала к так называемым Апартаментам бельгийских королей, в которых обычно останавливаются главы государств, находящиеся в Великобритании с визитами; так повелось со времен короля Бельгии Леопольда I, дяди королевы Виктории. Окна комнат этих апартаментов выходят на северную оконечность террасы. Главным залом апартаментов, иначе именуемых просто Бельгийскими апартаментами, является Зал XVIII века, в котором всех поражают удивительные астрономические часы с чрезвычайно сложным механизмом. Имеются в этих апартаментах еще четыре комнаты, где тонкая позолота, изящные хрустальные люстры, портреты и картины — все свидетельствует об утонченном вкусе. Кстати, Франсуа Миттеран с супругой жил в этих апартаментах в октябре 1984 года.

Роскошь, покой и... досуг

Как ни странно, но к Бельгийским апартаментам примыкает бассейн. По форме это здание скорее напоминает оранжерею, но довольно хорошо сочетается с архитектурой 50-х годов XX века. Весь этот ансамбль подогревается круглый год, но в его оформлении нет ничего от Голливуда. Кстати, детям обслуживающего персонала, проживающего во дворце, в установленные часы разрешается поплавать в нем.

Принц Эндрю, как самый младший, забавлялся тем,

что сыпал в воду соли для ванн, принцесса Анна с принцем Чарльзом научились здесь плавать, но королева и королева-мать* ни разу не омочили в нем своих королевских ног.

Зато обе они с удовольствием пользовались кинозалом, насчитывающим около тридцати мест и расположенным на первом этаже, в противоположной стороне от бассейна. Волынщик королевы в таких случаях играет роль киномеханика. Отобранные для показа фильмы в основном относятся к категории фильмов, которые можно назвать «защитниками веры в монархию». Разумеется, королева время от времени могла бы позволить себе посмотреть один из дерзких, смелых, «продвинутых» фильмов, но она считает, что ее гостям было бы не слишком удобно смотреть такой фильм в ее присутствии. Вот почему в кинозале обычно крутят лишь фильмы, предназначенные для семейного просмотра. Королева не любит совершать промахи.

Рядом с кинозалом находятся столовые для обслуживающего персонала. Во всех прочих помещениях первого этажа располагаются кухни, рабочие кабинеты, апартаменты персонала и почтовое отделение. Во дворце имеются настоящий почтальон и настоящее почтовое отделение (его окна выходят на Букингем-Пэлас-роуд), обрабатывающее более полутора тысяч писем в день. Стоит заметить, что Елизавета II пишет писем меньше, чем ее предшественники, и отправляет только действительно нужные, «полезные» письма. Что же касается посланий и записок, которые прежде доставляли с этажа на этаж пажи, то их заменили переговоры по внутренним телефонам: когда Елизавета желает о чем-то спросить или попросить кого-то из своих приближенных или слуг, то она просто звонит и просит зайти к ней или сообщить необходимые сведения. Раньше надо было непременно пе-

* Книга была написана автором в то время, когда королева-мать и принцесса Маргарет были живы (обе скончались в начале 2002 года). Поэтому далее по тексту о них рассказывается в настоящем времени. — *Прим. ред.*

редать записку королевы от одного должностного лица другому должностному лицу, и так по цепочке, так что на протяжении всего дня много времени уходило на соблюдение этикета в ущерб действенности и результатам.

Следует признать, что во многих отношениях Букингемский дворец — это совершенно «автономное», отдельное сообщество, остров, отделенный от остальной Англии великолепными решетками и мощными, величественными стенами. Здесь есть свой собственный полицейский участок, своя казарма пожарных, свое почтовое отделение, своя телефонная станция и даже своя любительская футбольная команда. Почтальоны в униформе топчут красные ковровые дорожки в коридорах, стремясь быстрее доставить ежедневную почту, точно так, как если бы они мерили шагами тротуары какого-нибудь городка или деревушки. Для лошадей есть конюшни, для машин — гаражи, есть автозаправочная станция, автомастерская, мебельная мастерская, имеются помещения для слесарей, сантехников и электриков. Во дворце достаточно окон, чтобы двенадцать человек были постоянно заняты, протирая их от лондонской пыли. Еженедельно во дворец приходит часовщик, чтобы завести и почистить триста напольных и прочих часов, многие из которых — настоящие раритеты. Во дворце повсюду расставлены телефонные аппараты, их около двухсот пятидесяти; более четырех тысяч лампочек освещают помещения, гнездясь в люстрах, канделябрах, бра и прочих средствах освещения.

В превосходно оборудованном медпункте круглосуточно дежурит опытная медсестра, а также туда ежедневно приходит врач-консультант. Настоящая аптека предлагает персоналу дворца не только лекарства, но и чай, печенье, кофе, шоколад, сигареты, а также кружку пива или порцию виски по самым низким в Лондоне ценам. Принц Чарльз, увлеченный проблемами экологии, позаботился о том, чтобы во дворце были установлены специальные мусорные контейнеры, в которые следует выбрасывать отдельно стекло, картон, бумагу — с целью повторно-

го использования после переработки. Звание защитника окружающей среды обязывает! А обслуживающий персонал не без интереса наблюдает за тем, как принц Уэльский пытается стимулировать процесс сбора вторичного сырья.

Теперь поднимемся на второй этаж. Если вы воспользовались лифтом, то попадаете в Коридор короля, который упирается в Главный коридор. Это самая главная «артерия» дворца. Паркетные полы, покрытые красным ковром, без устали поскрипывают под непрерывными шагами тех, кто идет по какому-либо делу к королеве: ее личных секретарей, слуг, несущих ей на подносах письма, пажей, чьим заботам поручены те самые красные портфели и чемоданчики, закрытые на ключ, что содержат секреты государственной важности, находящиеся в ведении того или иного министра, или даже под шагами самих министров, не считая всех прочих смиренных подданных королевы или сильных мира сего, которым по той или иной причине обещана аудиенция у королевы. Служащий, встречающий посетителя у дверей, по старинке именуется шталмейстером, в его обязанности входит проводить визитера к королеве и ввести его в приемную, а затем, церемонно, торжественно и резко склонив голову перед Ее Величеством, четко произнести его имя и фамилию, представляя королеве.

Питер Таунсенд, бывший шталмейстер короля Георга VI и к тому же предмет запретной, невозможной любви принцессы Маргарет, вспоминает об этом знаменитом коридоре, как о чем-то довольно малопривлекательном: «Его стены, когда-то белые, поблекли и потускнели из-за сырости, порожденной лондонским туманом, их украшали картины с такими же блеклыми, выцветшими красками и столь же малоинтересные, как, скажем, “портрет” любимого пони королевы Виктории, как победа в морской битве над французами или портрет одного из королевских предков, взиравшего на посетителей ничего не выражающими глазами. Книжные шкафы, битком набитые огромными томами, служили украшением мрачному чистилищу, которое именовалось Главным

коридором; дополнением к этой мебелировке служили также серванты или горки красного дерева, на мраморных крышках которых стояли огромные часы, отсчитывавшие бесконечные минуты при помощи маятников».

В этот главный коридор выходят двери основных служб дворца в следующем порядке: кабинетов казначея или хранителя королевской казны, кабинетов личных секретарей принца-консорта, личного секретаря королевы, пресс-атташе и шталмейстера — все они находятся на почтительном, но удобном расстоянии от кабинета государыни. «В этом своеобразном кроличьем садке все были погружены в дела короля или королевы и усердно ими занимались», — вспоминает Питер Таунсенд. В этих кабинетах, очень напоминающих кабинеты обычных менеджеров, нет никаких особых предметов роскоши — никаких письменных столов красного дерева, редких растений, кресел в стиле «честерфилд», за исключением картин, украшающих стены, — ведь они из коллекции королевы.

Королевские апартаменты

Королевская чета живет на втором этаже, в северо-западной стороне здания, и потому может наслаждаться предзакатным солнцем и видами парка и озера. Так как мы не были допущены в спальню и гардеробную королевы, а также в личные покои принца Филиппа, то выражаем сожаление, что не можем описать их в точности, однако откровения тех, кто обладает привилегией раздвигать там занавески и впускать туда собак, позволяют нам утверждать, что эти комнаты в изобилии украшены семейными портретами, что в комнате королевы есть очень удобный диван, толстый ворсистый ковер и занавеси из дамаста — шелковой узорчатой ткани; следует сказать, что вопреки всеобщему мнению королева не спит на кровати с балдахином, ее ложе всего лишь с двух сторон украшают драпировки.

Зал королевских аудиенций, естественно более до-

ступен для обозрения. Его окна выходят на Конституш-шен-хилл и Грин-парк. Это очень удобная, комфортабельная комната, в ее убранстве преобладают бледно-зеленый и золотой цвета, камин облицован мрамором бежевого и коричневого оттенков, с потолка свисает хрустальная люстра, а стены украшают живопись высокого академического классического стиля и фотографии английских монархов; вдоль стен стоят диваны и кресла, обитые золотистой тканью. Этот зал прежде всего служит для приемов официальных лиц и членов правительства. На рабочем столе Елизаветы находится все необходимое: бумага для писем с гербом королевы, чернильница с красными и черными чернилами, ручки, перья, карандаши, красный и черный сургуч для запечатывания писем, спички, чтобы растопить сургуч, влажная губка, ножницы, нож для вскрывания писем в футляре из красной кожи, пресс-папье с золотой гравировкой, нож для разрезания бумаги с ручкой из слоновой кости, украшенный королевским вензелем, настольный календарь, пепельница, клей и корзинка для бумаг.

Теперь настало время посетить парадные покои. Пройдя по первому этажу, вы поднимаетесь на второй по лестнице для почетных гостей, то есть по Парадной лестнице, и попадаете в знаменитую Картинную галерею, стены которой часто используются фотографами в качестве фона.

Эти, так называемые государственные, апартаменты занимают южную и западную части дворца; они были задуманы и украшены самим Нэшем, а потому в их убранстве преобладают замечательные предметы искусства: картины, скульптуры и предметы мебели. Самыми роскошными в числе этих апартаментов нам представляются великолепная Парадная лестница; Зеленая гостиная (высота потолков 20 метров); Бальный зал (размер 35x18 метров); Тронный зал; Картинная галерея (длина 55 метров), созданная в 1914 году и представляющая взорам картины Вермеера и Рембрандта, принадлежащие Королевскому дому Великобритании; а также Белая гостиная, украшенная необыкновенно красивой мебелью эпохи Регентства и французской

мебелью XVIII века; наконец, Музыкальный зал в виде ротонды. Но первенство несомненно принадлежит Голубой гостиной, скрывающей в своей глубине «Стол великих полководцев», со столешницей из зелено-золотистого фарфора, украшенной медальонами с изображениями героев и великих людей Античности. Заказанный в 1806 году Наполеоном и законченный шесть лет спустя, этот круглый стол на одной ножке в 1817 году был подарен Людовиком XVIII Георгу IV, тогда бывшему принцем-регентом. Все парадные покои второго этажа оформлены примерно в одном стиле: в их декоре преобладают золото и цвет слоновой кости, красные, вернее, пурпурно-красные ковры, скульптуры из белого мрамора и портреты членов королевского семейства. Гармония цветов порождает ощущение роскоши и торжественности.

В Бальном зале установлен знаменитый орган, сам Мендельсон в 1842 году исполнял на нем отрывки из своих произведений. Принц Альберт тоже продемонстрировал на нем свой талант, как нам повествует одна из фрейлин, «исполнив на нем по памяти хорал, нажимая на педали мягко и нежно, в столь сдержанном тоне, что орган звучал ясно и правильно, так что его исполнение могло бы оказать честь любому профессиональному органисту... а потом все листы партитуры упали на пол, и сама королева подняла их...». Именно Бальный зал обычно служит местом для церемонии поручения тому или иному лидеру политической партии сформировать правительство. Эта церемония происходит, как правило, по утрам. Когда его используют для проведения балов или торжественных, так называемых государственных банкетов, тогда взорам открывается незабываемое зрелище — шествие великолепной процессии через парадные покои. Сначала королевское семейство собирается в Белой гостиной, затем следует в Музыкальную комнату, где происходит церемония представления приглашенных, после чего все проходят через Голубую гостиную и Большую столовую, чтобы попасть в Большой зал. Во время дипломатических приемов процессия входит в зал через двустворчатые двери, расположенные в северной части Картинной

галереи. Во всех парадных покоях, отражаясь в зеркалах, сияют ярким светом зажженные люстры.

Но продолжим наш подробный осмотр королевских покоев. Белая гостиная (на самом деле она бело-золотая), ослепительную белизну которой подчеркивает красный ковер, украшена огромными парадными портретами кисти Уинтеральтера; в убранстве заметную роль играют также зеркала, канделябры, обилие инкрустаций на предметах мебелировки и щедро украшающая потолки и стены лепнина в виде гирлянд и букетов. За Голубой гостиной следует Музыкальная комната, спроектированная Нэшем, где в отделке преобладают золото и цвет слоновой кости, где возвышаются восемнадцать колонн из темно-синего камня, увенчанные капителями коринфского ордера; огромные люстры и по сей день считаются самыми красивыми во дворце. В этой комнате выступал сам Артур Рубинштейн.

В Голубой гостиной, расположенной между Музыкальной комнатой и Большой столовой, ранее, до сооружения современного Бального зала, давались балы. Часто можно слышать, как новый Бальный зал называют самым красивым помещением дворца: ведь в его убранстве столь гармонично сочетаются голубой цвет и золото, меблирован он четырьмя диванами, десятью креслами и двумя десятками стульев со светло-голубой обивкой, над которыми словно парит портрет Эдуарда VII кисти сэра Люка Филдза.

Соседний с ним Зал танцевальных вечеров, используемый во время официальных балов и дипломатических приемов, тоже блистает красотой, как блистает гранями бриллиант в свете вечерних огней. Кроме шести зеркальных дверей его украшают зеркала, в виде арки покрывающие одну из стен от пола до потолка. В этом зале королевское семейство охотно проводит церемонии бракосочетаний, для банкетов в честь коих предпочитают использовать множество небольших столиков, а не один величественный стол внушительных размеров.

Торжественные государственные обеды и ужины дают в Большой столовой. В эпоху правления Георга IV

столовая размещалась несколько южнее, как раз под тем крылом, где Георг III обустроил свою библиотеку. Внутренняя планировка дворца, созданная еще Нэшем, после 1830 года была заменена планировкой Блора (Блоура — встречается и такой вариант написания фамилии. — Ю. Р.), так же как и внутреннее убранство покоев; перестройка дворца окончательно была завершена только при королеве Виктории.

Итак, в Зале танцевальных вечеров над камином величественно возвышается Георг IV, запечатленный сэром Томасом Лоуренсом в одеянии для коронавания, а по обе стороны от него находятся его родственники и другие принцы из Ганноверской династии. За столом красного дерева могут рассестся шестьдесят персон. Для частных завтраков, обедов и ужинов семейство Виндзоров использует Банкетный зал, стены которого украшают деревянные панели с изображениями сцен королевской охоты. Елизавета часто приглашает сюда на обед свою мать, и тогда две королевы болтают, рассеянно поглощая рыбу под соусом, вареные овощи и салат.

Обратив свой взор к Тронному залу, припомним слова Шекспира: «...и пламя битв, и торжество побед». Его роскошь и великолепие становятся просто ослепительными благодаря семи огромным хрустальным люстрам, все подвески которых огранены особым образом; люстры эти были приспособлены к электрическому освещению в 1901 году. На северной стене по обе стороны от балдахина над тронном красуются позолоченные трофеи.

И наконец, Зеленая гостиная. Как и Гостиная королевы Шарлотты, на месте которой создана эта комната, она занимает центральную часть восточного крыла главного здания. Три окна выходят на лоджию, расположенную над Парадным входом, а три зеркальные двери — прямо в Картинную галерею.

Если пойти по одному из длинных боковых коридоров, то можно подробнее рассмотреть салоны, окна которых выходят на улицу Мэлл, то есть расположены на самом «известном» фасаде дворца. Прежде всего привлекает внимание Зал с балконом, который королева Виктория, так сказать, «открыла» в 1854 году и на

балконе которого королевское семейство по всякому торжественному поводу спешит показаться, чтобы ответить на восторженные крики толпы. Хотя снизу балкон кажется довольно узким, на самом деле он достаточно широк, чтобы члены Королевского дома чувствовали себя удобно. Сам же Зал с балконом, в убранстве которого преобладает желтый цвет, изобилует предметами старины, привезенными из Китая, и служит как бы преддверием Китайской столовой, используемой только для обедов. Надо признать, что роскошь этих комнат по стилю напоминает какой-нибудь восточный ресторан или опереточную декорацию весьма дурного вкуса и нарушает общую атмосферу дворца. По обе стороны от Китайской столовой в западной части дворца располагаются анфилады покоев, именуемые Голубыми апартаментами, Желтыми апартаментами и апартаментами в стиле «буль».

Теперь нам остается лишь войти в лифт или подняться по лестницам на третий этаж, в самую, если можно так выразиться, интимную и самую простую часть дворца. Там находятся кабинеты и комнаты многочисленного обслуживающего персонала, гардеробные монархов, комнаты для гостей, несколько комнат фрейлин, старинная детская и апартаменты принца Чарльза (он, правда, в них больше не живет), апартаменты принцессы Анны (она занимает их, когда бывает в Лондоне), принца Эндрю (он тоже там больше не живет, но сохранил свою фотолaborаторию, оборудованную в одной из ванных комнат) и принца Эдуарда, тоже покинувшего дворец после женитьбы на Софии Рис-Джонс (встречается и написание Райс-Джоунз. — Ю. Р.).

Чарльз занимал три комнаты, окна которых выходят на Мэлл и Сент-Джеймс-парк. Почти весь декор в этих апартаментах был создан зятем лорда Маунтбеттена Дэвидом Хиксом в стиле, характерном для Букингемского дворца. Все это похоже на убранство апартаментов в фешенебельных районах Мэйфера и Белгравии (Белгрейвии), все это напоминает царящий там дух богатства и комфорта, несколько устаревший, но часто сопровождающий обладателей больших состояний,

составленных в незапамятные времена. Кстати, Дэвид Хикс обустроивал апартаменты Анны и Эдуарда.

Бросим последний взгляд на ваннные комнаты: все они выглядят как помещения Викторианской эпохи (надо заметить, что сантехника и трубы того времени вполне справедливо знамениты своим высоким качеством). Что касается туалетов, то во всех присутствуют солидные сиденья из старого доброго красного дерева, а процесс спуска воды почти беззвучен.

Избегайте осматривать помещения для персонала, ибо в большинстве своем они, пожалуй, способны навести тоску. Один из бывших шталмейстеров говорит о своем кабинете следующее: «Так как окна этой темной, навевавшей меланхолию комнаты выходят на север, то она никогда, ни зимой ни летом, не видела лучика солнца. Потолки там очень высокие, стены унылы и наводят скуку, ибо сплошь покрыты книжными полками, заставленными огромными томами по истории или религии, мало приспособленными для того, чтобы читаться легко и доставить удовольствие, что позволило бы скоротать бесконечные часы ожидания».

Остальные из шестисот девяноста комнат и залов дворца заняты различными службами, обеспечивающими управление монархией, а также апартаментами тех, кто посвятил себя служению королеве. Во дворце есть также разнообразные мастерские, отдельные квартиры и комнаты. Последний этаж можно назвать настоящим «крольчатником»: это длиннейшая анфилада маленьких комнаток, занятых ливрейными лакеями, камеристками, горничными и прочими слугами. Повара живут в помещениях, примыкающих к кухням. Шоферы, кучера, грумы и фореиторы обитают в комнатах, расположенных над гаражами и королевскими конюшнями. Экономка дворца, шотландка, дама порывистая, увлеченная работой, распорядившаяся всеми горничными и служанками с рвением армейского сержанта, имеет в своем распоряжении личные апартаменты на первом этаже дворца. Такие же апартаменты находятся в ведении суперинтенданта и интенданта дворца, иначе именуемых обер-гофмейстером и гофмейстером. Личная камеристка королевы также имеет свои апартамен-

ты, состоящие из спальни, светлой и очень просторной, прекрасной гостиной и ванной комнаты; они располагаются как раз над личными покоями королевы, и окна этих комнат выходят во дворцовый парк.

Те, у кого слова «британский» и «английский» ассоциируются со словами «садоводство» и «парковое искусство», рискуют испытать разочарование от садов и парка, примыкающих к Букингемскому дворцу. Да, разумеется, там царствует английский газон, но на нем не увидишь превосходных цветочных композиций, которыми отличаются некоторые другие королевские сады и парки. Короче говоря, речь идет просто об очень большом парке, раскинувшемся на площади почти в двадцать гектаров, что в самом сердце Лондона представляет собой настоящую роскошь.

В душе многие члены королевского семейства увлечены садоводством, подобно Эдуарду VIII, отрекшемуся от престола и принявшему титул герцога Виндзорского: с самого детства чуть ли не наибольшее удовольствие ему доставляло возиться с цветами — пересаживать, прививать, поливать, рыхлить почву, разбивать новые клумбы. Он был искусным садовником, и самая неплодородная почва в результате его усилий и забот покрывалась роскошной растительностью. Пакетик с семенами и правила их высевания позволяли ему оказаться на седьмом небе...

Королева-мать, прославившаяся своей страстной любовью к цветам, пользуется услугами единственной женщины-садовницы, находящейся на службе у королевского семейства, крепкой и сильной особы по имени Бинни, чьей радостью и гордостью являются превосходные газоны Кларенс-Хауса, лондонского дома королевы-матери. Бинни ругательски ругает всякого, кто осмелится ступить на газон, за исключением королевы-матери. Как-то она крикнула принцессе Александре: «Убирайтесь с моего священного газона!» В Беркхолле, когда посетитель поднимается на холм, где возвышается резиденция королевы-матери, первое, что бросается ему в глаза, это монограмма бывшей государыни, образованная вересковыми зарослями на покрытом дерном склоне.

В Хайгроу принц Чарльз тоже воспылил страстью к садоводству. Это увлечение тесно связано с его интересом к сельскому хозяйству, к работе на земле, «которая расставляет все по местам». Он унаследовал вкус к садоводству от своей бабушки и от ее друзей маркиза и маркизы Солсбери, у которых получал советы относительно обустройства своего сада, эскизы по планировке которого он, кстати, делал сам. Его даже видели вот за каким неподобающим для Его Высочества занятием: он самолично управлял одноковшовым экскаватором, когда по его приказу сажали тисовую аллею и живую изгородь, окружающую куртины.

В XIX веке У. Т. Эйтон нарисовал план садов Букингемского дворца. Сегодня главным королевским садовником является Фред Натбим; внешне он очень похож на писателя Грэма Грина и всегда неразлучен с велосипедом, на котором разъезжает по парку: его можно видеть там постоянно. Когда королева выводит в парк на прогулку своих собачек породы корги, то любит с ним поболтать, полюбоваться лужайками и зарослями, пройти вместе с ним по оранжереям.

В розариях доминируют три вида роз: «Королева Елизавета», «Серебряный юбилей» и «Мир». Выведенная в 1954 году, «Королева Елизавета» отличается прекрасными нежно-розовыми цветками, оттененными легкими карминными мазками по краям лепестков, но запах у нее не слишком сильный. «Серебряный юбилей» был выведен в 1977 году — как раз к юбилею правления королевы: эта роза отличается удлиненной формой цветка, шелковистого на ощупь, лепестки у нее розовато-персикового цвета, слегка бархатистые, правда, запах тоже слабоват. Наконец, «Мир», выведенный госпожой Мейланд: лепестки желтые, с нежнейшим розоватым оттенком, словно на них упал отсвет зари, края изрезаны аккуратнейшими зубчиками. Среди других цветов, растущих в садах, особенно заметны камелии, лилии, дельфиниум, рододендроны и азалии. Весной расцветают подснежники, тюльпаны и львиный зев, образуя на фоне газонов разноцветные яркие пятна в форме короны.

В этих садах довольно хорошо сосуществуют тутовые деревья, про одно из коих можно прочесть, что «оно было посажено в 1609 году при закладке “Тутового сада” по повелению Иакова I», и конские каштаны — настоящие короли парка, — составляющие целую аллею, высаженную в 1961 году. Некоторые деревья были посажены в ознаменование дней рождения, как, например, «*Aesculus Indica*», собственноручно высаженный королевой Марией (Мэри) 12 декабря 1935 года; то же самое проделал Георг VI в год его коронации, а два дуба были посажены в годы рождения Чарльза и Анны. Но этот зеленый оазис в самом центре Лондона жестоко пострадал от так называемой голландской болезни буковых деревьев в начале 1980-х годов.

Древность и ветхость орудий труда, используемых дюжиной садовников (газонокосилки, сделанной бог весть когда, граблей чуть не эпохи правления королевы Виктории), составляют резкий контраст с размерами газона, одного из самых больших газонов в мире.

Жалование обслуживающему персоналу парка платит непосредственно министерство охраны окружающей среды, и приписаны садовники к штату персонала Сент-Джеймского парка, находящегося по соседству. Один из служащих обращает на себя особое внимание: это бывший моряк-австралиец по прозвищу Фоси (Ласковский), который вот уже сорок лет метет тротуар перед Букингемским дворцом и которого легко опознать по белой бороде.

В западной части парка находится небольшой пруд с водопадом, нареченный «водоемом Эйтона», у которого в период правления королевы Виктории разыгралась трагикомическая сценка: в феврале 1841 года, зимой, когда стояли трескучие морозы, принц Альберт, похвалявшийся тем, что хорошо катается на коньках, выразил желание прокатиться по льду замерзшего пруда; Виктория рассчитывала полюбоваться им, но лед треснул и Альберт исчез под водой. «К счастью, — писала леди Палмерстоун, — он умеет плавать... Королева выказала большое хладнокровие и мужество».

Когда Елизавета и Маргарет были еще детьми, они часто доходили до небольшой возвышенности, откуда

были видны шумные и оживленные городские улицы, проходящие под стенами дворца. Они подолгу стояли в зарослях, покрывавших это место, которое они именовали «холмом», и смотрели на мир, окружавший старый дворец, и, быть может, раздумывали над тем, как было бы, наверное, весело и приятно быть дочерьми какого-нибудь клерка из Сити...

В парке живет множество разнообразных птиц, и среди них даже одна цапля. Уханье сов по ночам вызывает дрожь, но самое большое впечатление производят птицы, словно прибывшие из Страны чудес следом за Алисой, а именно розовые фламинго, акклиматизированные в парке в 1959 году, которых можно увидеть на островке посреди пруда. Летом на лужайке, поросшей ромашками, порхают бабочки; преобладают десять видов: павлиний глаз, красный адмирал, большая белянка, махаон, аполлон, бражник, капустница, лимонница, крапивница и мотыльки.

Когда стоит хорошая погода, королева может любоваться чарующим пейзажем берегов озера: высоченные травянистые растения, а среди них беседки, домики и храмы в миниатюре — воспроизведение творений Гилберта и Салливана — на фоне классического фриза фасада, созданного Нэшем; можно также лицезреть и «идеальный повод» для того, чтобы запечатлеть кого-нибудь из членов королевского семейства, а именно так называемую «вазу Ватерлоо» (Сесил Битон воспользовался ею, чтобы сфотографировать королеву-мать); она была заказана в Тоскане Наполеоном и представляет собой мраморный сосуд высотой около пяти метров; после битвы при Ватерлоо она была подарена Георгу IV и закончена Уэстмакоттом.

Главная флористка дворца несет ответственность за составление букетов. Какие цветы предпочитает видеть королева в своих покоях? Больше всего в вазах ей нравятся лилии, гвоздики и ирисы, а вот пестрых букетов из разных цветов она не любит. Зато для Бального зала при проведении официального торжественного обеда она требует горы красных и желтых гвоздик, срезанных в ее собственных оранжереях, ибо они очень удачно сочетаются с золотом тарелок, с алой обивкой

стульев, а также с расшитым золотыми нитями пурпуром балдахин над двумя тронами. Ежегодно 18 июня Пенни Оливер составляет букеты в особой цветовой гамме, потому что Елизавета II отмечает очередную годовщину битвы при Ватерлоо, давая банкет в честь семейства герцога Веллингтона. Цвета герба этого рода, синий и желтый, доминируют и в оформлении убранства стола.

Есть еще один обычай, касающийся ежедневных церемоний: по утрам в саду в полном парадном мундире появляется главный волынщик шотландского полка «Аргайл и Сатерленд» и исполняет утреннюю серенаду для королевы во время завтрака под окнами ее столовой. Виктория повелела применять эту сладчайшую утреннюю пытку в 1843 году, и надо признать, что несомненной заслугой Елизаветы является то, что она ее не упразднила.

Сады, разумеется, закрыты для широкой публики (вообще дворец открыт для посетителей только в августе и сентябре). Однако рядовой англичанин все же может сесть на втором этаже одного из автобусов, следующих к вокзалу Виктория, ведь их маршрут проходит по улицам, примыкающим к дворцовому комплексу. Однако лучше всего все же получить приглашение на один из летних королевских приемов в саду. Эти приемы на открытом воздухе были введены королевой Викторией, чтобы иметь возможность встретиться с представителями всех слоев общества. Похоже, и по сей день эти приемы отличает все тот же формализм: англичане из самых разных слоев и классов, часто выбранные по принципу наличия у них особых заслуг перед государством, получают заранее — за месяц до приема — пригласительный билет с вензелем королевы. Отклонить приглашение практически невозможно — отказавшийся никогда больше не будет приглашен ни на какую церемонию с участием членов королевского семейства.

Три самых значительных приема имеют место в садах Букингемского дворца в три первых четверга июля. На них присутствует более восьми тысяч человек, что вовсе не означает, будто каждый из них будет иметь

возможность поговорить со своей государыней, ибо очень небольшое число присутствующих имеют счастье увидеть королеву вблизи; прежде всего каждый, кто особенно страстно пожелает перемолвиться словом с королевой, должен проложить себе дорогу через плотную толпу гостей, окружающих членов королевского семейства. Полосатые шатры, в которых подают чай, стоят один против другого на большой лужайке, усыпанной ромашками, и эта лужайка после сего испытания остается испещренной маленькими дырочками, этих дырочек там несметное количество, словно ее всю истыкали своими клювами легионы скворцов, — на деле же речь идет всего лишь о том, что в дерн вонзались острые концы зонтиков... Шатры, предназначенные для королевской семьи и дипломатического корпуса, с 1863 года поставляемые фирмой «Блэк энд Эджингтон», отличаются от тех, что стоят на другой стороне лужайки и предназначены для простых смертных, тем, что украшены головами негров и отделаны фестонами.

К половине четвертого пополудни автомашины начинают заполнять Мэлл. Затем гости выстраиваются в длинную очередь, чтобы, предъявив пригласительные билеты, попасть во дворец, широкие наружные застекленные двери которого открываются на газоны парка. Гости кое-как выстраиваются вдоль дорожки, по которой пойдут точно в 16 часов члены королевского семейства, направляясь к предназначенному для них шатру. Когда королева выходит в сад, исполняется национальный гимн и все поют. Гофмейстер королевского двора и его заместитель ведут королеву сквозь толпу. Слова, которыми обмениваются королева и гости, вероятно, очень и очень банальны, но почти все, кто когда-либо присутствовал на этой церемонии, заявляют, что они пребывали в восхищении оттого, что увидели шляпку принцессы Анны, улыбку королевы-матери или мундир принца Чарльза. Пока королева общается с народом, два оркестра королевской гвардии исполняют прелестные мелодии, из которых чаще всего звучит мелодия из мюзикла «Моя прекрасная леди»...

Букингемский дворец, редко открывающий свои двери для телевидения и журналистов, остается храмом традиций со всеми роскошными атрибутами королевской власти. Букингемский дворец сумел сохранить свою тайну. Различные монархи, сменявшие друг друга, редко отзывались о своем жилище с похвалой. Король Эдуард VIII, будущий герцог Виндзорский, жаловался на то, что «в нем ощущается запах сырости и затхлости». Георг V поговаривал о том, что хочет покинуть Букингемский дворец и перебраться в Кенсингтонский. Отец нынешней королевы Георг VI называл его ледником, а Елизавета, будучи ребенком, недовольно ворчала, что для того, чтобы перемещаться по нему и чувствовать себя удобно, необходим велосипед. Но после пятидесяти лет царствования королева, вероятно, с трудом могла представить, каково было бы ей жить и работать в другом дворце Лондона. Она слишком хорошо знает закулисную сторону жизни этого места, где ежедневно разыгрывается своеобразный спектакль, она знает, что в любом другом месте чувствовала бы себя неловко, как говорится, не в своей тарелке.

А теперь вперед! Декорации расставлены. Ударим трижды в гонг и поднимем занавес.

Глава II

Один день королевы

В 1977 году Роберт Лейси, официальный биограф королевы, осторожно намекнул: «Люди, вполне возможно, несколько преувеличивают трудности, с которыми сталкивается королева, выполняя свою работу, и количество труда, затрачиваемого ею на осуществление ее функций. Разумеется, ее график во время пребывания в Лондоне достаточно напряжен, но бывают и длительные периоды, когда она прерывает всякую официальную деятельность. И хоть корреспонденция, касающаяся государственных дел, всегда следует за ней по пятам, королева часто может предаваться высшему

удовольствию делать то, что она любит делать более всего».

Елизавета сумела найти противоядие, спасающее от ответственности и тягот, порождаемых тем обстоятельством, что она увенчана короной; верно и то, что тяжесть ее ноши несколько преувеличивают. В действительности она без особого труда переносит повседневную монотонную жизнь в Букингемском дворце, полностью расписанную ежедневником, куда занесены все предстоящие встречи, потому что знает, что прервет всю официальную деятельность на полтора месяца во время рождественских праздников, на месяц — на Пасху и на два с половиной — летом и осенью. Итак, есть пять месяцев в году, когда Елизавета получает некое подобие отпуска и, сняв с себя корону, использует это время, чтобы побыть просто женщиной.

Двадцать четыре часа из жизни королевы

День королевы начинается в восемь часов утра. Чуть раньше один из выездных лакеев королевы выгуливает в саду ее собачек. Когда он возвращается, «на сцену» может выйти камеристка королевы и проследовать в королевскую спальню; впереди нее бегут нетерпеливо твякающие собачки. Она подходит к двуспальной кровати, над которой возносится позолоченная корона, и ставит поднос с маленьким заварочным розовым чайником, с розовой чашечкой на розовом блюдечке, серебряной ложечкой, розовым молочником и такой же розовой сахарницей с серебряными щипчиками. Затем камеристка раздвигает тяжелые парчовые занавеси кремового цвета, проходит в ванную комнату и наполняет ванну, затем бросает в воду ароматические соли и раскладывает различные банные принадлежности фирмы «Роджер энд Галлет» (возможно написание «Роже э Галле». — Ю. Р.). В туалетной комнате она раскладывает и развешивает одежду, которую королева наденет в этот день. В то же время в личной ванной комнате принца Филиппа один из его лакеев наполняет его ванну и гото-

вит его костюм. Королевская чета пользуется отдельными спальнями с 1950-х годов.

Когда дневная программа не требует раннего отъезда, Елизавета с супругом завтракают в 9 часов утра. К этому часу королева уже совершенно готова. Она приняла ванну, оделась и выполнила все традиционные женские ритуалы: причесалась и нанесла легкий макияж перед туалетным столиком, на котором лежат щетки для волос из позолоченного серебра, щетки для одежды, ручное зеркало и черепаховые гребни, и все это лежит в совершенном порядке вокруг ларчиков и шкатулок из граненого стекла, в которых она держит свою косметику.

Занимается королева макияжем не более нескольких минут, кроме тех дней, когда она присутствует на торжественных церемониях или парадных обедах. Она относится к числу тех женщин, что предпочитают ощущать на своих щеках дуновение ветерка и капли дождя, а не румяна и пудру. Обычно она использует тональный крем персикового оттенка, на который наносит тончайший слой пудры такого же оттенка, потом слегка касается серо-голубой тушью бровей и ресниц, чтобы подчеркнуть красоту глаз, и немного подкрашивает губы светлой помадой. Для маникюра она почти всегда пользуется прозрачным лаком. Затем одна-две капли духов... и вот она уже готова.

Королевский завтрак

Итак, Ее Величество полностью готова к предстоящему дню, когда входит в личную столовую, где стены обиты розовым шелком. Елизавета и Филипп завтракают, сидя бок о бок за овальным столом красного дерева. Стол раздвижной, так что за ним могут уместиться десять соотрапезников в тех редких случаях, когда королевская чета приглашает на обед или ужин кого-то из родственников или друзей. На стоящем между ними круглом столике лежат утренние газеты. Как только часы пробьют девять ударов, тотчас волынщик Королевского шотландского полка начинает наигрывать свою мелодию.

Когда у Елизаветы и Филиппа нет гостей, они обслуживают себя за столом сами. Блюда, накрытые серебряными крышками, расставлены на специальном приспособлении для согревания, подключенном к электросети. Филипп пьет только кофе: утром — с молоком, после обеда — черный. Он сам наливает себе кофе и кладет в чашку сахар. Королева заваривает свой любимый китайский чай в маленьком серебряном заварочном чайнике после того, как она его тщательно подогрела, следуя английской традиции. Электрический серебряный чайник, которым она пользуется, стоит на особой вращающейся подставке (изобретенной Филиппом), позволяющей без особого труда наливать воду в чашки. Королева пьет чай с молоком, но без сахара. Супруги пользуются тарелками с золотой каймой и довольно большими чашками с такой же каймой по краям. На каждом предмете сервировки из фарфора имеется вензель королевы, над которым парит маленькая золотая корона. Ножи, вилки и два прибора для растительного масла и уксуса сделаны из массивного литого серебра. В их меню не входит ни овсянка, ни какие-либо другие каши из злаков, им подают апельсиновый сок, яйца всмятку или яичницу (по два яйца каждому) с беконом и сосиски.

Иногда принц Филипп выказывает дурное расположение духа (о котором ходят легенды) уже за завтраком. Один из лакеев свидетельствует: «Я помню, как однажды утром, вопреки обыкновению, он позвонил в звонок и вызвал слугу во время завтрака. Я предстал перед Их Величествами. Королева и он уже сидели за столом, и перед ними стояли тарелки с яичницей с беконом. “Тосты”, — сказал принц Филипп сухо. Ему свойственно бывать по утрам немного угрюмым. “Прошу Вашу Светлость простить меня, — сказал я, отвешивая поклон, — я сейчас же за ними схожу”. Я устроил в коридоре настоящий спринтерский забег, перепрыгивая через ступеньки, преодолел два лестничных пролета, пулей пролетел через Большой холл и влетел в так называемый Кофейный зал, в мгновение ока преодолев около двухсот метров. Тосты были готовы. Я разложил их на серебряном подносе и

бросился бегом назад. Я потратил на все про все не более четырех минут, но, когда я вошел в столовую, Филипп уже был готов встать из-за стола и уйти, его тарелка была пуста. «Слишком поздно, — сухо бросил он. — Слишком поздно»».

За работой

Ежедневно в 10 часов утра Елизавета входит в свой рабочий кабинет. Комната эта очень приятна с виду и, так сказать, располагает к работе, хотя в ней и царит небольшой беспорядок. Теплота и задушевность, создаваемые стоящими на столе семейными фотографиями, стопками иллюстрированных журналов и спящими на полу собачками, спорят здесь с важным, торжественным видом кожаных портфелей-дипломатов и папок с официальными документами. Очень женственную атмосферу дополнительно подчеркивает мерцающая огоньками люстра из уотерфордского стекла. Около элегантного, изысканного мраморного камина расположились темно-коричневый широкий диван и два глубоких кресла; в камине зимой потрескивает огонь, разгоняя серость и сырость лондонского воздуха.

На стене висит портрет королевы, на котором она запечатлена еще юной принцессой; он составляет как бы пару зеркалу в вызолоченной раме, висящему над камином с фарфоровыми петушками. Рядом с камином стоит очаровательный шкафчик в стиле «хепплу-айт», коллективный подарок сорока семи членов королевской семьи к свадьбе, в котором хранится коллекция фарфора, принадлежащая лично Елизавете.

Повсюду цветы. Ваза с гвоздиками на длинных стеблях стоит на письменном столе, уже и так довольно сильно заставленном семейными фотографиями, двумя телефонными аппаратами, — один из которых снабжен особым устройством, позволяющим вести тайные переговоры, — а также пачками бумаги с ярко-алым королевским вензелем. Повсюду в этом обширном помещении с очень высоким потолком и ог-

ромными окнами прекрасно чувствуют себя розы, гвоздики, фрезии, хризантемы и орхидеи.

Итак, за работу! Около пяти десятков писем ожидают королеву на серебряных подносах: в основном это разнообразные ходатайства, прошения, жалобы и приглашения. Фрейлины королевы, ее секретари и соответствующие служащие отвечают на них. Личная переписка (то есть письма родных и друзей) остается, разумеется, для всех закрытой: на таких конвертах ставится внизу в левом углу особый шифр, состоящий из двух букв и одной цифры. Одна из бывших секретарш королевы вспоминает, какого рода послания в основном получала государыня: «Там встречались патетические письма от людей, находившихся в отчаянном положении. Много было писем от детей с вопросами типа: “Часто ли вы ели овсянку, когда были маленькой?” Были и просьбы о разрешении на “вступление в брак” с королевскими собачками, предложения изобретений, петиции, послания от сумасшедших и множество писем от людей, искавших любой повод, чтобы получить ответное послание на бланке дворца...»

Все письма, затрагивающие вопросы политики или управления государством, передаются в соответствующие государственные департаменты и ведомства; письма от детей передаются в руки одной из дам-компаньенок для ответа. Существует множество писем, в которых содержатся разнообразные просьбы: попить с королевой чаю (исключено), посетить королевские конюшни (открыты для широкой публики в среду и четверг после полудня), а также обращенные к королеве просьбы об участии Ее Величества в церемониях открытия школ, больниц, церквей, мэрий, заводов; просьбы о том, чтобы Ее Величество почтила своим присутствием праздник, торжественный обед, гала-концерт, спектакль, банкет, спортивные состязания, художественную или сельскохозяйственную выставку; просьбы о том, чтобы Ее Величество стала дамой-патронессой сиротского приюта или дома престарелых. Разумеется, только очень немногие из этих просьб благосклонно принимаются и не получают вежливого отказа.

Елизавета II редко отвечает на письма собственноручно. Однако она не любит и диктовать ответы на письма, а предпочитает дать краткие указания одному из секретарей о том, что она хотела бы сказать, и позволяет другим писать, диктовать и даже ставить ее подпись вместо нее. Только самые важные послания королева пишет сама или перечитывает и правит уже составленные секретарями письма. Свои личные письма она пишет сама в лучших традициях своего отца, который из Сандрингема руководил всем процессом управления королевством. Черчилль, получавший от своей государыни почти всегда написанные ею собственноручно письма, казалось, был от этого в восторге. С тех пор как на нее возложили корону, Елизавета использует для писем белую бумагу с красным королевским вензелем, раньше же на такой же белой бумаге был напечатан адрес королевской резиденции, где сейчас живет королева-мать, и сделана была эта надпись краской зеленого цвета. Корреспонденция членов королевского семейства обязательно заказная, иначе письма рискуют попасть в руки коллекционеров, что, кстати, уже случалось.

Утром большую часть времени Елизавета посвящает чтению документов и бумаг из так называемых «боксов» (то есть чемоданчиков), ежедневно доставляемых на автомобиле из различных министерств во дворец. Чемоданчики эти сделаны из красной или черной кожи: в красных содержатся телеграммы и секретные отчеты о деятельности Форин Оффиса, то есть министерства иностранных дел, в черных — документы парламента. Королева лично должна их прочитывать ежедневно; это чтение занимает около двух часов. Чемоданчики, содержащие донесения послов и генерал-губернаторов, постановления правительства и указы о назначениях на различные должности, повсюду следуют за Елизаветой, которая должна ежедневно скреплять эти документы своей подписью. Эти чемоданчики могли бы вдохновить какого-нибудь драматурга на создание пьесы в духе Ионеско, где они бы

превращались для государыни в орудие пытки, в видения из ночного кошмара, в чудовищ, преследующих ее постоянно. Итак, находится ли королева в Букингемском дворце, или в отпуске, или путешествует, она никогда не может избавиться от этих чемоданчиков, к которым даже ее супруг не имеет доступа.

Одно из главных удовольствий для Елизаветы состоит в том, чтобы попытаться застать врасплох своих министров, проверить, внимательно ли они прочитали все государственные депеши. Колвилл рассказал, какую досаду испытал Черчилль, застигнутый, так сказать, на месте преступления: «Я получил чрезвычайно важную телеграмму от нашего посла в Багдаде... Я положил ее поверх стопки всех бумаг в чемоданчик Уинстона и приложил к ней небольшую записочку... Но он отложил все дела, сказав мне: “Принесите мне все это в субботу или в воскресенье. Сейчас это займет слишком много времени”. Я опять попытался в течение уик-энда заставить его прочитать эту телеграмму, но у него были другие дела. И вот во вторник во время аудиенции Ее Величество спрашивает: “Что вы думаете о той чрезвычайно интересной телеграмме, что пришла из Багдада?” Он был вынужден признать, что не читал ее. Он вернулся просто в бешенстве. Ведь королева поймала его на ошибке».

В одном из министерств правительственный чиновник, составляющий официальные бумаги, допустил однажды серьезную ошибку, которую его непосредственный начальник, заместитель министра, а затем и министр пропустили. И только когда документ дошел до королевы, которая должна была его парафировать, ошибка была обнаружена и исправлена. Означенный документ был возвращен в министерство с собственноручной правкой Ее Величества.

Гарольд Вильсон тоже несколько раз попадал в затруднительное положение. «Очень интересна эта ваша идея возвести новый город в районе Блетчли», — как бы между прочим заметила королева во время одной из аудиенций. Премьер-министр побледнел как полотно. Он тогда впервые услышал о проекте создания города, сегодня известного под названием Мильгон

Кейнз, в Бакингемшире. Этот проект был изложен в докладе одного из правительственных комитетов, королева уже успела его изучить, а Вильсон рассчитывал прочесть только в следующий уик-энд. «Я советую моему преемнику хорошо исполнять свои обязанности, — сказал он двенадцать лет спустя в речи, в которой объявил о своей отставке, и шутливо добавил: — А также знакомиться со всеми депешами и всеми докладами прежде, чем отправиться на аудиенцию к королеве, а не откладывать их на уик-энд, иначе он будет чувствовать себя как ученик, не выучивший урок».

Один журналист написал, что «спокойный, но пронизывающий взгляд» королевы будто бы говорит: «Я сделала все от меня зависящее, а вы?» Тщательность, с которой она читает документы, а также ее природное внимание делают королеву необычайно тонкой и чуткой зрительницей, наблюдающей за всем, что происходит на политической, управленческой и социальной сценах. Это качество, например, в полной мере проявилось в период трудностей, возникших в связи с односторонним провозглашением Родезией независимости, когда премьер-министр Ян Смит, бунтарь и смутьян, попытался уклониться от участия в приеме, даваемом во дворце, укрывшись в «Гайд-парк-отеле», чтобы там в спокойной обстановке насладиться хорошим бифштексом. Королева, заметив его отсутствие, послала за ним одного из высокопоставленных чиновников, возложив на него миссию привести Смита во дворец.

«Серый кардинал» королевства

Первым посетителем, допускаемым в кабинет королевы (на втором этаже северного крыла, окнами на Грин-парк), является ее «серый кардинал», и сегодня эти функции возложены на ее личного секретаря Робина Джанврена. Его роль состоит в том, чтобы организовывать королевские визиты как в самой Англии, так и за рубежом, составлять речи, управлять королевскими архивами, штатом секретарей дворца, канцелярией

и пресс-службой. Этот человек пользуется огромным влиянием: он согласовывает вопросы, связанные списанием королевских визитов и встреч, следит за тем, чтобы королева была превосходно информирована в любой области, и потому требует отчетов от всех министров. Функции личного секретаря в данном случае тесно переплетаются с функциями советника. О лорде Стамфордеме (Стамфордхеме), верно служившем в этой должности Георгу V, монарх в конце жизни сказал: «Он научил меня быть королем».

Сначала Елизавета познакомилась с сэром Аланом Ласселлзом, образцом старого верного слуги, бывшим личным секретарем Георга VI. Высокий, худой, сдержанный и спокойный до такой степени, что мог бы служить образцом этих добродетелей, он обладал чрезвычайно острым умом, был потрясающе язвителен, даже чуть нагловат, а за простыми очками в тонкой стальной оправе и заурядными усами скрывалась разносторонне одаренная, сложная личность. «Жизнь в кабинете не имеет ничего общего с кроватью, усыпанной розами», — заявил как-то он. А профессор Ласки развил эту несколько лапидарную формулу и облагородил ее: «Личный секретарь государя является доверенным лицом всех министров... Он, будучи хранителем тысячи и одной тайны, должен разделять то, что может, так сказать, увидеть свет, и то, что должно остаться во мраке... Это существование в обстоятельствах, где самое малозначительное происшествие может повлечь за собой ужасную катастрофу... Личный секретарь должен в полном покое и безмятежности, с полнейшей ясностью пребывать среди всякого рода событий, которые многих побуждают к преисполненным страсти заявлениям».

Личный секретарь дает королеве советы в случае правительственного кризиса или в том случае, если речь просто идет о выборе кандидата на роль премьер-министра; тогда ему может быть поручена деликатная миссия провести опрос и зондаж, чтобы определить соотношение политических сил. Наконец, он поддерживает контакты с парламентскими кругами и служит для королевы своеобразным «фильтром».

За сэром Аланом Ласселлзом эту должность при

Елизавете унаследовал Майкл Адин, внук лорда Стамфордема, личного секретаря Георга V. Питер Таунсенд вспоминает, что «он был достаточно близок к “низшим эшелонам”, чтобы их понимать. Он был остроумен, но в то же время благороден, прост, лаконичен». Но дольше всех обязанности личного секретаря королевы исполнял Мартин Чартерз, удостоенный права именоваться «сэром», когда покинул дворец. Отнесенный одним из хулителей и очернителей монархии к разряду «одетых в твид придворных», этот внук одиннадцатого графа Уимизза женился на дочери бывшего военного министра лорда Марджесона; будучи выпускником Итона, он какое-то время служил в Интеллидженс Сервис и стал главой двора Елизаветы, тогда бывшей принцессой — наследницей престола. Он — превосходный, талантливый скульптор и часто выставлял на выставках свои произведения из бронзы. Затем эту ключевую должность занял 59-летний господин Уильям Хезелтайн, по происхождению австралиец; войдя во дворец в 1960 году в качестве помощника в отделе по работе с прессой, он медленно поднимался по служебной лестнице, прежде чем стать пятым личным секретарем Елизаветы II. Затем таким стал шурин принцессы Дианы сэр Роберт Феллоуз, уступивший в свой черед это место Робину Джанврену, на долю которого и выпала печальная участь ранним утром 31 августа 1997 года известить принца Чарльза о смерти Дианы.

«Я уверена, что все было согласовано заранее», — всегда говорит Елизавета своему личному секретарю. Если она это говорит, то только потому, что ей это отлично известно; если же было бы иначе, она безжалостно изводила бы его вопросами и указаниями. Для государыни каждая, пусть даже незначительная деталь имеет свое особое значение. Королева, когда-то в детстве просыпавшаяся среди ночи и встававшая с постели для того, чтобы проверить, аккуратно ли она сложила свою одежду, не смогла бы заснуть спокойно, если бы не знала, что ей предстоит сделать завтра, в последние дни и так в течение всего года. Этот календарь, в котором строго-настрого все определено и расписа-

но заранее и столь необходимый королеве, показался бы обычному человеку чем-то ужасающим, приводящим в отчаяние, но он наилучшим образом соответствует характеру Елизаветы.

Хотя все детали официальных визитов королевы находятся в ведении шталмейстера, личный секретарь королевы тоже занимается передвижениями королевы по воздуху и по морю. В соответствии с правилами иерархии у него в подчинении находятся пресс-атташе и уполномоченный от министерства обороны для рассмотрения вопросов, связанных с вооруженными силами. Он также является главным хранителем королевских архивов и имеет в своем распоряжении помощника, архивариуса и двух секретарей.

Но самой главной задачей личного секретаря является составление текстов речей. В начале царствования Елизаветы лорд Олтринхем высказывал очень суровые суждения по поводу ее «спичей»: «Похоже, королева неспособна сказать без бумажки нескольких фраз; надо бы, чтобы она хотя бы изменила манеру чтения. Она выглядит всего лишь школьницей с поджатыми или закусенными губами, капитаном девчоночьей хоккейной команды или девчонкой, приготовившейся принять первое причастие». Итак, королева изменила стиль своих речей, которые она теперь произносит более непринужденным тоном. Есть только одна мания, от которой она так и не сумела избавиться: начинать все свои речи словами: «Мой муж и я...»

В конце концов между государыней и личным секретарем возникло некое согласие, даже сообщничество, объединившее их. Например, один из приближенных королевы вспоминает о приступе сумасшедшего хохота, случившегося во время приема ноты из Форин Оффиса по поводу визита одного официального лица, не знавшего английского языка, но говорившего по-немецки. Личный секретарь посоветовал призвать на помощь принца Филиппа в качестве переводчика, но министр иностранных дел возразил: «Королева доверяет познаниям принца Филиппа в не-

мецком языке не более чем своим собственным, а потому следует просить вышеупомянутое лицо, чтобы его сопровождал посол его страны».

Дворцовый эконо́м

Теперь перед королевой почтительно склоняется в поклоне вошедший в зал дворцовый эконо́м. Этот человек выполняет функции главного администратора и интенданта, отвечает за работу всего обслуживающего персонала и за устройство приемов. В начале царствования Елизаветы эту тяжелую работу выполнял сэ́р Пирс Ли; сэ́р Питер Ашмор сменил его в 1973 году и оставался в этой должности до 1986 года, а сегодня ее занимает сэ́р Пол Грининг, бывший офицер, когда-то поднимавший королевский штандарт на королевских яхтах. Притом что ежедневно ему надо накормить около шестисот человек, он несет ответственность за двести человек прислуги и организует приемы в саду, на которых присутствует до восьми тысяч гостей, так что дворцовый эконо́м выполняет роль топ-менеджера крупной гостиницы. Официальные банкеты и присутствие на них различных известных особ кроме всего прочего требуют от него изощренной дипломатии. Четырнадцать человек помогают ему в его канцелярии или секретариате; ответственный администратор или управляющий его ведомства носит звание подполковника, зовут его Стюарт Вильсон; ежедневная дворцовая «рутина» доверена мистеру А. Ханкоку (Хэнкоку).

Дворцовый эконо́м лично каждое утро представляет королеве меню. Речь идет о книжке в красном кожаном переплете с красным карандашиком, которым Елизавета и вычеркивает то, что она не хочет есть в этот день. Итак, она ничего не согласовывает напрямую с шеф-поваром. Завтрак — это единственный прием пищи (очень важный для Великобритании), где ему предоставляется карт-бланш. По понедельникам дворцовый эконо́м обычно остается в кабинете государыни дольше обыкновенного: они обсуждают события, которые будут иметь место на предстоящей неделе, и королева сообщает ему свои пожелания и свои замечания.

Питер Таунсенд вспоминает про дворцового эконома Георга VI: «Это был мужчина, у которого в глазах то и дело вспыхивала искорка юмора и который в критические мгновения, казалось, смеялся, пряча смех за маской полнейшей невозмутимости. В тот день, когда “глава Королевского дома”, то есть тогдашний дворцовый эконом, “славный малый” Пирс Ли за что-то его слегка выбранил, Эйнсли так ему ответил, что этот ответ стал, так сказать, классикой жанра: “Будьте уверены, сэр Пирс, что мое единственное желание состоит в том, чтобы подчиняться приказам дворцового эконома и угождать фрейлинам”».

После ухода дворцового эконома королева, сидя за письменным столом из красного дерева, принадлежавшим ее отцу, делает несколько звонков по телефону. Ежедневно по утрам телефонистка на коммутаторе соединяет королеву с ее матерью: «Ваше Величество? Ее Величество...» Разумеется, никто не может услышать, о чем говорят Их Величества: на линии установлено особое оборудование, исключающее прослушивание. В эпоху правления Георга VI человек, ответственный за ведение счета в королевском банке, по имени Джордж Кинг регулярно звонил во дворец. Однажды на линии возникли помехи, так что разговор на время прервался. «Алло! Алло! — подал голос банкир. — Это Джордж Кинг». На что в ответ раздался совершенно спокойный голос короля: «А это король Георг...» (Здесь требуется пояснение для русского читателя: король по-английски звучит как «кинг», а Георгом короля Англии на немецкий лад именуют только в русской исторической традиции, как и других английских монархов, так что по-английски оба имени звучали одинаково, а именно «Джордж»; так что клерк представился как Джордж Кинг, а король — как Кинг Джордж.)

Посетители

Итак, рабочее утро королевы продолжается, иногда оно посвящается аудиенциям и приемам официальных гостей. Четырнадцать раз в году в большом Баль-

ном зале проводится церемония награждения, в ходе которой Елизавета воздает почести и вручает награды своим известным и заслуженным соотечественникам. По большей части королева жалует наградами по представлению премьер-министра, но некоторые государственные награды вручает и по своему усмотрению: орден «За заслуги», орден Кавалеров почета, орден Королевы Виктории, орден Подвязки и орден Чертополоха. Так, Чарли Чаплин и Альфред Хичкок стали кавалерами ордена Британской империи в 1975 и 1980 годах. Члены ансамбля «Битлз», удостоенные этого ордена в 1965 году, вернули свои награды несколько лет спустя в знак неприятия политической системы; а Ванесса Редгрейв, спокойная и трезвомыслящая, доверительно сообщила: «Мне, пожалуй, даже стыдно, что я приняла крест кавалера ордена Британской империи. Это доказывает, сколь велика надо мной власть притягательной силы общественных институтов».

Всем известно, что королева способна мгновенно распознать главное в человеке, это ее свойство сравнимо разве только с тем блеском, с которым она выполняет свои монаршие обязанности. Она может принимать группы, включающие от ста сорока до ста шестидесяти человек, и при этом будет создаваться впечатление, что она с каждым успела переговорить лично и при этом вроде бы без спешки. Когда она желает кого-либо задержать и пригласить на обед, то имя этого человека фигурирует в самом конце списка тех, кто удостоен королевской аудиенции, а супругу приглашенного просят прибыть во дворец к половине первого.

В мае 1956 года королева придумала новый тип приемов во дворце. Итак, на обед приглашаются гости, числом не более полудюжины. Это был своеобразный ответ лорду Олтринхему, написавшему: «Двор остается небольшим анклавом британских плутократов, не позволяющим королеве иметь контакты с разными людьми и сталкиваться с различными мнениями». Обеды эти проходят в столовой на втором этаже, где стоит китайская мебель, покрытая черным лаком. Многократно в течение года на эти обеды собираются самые извест-

ные представители английского общества, более всего находящиеся на виду. Так, Джоан Коллинз сидела за одним столом с Джекки Стюарт, П. Д. Джеймс — с Ширли Басси, Айрис Мёрдок (Мэрдок) — с Эндрю Ллойд Уэббером...

Королева во время этих обедов не боится продемонстрировать свое остроумие. Однажды, когда на обед подали спаржу, один из гостей, сидевший слева от королевы, с облегчением отметил для себя, что королеве положат на тарелку это кушанье первой, а ему — последнему. Он не без любопытства смотрел, как Ее Величество управляет с длинными стеблями, плававшими в соусе. После того как и ему положили на тарелку спаржу, королева повернулась к нему и с лукавой улыбкой сказала: «А теперь моя очередь! Теперь я посмотрю, как вы с этим управитесь!»

Собачки королевы присутствуют на всех завтраках, обедах и ужинах; королева любит их баловать и угощать под столом чем-нибудь вкусненьким. Один из лакеев рассказывает, что он однажды чуть не умер от смеха во время обеда, данного в честь артистов, когда Хетер, самая старая из собачек породы корги, принялась под столом тереться об ноги всех присутствующих. «Хетер! — строго сказала королева. — Довольно!» И Хетер Харпер, знаменитая английская оперная дива, обладательница редкого сопрано, подскочила чуть ли не до потолка, к большому удовольствию принца Филиппа. В другой раз Елизавета должна была терпеть соседство какого-то профсоюзного деятеля, очень несимпатичного. Мужчина имел неосторожность уронить на ковер кусочек картошки. Он надеялся, что никто этого не заметил, но под столом как раз пробежала одна из собачек; она подошла к кусочку, обнюхала его, шумно втягивая воздух, и с громким лаем убежала. Королева не отказала себе в удовольствии рассмеяться.

Однако жесткий протокол все же сохраняет свои права в некоторых областях. Так, если для обычных семейных завтраков, обедов и ужинов королева предпочитает использовать простую посуду, белую с цветной каймой, то для парадных обедов по торжественным

случаям и для обедов в честь официальных визитов глав других государств используют золотую посуду с выгравированными символами королевской власти, то есть с гербом, где на четырехугольном щите изображены лев и единорог. Для менее важных обедов и ужинов во дворце есть десятки сервизов Викторианской эпохи, в основном из севрского фарфора или из фарфора лучших английских заводов.

Улыбайся!

Но вернемся к графику, или расписанию, Елизаветы и посмотрим, чем занято ее послеобеденное время (имеется в виду обед в российском понимании этого слова по времени. — Ю. Р.) После завершения обеда у королевы есть в запасе несколько минут, чтобы переодеться (умение быстро переодеваться — это настоящий талант, который она в себе развивала с юных лет) и затем посвятить себя послеполуденным делам, а именно официальным или государственным визитам. В сопровождении одной из своих придворных дам (фрейлины) и одного из своих секретарей, а также двух личных телохранителей она садится в один из своих королевских «роллс-ройсов», который подают прямо к подъезду. Окна в ее машине всегда наглухо закрыты из-за ветра, который может растрепать прическу или стать причиной простуды. Здоровье королевы — дело государственной важности! Страховая компания «Ллойд» регулярно страхует ее жизнь и удостоверяет, что королева здорова, уверяя коммерсантов, владельцев гостиниц и телевизионные каналы в том, что ни в коем случае не следует отменять или запрещать торжественные церемонии с участием коронованных особ. Во время коронации Елизаветы котировка премии по полису страхования была невысока; говоря иным языком, эксперты компании «Ллойд» сделали ставку на жизнеспособность королевы. И действительно, единственной ее проблемой со здоровьем является хронический синусит, который она лечит гомеопатическими средствами.

Итак, после полудня Елизавета покидает дворец: она посещает действующие и открывающиеся больницы, проводит военные смотры, восседая верхом на лошади во главе кавалерийского полка своей гвардии, открывает новые дороги, выставки, мемориальные доски. Лучше, чем кто-либо, она умеет разбивать бутылку шампанского о носовую часть корабля при спуске его на воду, произносить речи, совлекать покрывало со статуй, разрезать ленточки и получать ключи от какого-нибудь города. Она умеет улыбаться, казаться внимательной, задавать уместные вопросы, принимать подносимые ей букеты цветов и улыбаться, улыбаться, улыбаться. Одна из ее придворных дам свидетельствует: «Королеве было трудно понять, что когда она с кем-то встречается, то для этого человека данная встреча — единственный случай увидеть Ее Величество. Вот почему она всегда должна улыбаться. Но ей было трудно сохранять на устах улыбку на протяжении всего времени следования торжественных процессий (примерно сорок пять минут), у нее начинались судороги. Итак, иногда ей приходится расслаблять мускулы лица. Само собой, в такие минуты она не улыбается, и некоторые думают, что она пребывает в дурном расположении духа...»

Бывший премьер-министр Макмиллан однажды коснулся вопроса о королевской улыбке. Между тем, как выглядит Елизавета в обычные дни, и между ее величественным видом, который она напускает на себя на публике, он увидел поразительный контраст и открыл по сему поводу свою душу одному из членов королевской семьи, задав сокровенный вопрос: «А нельзя ли попросить королеву не быть столь серьезной и важной?» Елизавета об этом узнала и удивилась. Она всегда говорила себе, что в большинстве случаев при любых обстоятельствах люди хотят, чтобы у нее было торжественное, церемонное выражение лица. По крайней мере, такова была традиция, почитаемая ее отцом и дедом, которые на людях стремились выглядеть величественными. Но телевидение и необходимость общения с народом обязывают ее немного «подрастерять» свой важный вид.

В королеве действительно есть некая двойственность. Широкая улыбка, которая может внезапно заиграть на ее лице, выражая определенное лукавство, столь же тепла, сколь леденящим может быть внезапное исчезновение этой же улыбки как раз в тот миг, когда этого меньше всего ожидали, словно минутная радость напомнила королеве о том, что она не должна позволять увидеть в своей личности ничего, кроме того, что совместимо с ее обезличенной ролью монарха.

Необходимо было пройти обучение и другому искусству: оставаться подолгу на ногах и не уставать. Королева открыла Сьюзен Кросланд (Кросленд) свой «фокус»: «Слегка расставьте ноги, вот так. Следите за тем, чтобы они стояли параллельно. Удостоверьтесь в том, что вес вашего тела равномерно распределяется на обе ноги. Вот и все». Этот рецепт делает менее тяжелыми приемы в саду; когда королева выходит в сад при звуках национального гимна, тысячи людей образуют живую цепь; там никогда не бывает толчеи, и за час королева проходит довольно большое расстояние, стремясь переговорить с наибольшим количеством гостей.

Во время послеобеденных визитов королева должна сохранять на лице улыбку и без усталости пожимать сотни и сотни рук. Однажды она и по сему поводу поделилась своим рецептом: при рукопожатиях надо протягивать мягкую, расслабленную руку с большим пальцем, повернутым ко внутренней стороне ладони; это удержит вашего собеседника от слишком сильного рукопожатия.

«Советовать, ободрять, предупреждать»

Обычно королева возвращается в свои покои к пяти часам вечера. С пяти до половины седьмого — время вечернего чаепития. В действительности в эти драгоценные минуты она иногда видит своих детей и сама кормит своих собачек. Затем, в промежутке между чаем и ужином, она дает аудиенцию премьер-министру и, кроме того, занимается чтением записей дебатов в парламенте. Эта аудиенция премьер-министра — самый острый момент недели. Кто стоит во главе государства

в Великобритании? Королева. А кто стоит во главе британского правительства? Премьер-министр. В настоящее время правит всем в Великобритании Тони Блэр, а королева не правит. Но мистер Блэр подчиняется вердикту народа: его поблагодарят в тот день, когда партия лейбористов проиграет (потерпит поражение) на всеобщих выборах. А вот королеву не низложат. Правительства меняются, государство остается.

По закону, в соответствии с традициями и даже по общепринятым понятиям королева является верховной главой государства, ей принадлежит абсолютная власть. Она является воплощением высшей справедливости, которая воздается в органах правосудия по всему королевству от ее имени; она носит звание верховного главнокомандующего; наконец, она возглавляет англиканскую церковь. Премьер-министр и члены правительства — ее «слуги». Ни один документ, ни одна бумага не имеют никакой ценности, если на них нет королевского росчерка. Ее инициалы остаются на конвертах и на почтовых ящиках. Назначение на должность любого высокопоставленного лица, начиная с премьер-министра и кончая губернатором одного из далеких доминионов Британской короны, сопровождается великой честью, а именно милостивым разрешением приложиться к руке королевы в знак принятия назначения. Эта церемония целования руки монарха является остатком средневековых уз, связывавших государя и его вассалов; почти все министры в период царствования Елизаветы II подчинились этому обычаю, даже самые ярые и непримиримые социалисты.

Однако королева представляет собой в Англии довольно странный и алогичный общественный институт, она не обладает никакой прямой и абсолютной властью до такой степени, что, как заметил историк Баджот (Багот), «если бы парламент однажды проголосовал за казнь королевы, то этот закон должен был бы быть ею подписан и никакой возможности отказаться от подписания у нее бы не было...». Однако она до сих пор остается своеобразным цементом, скрепляющим нацию, символом этой нации за рубежом, а также самой информированной особой в королевстве. Ее роль

заключается в трех глаголах: «Советовать, ободрять, предупреждать».

Однажды, когда сэра Годфри Агню, члена Тайного совета, спросили, отдает ли королева предпочтение консерваторам, он дал очень правильный ответ: «Я так не думаю. Королева не делает различий между политиками из разных партий. Для нее они все принадлежат к одной социальной категории». Таким образом, исполнительная власть, воплощением коей является монархия (а не премьер-министр, каковой является всего лишь исполнителем, а не исполнительной властью), стоит над политикой, а следовательно, и над политической коррупцией. В этом положении дел — сила британской системы. Если в Соединенных Штатах какой-то политик поддается и берет взятку, то он может найти прецеденты, имевшие место при одном из коррумпированных президентов, вчерашних или нынешних, когда коррупция процветала, и найти себе оправдание под предлогом отсутствия высокоморального идеала на самом верху, примеру коего надо было бы следовать; но английский политик всегда должен равняться на неподкупность монарха.

После парламентских выборов (они проводятся раз в пять лет) королева выбирает себе премьер-министра, а затем и министров — членов кабинета (это название было присвоено правительству в ту пору, когда с 1714 по 1830 год министры проводили заседания в отсутствие королей из Ганноверской династии). В действительности королева назначает премьер-министром лидера партии, получившей большинство в палате общин. Но вплоть до 1965 года в партии консерваторов лидера не было; его внезапное «появление», если использовать термин, употребленный в ходе внутрипартийных дебатов, произошло не в результате выборов, а вместо них. Многократно, как, например, в 1957 и 1963 годах, подобное отсутствие партийного лидера оказалось вредоносным, как стало ясно королеве, потому что она, самолично выбирая себе премьер-министра, оказывается вовлечена в политические интриги и борьбу мнений. На деле спорным был не вопрос о том, на кого падет выбор королевы (каковой всегда падал на

одного из представителей истеблишмента), а спорным представлялся вопрос о системе принятия решений в партии консерваторов.

Как отметил писатель Антони Бёрджесс, королева обладает властью, опираясь на знания и на высокий моральный авторитет, именно на них эта власть и зиждется. Взойдя на престол совсем молодой (в 1952 году), она может сейчас, достигнув зрелости, похвалиться тем, что на протяжении более чем пятидесяти лет ставила политический эксперимент, одерживая в нем верх и извлекая из него пользу, ибо ее ежедневный долг главы государства состоит в том, чтобы знать, что делает правительство, вне зависимости от того, из кого оно состоит: из социалистов (лейбористов) или консерваторов. Елизавета знает о политике гораздо больше, чем любой премьер-министр, ведь знать — это ее работа, ее ремесло.

Еженедельно, когда заседает парламент, королева принимает главу правительства в Букингемском дворце, чтобы он отчитался перед ней о планах и принятых решениях. Раньше это событие имело место по вторникам в половине шестого вечера, но когда Елизавета взошла на престол, принцу Чарльзу и принцессе Анне было соответственно четыре и два года, и королева непременно хотела сопровождать их в детскую, чтобы наблюдать, как их будут купать. Она попросила Уинстона Черчилля, бывшего тогда премьер-министром, перенести аудиенцию на час позднее, он тотчас же согласился, и все последующие премьер-министры подчинились этому новому расписанию.

Премьер-министр закрывается с королевой наедине, чтобы объяснить ей, каково положение дел в данный момент, и высказать свои предположения относительно будущего. Королева не может ни защищать определенную политику, ни наложить на нее вето, но она может высказывать свое мнение, будучи вне партий и находясь над ними. Речь идет о советах скорее нравственных, чем политических, а ничто не может быть полезнее для главы правительства.

Надо учитывать, что это не простая формальность. Аудиенция продолжается больше часа, и премьер-ми-

нистр очень заинтересован в том, чтобы полностью владеть информацией, содержащейся в его досье, в том, чтобы быть хорошо подготовленным к этой беседе. Как правило, премьер-министры всегда признавали, что Елизавета превосходно знала содержание документов, находившихся в папках; они также признавали тот факт, что у нее есть особый дар слушать и понимать. После этих аудиенций они выходили усталые, в изнеможении, «выжатые как лимон». Обычно премьер-министр передает личному секретарю королевы список тем, так сказать, стоящих на повестке дня, но частенько беседа сворачивает на иные, самые разнообразные общие темы.

Елизавета правила страной с десятью премьер-министрами: Уинстоном Черчиллем, Энтони Иденом, Гарольдом Макмилланом, Алеком Дуглас-Хоумом, Гарольдом Вильсоном, Эдвардом Хитом, Джеймсом Каллаганом, Маргарет Тэтчер, Джоном Мейджором и Тони Блэром.

От Уинстона Черчилля до Тони Блэра

Первым с нынешней королевой работал Уинстон Черчилль. 5 апреля 1955 года, когда она приняла его отставку, ей было двадцать восемь лет, а ему — восемьдесят. Черчилль любил ее, как мог любить один только очень старый премьер-министр. Он никогда не был с ней столь же любезен и снисходителен, каким был лорд Мелбурн с королевой Викторией, напротив, как говорила сама Елизавета, «он бывал иногда на редкость упрям». Однако же Уинстон Черчилль был ей преданным спутником, и не только спутником, а верным проводником, почти приемным отцом.

Сэр Энтони Иден был более чопорен. Характером он резко отличался от своего предшественника Черчилля и от своего преемника Макмиллана. 9 января 1957 года, когда он подал в отставку по причине слабого здоровья, королева приехала из Сандрингема в Лондон, чтобы посетить его и избавиться от необходимости передвигаться. Она пожаловала ему титул графа Эйво-

на (Эйвонского) и наградила орденом Подвязки, оказав ему наивысшую честь, ибо это самый старый и самый почитаемый орден, даруемый короной Британской империи.

С Гарольдом Макмилланом она сотрудничала почти семь лет, познавая человека, наделенного несравненным блеском, элегантностью и выправкой, чей острый ум, однако, ни в малейшей степени не подавлял эмоций и порывов, присущих его «двойственной» натуре, по выражению Энтони Сампсона, автора биографии Елизаветы II. Перед каждой аудиенцией Макмиллан посылал королеве список тем, стоящих на повестке дня, чтобы поставить ее в известность о том, какие проблемы он собирается с ней обсуждать (его преемники тоже впоследствии прибегали к этой методике, всячески ее совершенствуя). В качестве своеобразной награды за такую любезность Ее Величество разрешала своему премьер-министру говорить с ней сидя, а не стоя; благодаря этому их встречи проходили в менее натянутой, чопорной атмосфере. В прощальном письме, написанном Макмиллану в 1963 году, Елизавета проявила себя почти поэтессой, склонной к лиризму, она называла его «своим проводником, руководителем и помощником в продвижении по лабиринту международных отношений», она говорила о нем как о «своем учителе, во многом способствовавшем формированию ее взглядов в многочисленных важных областях, таких как конституция, политика и общественная жизнь». По ее выражению, никто из его преемников, «даже самый замечательный», никогда не сможет с ним сравниться в ее глазах.

И все же именно с его преемником сэром Алеком Дуглас-Хоумом она поддерживала гораздо более личные, близкие отношения, чем с кем-либо из своих премьер-министров. Их шотландские семьи хорошо знакомы, это правда. Вторичные беседы между королевой и сэром Алеком, казалось, были особенно непринужденными: на прямой вопрос она давала прямой ответ, в котором отражались ее истинные чувства, после чего переходила к другой теме.

В 1964 году в лице социалиста Гарольда Вильсона,

как это ни парадоксально, королева нашла премьер-министра, с которым у нее установилось полное взаимопонимание, с которым она поладила наилучшим образом. Однако начиналось-то все плохо: в октябре, в день принесения присяги, этот сын аптекаря спросил, не может ли он прибыть во дворец вместе с женой, что противоречило традициям. Кроме того, вместе с ним, оказывается, прибыли еще его отец и сестра. Естественно, его поведение было расценено как «мелкобуржуазное отсутствие хороших манер». Но, однако же, вскоре между двумя «соперниками» установились хорошие отношения. Как заметил в 1966 году лейборист Ричард Кроссманн: «Вильсон выказывает большую преданность королеве и демонстрирует, что очень гордится тем, что она высоко оценивает его визиты».

Гарольд Вильсон выказывал большую гибкость, и его контакты со двором ему льстили. Встреча по вторникам с королевой для него была одним из самых важных событий недели. Он считал, что Ее Величество в курсе всех дел и информирована превосходно. К тому же предыдущие премьер-министры рассматривали поддержку королевы как нечто обусловленное заранее, как бы приобретенное по договору, что ее часто возмущало; Вильсону же подобные идеи были чужды, и он очень серьезно относился к своим еженедельным обязанностям объяснять королеве суть событий и современное положение дел, а она очень высоко ценила его остроумные, порой резкие замечания и как бы сказанные вскользь реплики по поводу интриг, развивавшихся за кулисами Вестминстера.

Этот лис от политики обладал внушающей доверие, успокаивающей мудростью, которая гарантировала успех этим вторничным аудиенциям. Как он заявил: «Королева была очень проста в обращении, очень хорошо информирована и всегда выказывала большую заинтересованность. Если мне случалось демонстрировать злобу по отношению к кому-либо из государственных деятелей, она всегда имела в запасе соответствующий комментарий по сему поводу». Когда королеве исполнилось сорок лет, она стала проявлять все большую и большую страсть к политике, в которой разби-

ралась все лучше и лучше, и ничто не доставляло ей такого удовольствия, как слухи и анекдоты из кулуаров парламента, которые ей пересказывал Вильсон. В результате всех бесед королева внушила этому социалисту вечное почтение к монархии, достигшее апогея в 1974 году, когда Елизавета наградила его орденом Подвязки.

С консерватором Эдвардом Хитом, назначенным на должность премьер-министра 19 июня 1970 года, королева, как говорится, «спелась» наилучшим образом. Любовь премьер-министра к музыке, к рождественским песням и яхтам находила отклик в душах многих членов королевской семьи, которым кроме всего прочего было также известно, что он был воспитан в семье, придерживавшейся ультрароялистских взглядов. В беседе с графиней Лонгфорд в 1983 году Эдвард Хит так вспоминал эти вторичные аудиенции: «Я не думаю, что королевская прерогатива “советовать, ободрять и предупреждать” сегодня исчезла. Нет. Я думаю, что все зависит от того, насколько большую пользу извлекает из нее премьер-министр. Она не исчезла, даже если, по моему мнению, некоторые властные полномочия монархии ослабели, например, в том, что касается выбора лидеров партий и т. д. Я всегда все откровенно говорил королеве. Я готовил список вопросов, предлагаемых к обсуждению, с согласия ее личного секретаря. Она обычно держала этот список перед собой рядом с блокнотом для заметок и заглядывала в него, чтобы видеть, всех ли проблем мы коснулись в разговоре. Но я нередко затрагивал и темы, о которых заранее ничего не говорил личному секретарю, потому что я знал, что они ее заинтересуют. Беседу мы всегда вели с глазу на глаз, и никто ничего за нами не записывал. Я не знаю, записывала ли она сообщенные мной сведения позднее в свой дневник, быть может, она посвящала нашим беседам несколько строк. Но никто никогда не составлял протокола по всей положенной форме. Она часто рассказывала о своих путешествиях, о своих наблюдениях, о различных реакциях людей. Она в каком-то смысле направляет вас, наставляет на путь истинный».

С 1974 по 1976 год к обязанностям премьер-министра вернулся Гарольд Вильсон. Преемником его на этой должности стал Джеймс Каллаган, тоже лейборист. За те три года, что он занимал пост премьер-министра, королева высоко оценила его общество, и иногда можно было слышать, как они во время аудиенций не просто смеялись, а хохотали. В своих мемуарах этот политический деятель, отошедший от дел, вспоминает о королевских аудиенциях: «Я проводил с королевой час, иногда полтора, но никогда не меньше часа, если только у нее или у меня не было назначено встреч или не было приглашений на ужин. Нам не подавали никаких напитков, таково было правило этого семейства. Здесь всегда со всеми обращались одинаково, но каждый при этом думал, что его принимают все же более приветливо и сердечно, чем других. Я не думаю, что это правда, ибо королева всегда верна себе. Она каждого принимает очень любезно и радушно, но однако же никому не становится другом. Обстановка там очень и очень сердечная. И все премьер-министры в равной мере находили понимание в проблемах, стоявших перед ними, хотя королева и не разделяет взглядов многих из них, ведь она вне политики. Я думаю, что она их оценивает, но не всегда высказывает свое мнение. Она слушает. У нее, несомненно, великолепная интуиция, но я очень редко слышал, чтобы она сказала: “Почему вы не делаете то или это?” Она держится очень ровно, даже отстраненно, но, с другой стороны, очень интересуется политикой: “Кто идет вверх? Кто теряет скорость?” Однако она мало интересуется проблемами учетной ставки!»

Все же Джеймс Каллаган не может не отметить: «Все ее знания базируются на сведениях, полученных извне. У нее довольно мало опыта и знаний, приобретенных, так сказать, напрямую, за исключением одной области, а именно выращивания лошадей и бегов. Она часто может повторить вам то, что кто-то сказал ей по какому-либо поводу или на какую-то тему. Это ее способ судить по данному поводу или относительно данной темы. Она не может иметь личное мнение, не может высказывать собственную точку зрения».

После пяти лет правления лейбористского правительства к власти вернулись консерваторы, и 4 мая 1979 года королева назначила премьер-министром Маргарет Тэтчер, которая стала первой женщиной, занявшей сей пост. Если кто-либо желает проявить благоразумие и воздать всем по заслугам, то следует начать с того, что королеву и миссис Тэтчер никогда не вдохновляли одни и те же вопросы. Премьер-министр питала великую страсть, редкую для главы британского правительства, ко всему тому, что было связано с наукой и новыми технологиями: она могла более пяти часов (вместо двух-трех предусмотренных) осматривать какой-нибудь завод по производству компьютеров, причем без усталости задавать вопросы, доказывающие, что она поняла все, что ей объясняли. Королева в данной сфере не следовала ее примеру. В действительности, и это во дворце ни для кого не было тайной, она вовсе не ценила Маргарет Тэтчер, бывшую, по ее мнению, слишком пропитанной духом «нуворишей». Говоря о Мэгги, она могла даже сказать следующее: «Сотрите слой лакировки, нанесенный Кембрижем, и вы попадете в бакалейную лавку». С этим мнением охотно соглашались принц Филипп и принц Чарльз. На семейных обедах и ужинах Елизавета великолепно копировала вымученный, неестественный тон своего премьер-министра. Она не лишала себя удовольствия слегка отомстить госпоже Тэтчер: когда «Железная леди» прибывала к королеве, чтобы доложить о положении дел, которое ей не нравилось (например, об американской интервенции на Гренаду в 1983 году), могла даже не предложить ей сесть...

В 1986 году, в июле, когда пресс-атташе дворца с точным расчетом сделал несколько нескромных откровенных заявлений воскресной редакции «Таймс», в этом увидели своеобразный хитрый маневр с целью оказания давления на премьер-министра. В самом деле, газета упомянула о том, что королева сделала несколько критических замечаний в адрес Маргарет Тэтчер, которая отказывалась применить санкции против Южно-Африканской Республики,

чего требовали страны Содружества. Елизавета не простила ей также провала XIII Игр Содружества, подвергнутых бойкоту со стороны половины приглашенных стран. По сведениям автора все той же статьи, королева сожалела о «недостатке сочувствия у Маргарет Тэтчер к бедным» и о «непоправимом ущербе, нанесенном социальной системе действиями, примененными правительством по отношению к забастовке шахтеров...».

Писатель Энтони Сампсон дошел даже до того, что написал: «Еженедельные встречи королевы с госпожой Тэтчер, двух женщин одного возраста, представляют собой своеобразную идефикс, манию, по крайней мере для одной из них». Он добавил, что королева «проста и пряма», тогда как госпожа Тэтчер еще больше похожа на королеву. Однако столь же трудно представить себе, чтобы такую яркую роялистку, как Маргарет Тэтчер, неотступно преследовали и мучили мысли о визитах к королеве, как и то, чтобы невозмутимую Елизавету II, сегодня столь уверенную в себе, устрашили бы мысли о визите кого-либо из политиков.

Отношения между принцем Чарльзом и бывшим премьер-министром были еще хуже. В частных беседах принц не раз выражал сожаление о почти патологической непримиримости и несговорчивости Маргарет Тэтчер, особенно ярко проявившихся после войны из-за Мальвинских (Фолклендских) островов, когда она не соизволила протянуть руку Аргентине, а также в деле о заложниках в Ливане, когда она упрямо отказывалась от любых переговоров. Еще более раздражало «Железную леди» то, что старший сын королевы выказывал большую симпатию к обездоленным слоям населения королевства и без всяких колебаний шел на многочисленные контакты с молодыми бродягами, с бездомными и вообще со всеми «лишними людьми» британского общества. Его достаточно резкие высказывания относительно устройства общества и критические замечания по поводу выбора определенного направления в политике и некоторых политических решений очень раздражали госпожу Тэтчер.

Отметим в скобках, что, назначенный после достижения им тридцатилетнего возраста личным советником королевы, принц Чарльз получил доступ к официальным государственным документам, которые его матери доставляют в знаменитых «чемоданчиках». Похоже, он с наслаждением погружается в их изучение, жадно открывая для себя пружины и движущие силы власти. Говорят, что он даже принял решение не стать в дальнейшем просто немым хранителем традиций, как Елизавета II. Вот почему госпожа Тэтчер, проявляя бдительность, неусыпно следила за «траекторией движения» принца, чьи стремления она могла оценить и чьих поползновений как претендента на власть она опасалась.

С Джоном Мейджором, обосновавшимся на Даунинг-стрит, отношения установились очень вежливые и любезные. Его супруга, страстно увлеченная оперой, даже стала близкой приятельницей принца Чарльза, и Джон Мейджор многократно проводил уик-энды в Балморале. В глазах королевы Джон Мейджор был человеком, выказавшим по отношению к ней большую преданность, и он старался наилучшим образом помогать ей преодолевать те кризисы, что возникали из-за Дианы и Сары, вернее, провоцировались ими.

Сегодняшний обитатель Даунинг-стрит иногда приводит королеву в замешательство. Разумеется, она восхищается его харизмой и его искусством в сфере политики, но попытки лидера социалистов «смахнуть пыль» внушают ей опасения. Предложения по реформе палаты лордов, придворного этикета Сент-Джеймского дворца или гражданского листа иногда заставляют королеву глубоко задуматься. Желанию премьер-министра изменить внешние символы королевской власти (так, Тони Блэр хочет резко ограничить права на титул Королевского Высочества) королева оказывает сопротивление. Но она знает, что Тони Блэр популярен в народе и его советы в области отношений с общественностью находят, разумеется, отклик в душе государыни, хотя все королевское семейство считает его слишком уж властным, с определенными претензиями на полномочия президента, по признанию супруги принца Эдуарда.

День близится к концу. Елизавета поднимается в свои покои, принимает ванну и переодевается к ужину. Иногда на ужине присутствуют друзья или члены семьи; они смотрят фильм в кинозале (Филипп всегда лично выбирает фильмы для просмотра), если только королевская чета не присутствует на каком-нибудь торжественном вечере, на гала-концерте, на премьере (которые так и называются «Королевский спектакль», «Королевский концерт»...) или в «Ковент-Гардене»...

Один из организаторов некоего Королевского вечера однажды вспомнил об ужасном промахе: «Я предупредил дирижера, сказав ему, что концерт начинается в 19 часов 30 минут. “Вы, маэстро, появитесь на сцене на пять минут раньше, ответите поклонами на аплодисменты публики и будете ждать. Мне сообщили, что королева войдет в зал в 19 часов 27 минут, а, как вам известно, точность в таких делах гарантирована здесь Господом Богом. Но когда вы увидите, что в королевской ложе появилась дама, вы взмахнете дирижерской палочкой и оркестр заиграет гимн ‘Боже, храни королеву’ ”. Королева действительно прибыла в 19 часов 27 минут, я встретил ее у дверей, и вот, когда мы двигались по коридору к ее ложе, я вдруг услышал, как оркестр заиграл “Боже, храни королеву”. Королева, казалось, была в замешательстве, она не знала, что делать: то ли замереть на месте, то ли идти дальше; в конце концов она все же решила двигаться в прежнем направлении, не убыстряя, но и не замедляя шага, и вошла в ложу в самом конце исполнения гимна. Когда я позже спросил у дирижера, что же все-таки произошло, то он мне объяснил, что ждал, когда в ложе появится дама, и какая-то дама там действительно появилась, но то была опоздавшая зрительница, решившая сократить путь и проشمыгнувшая в соседнюю ложу. Но маэстро не смог быстро сообразить, что эта тень всего лишь промелькнула и исчезла, так как, едва ее заметив, он повернулся лицом к оркестру и начал дирижировать».

Однако наибольшее предпочтение Елизавета отдает тихому семейному вечеру перед телевизором. Как и большинство ее подданных, она не без удовольствия смотрит сериалы, но истинную слабость питает к «Западному крылу» («В Белом доме»), то есть к сериалу, в котором показывают, что же происходит за кулисами другого дворца... Прежде чем отойти ко сну в полночь, королева записывает свои впечатления в небольшую переплетенную книжку (этот дневник стоит столько, сколько стоила бы эта тетрадь, будь она из чистого золота), а потом засыпает. Чарльз дневника не ведет, ибо он не относится к числу мужчин, способных посвятить вечером полчаса писанине, как это делали многие его предшественники.

Елизавета II в течение дня приберегает для себя минуты, когда она вновь становится женщиной, которая любит, смеется, шутит или грустит, расставляет в вазах цветы, выбирает себе шляпки; женщиной, которая может о чем-то задуматься, глядя на старую фотографию, и которая может счесть, что вот у этих мятных конфет совершенно изысканный, восхитительный вкус; женщиной такой же, как миллионы других женщин... или почти такой же. Ибо есть монархи, похожие на хороших артистов: роли, которые они исполняют, прилипают к ним намертво и становятся их второй кожей. Лоуренсу Оливье ежевечерне требовалось несколько часов, чтобы избавиться от образа Гамлета; вероятно, Елизавете, жене и матери, требуется примерно столько же, чтобы пожелать доброй ночи английской королеве.

Глава III

За столом

Долгое время в Букингемском дворце меню некоторых трапез, казалось, были вполне достойны Фальстафа. И легендарное чревоугодие королевы-матери служило этому впечатлению лишь подтверждением.

12 июня 1937 года Георг VI, его супруга и две малень-

кие принцессы вступили в день коронации, начав его с завтрака, на который им подали яичницу с беконом. Обед, ожидавший их несколько часов спустя в одном из помещений Вестминстерского аббатства, состоял из омара под майонезом, жареной утки, спаржи и «французских» кондитерских изделий (так англичане называют маленькие пирожные). К послеполуденному чаю подавали также миндальные пирожные с вишневой водкой, сэндвичи с кресс-салатом и эклеры с кофейным кремом. На ужин королевское семейство тихо и мирно в одиночестве насладились жареной камбалой и тушеной говядиной с овощами.

«При Георге VI меню торжественного обеда или ужина, — вспоминает Патрисия (Патриция), виконтесса Хамблдон, — могло включать крем-суп или консоме, за которым следовали рыба и блюдо, подаваемое после закуски, цыпленок или перепелка. Затем подавали седло барашка или телянка, затем — пудинг и еще какое-то блюдо, очень легкое и несладкое, подаваемое после десерта, и, наконец, фрукты. Я сейчас не могу постичь, как мы все могли так много съесть».

В Королевском доме

Рональд Обери был шеф-поваром в Букингемском дворце во времена правления Георга VI. На него была возложена обязанность составить меню на день и приготовить все блюда. Первое время он являлся в покои королевы, чтобы узнать, чего желают Их Величества, а иногда и для того, чтобы предложить им на выбор то или иное интересное блюдо, способное возбудить у них аппетит, но в конце концов настолько хорошо узнал вкусы членов королевского семейства, что сам стал принимать решения относительно того, что следовало подать. Например, ему было известно, что королева питает слабость к жареной сельди под горчичным соусом, к омлетам с ветчиной, а также к блюду под названием «жаба в норе» или «жабы в норе», которое на самом деле представляло собой кусочки бифштекса в тесте, запеченные в духовке; кстати, королева-мать и

сегодня любит полакомиться теми же блюдами. Ее шеф-повара зовут Майкл Сили, он тоже долгое время служил в Букингемском дворце. В отличие от Елизаветы королева-мать видит его каждый день, потому что он ей приносит меню. Ей нет равных в выборе дорогих блюд, а также блюд, для приготовления которых трудно найти необходимые продукты, потому что для них «не сезон». Вообще-то она отдает предпочтение спарже и омарам. Но когда выбирает что-то уж очень дорогое, вроде клубники в декабре, она извиняется и говорит: «О, Майкл, это всего лишь маленькая прихоть!» Она обожает соленый миндаль, шоколадный и мятный муссы, а также миндальное печенье, к которому такую же страсть питала и королева Виктория (она ела его постоянно и в больших количествах).

Королева-мать — единственная, кто может не заглядывать в план, определяющий, в каком порядке будут сидеть сотрапезники за столом, когда ее приглашают в Букингемский дворец: она и так знает свое место и всегда усаживается в особое великолепное кресло, украшенное резьбой. Ей приносят скамеечку под ноги, а рядом с ее прибором на стол ставят ее личный специальный термос, набитый льдом, чтобы охладить для нее шампанское, которое составляет одну из ее маленьких «послеобеденных радостей или прихотей». Она почти всегда пьет шампанское одна, так как Елизавета II не велит подавать шампанское к позднему обеду или ужину. Кстати, когда обе королевы ужинают вместе, протокол нарушается: обычно королеве-матери блюда подают раньше, чем дочери.

Но составление меню для нынешней королевы — дело несложное, тем более что все королевское семейство единодушно отдает предпочтение барбекю или пикникам, потому что членам этого семейства кажется, что невозможно выглядеть «протокольными», то есть официальными (а тем паче невозможно выглядеть «королевскими»), когда ешь на лоне природы. Правда, обслуживающий персонал не слишком любит подобные трапезы, потому что в таких случаях вечно чего-то не хватает и лакеи постоянно мечутся между дворцом и местом, где устроен пикник. Но королева любит барбе-

кю, в особенности если принц Филипп попросит зажарить ее любимые сосиски фирмы «Фортнум энд Мейсон».

Королевский пикник всегда отличается большим шиком. Кофе подают в серебряном кофейнике (к черту термосы!) и температуру в нем поддерживают при помощи небольшого нагревательного прибора. Однажды лакей, хотевший налить кофе принцессе Маргарет, не заметил, что прибор этот приклеился ко дну кофейника; когда он налил кофе в чашку, прибор отвалился и упал принцессе на колени, прямо на салфетку, и ткань загорелась. Виндзоры так радуются всему, что может нарушить строгий порядок их существования, что этот инцидент привел их в невероятный восторг и вызвал приступ хохота. Королева даже воскликнула: «О! Смотрите! Смотрите! Он пытается заставить Маргарет запылать ярким пламенем!»

Повседневная жизнь монархов и принцев действует на англичан как колдовские чары. Те минуты, когда королева, сняв туфли, садится перед телевизором, держа поднос с едой, воспаляют их воображение. Что она смотрит? Что ест? Что пьет? Некоторые отчеты пресс-службы Букингемского дворца напоминают точнейшую опись или полный перечень, наподобие тех, что можно встретить в стихах Жака Превера. Из этих отчетов англичане узнают, что королева любит кофе с молоком, что принц Филипп предпочитает черный кофе и чуточку сахара, а принц Чарльз кофе вообще не пьет. Любимые блюда Ее Величества просты и скромны: салат с курицей, жареная камбала, фаршированная капуста, промаринованный и зажаренный цыпленок под грибным соусом... А вот принц Уэльский обожает копченую семгу, персики сорта Мельба и хлебный пудинг. При таких пристрастиях можно легко оставить без работы технический персонал кухни!

Что касается напитков, то карта вин довольно разнообразна. Королева отдает предпочтение шампанскому и белым винам, таким как мозельское или сотерн. В конце напряженного дня она нередко выпивает порцию джина с тоником. У себя в кабинете она пьет лишь минеральную воду, причем только «Барли уотер».

Как истинная шотландка, королева-мать обычно наливает себе порцию виски с содовой. Моряк Филипп не обходит своим вниманием пиво за завтраком, а перед ужином выпивает немного джина. Чарльз в основном выбирает белое вино, шампанское («Боллинджер» 1975 года — любимое) и мартини. Принцесса Анна никогда не употребляет алкоголь и довольствуется кока-колой. Маргарет, которая вообще не любит вино, следует примеру своего деда Георга V и пьет за ужином и обедом виски вопреки рекомендациям врачей.

Когда Елизавета с Филиппом ужинают вместе, ей очень по вкусу, если супруг приготовит для нее ее любимый коктейль из «Дюбоннэ» и джина. Просто мартини тоже порадует ее. Герцог Эдинбургский частенько предлагает супруге побаловаться «кухонными новинками», и она делает вид, что высоко ценит их; так, например, он преподнес ей портативный электрический чайник, предназначенный для того, чтобы заваривать королевский чай (в основном «Эрл Грей»). Принц также подарил ей крючок в форме буквы «S», позволяющий подвешивать сумочку на стул во время официальных приемов.

Мелкие, незначительные детали, скажете вы? Однако перед каждым путешествием интендантская служба следует правилу: упаковать вещи, считающиеся необходимыми, такие как бутылки с молвернской водой (таким образом можно избежать риска, что в организм королевы попадут какие-нибудь микробы или паразиты), конфитюр фирмы «Типтри», шотландское песочное печенье, чай и кекс от «Фортнум энд Мейсон». Вне зависимости от того, где королева находится, в Токио, Лиссабоне или Осло, она не любит чувствовать себя за завтраком в чужой, непривычной обстановке.

Во время приемов за рубежом некоторые блюда и ингредиенты, то есть продукты, категорически не допускаются в королевское меню: чеснок, чтобы не причинять неудобств собеседникам, улитки и устрицы из-за опасности отравления, а также некоторые блюда, например спагетти, потому что есть риск запачкать платье или быть заснятой в не слишком «элегантной» позе.

Кстати, принцесса Анна иногда создает серьезные проблемы: ее секретариат однажды во время путешест-

вия известил всех, что она не только никогда не ест овощных супов, сельдерея и морепродуктов, но также никогда не употребляет алкоголь и не любит экзотические блюда.

Один из лакеев принца Чарльза вспоминает: «Когда мы путешествовали, послы и управляющие гостиницами, в которых мы останавливались, приходили в большое волнение. Учитывая тот факт, что под крышей их отеля остановился принц, они изо всех сил хотели произвести хорошее впечатление, а потому тележки с завтраками издавали тяжкие вздохи под тяжестью земной пищи. Это было нелепо до безумия! Принц просил принести ему рогалик, так ему приносили шесть, словно его положение, его титул принца предполагали, что у него аппетит, как у жуткого обжоры! На сервировочном столике громоздились горы еды, просто горы!»

Хозяйство на дворцовой кухне, разумеется, ведется гораздо экономнее. Так, когда королева ест одна, то для нее жарят только четверть курицы или одну свиную отбивную; и речи быть не может, чтобы приготовить большой кусок мяса и положить остатки в холодильник.

На кухне

Обустройство кухонь долгое время было для Бункингемского дворца острой проблемой. Эти помещения, изначально очень темные, мрачные, к тому же находящиеся довольно далеко от столовой, конечно же были отремонтированы, заново покрашены и снабжены необходимым количеством современных кухонных комбайнов и прочей утварью, но они все равно ничуть не похожи на образцовую кухню, созданную в Кларенс-Хаусе. Только совсем недавно во дворце появилась микроволновая печь. Правда, небольшой автоматический подъемник позволял доставлять блюда почти горячими. Раньше слуги должны были преодолеть семьдесят две ступени, чтобы доставить каждое блюдо к королевскому столу: не стоит и говорить, что соусы подавались уже застыв-

шими, а основные блюда — почти холодными. В столовой, где королевская семья обедает или ужинает без гостей, за ширмой разместили целую систему усовершенствованных серебряных нагревательных приборов. И вот, таким образом, королеве могут подать на стол ее любимые блинчики под соусом «сюзетт», горячие да еще и политые подожженным спиртом и потому озаренные ярким пламенем.

Кухни Букингемского дворца расположены на первом этаже вдоль Букингем-Пелис-роуд (в левом крыле, если смотреть на фасад королевской резиденции с улицы). Посетители, следующие по довольно узкому проходу, чтобы попасть в Картинную галерею, проходят мимо них. Кухни, конечно, находятся в противоположной стороне от столовой, чтобы никакие запахи не потревожили королевского обоняния. Их расположение облегчает также доставку продуктов, так как вдоль улицы есть автостоянка. При строительстве дворца было задумано создать две кухни, на которых бы трудились, не мешая друг другу, два шеф-повара: одна кухня предназначалась для приготовления пищи для королевского семейства и гостей, другая — для обслуживающего персонала. Но вот уже на протяжении тридцати лет существуют лишь одна кухня и один шеф-повар. Обслуживающий персонал кухни состоит из нескольких бригад, насчитывающих от восьми до двадцати человек — в зависимости от потребностей определенного дня; для подготовки банкета подбирается бригада из десяти человек, в которую входят: шеф-повар, помощник шеф-повара, специалист по закускам, специалист по овощам, специалист по соусам...

Шеф-повар, его помощники, повара и посудомойки в белых колпаках и белых фартуках священнодействуют в особой, исторической обстановке. Зал, именуемый Залом медной посуды, хранит в своих стенах сотни и сотни предметов сервировки и форм для выпечки из серебра и меди, датированных эпохой правления Георга III (1760—1820). На всех тарелках и формах выгравированы инициалы: «П. У.» (принц Уэльский), «Л. Г.» (лорд-гофмейстер) и так далее — ибо каждый имел тог-

да свою собственную посуду. Еженедельно все предметы этой драгоценной коллекции тщательно протирают чудодейственным раствором, представляющим собой смесь уксуса с лимонным соком.

Дворец обязан принцу Филиппу некоторой модернизацией кухни, проведенной постепенно начиная с 1952 года. Электрические кухонные приборы, новые сложные и премудрые предметы кухонной утвари, миксеры, шейкеры и прочие занятные штучки появились на кухне, а величественные деревянные плиты из чугуна и стали заменили на изящные газовые. Правда, в посудомоечных машинах моют только обычную, повседневную посуду, а всю дорогую, драгоценную старинную посуду конечно же моют вручную, ведь со временем ценность изделий из фарфора, хрусталя и серебра только возрастает.

Несколько лет назад лакей-новичок, очень волновавшийся из-за того, что впервые увидит королеву, стоял и ждал ее появления, держа в руках восемь великолепных десертных тарелок. Когда он ее увидел, то покраснел как рак и выронил тарелки, так что все они разбились. «Это ничего, пустяки», — сказала королева. С тех пор лакеев постепенно приучают к присутствию королевы: просто впускают их в столовую, не поручая никакой работы, и только когда они начинают чувствовать себя свободно в присутствии Ее Величества, только тогда они обретают право обслуживать ее и подавать на стол.

Однажды в какой-то очень неудачный день неловкий слуга во время обеда опрокинул поднос и кусочек пирожного с кремом упал прямо королеве на грудь. Филипп разразился громовым хохотом. В другой раз один из лакеев, перед тем как подать аперитив королеве и ее гостям, выпил пива, да не просто выпил, а хватил лишнего. А надо сказать, что бокалы подаются на больших серебряных подносах, причем в неизменном порядке: в последнем ряду стоят бокалы с виски и джином с тоником, затем — другие напитки в порядке уменьшения размеров бокалов, а впереди — рюмочки с хересом. Лакей отчаянно вцепился в свой поднос, распространяя вокруг сильный

запах пива. Вдруг раздался ужасный грохот: он все уронил, так что серебро, хрусталь и разбитые бокалы усеяли ковер. Лакея быстро выпроводили из столовой, кто-то из его собратьев поторопился собрать осколки с пола. Королева же даже бровью не повела. Она лишь сказала, что, быть может, уже пора садиться за стол.

Полки и горки на кухнях сделаны из мрамора. Но было бы неразумно держать на них дорогую, воистину драгоценную посуду и утварь, так что для этой цели служат другие помещения. В комнате № 465, разумеется, всегда закрытой на ключ, хранится вся золотая и серебряная посуда; золотая посуда была введена в обиход герцогом Коннаутским (или Коннотским. — Ю. Р.). Один из лейб-гвардейцев, которым поручено охранять королевскую посуду, следит за сохранностью серебряных изделий, приборов и блюд из чистого золота и серебра. Эту посуду используют только во время самых парадных официальных приемов. Шесть человек, подчиняющиеся вышеназванному лейб-гвардейцу, носят звание помощника дворецкого, и в их задачу входит заботиться об этих невероятных сокровищах. Сотни тарелок и подсвечников хранятся в помещениях в глубине дворца, запаянные в герметичные пакеты; их тщательно пересчитывают всякий раз после того, как ими пользовались. Заметим также мимоходом, что на всех столовых серебряных приборах красуется королевский герб, точно так же как на всем накрахмаленном белье выткана монограмма королевы. Дворцовый служитель, ответственный за стекло и хрусталь, в дни торжественных приемов должен присматривать за столовыми приборами, а также за процессом накрывания на стол. У него под началом находятся четыре человека, занимающиеся только сказочно прекрасными, легендарными хрустальными и фарфоровыми сервизами, принадлежащими английским монархам; таких сотни и сотни, они хранятся в различных залах и кабинетах дворца.

Хотя члены королевского семейства пьют довольно мало алкогольных напитков, все же в штате дворца королева содержит и смотрителя винных погребов, кото-

рые располагаются под дворцом и в которых поддерживается определенная, тщательно контролируемая температура. Ежегодно смотритель винных погребов заказывает тысячи бутылок вина, крепких спиртных напитков, а также безалкогольных напитков для огромных, никогда не редущих толп посетителей дворца, и два помощника помогают ему в этом деле.

Не стоит и говорить, что дворцовые кухни никогда не выглядят бездействующими: заставленные кастрюлями и сковородами, утыканые вертелами и загроможденные плитами, они без устали выдают и выдают сотни порций повседневной пищи. Никто никогда не выказывает удивления, если видит процессию лакеев в одинаковых ливреях, несущих по коридорам блюда, заботливо накрытые надраенными до блеска серебряными крышками.

На протяжении долгого, очень долгого времени на кухнях говорили по-французски. Но назначение на должность шеф-повара Рональда Обери в 1937 году стало своеобразным похоронным звоном для шеф-поваров французов, ибо, начиная с того дня, в Букингемском дворце шеф-поварами были только англичане. Сегодняшний шеф-повар господин Лайонел Манн — человек сдержанный и скромный.

Члены королевской семьи редко забредают на кухню. Если и возникает какая-то проблема, то обычно принц Филипп спускается вниз, чтобы ее решить. Стивен Берри, бывший лакей принца Чарльза, рассказал такую историю: «После приема на четыреста персон, предшествовавшего свадьбе, Чарльз сказал: “Я должен спуститься вниз, чтобы поблагодарить шеф-повара”. — “Я сейчас извещу его о визите Вашего Высочества”, — сказал я. “Да, кстати, а где на самом деле находятся кухни? — спросил принц и добавил: — Ноги моей там уже лет тридцать не было”». А вот еще одна анекдотическая история: «Я вспоминаю, что королева однажды решила заглянуть на кухню. Майкл Сили, служивший ей уже около двадцати лет, в тот день был дежурным. Она застала его в тот момент, когда его бригада и он сам убрали на кухне. Она любезно поблагодарила его за вкуснейший обед и величественно удалилась в свои покои.

По пути в свои апартаменты она встретила хранителя хрусталя и фарфора и спросила у него: “Как зовут шеф-повара, который сегодня дежурит на кухне?” — “Майкл Сили, Ваше Величество”, — ответил тот». А вот принцы Эндрю и Эдуард, когда были маленькими, частенько спускались вниз, чтобы посмотреть, что на кухне варят-жарят.

Королева Мария никогда не забывала передать несколько слов своему шеф-повару Гэбриэлу Тсуми. В феврале 1951 года, когда она заболела, Тсуми послал ей десерт, названный им «Кубок Монтрея»: персики под ванильным кремом. Королева поблагодарила его за внимание, но все же не удержалась от замечания, что следовало бы в этот десерт добавить еще и виноград. Однако последнее слово все же осталось за шеф-поваром, ответившим королеве, что она спугала «Кубок Монтрея», в котором используются персики, с «Кубком Мальмезона», в котором используется виноград. Несколько минут спустя королева Мария, будучи дамой благородной и вежливой, прислала записку с извинениями.

Ради наибольшей эффективности производства три службы давно уже отделены от кухонь: это службы, поставляющие хлеб, кофе и кондитерские изделия для королевского дворца. Если раньше хлеб на каждый день во дворец поставлял из дворцовой кухни королевский пекарь, то сегодня по утрам хлеб доставляют посылные компании «Лайонз Бейкери». А вот рогалики (круассаны) и по сей день выпекают во дворце, в королевской кондитерской, представляющей собой небольшое помещение при кухнях. Королевская кондитерская поставляет также кексы, разнообразную выпечку, хлебцы с изюмом, здесь также делают мороженое, миндальные пирожные с конфитюром, бисквиты, печенье, иногда пекут пироги или пирожные, покрытые шоколадной глазурью, взбивают муссы и готовят «фаворита» королевского стола — блинчики под соусом «сюзетт». В кондитерской делают еще и фланы, то есть десерт из взбитых яиц, молока и сахара

с добавлением фруктов в зависимости от времени года, а также так называемое суфле с наполнителем из сыра или лимона. Там же собирают корзины с фруктами и выжимают сок из апельсинов, чтобы подать его к завтраку.

Однако одна из самых старых и ранее очень почитаемых традиций теперь не соблюдается: речь идет о рождественском пудинге с изюмом и цукатами, который прежде выпекал королевский кондитер для каждого члена обслуживающего персонала. Изготовление этих пудингов требовало семнадцати пинт пива, нескольких бутылок коньяка и рома, полутора сотен яиц и десятков килограммов изюма трех сортов. Теперь во дворец их поставляет фирма «Фортнум энд Мейсон», и только рождественский пудинг, подаваемый к королевскому столу, изготавливают в дворцовой кондитерской.

Для приготовления кофе на первом этаже существует отдельное помещение. Это настоящая серьезная организация! Четверо служащих работают там практически без перерывов, и их единственная задача заключается в том, чтобы молоть кофе и варить его в старинных посудилах, а потом переливать в старинные глиняные и фарфоровые кофейники. И никаких электрических кофеварок! Во дворце нет ни одной! Как нет и машин для приготовления кофе «эспрессо»! Дворцовый кофе очень высоко ценят гости, приглашенные на приемы в саду. Он имеет там огромный успех! Следует признать, что это нетрудно, так как всем известно, какой посредственный кофе обычно подают в Англии... Только в Букингемском дворце варят воистину королевский кофе!

Большую часть потребляемых во дворце продуктов поставляют имения и фермы, принадлежащие королевской семье. Цыплят и индюшек выращивают на птичниках в Виндзоре и Сандрингеме (во дворце не знают вкуса мяса, подвергшегося глубокой заморозке!), грибы и молоко также поставляют из Виндзора, с тамошних ферм, лосось прибывает из Балморала, персики и черника — из Сандрингема. Молочные бутылки в Букингемском дворце чудо как хороши, да к тому же их

украшают голубые монограммы королевы, так что их часто воруют. Что касается рыбы, то шеф-повар должен теперь собственноручно вытаскивать из нее все косточки, так как королева-мать дважды была госпитализирована из-за застрявшей в горле рыбной кости.

Королева за столом

Королевское семейство садится за стол четыре раза в день: они завтракают, обедают, пьют чай и ужинают, но все же главный «прием пищи» — это вечерний, именуемый на европейский лад «обедом», хотя по сути он является все же ужином (по российской традиции. — Ю.Р.). Если семейство находится в одной из загородных резиденций, то там устраиваются пикники, обычно в полдень, а во дворце ланч, или обед, подают в час пополудни. Дворецкий всегда при этом произносит ритуальную фразу: «Ваше Величество, кушать подано».

Типичное меню официального обеда начинается либо с овощного супа, либо с бульона, либо с супа-пюре «а-ля Сен-Жермен». Затем подают рыбу или мусс из лосося, к которым полагаются разнообразные соусы. Королева обожает запеченную или жаренную заднюю ножку барашка, чаще всего на королевских обедах именно это блюдо подают в качестве жаркого. Во дворце на обед практически никогда не подают птицу, потому что королева полагает, что некоторым из гостей птица не по вкусу. К мясу всегда подают три-четыре вида гарнира из овощей, только что закупленных на рынке. Затем подают салат по-французски, а потом десерт, всегда холодный, обычно это мороженое в красивых креманках. К обеду всегда подают пять сортов вина высшего, вернее наилучшего, качества.

Однажды во время одного из обедов, данных принцем Чарльзом в честь одного из лидеров стран третьего мира, кто-то из приглашенных «отличился» весьма оригинальным образом: он по незнанию выпил теплую воду, поданную для ополаскивания пальцев, что

вызвало за столом смущенное перешептывание. Но принц Чарльз спас положение, тотчас же тоже выпив поданную ему воду; тогда все последовали его примеру.

В Букингемском дворце, когда королева с Филиппом обедают или ужинают одни, каждый прием пищи превращается в забавную смесь традиционной торжественности, даже помпезности, и современной простоты. Подсвечник с пятью свечами, поставленный на середину стола, четыре миниатюрные фигурки стражников, расставленные вокруг него, сделаны из литого серебра, так же как ножи и приборы для растительного масла и уксуса. Бокалы из сверкающего сотнями искр хрусталя, фарфоровые тарелки с золотой каймой украшены королевской короной с вензелем Елизаветы II. По вечерам чаще всего слуг вообще у стола не видно, хотя, конечно, один из лакеев всегда находится за дверью столовой, готовый явиться по первому зову. На блюдах, покрытых серебряными крышками и стоящих на буфете, на приборе для разогревания блюд, нет ничего экзотического и изысканного. Такие утонченные деликатесы, как икра, устрицы или шампанское, отсутствуют. Даже фазан не появляется на королевском столе, если только не настал сезон, хотя сотни и сотни птичьих парочек и бывают подстрелены во многих королевских угодьях и хранятся в морозильниках.

Елизавета с Филиппом никогда не дают себя соблазнить закусками, а всегда начинают с основного блюда: с отбивных из ягненка, с курочки в сметанном соусе, с бифштекса из филейной части, сопровождаемых салатом и гарниром из трех-четырёх видов овощей, и ничего более. Ни королева, ни ее супруг не являются поклонниками тортов, пудингов или мороженого. Этим классическим десертам они предпочитают дополнительное блюдо, вроде почек с ломтиками бекона или взбитой яичницы с анчоусами. Напоследок подают фрукты: яблоко для королевы, немного винограда для Филиппа. Обычно супруг королевы выпивает бокал белого вина, рейнского или мозельского. Иногда и королева вместе с ним выпивает бокал вина, но чаще всего она довольствуется

стаканом свежевыжатого апельсинового сока или просто минеральной воды.

Затем Филипп звонит в колокольчик, чтобы им подали кофе. Паж в ливрее, единственный слуга, допускаемый в таких случаях в столовую, приносит кофе: с молоком — для королевы и черный с сахаром — для Филиппа.

«Обеды королевы»

В начале 1960-х годов под влиянием принца Филиппа королева начала давать так называемые «обеды королевы». Устраиваются такие обеды двадцать раз в году. Их цель: дать возможность королеве пообщаться в свободной обстановке (жесткие правила дворцового этикета практически не соблюдаются) с людьми очень разными. Среди приглашенных бывают политики, лидеры профсоюзов, бизнесмены, ученые, педагоги и профессора, художники, писатели, артисты и даже поп-звезды и спортсмены. На таком обеде рядом с королевой и принцем могут присутствовать знаменитый хирург, актриса, капитан пожарной охраны, драматург, адвокат, директриса школы, телеведущий и уполномоченный от какой-нибудь общественной организации по оказанию гуманитарной помощи.

Эти обеды проходят без особых церемоний. Сотрапезники, коих редко бывает более двенадцати, собираются вместе среди колонн Зала с эркерами. Шталмейстер королевы представляет их друг другу в то время, когда им подают мартини и херес. Строгие правила дворцового этикета не соблюдаются даже в момент появления королевы. Она просто входит в зал в сопровождении супруга, а ее собачки крутятся возле их ног (королева считает, что собачки очень способствуют разрядке атмосферы). Обычно Филипп выпивает мартини, Елизавета предпочитает херес или просто свежевыжатый апельсиновый сок. Примерно полчаса сотрапезники знакомятся друг с другом, а затем дворецкий объявляет: «Ваше Величество, кушать подано». Не прекращая запросто болтать с тем или с другим из

приглашенных, королева первой направляется в Зал 1844 года.

Королева достаточно суеверна, чтобы не приглашать за стол тринадцать человек. Если же в результате неудачного стечения обстоятельств она оказывается лицом к лицу с подобной ситуацией, то все же находит выход, обратившись с просьбой к принцессе Анне или принцу Чарльзу присоединиться к гостям, а если их нет во дворце, то довольствуется присутствием своего шталмейстера. В Букингемском дворце обеденный стол — овальной формы. Королева занимает место посередине, принц Филипп садится напротив, чтобы им обоим было как можно удобнее поддерживать общую оживленную беседу. Собачки устраиваются у ног королевы. В меню может входить, к примеру, дыня или коктейль из креветок, жареная баранина или телятина, а на десерт — шербет, фруктовое мороженое, мороженое с ликером или меренги с яблоками, сыр и печенье. Свежие фрукты подают в самом конце обеда.

Некоторые из гостей сохраняют об этих обедах несколько двойственные впечатления, вроде тех, что остались у актрисы Доры Брайан: «Когда мне позвонили из дворца, чтобы пригласить на обед наряду с другими артистами, я, было, подумала, что это шутка, и даже довольно резко заговорила со своим собеседником, находившимся на другом конце провода... Когда в конце обеда подали фрукты, я подумала, что нас хотят подвергнуть какому-то садистскому тесту. Я отказалась взять апельсин из страха, что рискую обрызгать королеву соком, когда буду чистить его. Я решила остановить свой выбор на винограде. Да, но что делать с косточками? Я плохо себе представляла, как буду их выплевывать. В конце концов я их проглотила...»

Завершают обед кофе и ликеры. Хотя ни королева, ни Филипп не курят, приглашенным предлагают сигары и сигареты. Во время обеда в беседе затрагиваются разнообразные темы в зависимости от профессиональных занятий гостей. Королева с принцем Филиппом как бы распределяют сотрапезников между собой, обращаясь чаще всего к тем, что сидят справа от каждо-

го из них, в течение первой половины обеда, и обращаются к тем, что сидят слева, во время десерта. После обеда все возвращаются в Зал с эркерами и находятся там вплоть до той минуты, когда королева, пожав каждому руку, удаляется, тем самым подав сигнал к отъезду.

Торжественные банкеты

Официальные банкеты, даваемые в честь того или иного государственного деятеля, гораздо более «протокольные» мероприятия. «Всякий церемониал смешон, если он несовершенен», — говорил лорд Кобболд, обер-гофмейстер королевства. Самыми «стрессовыми», самыми тяжелыми для дворцового шеф-повара всегда являются банкеты, устраиваемые по вечерам. Билл Клинтон, Жак Ширак и все руководители государств всей планеты имели право лицезреть это шоу, достойное величия королевской власти Великобритании. Планы по проведению торжественного приема обсуждаются за несколько недель до самого события в ходе специального заседания: лорд-гофмейстер рассматривает все вопросы, связанные с протоколом, а также список приглашенных; личный секретарь королевы передает особые пожелания государыни; королевский казначей рассчитывает сумму затрат, королевский эконом должен предусмотреть все нужды, а интендант — доставить все необходимое. Шеф-повар всегда берет на себя заботу о том, чтобы сообщить меню лорд-мэру Лондона, а также канцелярии кабинета министров и посольству соответствующей страны, с тем чтобы руководителю страны не подавали одинаковых блюд на всех банкетах, даваемых в его честь в ходе визита.

В Букингемском дворце торжественные банкеты дают в Бальном зале. Размеры его составляют 35x18 метров, высота потолка — 14 метров, создан он был в 1856 году, его убранством занимался племянник Джона Нэша. Там могут разместиться сто семьдесят человек, тогда как в Зале святого Георга в Виндзорском зам-

ке — сто шестьдесят два. На стенах никаких картин (это единственное помещение во дворце, где их нет), но зато два огромных гобелена, красоту коих подчеркивают шесть огромных подсвечников с хрустальными подвесками. Стол из красного дерева похож на гигантскую подкову, во главе его всегда сидят королева и ее почетный гость.

С рассвета на кухне суетятся повара, а лакеи, трудолюбивые как пчелы, бегают вниз и вверх по лестницам между кухней и полуподвалом, где временно хранятся золотая посуда и приборы. Столы покрывают роскошными белыми скатертями, украшенными тончайшей вышивкой. Весь обслуживающий персонал одет в парадные ливреи с пятью крупными золочеными пуговицами на рукавах, на каждой пуговице вычеканен герб королевы; правда, с 1952 года в Букингемском дворце уже не надевают напудренных париков.

Подготовка столовых приборов сама по себе уже представляет собой театральное действие. Четыре помощника дворецкого под руководством дворцового эконома осуществляют эту ответственную миссию. Каждый нож, каждая вилка литого золота занимают точно свое место, так, чтобы была обеспечена совершеннейшая симметрия всего «ансамбля». Самый молодой и самый легкий из помощников дворецкого, обутий в специально предназначенные для этой цели тапочки, влезает на стол и движется по его поверхности, чтобы с превеликой предосторожностью расставить хрустальные бокалы и проверить, действительно ли огромные серебряные подсвечники стоят на одинаковом расстоянии друг от друга.

Одновременно лакеи проверяют, не мешают ли расставленные по столу букеты в красивых вазах сотрапезникам видеть тех, кто сидит напротив. Затем еще и еще раз на просвет просматривают все восемь сотен бокалов и рюмок, дабы удостовериться, что они безупречно чисты и прозрачны. Перед каждым гостем стоят пять бокалов: для хереса, белого вина, красного вина, шампанского, минеральной воды; небольшой стаканчик для портвейна приносят позже. Около каждого прибора (кроме прибора королевы) лежит кар-

точка с указанием фамилии гостя, который должен занять это место, а также рядом лежит небольшой блокнот, дополняющий сей «обеденный арсенал»: в нем содержится описание торжественного шествия королевы к столу, меню, карта вин, а также перечень музыкальных произведений, которые будут исполняться, программа мелодий, которым предстоит быть сыгранными на волынке (волынка всегда неизменно завершает вечер), плюс к этому еще обязательно список всех гостей и четкий «план» стола, являющийся верным средством для того, чтобы не ошибиться относительно того, кто из гостей сидит рядом с вами, и вообще определить, кто есть кто за столом.

Все «декорации» должны быть установлены к пяти часам вечера, и обычай требует, чтобы к шести часам королева зашла в зал на краткий миг, чтобы проинспектировать, все ли в порядке. Сэр Питер Ашмор, бывший дворцовый эконом, подтверждает, что она это делает для того, чтобы должным образом оценить работу своего обслуживающего персонала и поблагодарить всех за труды. «Уходя, она говорит несколько слов благодарности лакеям, что является для них наивысшей наградой».

Около ста тридцати лакеев обслуживают банкет, и у каждого своя, четко обозначенная миссия, которую он должен выполнить.

Итак, вот каковы обязанности и вот сколько человек должны эти обязанности выполнять:

ожидать гостей у парадного входа — 8 человек;

направлять гостей от парадной лестницы к Зеленой гостиной — 1 человек;

стоять у дверей, ведущих из Художественной галереи в Музыкальный зал, — 1 человек;

направлять гостей из Голубой гостиной в Бальный зал — 3 человека;

ожидать королевское семейство у выхода в сад — 2 человека;

обеспечивать бесперебойную работу лифта — 1 человек;

заниматься приготовлением напитков в Тронном зале начиная с 19 часов — 7 человек;

расставлять бокалы с напитками на подносах с 19 часов 15 минут — 3 человека;

подавать аперитивы в Тронном зале и в Художественной галерее в 19 часов 30 минут — 9 человек;

подавать гостям сигареты — 2 человека.

Сэр Питер Ашмор уточняет, что гости обычно не знают, могут ли они курить перед банкетом: «Но так как многие, похоже, явно взволнованы, то подаваемые сигареты кажутся весьма своевременными и уместными, а потому возможность закурить ценится в этот миг очень высоко, как большая любезность».

После банкета роли лакеев тоже распределены очень строго:

приготовление кофе и напитков, подаваемых после кофе, — 6 человек;

подавать кофе — 10 человек;

убирать чашки — 3 человека;

убирать приборы — 3 человека;

подавать ликеры — 3 человека;

подавать сигары и сигареты — 5 человек;

подавать ликеры в Голубой гостиной и в Музыкальном зале — 10 человек;

убирать посуду — 9 человек;

подавать напитки после банкета в Большой столовой — 2 человека;

находиться в Большом холле после банкета — 2 человека;

обслуживать персонал в буфете — 8 человек;

подавать напитки музыкантам — 1 человек;

подавать ужин лейб-гвардейцам из дворцовой стражи — 1 человек;

дежурить в Бельгийских апартаментах — 1 человек;

дежурить в Зале Карнарвона — 1 человек;

дежурить у парадного входа во время отъезда гостей — 8 человек;

находиться у выхода в сад во время отъезда гостей — 1 человек.

В то время как без четверти восемь вечера избранные счастливицы во фраках и в длинных вечерних

платях дегустируют аперитивы и соленое печенье, королева собирает вокруг себя членов королевской семьи в зале, соседствующем с залом, в котором даются аудиенции, в так называемом Королевском кабинете, где всем подают аперитив, затем, примерно в десять минут девятого, одна из панелей в стене, которую можно было бы считать неподвижной, вдруг отходит в сторону (речь идет о настоящей потайной двери), и вот королева весьма театральным образом появляется в Белой гостиной, где ее ждут самые высокопоставленные, знатные или известные гости. Другие терпеливо ожидают в Зеленой гостиной, в Музыкальном зале или в Голубой гостиной. Затем формируется процессия, которая должна пройти в Бальный зал под звуки национальных гимнов Великобритании и той страны, руководителя которой принимает королева. Во время торжественного приема, устроенного 16 ноября 1982 года в честь Беатрикс, королевы Нидерландов, порядок следования процессии был таков: открывали ее королева Беатрикс и королева Елизавета, следом за ними выступали принц Филипп и принц Клаус, затем принц Чарльз вел королеву-мать, архиепископ Кентерберийский подавал руку принцессе Диане, посол Нидерландов — принцессе Анне, капитан Марк Филлипс — принцессе Маргарет, лорд-канцлер — принцессе Алисе, герцог Глостерский — госпоже Бишофф ван Хеемскерк, Дэнис Тэтчер — герцогине Глостерской, Его Превосходительство господин Джонкман — герцогине Кентской, герцог Кентский — Маргарет Тэтчер, принц Майкл Кентский — принцессе Александре, Энгус Огилви — принцессе Кентской.

Звучит традиционное: «Ваше Величество, кушать подано». Никаких проблем с поисками своего места за столом у гостей не возникает, так как два лакея обеспечивают строгий порядок, лично препровождая гостей куда следует. Королева садится, за ней садятся за стол и приглашенные. И начинается своеобразный «балет», исполняемый под звуки музыки одного из королевских полковых оркестров. В мелодиях, звучащих на подобных торжествах, нет ничего оригинального: это арии из оперетты «Веселая вдо-

ва» или из мюзикла «Оклахома», образцы англосаксонской музыки, отрывки вроде тех, что звучат в общественных местах, в магазинах и аэропортах. Оркестр располагается на балконе, а как раз позади него находится тщательно замаскированная решетка, позволяющая обслуживающему персоналу наблюдать за празднеством.

Во дворце для таких случаев существует поразительно отлаженная система тщательно спрятанных среди цветов сигнальных огоньков, находящаяся в ведении дворцового эконома, который самолично нажимает на кнопки, включая и выключая разноцветные лампочки. Если горят красные лампочки, лакеи должны оставаться неподвижными, загорятся оранжевые — следует приготовиться к смене тарелок, загорятся зеленые — надо подавать следующее блюдо. В Бальном зале четыре входа, а соответственно и лампочки окрашены в четыре цвета. Когда загораются зеленые лампочки, на сцену выступают десятки лакеев. Для того чтобы обслуживать гостей, сидящих на закругленном конце стола «подковы», всегда выбирают самых высоких лакеев, потому что у них руки длиннее и им удобнее обслуживать эту часть стола.

Раньше стоило королю положить свой нож и вилку, как тотчас же его паж, стоявший у него за спиной, уносил его тарелку. Это был знак к тому, чтобы тотчас же со стола были убраны и все другие тарелки, независимо от того, закончили ли есть сотрапезники монарха или нет. Нельзя сказать, что королева отменила этот обычай, но она его изменила. Она внимательно осматривает стол как во время парадного обеда или ужина, так и во время более «интимных» трапез. Так как ест она довольно мало, то и заканчивает трапезу частенько раньше других. Она следит за тем, закончили ли есть ее сотрапезники или нет. Ей специально рядом с основной тарелкой ставят маленький салатник, и она просто перебирает вилкой листики до тех пор, пока приглашенные ее не «догонят». Как только она кладет вилку на тарелку, загораются зеленые лампочки.

После овощного супа к столу подают мусс из семги

или лосося, к которому полагается белое бордо. Затем следует жареная нога барашка, непременно шотландской породы, любимое блюдо Елизаветы, к которому в качестве гарнира подают свежие молодые овощи и зелень, выращенные на землях Виндзорского замка; сопровождает его бургундское вино. Затем подают салат, после него не сыры, а десерт с шампанским. Мороженое или шарлотка на десерт очень нравятся королеве-матери, «всеобщей бабушке», как ее называют. В общем, меню довольно простое, достаточно «легкое», не имеющее ничего общего с меню Викторианской эпохи, в котором была целая дюжина перемен блюд.

В то время как оркестр Шотландского гвардейского полка под руководством майора Дэвида Карсона завершает свои труды музыкой из кинофильма «Унесенные ветром», на сцену готовятся вступить волынщики этого же полка; возглавляет их Йен Роджерс. Королева обожает вкушать десерт под звуки волынок. Подают портвейн, и наступает время тостов. Елизавета берет слово. Она надевает очки, проверяет, исправен ли ее микрофон, и в течение нескольких минут (обычно не более семи) обращается к своим сотрапезникам с речью. Гость, в честь коего и дан банкет, обращается к ней с ответной речью. Затем все расходится по гостинным, чтобы выпить подаваемые там ликеры и выкурить сигару или сигарету. Празднество продолжается еще около часа, затем королева прощается с гостями, так сказать, «откланивается» и уходит в свои покои, иногда, правда, прежде чем удалиться к себе, она сопровождает почетного гостя в отведенные ему апартаменты.

Дворцовый эконом знает, что может направить в министерство иностранных дел счет для оплаты расходов, сделанных в связи с устройством банкета. На кухне, в соответствии с давней традицией, члены Королевского британского легиона добровольно, на общественных началах, моют посуду (перемывают тысячи тарелок и более тысячи двухсот бокалов и рюмок). По странной, если не сказать забавной, логике забота о самых драгоценных предметах сервировки доверена во-

енным; но, несмотря ни на что, как только драгоценные столовые приборы и тарелки возвращаются в хранилище столового серебра, их тотчас же тщательно пересчитывают.

Букингемский плумтудинг

В ходе обедов, банкетов, приемов в саду и прочих приемов королева принимает ежегодно в Букингемском дворце около сорока тысяч человек. Учитывая тот факт, что в год дается около семидесяти банкетов, обедов и ужинов, становится понятно, почему королевская семья стремится соблюдать определенный режим и придерживаться диеты. Виндзоры всегда были склонны к полноте.

Однако если подумать и прикинуть, какое количество пищи поглощают некоторые из членов этого семейства, то можно только удивляться тому, что они далеко не такие полные, какими могли бы быть. Когда они отправляются зимой на охоту в Сандрингем, то ланч у них начинается с горячего блюда: рагу, курицы в сметанном соусе, отварной говядины. Затем следуют холодные закуски: ветчина, отварной язык, запеченная или копченая говядина. После чего подают десерт: миндальные пирожные, после которых следует сыр.

Кстати, обслуживающий персонал ест в точности то же самое. У столовой для обслуживающего персонала в Букингемском дворце есть свой, совершенно особый шарм, потому что с украшающими ее стены гравюрами, на которых изображены прекрасные лошади, и со своими столами из красного дерева она напоминает скорее клуб «Сент-Джеймс», чем столовую для простых работяг. Стоит также отметить, что имеется при столовой и небольшой зал, предназначенный для завтрака, и комната для вечернего ужина; окна их выходят в сад.

Завтраки, подававшиеся многим гостям английских монархов, оставили свой след в анналах дворца. Так, например, Альфонс XIII, король Испании (в 1902—

1931 годах) любил на завтрак скушать бифштекс, запивая его чаем, а Густав XI, король Швеции (в 1950—1973 годах) просил подать ему большую тарелку блинчиков, политых подожженным коньяком.

Имена английских королей и королев частенько ассоциировались с некоторыми особо ими любимыми блюдами, ставшими благодаря этому знаменитыми. Так, королева Виктория обожала шоколадное желе и знаменитый букингемский плумпудинг (есть и такой вариант: плампудинг. — Ю. Р.). Известный бонвиван и кутила Эдуард VII выказывал большое расположение к бекасам «а-ля Суварофф», к перепелам, к муссу из крабов, подаваемому под соусом ремуляд. Наконец, существует так называемый «Кекс королевы Александры, преподносимый на день рождения», с большим количеством рома и кусочками лимона и апельсина. Георг V очень любил птицу, в особенности дичь, картофель податски, а также яйца «а-ля Сюзетт», желе под смородиновым соусом, а по страстным пятницам — треску под яичным соусом; Эдуард VIII любил семгу или лосося «а-ля Мальборо-Хаус». Георг VI, человек очень простой в кулинарных пристрастиях, оставил своим потомкам в наследство омлет «а-ля Георг VI». Нынешняя королева дала свое имя отбивным из ягненка с гарниром из артишоков; принц Филипп — приготовленным в горшочках куропаткам.

Что еще можно сказать о столе королевы? Пожалуй, то, что если королеве иногда нравится пообедать или поужинать в одиночестве, то ее супруг всегда приглашает кого-нибудь из членов королевской семьи составить ему компанию. Можно сообщить еще и такую деталь: королева-мать, эта всегда улыбающаяся старая дама (леди), которой ничто так не «улыбается», как коктейль с шампанским, и которая особо ценит блюда под разнообразными соусами и шоколадный крем, единственная или почти единственная вместе со своей дочерью Маргарет, кто переодевается к ужину: она надевает вечернее платье даже в том случае, если ест в одиночестве. Можно сообщить еще и о том, что все семейство питает отвращение к устрицам и только один лишь покойный

герцог Виндзорский составлял исключение. Если королева наносит официальный визит в какую-либо страну и дает там торжественный обед или ужин, то она берет с собой свою посуду, свои подсвечники, свой фарфор и очень часто свои вина; она также берет с собой трех лейб-гвардейцев и таким образом превращает британское посольство в «родной очаг». Да будет всем известно, что королеву ни в коем случае нельзя беспокоить во время обеда или ужина сообщением о телефонном звонке, один только Эндрю во время конфликта из-за Мальвинских островов осмелился нарушить запрет. Можно упомянуть и о том, что холодный ужин, рассчитанный на десять персон и поданный в антракте в особой столовой, примыкающей к королевской ложе в театре «Ковент-Гарден», бывает приготовлен на дворцовой кухне; кстати, блюдо под названием «карри из курицы», или «цыпленок под соусом карри», часто фигурирует в меню, приводимом на афишах Королевского оперного театра.

Хотя кухни Букингемского дворца и могут соперничать с кухнями таких заведений, как «Савой» или «Дорчестер», однако все же следует признать, что прежнюю роскошь они утратили. В эпоху правления королевы Виктории там ежедневно жарили по тридцать пять кур и варили восемнадцать килограммов мяса. Холодильников еще не было, правда, в штате дворца был человек, именовавшийся «хранителем “Ледяного дома”», ответственный за состояние дворцовых ледников. Персонал тогда имел право на обед, в меню коего было восемь различных блюд... Но, как бы там ни было, обслуживание в Букингемском дворце по-прежнему остается на очень высоком, воистину королевском уровне. Как замечает один из лакеев: «Каждый служащий Букингемского дворца выполняет совершенно определенную функцию, его цель состоит в том, чтобы нежить, холить и лелеять королевское семейство. Повара там для того, чтобы готовить на кухне еду, лакеи и пажи — для того, чтобы бегать туда и обратно, горничные — чтобы убирать покой...»

Глава IV
На службе Ее Величества

Каждое утро между восемью и девятью часами на улицах, прилегающих ко дворцу (Бэкингем-Пэлис-роуд, Гровенор-плейс и Конституишн-хилл), собираются те, кто идет работать во дворец, чтобы войти внутрь через так называемый Вход в помещение королевской казны.

«Улей»

К этому времени около трех десятков горничных в белых рабочих халатиках уже почти час освобождают каминные от золы, стирают пыль с мебели, чистят ковры. Там, где легкий шум может нарушить покой королевы, пылесосы применяют только после полудня. Короче говоря, при помощи всех средств и способов, которыми они располагают, штатные уборщицы дворца ежедневно возобновляют свою упорную борьбу с пылью. От конюшен, находящихся позади дворца, доносится цокот копыт по асфальту. Форейторы и кучера в высоких цилиндрах запрягают знаменитых серых в яблоках виндзорских лошадей и кливлендских гнедых.

На протяжении часа машины одна за другой въезжают во внутренний двор дворца через задние ворота, которые предпочитают здесь называть Торговые ворота, или Ворота поставщиков, выходящие на Бэкингем-Пэлис-роуд. «Процессию» открывает грузовичок мясника, а за ним следуют небольшие пикапы, украшенные королевским вензелем; они прибывают из Виндзорского замка, доверху нагруженные цветами, фруктами, овощами. Еженедельно огромная машина привозит запас мазута для того, чтобы поддерживать огонь в топке гигантской котельной, тщательно спрятанной за кустами и деревьями в так называемом переднем дворе дворца. Обычно три раза в неделю специальная машина опорожняет мусорные баки и вывозит мусор. Дважды в неделю пикап, принадлежащий прачечной, увозит и

привозит простыни, наволочки, скатерти, салфетки, рабочие халаты и фартуки обслуживающего персонала. Разумеется, белье королевы стирают вручную в особом помещении в самом дворце.

Итак, «улей» начинает жить активной жизнью: слуги, грумы, мойщики окон, обойщики, обивщики мебели и садовники заняты во дворце с утра до вечера и с вечера до утра. Половина членов этого «роя» живет во дворце. Их постели должны быть аккуратно застланы, их комнаты убраны, завтраки, обеды и ужины для них должны быть приготовлены. Итак, одна часть слуг (и немалая) занимается обслуживанием других слуг.

Всего на службе у британской монархии в Букингемском дворце состоят пятьсот пятьдесят человек. Но эта цифра обманчива: в нее включены и те, кто работает полдня, а также нанимаемые временно (для обслуживания приемов). Включены в штат и лица, занимающие почетные должности. Но такие лица, как королевский шталмейстер, как начальник королевской конногвардейской стражи, как главный сборщик пожертвований, как королевский духовник или как фрейлина, хранительница королевского гардероба, не прогуливаются по коридорам дворца; им не платят за работу жалованья, а потому они и заняты не весь день, и ходят они в обычной, повседневной одежде, кроме тех случаев, когда должны присутствовать на церемониях коронации или принимать участие в торжественных шествиях, возглавляемых монархом. Что касается главного сокольничего, смотрителя королевских лебедей или поэта-лауреата, то сегодня это только почетные звания, не накладывающие на их носителей вообще никаких обязанностей.

Порой создается впечатление, что обслуживающего персонала во дворце избыток, но здесь следует учитывать свои нюансы. Еще в эпоху правления королевы Виктории во время первой национальной переписи населения Соединенного Королевства, проходившей 6 июня 1841 года, в Букингемском дворце проживали 90 человек (в том числе и королева), 85 человек — в Виндзоре и 174 — в Сент-Джеймском дворце в апартаментах, милостиво предоставленных в пользование родст-

венникам и верным слугам. У лакеев, разделенных на три группы, был, как мы бы сегодня сказали, скользящий график: работа полный день, работа половину дня, отдых. Из-за отсутствия непосредственных, прямых начальников две трети персонала приходили и уходили, когда им вздумается. Другими словами, королевский двор был слишком дорогостоящим; кстати, за границей всегда насмехались над тем беспорядком, что царил в Букингемском дворце.

При Елизавете II принц Филипп взял на себя роль главного мажордома (дворецкого) и принялся перекраивать и резать по живому систему дворцового управления, нарушая традиции, уничтожая обряды, презирая ритуалы и действуя только по собственному разумению, руководствуясь одним-единственным принципом: экономить. Мысль об экономии стала у него настоящей манией в начале 1960-х годов. Никто из слуг не забудет тот день, когда во дворец призвали сэра Бэзила Смоллписа, одного из промышленных магнатов, приближенных к герцогу Эдинбургскому, чтобы провести во дворце модернизацию. Он счел необходимым пригласить экспертов по менеджменту. Это было знаковое событие, своеобразный символ того, что разразился очередной экономический кризис и будет совершена еще одна попытка заставить все службы Букингемского дворца функционировать лучше и с меньшими затратами. Весь обслуживающий персонал пришел в волнение, если не в смятение. Сэр Майкл Миллбенк, эконом королевского двора, встревоженный стремительно нарастающей паникой среди обслуживающего персонала (в особенности среди лиц, обслуживавших герцога Эдинбургского), принялся всех уверять, что нет никаких оснований для тревоги, что речь идет лишь о попытке рассмотреть данный вопрос и о стремлении понять, как можно сделать работу во дворце более эффективной. Принцу направили обстоятельный доклад, и, как это часто бывает с докладами, он не оказал значительного влияния на жизнь обслуживающего персонала.

На протяжении двух столетий служащие и слуги, призванные обслуживать королеву (причем некото-

рые из них являются членами профсоюза государственных служащих), никогда не принимали участия в забастовках. Ведь они обладают довольно серьезными преимуществами по сравнению с остальными госслужащими: пользуются благосклонностью королевы и имеют удобное жилье во дворце, получают бесплатное питание в роскошной дворцовой столовой и т. д. Кроме того, весной 2001 года заработная плата была значительно увеличена, чтобы компенсировать потери доходов за период стагнации.

Всеобщий прогресс оказывает на королевский двор весьма незначительное влияние, ибо двор подчиняется законам, которые никто не осмеливается нарушить. Так, например, со времен правления королевы Виктории о достоинствах лакеев судят по их внешнему виду и манерам. Главное — это рост; знания, приобретенные в специальной школе гостиничного сервиса, не имеют никакого значения, главное, чтобы лакеи были высокого роста и умели превосходно носить ярко-алую ливрею с золотыми галунами, особого покроя брюки из красного бархата и лакированные черные туфли (для обслуживания торжественных банкетов они надевают черные или ярко-алые сюртуки).

Во дворце каждый согласится с мнением, что королева не относится к числу «трудных» повелительниц-патронесс. Ее нельзя назвать капризной или привередливой, какой была Диана, ни высокомерной, как принцесса Кентская, ни утомительно придирчивой, как принцесса Маргарет. Если среди обслуживающего персонала провести опрос, то выяснится, что королева — самая уважаемая особа из всех членов королевской семьи, следом за ней идет принц Чарльз, причем его «результат» очень близок к «результату» матери.

Ничто из происходящего «за кулисами» Букингемского дворца не ускользает от внимания королевы. Всегда найдется верный и преданный лакей, чтобы пересказать ей последние слухи и сплетни, циркулирующие на кухне, или передать некоторые не слишком снисходительные замечания, слетевшие с уст кое-кого из ее многочисленных гостей.

По отношению к своему обслуживающему персоналу королева может проявлять поразительную терпимость и выказывать удивительную широту взглядов, так что Букингемский дворец иногда напоминает какой-нибудь паб, о чем свидетельствует следующая абсолютно достоверная история. Один из пажей Ее Величества, довольно давно находившийся у нее на службе, однажды возвращался во дворец среди ночи, после того как весь вечер пил виски в своем любимом пабе; он пошатывался, но все же шел, видимо, сила привычки вела его и направляла. Но он ошибся дверью и проник во дворец через вход, предназначенный для королевы. Бедняга был неспособен найти свою комнату и бродил по лабиринту коридоров, пока, наконец, не остановился перед какой-то дверью и после многочисленных неудачных попыток сумел повернуть ручку и войти. Двигаясь ощупью в комнате, которую он принял за свою, паж умудрился добраться до верхней ступени тонувшей в темноте лестницы, не удержался на ногах, рухнул в пропасть и при падении на кого-то налетел: это была королева, которая собиралась подняться по этой лестнице, чтобы попасть в свои покои. Сбитая с ног со всего маху, королева упала навзничь и оказалась практически погребенной под телом пьяного пажа. Не без труда ей все же удалось выбраться из-под этой бесчувственной массы. Собравшись с духом и сохраняя достоинство, королева ограничилась лишь тем, что сказала вцепившемуся в перила лестницы пажу: «Советую вам немедленно пойти и лечь в постель, если только вы на это способны!» И его не уволили!

Подобное возможно лишь потому, что королева, вместо того чтобы испытывать чувство собственного могущества от сознания, что целая организация «вращается» вокруг нее, напротив, испытывает нечто вроде головокружения от мысли, что столько людей состоят у нее на службе и все — от гостиных до конюшен, от кухонь до подвалов и оранжерей — заняты тем, что обслуживают ее, а это целая армия лакеев, дворецких, пажей и чернорабочих, находящаяся под началом у главного интенданта. И это не

считая членов команды «борцов с паразитами», устраивающих облавы на крыс, и «ответственного за цветы», которому не хватает долгого трудового дня, чтобы сменить все букеты в вазах дворца. А ведь есть еще похожий на привидение часовщик, вооруженный связкой ключей. Он входит без предупреждения, уходит тоже незаметно и приводит в действие механизмы бесчисленных часов. Единственная задача этого очень достойного господина, никогда не открывающего рта, состоит в том, чтобы заводить триста настенных и напольных часов во дворце, и работа эта не из легких. Кроме того, есть еще люди, носящие почетные звания, такие как «рыцарь-хранитель серебряной посуды», а также те, кто удостоен чести быть личными слугами Ее Величества. Наконец, есть еще и женский батальон: уборщицы, приводящие в порядок подвалы, горничные (около пятидесяти), которые трудятся, как пчелы, целый день, эдакие невидимки, без усталости снующие между покоями и прачечной. Правда, следует признать, что некоторые звания и должности все же исчезли, например, теперь нет больше «дегустатора королевских вин»: эта должность была упразднена Георгом V, которого страшно раздражало, просто выводило из себя, что за завтраком, обедом и ужином рядом с ним находится немой и невозмутимый персонаж, обходящийся королевской казне в 980 евро в год по современным меркам.

В понятие «королевский двор» входят три категории лиц: представители собственно королевского двора или придворные, то есть цвет британского истеблишмента; высшие должностные лица; дворцовые служащие, всего сто пятьдесят пять человек, находящиеся в ведении двадцати пяти ответственных лиц. Итак, считайте: около пятидесяти придворных, около сотни высших должностных лиц и чиновников и сто восемьдесят человек обслуживающего персонала. Надо еще прибавить сюда священнослужителей, являющихся духовниками членов королевского семейства, медперсо-

нал, служащих канцелярии и военных, осуществляющих охрану дворца.

Вот список членов королевского двора:

Лорд-гофмейстер (иногда его теперь именуют лорд-чемберлен. — Ю. Р.)	Сотрудники кассы, где производят выплату заработной платы (10)
Лорд-интендант	Лорд-капеллан
Королевский шталмейстер	Помощник лорд-капеллана
Королевский казначей	Скипетроносец
Королевский главный инспектор	
Лорд-обер-гофмейстер	Инспектор службы лорд-гофмейстера
Вице-адмирал Соединенного Королевства	Заместитель инспектора
Контр-адмирал Соединенного Королевства	Секретари службы лорд-гофмейстера (3)
Адъютанты (8 человек)	Ассистенты и служащие, ответственные за организацию аудиенций и приемов при лорд-гофмейстере (8)
Придворная дама — хранительница королевского гардероба	Камергеры королевского дворца (9 человек; камергер — мужской эквивалент фрейлины или придворной дамы)
Камер-фрау (2)	Камергеры королевского дворца (9 человек; камергер — мужской эквивалент фрейлины или придворной дамы)
Камеристки (8)	Привратники, то есть секретари при высокопоставленных лицах, вводящие и выводящие посетителей (12)
Придворные дамы, поддерживающие шлейф королевы	Младшие привратники (18)
Шталмейстеры и берейторы (24)	Парламентские приставы (3)
Личный секретарь королевы и хранитель архивов королевы	Маршал дипломатического корпуса
Помощник личного секретаря королевы	Вице-маршал дипломатического корпуса
Ассистенты личного секретаря	Хранитель королевских драгоценностей
Секретарь при службе дворцовой стражи	Хранитель-реставратор королевских картин
Пресс-атташе	Помощник хранителя-реставратора
Секретарь пресс-атташе	Библиотекарь
Бухгалтеры и сотрудники финансового отдела (16)	Хранитель гравюр
Помощник архивариуса	Эксперт в области произведений искусства (искусствовед)
Библиотекари, служащие в архивах (4)	Советник в сфере искусств
Хранитель сокровищницы королевы и ее личный казначей	Королевский историк
Заместитель личного казначея королевы	Королевский ботаник
Главный бухгалтер	Королевский художник и гравер
Обслуживающий персонал казначейства (4)	Королевский скульптор
Помощник личного казначея королевы	
Управляющий финансами королевского казначейства	

Королевский астроном	Персонал, подчиняющийся королевскому эконому (180 человек):
Королевский преподаватель музыки	Пажы, обслуживающие служебную лестницу (4)
Поэт-лауреат	Лейб-гвардейцы (4)
Смотритель королевских лебедей	Пажы присутственных мест (приемных покоев)
Королевский шкипер	Старшие ливрейные лакеи (4)
Суперинтендант государственных апартаментов	Помощники старших ливрейных лакеев (4)
Лорд-канцлер	Лакеи (14)
Лорд-хранитель малой королевской печати	Горничные (24)
Лорд-коннетабль	Шеф-повар (1)
Граф-маршал	Помощник шеф-повара (1)
Лорд-камергер	Обслуживающий персонал
Представитель Ее Величества в Аскоте	кухонь (22)
Королевский эkonom	Кондитеры (3)
Заместители королевского эконома (2)	Садовники, носильщики и т. д.
Помощник королевского эконома	Помощник суперинтенданта
Секретари королевского эконома (10)	Берейторы на конюшнях (3)
	Инспектор конюшен
	Ветеринар
	Служащие на конюшнях (3)
	Грумы, шоферы (30)

Королеву и ее семейство обслуживает целый штат священнослужителей — 48 человек (включая органиста); в штате медперсонала — 14 практикующих врачей; канцелярия наградного отдела, занятого делами по дарованию гражданам званий рыцарей и кавалеров различных орденов, насчитывает 7 человек; 33 человека служат в Благородном корпусе лейб-гвардейцев, а 77 человек составляют гвардию личной охраны королевы; к ним надо добавить 13 конногвардейцев из Виндзорского замка и 34 человека из роты королевских лучников.

Список, прямо скажем, не совсем удобоваримый, а потому он заслуживает кое-каких пояснений.

Звания

Многие англичане не лишают себя удовольствия посмеяться над «придворным языком» и над некоторыми устаревшими придворными званиями. Так, среди

фрейлин или придворных дам есть такие, что носят звание камер-фрау, и эти дамы никогда при этом не входят в спальню королевы; есть приближенные фрейлины, занимающие на иерархической лестнице более высокое положение; наконец, на самом верху находятся те, кто поддерживает королевский шлейф; есть во дворце лица, носящие звания шталмейстеров и берейторов, но не имеющие лошадей, хотя эти должности исторически связаны с конюшнями; а также есть еще и такие, что носят звание «лорд-наместник», причем функцию эту зачастую теперь исполняют женщины, и их продолжают именовать «лордами»... При дворе также существуют звания чисто символические, фиктивные, вроде шкипера яхты королевы, в чьем подчинении якобы находится именно яхта королевы (каковой нет в природе в наши дни). Королевские биографы никогда не упускают даже мельчайших деталей и всегда упоминают, что при королевском дворе есть, например, смотритель королевских лебедей, который занимается исключительно только королевскими лебедями. Наконец, существуют хранитель и реставратор королевских картин и эксперт в области произведений искусства, словно картины — это не произведения искусства, а реставратор не является одновременно и экспертом.

Довольно большая часть членов королевского двора носит вот такие чисто символические почетные звания. Так, например, существует звание главного сокольничего. Это наследственное звание, и принадлежит оно графу Барфорду, каковой дважды в год имеет право получить четверть косули, ставшей охотничьим трофеем во время королевской охоты. Смотритель королевских лебедей действительно вроде бы должен присматривать за лебедями, что плавают в прудах королевских резиденций, а также и за теми, что плавают по Темзе.

С 1625 года, то есть с момента появления при дворе Никола Ланье, у английского монарха имеется королевский капельмейстер. Сей музыкант, в обязанности которого входит сочинение мелодий королевских маршей, получает в год сумму, равную 1524 евро. Среди

тех, кто занимал сей пост, назовем сэра Майкла Типетта, автора «Сюиты ко дню рождения принца Чарльза», и сэра Уильяма Уолтона, в 1937 году сочинившего знаменитый «Коронационный марш». Кстати, композитор Элгар, например, не пожелал исполнять налагаемые этим званием обязанности, хотя Эдуард VII и вдохновил его в 1902 году на создание одного из самых прославленных маршей, в названии которого фигурирует шекспировская строка: «И пламя битв, и торжество побед».

С 1616 года при дворе также выбирают «официального» придворного поэта, каковым тогда был назначен Бен Джонсон. Сегодня поэт-лауреат получает ежегодно сумму, равную 163 евро, за то, что обязан писать поэмы по всяким торжественным поводам, связанным с королевским семейством. Этот пост долгое время занимал Сесил Дей Льюис, отец актера Дэниела Дей Льюиса. Англия, вероятно, является единственной страной в Европе, где поэзия еще жива и где средства массовой информации и издатели уделяют ей большое внимание.

Примерно те же принципы, что и при избрании придворного поэта, действуют и при назначении на должность придворного (или королевского) скульптора, художника, ботаника и астронома. Присвоение одного из этих званий является для королевы способом воздать почести художнику или ученому, поставившему свой талант на службу Короне. Разумеется, ближайшее окружение королевы играет большую роль при избрании «лауреатов»: лорд Сноудон, например, не лишает себя удовольствия высказать свое мнение. Похоже, главным требованием для занятия таких постов являются конформизм и высокая нравственность; с трудом можно представить, чтобы Дэвид Хокни или, скажем, Фрэнсис Бэкон удостоились таких званий. Среди главных членов королевской медицинской службы фигурирует королевский гинеколог. Прославленный доктор Джордж Пинкер, в качестве главного действующего лица принимавший участие при всех королевских родах со времен появления на свет Чарльза в 1948 году и до рождения принцев Уильяма и Гарри в 1982 и 1984 годах, все же наконец ушел в отставку.

Сегодняшний носитель этого звания, доктор Маркус Сетчелл, имеет частный кабинет на Харли-стрит и работает также в больнице под названием «Портленд-хоспитал».

У королевского семейства есть королевские врачи (всего трое), а у королевы есть еще два особых личных врача — дантист и окулист; кстати, все медики покупают снабдь у одного и того же фармацевта. Обслуживающий персонал дворца также получает квалифицированную медицинскую помощь. Состоит на службе у королевы и придворный астролог.

Штат священнослужителей, обслуживающий королевское семейство, настолько велик, что кажется избыточным: главный декан королевских часовен (домовых церквей), по одному декану на каждый дворец (включая Хэмптон-Корт) и тридцать шесть капелланов, отправляющих службы в Букингемском дворце, Виндзорском замке, Сандрингеме, Хемптон-Корте и даже в Тауэре. Королева Англии, как и все английские монархи, начиная с Генриха VIII, является главой англиканской церкви. Правда, стоит заметить, что сама королева посещает церковь только по воскресеньям.

На самом деле история некоторых должностей, теперь чисто традиционных, теряется во мраке времен. Носителей этих званий зачастую призывают к исполнению своих обязанностей только по случаю торжественных официальных церемоний. Так, например, главный шталмейстер в незапамятные времена командовал войском короля в период войн, в то время как на главного королевского интенданта возлагалась задача разоблачать участников различных заговоров против монарха. Сегодня оба этих должностных лица не имеют никаких реальных обязанностей, хотя и сопровождают королеву во время официальных церемоний. Главный шталмейстер едет верхом на лошади непосредственно следом за королевой, когда она объезжает войска, построенные для смотра во время ежегодной церемонии выноса знамени. То же самое делают так называемые алебардщики, личные охранники (телохранители) королевы, и члены Благородного корпуса лейб-гвардейцев. Прежде алебардщикам вменялось в

обязанность защищать короля от возможных покушений на его жизнь. Кстати, именно они пробовали все блюда, подаваемые королю, чтобы предупредить любую попытку отравления. Сегодня они «охраняют» королеву только во время пышных процессий, которые являются украшением всяческих торжественных официальных церемоний. Тогда они надевают свою живописную униформу, относящуюся к эпохе правления Тюдоров, яркость и красоту которой усиливает цвет спелой клубники, что стал доминирующим в эпоху Елизаветы. Благородный корпус лейб-гвардейцев прославился тем, что защищал Вестминстерский дворец во время восстания под предводительством Уайта в 1533 году. Сегодня лейб-гвардейцев Благородного корпуса призывают только для того, чтобы они образовали цепь почетного караула в случаях чрезвычайно торжественных встреч, например коронации, и тогда они выступают с превеликим достоинством, сжимая в руках свои традиционные алебарды. Многие носители почетных званий, фигурирующие в списке, имеют примерно такие же почетные обязанности: это относится к десяти дворцовым привратникам, к двенадцати дворянам-привратникам и к двадцати четырем шталмейстерам и берейторам из резерва.

Законы иерархии ощущаются во дворце во всем. Из трехсот восьмидесяти трех человек из числа тех, кого называют членами «королевского двора королевы», только человек шестьдесят действительно день за днем служат ей, работают ради нее. Напротив, многие из тех, кто на самом деле обслуживает ее, не входят в список; дело в том, что некоторые королевские слуги, такие как пажи и ливрейные лакеи, не имеют права именоваться «членами двора королевы», они относятся к категории «обслуживающего персонала», а не категории «придворных». Между придворными и слугами существует очень четко обозначенная граница. Мало того, даже слуги тоже делятся на две категории: к первой относятся слуги высшего разряда, мужчин именуют «господин», женщин — «госпожа», причем употребляют искаженное на английский лад французское обращение «мадам» (звучит оно как «мэдэм»), обращаясь как к за-

мужним, так и к незамужним женщинам; ко второй категории относятся слуги низшего разряда, коих именуют по фамилии, не прибавляя никакого обращения. Стоит заметить, что королева обращается к тем, кто обслуживает лично ее, по имени.

Букингемский дворец подчиняется такой же строгой субординации, как и Королевский военно-морской флот. В этом прекрасно отдаешь себе отчет, приобщившись к организации таких тщательно разработанных традиционных церемоний, как завтраки, обеды и ужины. В распоряжении персонала оказываются разнообразные столовые: столовая для придворных королевы, столовая для высших служащих, столовая для персонала различных служб, столовая для служащих интендантства и столовая для слуг.

Дворцовый эконоом и его помощник, личный секретарь королевы и два его заместителя, казначей королевского двора и его заместитель, шталмейстеры и фрейлины завтракают, обедают и ужинают в столовой для придворных, для членов двора королевы. Они собираются вокруг большого лакированного стола из красного дерева, во главе которого восседает дворцовый эконоом (в отсутствие обер-гофмейстера, который почти никогда не покидает Сент-Джеймский дворец). Они обедают и ужинают, соблюдая все правила этикета, им прислуживают паж и ливрейные лакеи. Пищу им готовят на королевской кухне, и занимается этим личный повар королевы.

Главный бухгалтер, контролер бюджета, заведующий канцелярией и суперинтендант дворца обедают в столовой, предназначенной для высших служащих. Пищу им готовят на кухне, обслуживающей персонал дворца, блюда им подают кокетливые официантки в кружевных чепчиках-наколках и белых фартучках. Они обслуживают также в столовой для персонала различных служб всех служащих этих служб, машинисток, стенографисток и младших бухгалтеров.

Два личных пажа королевы, старший ливрейный лакей, помощница камеристки королевы и горничные, прислуживающие фрейлинам, едят в столовой для служащих в компании с главным королевским интендан-

том, восседающим во главе стола, и с интендантом дворца. Их обслуживают молодые ученики, постигающие тонкости профессии ливрейного лакея. Уборщицы, шоферы, ливрейные лакеи и те, кто выполняет примерно такие же функции, питаются в столовой самообслуживания для прислуги, они сами выбирают себе блюда, берут их с огромного, длинного прибора для подогрева, вроде тех, что установлены в кафетериях, и садятся за отдельные столики, рассчитанные на четыре человека.

Как мы видим на этом примере, трудно забыть об иерархии и о протоколе в повседневной жизни этого дворца. На самом верху иерархической лестницы стоят так называемые члены Королевского дома, или королевского двора, и этикет предписывает называть их в следующем порядке: лорд-гофмейстер, дворцовый эконо́м, королевский шталмейстер, королевский казначей, королевские советники.

Лорд-гофмейстер — главный администратор королевского двора. Один из носителей этого звания сравнивал свое положение с положением «президента крупной компании, у которой есть только один заинтересованный акционер». Среди прочих обязанностей одна особенно тяжела: он должен организовывать почти все крупные торжественные официальные церемонии. Заметим в связи с этим, что он теперь лишен права вводить цензуру в английских театрах, но однако же скажем, что, как это ни невероятно, этот обычай, доживший до XX века со времен правления Елизаветы I (в качестве хитроумного способа препятствовать высмеиванию монархии со сцены), был упразднен лишь в 1968 году.

Лорд-камергер, или главный королевский интендант, сегодня играет лишь традиционную, бутафорскую роль, не приносящую ему никакого жалования. Раньше лорд-камергер нес ответственность за монарший стол и присутствовал при трапезах короля или королевы. Сегодня же единственной уступкой старине и славному прошлому является церемониальный наряд: черный фрак со штанами до колен и черными шелковыми чулками, туфли с пряжками, бе-

лый галстук, а также, естественно, все ордена и прочие награды. Основные обязанности лорда-камергера сегодня возлагаются на дворцового эконома, контролирующего действия всего персонала дворца. Сэр Питер Ашмор занимал эту должность с 1973 по 1986 год, сэр Пол Грининг сменил его на этом посту, и всяческую помощь ему оказывают подполковник Стюарт-Вильсон и Александр Хэнкок. Иногда, правда, всеми делами во дворце заправляет управляющий дворца, однако, хотя он и занимает самый высокий пост среди персонала, он не является членом королевского двора и никогда не будет рассматриваться в качестве такового, ибо человек, занимающий эту должность, чаще всего не принадлежит к *истеблишменту*.

Истеблишмент

Трудно дать точное определение понятию «истеблишмент». В общем, можно сказать, что это нечто вроде клуба для избранных, внепарламентского и недемократического, объединяющего влиятельных представителей элиты. Королевский двор объединяет цвет, сливки королевских слуг, тех, кто по сей день сохраняет свои архаичные, устаревшие должности и звания, тех, кто в большинстве своем принадлежит к высшей знати, к аристократии, и кто владеет крупным личным состоянием. Они образуют своеобразный анклав в таинственном образовании, именуемом истеблишментом. Никто в Соединенном Королевстве не смог бы назвать всех, кто является членом истеблишмента, но их влияние на жизнь страны очень существенно. Королевский двор, бесспорно, представляет собой часть этой мощной группировки, дергающей за веревочки и всем управляющей.

Королевские фрейлины, или придворные дамы, тоже принадлежат к истеблишменту. Первая среди них именуется хранительницей королевского гардероба. Она обычно держится позади королевы на официальной церемонии открытия сессии в парламенте и на

других церемониях. Первоначально эта должность предусматривала действительно заботу обо всех принадлежностях гардероба государыни, сегодня же эту задачу в основном выполняют камеристки-костюмерши, являющиеся, естественно, представительницами обслуживающего персонала.

У королевы Елизаветы четырнадцать фрейлин. В основном это титулованные дамы, они могут оставаться при ней попеременно на протяжении многих лет (некоторые — более трех десятилетий). В каком-то смысле обязанности придворных дам в прежние, так сказать «доелизаветинские», времена были более интересны, ведь раньше они, вместо того чтобы заниматься дипломатами и слугами, вместо того чтобы писать за королеву письма, должны были разрешать многочисленные повседневные проблемы дворцовой жизни и являлись истинными наперсницами королевы, ее доверенными лицами.

К королеве Елизавете также приставлены еще и камер-фрау — дамы, помогающие ей одеваться и прислуживающие ей во время ежедневных официальных церемоний; придворные дамы, поддерживающие шлейф, представляют собой некий аналог шталмейстеров, только женского пола.

«На публике» фрейлина не должна выглядеть ни слишком суровой, ни слишком веселой, то есть она не должна ни хмуриться, ни слишком явно улыбаться, иначе она рискует привлечь к себе внимание и оттеснить королеву на второй план. Итак, она должна научиться лишь очень сдержанно улыбаться. Нынешняя королева видит в своих фрейлинах подруг, и, кстати, ни одна из них ни разу не сообщила никаких данных, порочащих королевское семейство, ни разу не пошла на откровения.

Среди обязанностей придворной дамы есть одна особенно тяжкая: забота о цветах. На каждой официальной церемонии одной из дам поручается миссия нести многочисленные букеты, которые вручают членам королевского семейства. В конце особенно продолжительного выезда за пределы дворца эта бедняжка становится похожа на витрину цветочного магазина.

Как мы уже говорили, мужским «эквивалентом» фрейлины является шталмейстер. Питер Таунсенд так говорит о своей должности: «Моя должность называлась шталмейстер, или конюший, причем не просто, а ожидающий. Ибо именно таков был смысл моей работы: ждать, что я и делал, не входя часами в покои короля и ожидая его пробуждения или того момента, когда он позовет меня, если он бодрствовал. Могло быть и так, что сам шталмейстер заставлял монарха ждать, если был столь безумен, чтобы удалиться на такое расстояние, с которого не мог расслышать позвякивание королевского колокольчика, время от времени нарушавшего тишину в кабинете сего шталмейстера».

В прошлом миссия шталмейстера (ранее именовавшегося конюшим) состояла в том, чтобы следовать верхом за каретой короля и королевы, чтобы защитить монарха, если потребуется. Сегодня этот пост — скорее почетный. Когда королева устраивает смотр вооруженных сил, шталмейстер следует за ней, держась на расстоянии двух шагов. Один из шталмейстеров всегда «несет вахту». Все шталмейстеры, или конюшие, живут во дворце и сопровождают Елизавету и во время официальных визитов, и во время каникул, когда их роль заключается в том, чтобы встречать гостей и наблюдать за обслуживающим персоналом.

Другие члены королевской семьи тоже призывают на помощь шталмейстеров, чтобы они представляли их на различных церемониях или в ходе визитов, чтобы они составляли их рабочий график и сопровождали их во время поездок по Англии и за рубеж. Совершенно очевидно, что между шталмейстером и той особой, которой он служит, в конце концов завязываются дружеские отношения.

Один из шталмейстеров королевы даже дошел до того, что вздумал претендовать на статус королевского зятя. В этой истории или в этом анекдоте нет недостатка в «соли». Итак, майору Тимоти Лоуренсу тридцать пять лет. Он высок, элегантен, черноволос. В 1979 году, закончив курс в военно-морском колледже, он, стал помощником штурмана на судне «Британия», где и был замечен не только своими прямыми начальниками, но

и королевой Елизаветой. Но прежде чем стать членом королевского двора, он в 1980 году стал одним из офицеров на корабле «Шеффилд», затем одним из высших офицеров на британском военном корабле «Сигнит» («Молодой лебедь»), на котором прослужил с 1982 по 1983 год. Перед тем как быть назначенным на пост шталмейстера Елизаветы II, он служил на фрегате «Алэ-крити» («Рвение»). На посту шталмейстера он заменил майора Хью Линдсея, умершего в Клостере во время катания на лыжах с принцем Чарльзом в 1988 году. Но публикация страстных писем Тимоти Лоуренса, адресованных принцессе Анне, положила конец его карьере. Как коварно было замечено на страницах одной из лондонских ежедневных газет: «Стоит ли утверждать, что после “дела Таунсенда” должность королевского шталмейстера, или конюшего, стала запретной для свободного, то есть холостого, мужчины, чтобы не поставить одного из членов королевской семьи в деликатное положение!» Но любовь сильнее всего! После молниеносного развода с Марком Филлипсом 23 апреля 1992 года принцесса королевской крови выходит замуж за Тима Лоуренса 13 декабря в Шотландии. Хеппи-энд!

Наравне с личным секретарем пресс-атташе тоже видит королеву ежедневно. Задача перед ним стоит не легкая... Так, один журналист признается: «Охота на королевское семейство — это как наркотик, вызывающий эффект привыкания». Надо сказать, что у королевы есть свой, весьма достойный способ отвечать на все выпады, направленные против нее лично, — молчание. Кроме только тех случаев, когда скандал разгорается уж слишком с большой силой. Так что нет ничего удивительного в том, что Робин Джанврен, в 90-е годы выполнявший обязанности пресс-атташе, сейчас занимает пост личного секретаря королевы. Джефф Кроуфорд, унаследовавший пост пресс-атташе, недавно ушел в отставку, и королева назначила на эту должность Саймона Уокера, бывшего ответственного за связи с общественностью компании «Бритиш эруэйз».

Итак, пресс-атташе должен служить своеобразным буфером между дворцом и средствами массовой ин-

формации. Он трудится на заминированной территории, как узнал это на собственном горьком опыте Майкл Шей, пресс-атташе, сменивший на этом посту Уильяма Хезелтайна в 1978 году. В самом начале своей деятельности в одном разговоре с канадским журналистом, думая, что беседа их сугубо конфиденциальна, он случайно обмолвился, что королевское семейство иногда использует в разговоре выражение «мисс Пигги», намекая на персонаж известного сериала «Маппетс-шоу» и подразумевая под этим персонажем королеву. Разумеется, он бы не позволил себе такого рода откровений позднее, уже набравшись опыта. Когда же сообщения об этой его оплошности просочились в прессу, стало ясно, что для опытного придворного подобный промах стал бы причиной нервного срыва или депрессии, за чем неизбежно должна была последовать отставка. То, что королева восприняла это происшествие с улыбкой, свидетельствует о наличии у нее изрядного чувства юмора.

Но есть один пункт, по поводу коего королева более не желает прибегать к уловкам: это сдержанность ее персонала, попросту говоря, умение соблюдать тайну. Сэр Майкл Пит, казначей королевы и хранитель архивов Ее Величества, весной 2001 года заставил всех придворных и весь обслуживающий персонал подписать контракт на трех страницах, в котором каждый обещал никогда никому не рассказывать о том, что он услышит или увидит во дворце при исполнении своих обязанностей. Публикация книги Патрика Джефсона, бывшего личного секретаря принцессы Дианы, принудила королеву найти способ защитить себя и свою семью от болтливости своих слуг и служащих.

Дворцовый эконом двора королевы исполняет во дворце наиболее деликатные функции. Он является мажордомом, по сути дела — дворецким Ее Величества, он несет ответственность за то, чтобы дела в королевских резиденциях шли хорошо, чтобы все шло, как говорится, без сучка без задоринки и в Букингемском дворце, и в Виндзорском замке, в Сандрингеме и т. д. Эта работа требует больших организаторских способностей. Под его началом находится более половины

членов обслуживающего персонала. Один из подчиненных ему членов королевского двора, стоящий во главе каждой службы, играет в каком-то смысле роль его «наместника», эдакого капрала. Среди них есть суперинтендант (управляющий) дворца, несущий ответственность за состояние зданий и мебели. Вместе с суперинтендантом Виндзорского замка он обязан следить за тем, чтобы каждый сантиметр потертой мебельной обивки был немедленно заменен, чтобы обветшавшие драпировки были своевременно починены или заменены — разумеется, после того, как будет получено согласие королевы. На них лежит и забота о состоянии старинной ценной мебели.

Они также следят за тем, как моют и протирают окна, как натирают воском столы, как заводят стенные часы; отвечают за то, чтобы хорошо работали лифты, центральное отопление, водопровод; в их ведении находятся подсвечники и современные средства освещения. В Букингемском дворце под присмотром дворцового эконома трудятся три обойщика, ковровщики, или шпалерные мастера, обивщики мебели и четыре электрика, два водопроводчика, один полировщик, три или четыре плотника, кочегар или истопник, следящий за центральным отоплением, двенадцать разнорабочих, которые моют окна и переставляют мебель, а также человек, целиком посвящающий свой рабочий день тому, чтобы начищать до блеска металлические решетки и украшения каминов во многих помещениях.

Экономка дворца, то есть представительница женского пола, занимающая подобный же пост, руководит двумя дюжинами горничных, которым вменяется в обязанность ежедневно застилать постели и вытирать повсюду пыль; также под ее началом находятся двенадцать уборщиц крепкого телосложения, которые ежедневно принимаются за черную и тяжелую работу. Она также несет ответственность за бельевую кладовую, занимающую множество комнат в подвале, в задней части дворца. Там расположены бесконечные ряды стальных шкафов, и полки их скрипят и прогибаются под тяжестью тысяч простыней, наволочек, салфеток, полотенец, скатертей и т. д. Некоторые скатерти,

которыми накрывают столы для официальных банкетов, столь длинны и тяжелы, что требуется два человека, чтобы погрузить такую скатерть на тележку, которая и повезет ее в большой Бальный зал.

Под началом у интенданта дворца находятся: паж, выполняющий роль его заместителя, четыре так называемых «пажа с боковой лестницы» (они обслуживают персонал королевы и принца Филиппа), шесть пажей, которых именуют «пажами присутственных мест», а также хранитель стеклянной посуды и хранитель посуды серебряной, хранитель золотых приборов и золотой посуды, смотритель погребов, дюжина ливрейных лакеев, четыре помощника дворецкого или метрдотеля, четыре помощника сомелье и официанты, подающие блюда в столовой. Что касается пажей, то следует различать «низших» и «верхних»: пажи со служебной лестницы держат под контролем доступ к личным покоям членов королевской семьи; затем идут пажи, которые пекутся о послых и посетителях, прибывших во дворец с визитами, а «пажи присутственных мест» берут на себя заботу о гостях, проживающих в Покоях бельгийских королей, и исполняют роль привратников на завтраках, обедах и ужинах. Королева может целиком положиться на четырех «пажей с боковой лестницы», помогающих ей при исполнении ее официальных обязанностей. Эти личные пажи монарха должны держать шпагу, если перед ними лицо, обладающее правом именоваться «сэром», они пекутся о сумке королевы, о ее шлейфе... Название этой должности пришло из глубины веков, когда в обязанности этих пажей входило препровождение любовниц короля или любовников королевы в королевские покои по боковой лестнице.

Сегодня, как и вчера, существует «золотое правило», и суть его в сохранении тайны, в строгом молчании, в скромности. Хороший ливрейный лакей — это такой, который умеет в нужный момент бесшумно исчезнуть, словно бы растаять в воздухе. То же самое должны уметь и горничные при приближении одного из членов королевской семьи. Правда, есть одно место, где дело немного усложняется: бассейн, потому что неко-

торые члены обслуживающего персонала имеют право пользоваться им в любое время, кроме часов, отведенных для королевского семейства, но, разумеется, случается и так, что кому-то из членов семьи королевы вдруг захочется поплавать и во внеурочное время. В таких случаях персонал должен немедленно удалиться.

Для горничных и лакеев день кажется скучным и длинным, потому что основную свою работу они выполняют либо ранним утром, либо ближе к вечеру, во время обеда. Еще одно старинное правило требует, чтобы ливрейные лакеи не входили в спальню к даме, а потому и поднос с завтраком всегда должна приносить горничная.

Во дворце существует целый маленький мирок представителей профессий, неизвестных широкой публике: краснодеревщиков, позолотчиков, лакировщиков и т. д. Министр по делам окружающей среды, оплачивающий труд этих мастеровых по сохранению наследия предков, хранит молчание по поводу стоимости этих работ.

Часть обслуживающего персонала является членами профсоюза государственных служащих. Некоторые образовали свой собственный клуб любителей футбола — «Королевский придворный футбольный клуб», а также входят в состав любительской футбольной команды, принимающей участие в турнирах. Существует и особый «Королевский социальный клуб». Но, как отмечает социолог Джон Григ, не все так хорошо, как хотелось бы: «Очень жаль, что среди персонала почти нет людей с не белым цветом кожи. Монархия оказывает весьма сильное воздействие на общество, и потому достойно сожаления, что Букингемский дворец не может служить примером в данном вопросе».

Во дворце горничные занимают положение более низкое на иерархической лестнице, чем ливрейные лакеи. Если они выходят замуж, то должны уйти, ибо во дворце не держат на службе замужних женщин. «В Букингемский дворец входят так, как входят в монастырь», — иронизирует один из лакеев. Таким образом, можно сказать, что две дюжины горничных королевы являются объектами сегрегации по признаку пола. Они

живут в правом крыле дворца, а ливрейные лакеи — в левом, но все на одном этаже, на четвертом. Вот откуда, быть может, берут начало слухи о том, что во дворце многие члены обслуживающего персонала находятся во власти «гей-мафии».

Членов обслуживающего персонала увольняют с королевской службы только в тех случаях, если кто-то нарушил закон или был замечен в «сексуальном домогательстве». Во дворце рассказывают одну забавную историю, связанную с одним из пажей принца Филиппа: этот паж был уволен в один день. «Где мой паж?» — спросил принц Филипп. «Он уволен, Ваша Светлость». — «Что же он такого натворил?» — «Его застали в постели с горничной, Ваша Светлость». — «И его выгнали?» — воскликнул возмущенный принц. — «Да его следовало бы наградить!»

Не знаю, вымысел это или правда, но кое-кто утверждает, что королева начинает вертеть на пальце обручальное кольцо, когда сердится. Но барометр Букингемского дворца редко регистрирует бури, так как королева довольствуется тем, что с презрением бросает: «Мне не смешно» по поводу всяких эксцентричных выходок ее слуг.

Однако горе тому, кто не выкажет ей должного уважения! Одному из них, посмевавшему слегка опереться на каминную полку в ее присутствии, она в гневе бросила: «Вы что, устали?»

И все же королеве приходится частенько сталкиваться лицом к лицу с неприятными реалиями нашей эпохи. Семнадцать человек из числа очень уважаемой, очень почитаемой королевской стражи Букингемского дворца после прохождения тестов на наркотические вещества, такие как гашиш, амфетамин или экстази, были признаны виновными в данном грехе... Да, такую пилюлю проглотить нелегко... Эти заблудшие овцы из первого батальона Уэльского гвардейского полка были с позором изгнаны из армии. Понятно, что королева была в ярости.

Елизавета ратует за то, чтобы в ее отношениях с персоналом царила полная гармония. Так, члены обслуживающего персонала пользуются некоторыми привиле-

гиями, и среди них одна очень существенная: королевское семейство обеспечивает жильем тех из них, кто долго им служил и подал в отставку или ушел на пенсию. Но сегодня очень многие из верных слуг королевы состарились, и теперь становится все труднее и труднее найти им пристанище. Они могут выбрать себе место проживания: либо в Лондоне, либо в Сандрингеме, либо в Балморале, где много небольших коттеджей, либо в Виндзоре. Кстати, Елизавета выказала особое благородство в 1999 году, приняв решение оплатить из собственных средств подушную подать за своих старых слуг, проживающих на ее землях.

Персонал пользуется и другими привилегиями: скидками у поставщиков Короны, льготными ценами на продукты, произведенные на фермах в Сандрингеме, Виндзоре или в герцогстве Корнуолл. Наконец, имеет доступ в так называемую шталмейстерскую, где может пить бесплатно.

Двор королевы-матери

Двор королевы-матери более скромнен, чем двор царствующей королевы, но все же он насчитывает около сотни человек, включая поденщиков. В основной штат прислуги входят: два ливрейных лакея, два обычных лакея, шеф-повар и два рядовых повара. Королева-мать сохранила привычку называть своих двух камеристок по фамилиям. У нее на службе состоят три шофера, в ее распоряжении находятся восемь машин, и у нее есть свои собственные телефонистки.

Как и ее матушка, Елизавета II любит находиться в обществе своих придворных и их супругов, и она показывает, что ей вполне комфортно общаться со своим обслуживающим персоналом. Она выглядит особенно радостной и счастливой на собачьих и лошадиных бегах, когда ее окружают приближенные к ней люди; правда и то, что Елизавета чувствует себя гораздо луч-

ше и свободнее за городом, чем во дворце. Однако она, похоже, не так зависима от мнения людей, как была зависима ее мать; да, она любит слушать, когда рассказывают о ее друзьях и их семьях, но не задает вопросов. «Она ограничивается тем, что выслушивает всех, — говорит один из ее друзей, — но отказывается принимать участие в пересудах и сплетнях, и у нее нет ни одного фаворита среди придворных, хотя там есть немало ее друзей». Однако во дворце существует так называемый «арабский телефон», то есть быстрая передача сведений из уст в уста. Шутливое выражение утверждает, что королева не слышит сплетен только тогда, когда выгуливает своих собачек.

В общем, можно сказать, что члены обслуживающего персонала — это люди привилегированные, счастливые избранники судьбы. Одно то, что человек работает во дворце, уже создает вокруг него особую ауру. Как признает один из бывших служащих: «Многие из тех, кто покидают королевскую службу, позднее начинают ощущать и осознавать, что совершили ошибку. Мир королевского дворца настолько защищен и привилегирован, что, побывав в нем, потом уже трудно приноравливаться к обычной жизни».

Глава V

Празднества

Ежегодно королева лично вручает во дворце более двух тысяч наград, орденов и медалей. Существуют два списка удостоенных сих почестей: один публикуется перед Новым годом, второй — в день рождения Ее Величества. По мнению историка Эндрю Дункана, «тот факт, что королева дарует эти награды своим подданным, придает системе устойчивость и респектабельность, коих ей бы не хватало, если бы все было иначе, это деяние освящает установленный порядок и напоминает о романтическом прошлом, несколько потрепанном исторической реальностью».

Почести и награды

Имена в список кандидатов на получение различных наград вносятся в большинстве своем на Даунинг-стрит и лично премьер-министром, а затем этот список передается в Букингемский дворец для одобрения и утверждения. Ежегодно королева лично дополняет его несколькими именами. Каждый избранный счастливец получает письмо, отправленное с Даунинг-стрит, 10, в котором содержится вопрос, согласен ли он принять ту почесть, которой его хотят удостоить, и после положительного ответа его имя публикуется либо в новогоднем, либо в июньском списке.

Четырнадцать раз в год в Букингемском дворце в большом Бальном зале проводится торжественная церемония награждения, во время которой королева Елизавета вручает награды и грамоты о пожаловании почетных титулов своим знаменитым и заслуженным современникам. Напомним названия этих престижных наград: орден «За заслуги», орден Кавалеров почета, орден Королевы Виктории, орден Чертополоха (для шотландцев. — Ю. Р.). Но самой желанной наградой (кроме ордена Подвязки, всегда вручаемого в Виндзорском замке) для любого англичанина является грамота, свидетельствующая о том, что он (она) отныне имеет право именоваться «сэром» («леди»). Этого почетного титула были удостоены Лоуренс Оливье, Чарли Чаплин (разумеется, официально его именовали сэр Чарльз Чаплин) и Альфред Хичкок. Следует заметить, что супруга того, кто удостоился этой чести, получала право именоваться «леди». Так, Вивьен Ли, когда состояла в браке с Лоуренсом Оливье, требовала, чтобы ее называли леди Оливье.

Среди женщин последними счастливыми избранницами судьбы стали леди Элизабет Тейлор и леди Джули Эндрюс, но они могут носить этот почетный титул только в Англии.

Среди самых прославленных дам можно назвать недавно умершую леди Марго Фонтейн и ныне благополучно здравствующую леди Кири Теканава. Среди мужчин право именоваться сэром было пожаловано

Питеру Устинову и Бобу Гелфорду, хотя один жил в Швейцарии а второй — ирландец. Последними, кого наградили этим титулом, были Элтон Джон и Клифф Ричард. Можно упомянуть и про такую деталь: право именоваться сэром дарует некоторые протокольные вольности, а именно, если бы вы разговаривали с сэром Питером Устиновым, то называли бы его просто сэром Питером, не упоминая его фамилии.

Уточним, что церемония награждения сопровождается следующими действиями: королева опускает шпагу на плечо награждаемого и таким образом он становится кавалером ордена или обладателем почетного титула. Сэр Питер Устинов доверительно сообщал, что счастливый избранник получает от шефа протокола письмо, в котором его просят уточнить, способен ли он опуститься на колено перед королевой или лучше ему остаться стоять, так как существует опасность, что он не сможет самостоятельно подняться, а ведь это уже будет преступление! Оскорбление Королевского Величества!

Протокол церемонии очень строг и точен. Представленный к награде со своими близкими прибывает в Букингемский дворец чуть позже 10 часов утра. Он пересекает двор, где может припарковать машину, проходит по красному ковру Парадного входа и сворачивает налево; его сопровождает один из гвардейцев Королевского кавалерийского полка. Наконец его вводят в Бальный зал. В зале семьи награжденных терпеливо ждут появления королевы, а в это время тихо звучит веселая шотландская мелодия. Правда, иногда музыка умолкает и из громкоговорителя доносится голос, вещающий нечто вроде: «Найдена сережка с жемчужинами...» Затем музыка начинает звучать снова, это уже мелодия Кола (Коула) Портера. Родные и друзья представленных к награде рассаживаются на белые стулья, покрытые красными атласными подушками. Мужчины все должны быть в обычных костюмах, женщины чаще всего являются в мехах и драгоценностях.

На пиджаки счастливых избранников прикрепляют специальные зажимы, чтобы королева без труда могла прикрепить награду. За несколько мгновений до ее появления в зале пять лейб-гвардейцев из дворцовой стражи выстраиваются у трона. Королева входит в зал ровно в 11 часов. Лорд-гофмейстер становится напротив нее. Звучит национальный гимн, затем королева обращается к присутствующим: «Дамы и господа, прошу вас садиться». Будущие кавалеры орденов по очереди приближаются к ней и опускаются на колено на красную атласную подушечку, Елизавета касается шпагой сначала правого, затем левого плеча удостоенного награды. Новоиспеченный орденосец поднимается, пожимает королеве руку, делает три шага назад и вновь склоняется в поклоне.

Питер Таунсенд вспоминает: «Техника действий короля в подобных обстоятельствах была так отработана, что стала безупречной и он мог взять орден с подушки, даже не глядя. Если же он, так сказать, “промахивался”, то это была вина не его, а шталмейстера, и тогда приходилось “жонглировать” подушкой с орденом, чтобы король мог нащупать награду. Король всегда чувствовал себя уверенно и спокойно, он прикреплял награду к пиджаку награжденного, говорил несколько соответствующих моменту слов и пожимал ему руку. Иногда он даже тихонько напевал мелодию, которую наигрывал оркестр струнных инструментов, располагавшийся на галерее. Иногда он оборачивался ко мне и говорил чуть громче, чем следовало: “Ради всего святого, скажите им, чтобы они играли потише свою какофонию!” Обычно все проходило без сучка без задоринки, хотя некоторые осложнения все же изредка случались. Однажды один индеец-сипай, удостоенный “Креста Виктории”, воинственно настроенный, бодрым шагом и глядя прямо перед собой остекленевшими глазами, поднялся по лестнице, прошел мимо короля и спустился вниз по другой лестнице. Правда, со второй попытки он все же сумел остановиться там, где требовалось. Король был гораздо более снисходителен к человеческим ошибкам, чем к их порокам и слабостям. Однажды он пожи-

мал руку одной довольно корпулентной даме, та попыталась сделать реверанс, должным образом отрепетированный, но все же потеряла равновесие. К счастью, король еще держал ее за руку и помог ей кое-как встать на ноги».

«В тот день, — вспоминает Питер Таунсенд, — когда великий актер Лоуренс Оливье прибыл во дворец, чтобы получить пожалованный ему титул рыцаря, у него были слишком сильно и слишком явно осветленные волосы, так что он выглядел почти блондином. Он отвел меня в сторону и умоляюще сказал: “Ради бога, объясните Его Величеству, что я не стал гомосексуалистом. Я сейчас играю Гамлета!”»

Как уже было сказано, вручение ордена Подвязки всегда происходит в домовый церкви Виндзорского замка (решение о награждении этим орденом целиком и полностью принимает сама королева).

Сотни тысяч англичан мечтают о том, что когда-нибудь их фамилия будет фигурировать в почетном списке, который дважды в год публикует Букингемский дворец. Тем более что Гарольд Вильсон сумел превратить свою секретаршу в баронессу, в женщину-пэра пожизненно...

Королева явно отдает предпочтение тем церемониям награждения, в которых в качестве награжденных выступают звезды сцены, экрана или спорта (в особенности конного). Однажды, когда подошла к концу церемония, которую окружение королевы сочло очень скучной и утомительной, потому что среди награжденных были только профессора, школьные учителя, ученые и врачи, Елизавета воскликнула: «Ура! Представьте себе, что было бы, если бы я упала и если бы лорд-гофмейстер спросил, нет ли в зале врача! Меня бы просто раздавили в этой сутолоке посреди всеобщего гама!»

Иногда королеву на подобных церемониях заменяет принц Чарльз или кто-нибудь еще из членов ее семьи. Королева-мать гораздо более медлительна и осторожна в движениях, а потому при ее участии церемония длится гораздо дольше. Она до сих пор очень кокетлива и признает, что единственное, что му-

чает ее, так это необходимость прочитать речь без очков, ибо она до сих пор отказывается носить их на людях. К счастью, тексты ее речей написаны крупными прописными буквами...

Балы

В 1959 году был положен конец одной очень старой дворцовой традиции, и это прозвучало как похоронный звон по целой эпохе... Итак, были отменены вечера, на которых ко двору представляли «дебютанток», то есть молодых девушек, начинавших выезжать в свет. По правде сказать, сама церемония эта стала представлять зрелище довольно жалкое, если не сказать прискорбное. Взятые напрокат роскошные лимузины выстраивались в длиннущую очередь и часами кружили по Мэлл и вокруг статуи королевы Виктории в ожидании, когда перед ними распахнут золоченые ворота. Дождаясь начала церемонии, дебютантки играли в триктрак или выставляли себя напоказ толпе, иногда настроенной весьма иронично и отпускавшей в их адрес довольно ядовитые шуточки. Оказавшись перед тронном, девицы принимались делать реверансы, порой выписывая ногами очень неопределенные кренделя, хотя в большинстве своем они и брали заранее специальные уроки.

Большие балы, для которых королева Виктория приказала построить великолепный Бальный зал, уже отошли в прошлое, потому что принадлежали ушедшему, исчезнувшему миру. Прославленный «Юбилейный бал» 1935 года навечно остался в памяти, как и «Королевская кадриль» 1924 года, когда бал был дан в честь короля Италии и его супруги и королевской четы из Румынии. Но Вторая мировая война окончательно похоронила эти развлечения, дожившие до XX века чуть ли не со времен Средневековья, однако Бальный зал все же не пребывает в забвении, ибо ежегодно в нем отмечают Рождество.

И сегодня каждый член обслуживающего персонала, даже самый незначительный, празднует Рождество и Новый год вместе с государыней в Букингемском дворце. Главный привратник покупает подарки, заказанные членами королевского семейства, задолго до празднеств; цена подарка, преподносимого тому или иному члену персонала, зависит от того, насколько долго он служит во дворце, и колеблются цены очень значительно. 19 декабря для персонала устраивается торжественный обед, а затем всех приглашают в Зал аудиенций, и там каждый лично получает подарок из рук королевы. Так как служащих во дворце действительно много, то церемония длится очень долго. Елизавета непременно желает пожать руку каждому и сказать несколько приятных слов. Несмотря на все тяготы, она все же находит в себе силы открыть вечером бал, в котором принимает активное участие. Отметим также, что каждый член королевского семейства дарит подарки тем, кто обслуживает его лично. Празднества эти именуются «Новогодними» или «Рождественскими елками», и у королевы-матери и принцессы Маргарет репутация наилучших или наиболее изобретательных организаторов этих увеселений. Принц Филипп тоже принимает в них участие, оживляя их своей непосредственностью и прямоотой. Он без колебаний может предложить свою расческу слуге, у которого растрепались волосы. Однажды, разобрав на части кофеварку, принц Филипп не сумел ее собрать и протянул несчастному лакею, сказав: «Если вы не сумеете все собрать, купите новую и скажите, чтобы мне прислали счет».

При приближении праздников члены королевской семьи рассылают друг другу поздравительные открытки. «Санди экспресс» как-то опубликовала на своих страницах содержание некоторых из них. Это стало возможным из-за непростительной нескромности одной из горничных (вынужденной после этого, разумеется, покинуть королевскую службу). Члены королевского семейства употребляют в таких посланиях разные ласковые слова, не имеющие ничего обще-

го со строгим языком протокола. Для своих детей королева и принц Филипп просто мама и папа; Виндзоры склонны именовать друг друга очаровательными прозвищами, вроде «Пудди» (сокращенное от пудинг. — Ю. Р.) или «Пад» (лапочка. — Ю. Р.). Елизавета подписывается уменьшительным «Лилибет», королю Константину Греческому она пишет: «Тино от Лилибет». Забавно, но принца Майкла Кентского в семье именуют «Мау»; лорда Николаса Виндзора, младшего сына герцога Кентского, называют прозвищем «Пуу», видимо в честь персонажа комической оперы; его старшего брата графа Сент-Андруза в семье зовут «Джорджи»; леди Габриэllu Виндзор, дочь принца Майкла, — «Фаб», а ее брата Фредерика — «Фред». Принц Эдуард для своих просто Эд, а принцесса Маргарет — Марго.

Королева на Новый год (в Англии по традиции поздравительные открытки отправляют к Рождеству, а не к Новому году) получает множество открыток с пожеланиями счастья и благополучия. Она любит их получать и просматривает все. Те из них, на которых изображены лошади, имеют шанс быть вставленными в рамки и размещены на камине в ее гостиной.

Календарь торжественных церемоний

На протяжении всего года, с января по декабрь, королева подчиняется календарю мероприятий, в ходе которых ее подданные могут узреть свою королеву во всем блеске королевского величия. Существует добросердечная, милосердная королева, раздающая милостыню на Пасху. Существует королева, жалующая почетные титулы и награды, та, что ведет кавалеров ордена Подвязки на ежегодный обряд освящения в домовый церкви Святого Георгия в Виндзорском замке. Существует глава государства, ежегодно в ноябре открывающая сессию заседаний в парламенте. Существует главнокомандующий вооруженными силами, и в этом качестве королева ежегодно в день, когда отмечается ее

день рождения, объезжает свои войска в ходе смотра. Существует также элегантная великосветская королева, которая во время скачек в Аскоте ежедневно проезжает по ипподрому в открытой карете. Существует также и дама, одетая во все черное, которая в полном молчании предастся размышлениям перед Кенотафом у Уайтхолла в День перемирия, олицетворяя собой память и траур всей нации.

Ежегодная раздача королевской милостыни — одна из самых старых традиций монархии. В далекие времена монарх, следуя примеру Христа, мыл ноги беднякам в знак уничтожения, смирения и сострадания. Сегодня это совсем иная церемония: в святой четверг в Вестминстерском аббатстве королева раздает милостыню такому количеству стариков, сколько ей исполнилось лет. Есть еще уже упоминавшийся обычай раздавать «великопостную милостыню» на Пасху; тогда королева раздает особые серебряные монеты, специально отчеканенные для этой цели (но они имеют официальное хождение только в Великобритании).

Еще одна традиция, пришедшая из глубины веков, это церемония награждения орденом Подвязки. Орден Подвязки — один из восьми рыцарских, или кавалерственных, орденов Великобритании (те, кто получает их, именуются кавалерами этих орденов) и самый почитаемый из них, к тому же он — один из трех, которыми награждает лично сама королева (два других — это тоже очень старый и очень благородный орден Чертополоха и орден Королевы Виктории). История возникновения этого ордена уходит в далекое Средневековье, в 1348 год, — эпоху правления короля Эдуарда III, когда он впервые вручил награжденным голубую дамскую подвязку. Почему подвязку? Легенда гласит, что одна из фавориток Эдуарда, графиня Солсбери (по другой версии, это была супруга короля, королева Филиппа), потеряла на балу во время танца свою подвязку. Так как придворные начали посмеиваться и перешептываться, король поднял подвязку, повязал ее вокруг своей ноги и сказал сурово и гневно по-французски: «Пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает».

Число кавалеров ордена Подвязки всегда одинаково: двадцать четыре человека (это число определил Эдуард III, когда решил восстановить сообщество рыцарей Круглого стола короля Артура). Церемония награждения проходит в Тронном зале Виндзорского замка.

Официальная церемония открытия сессии парламента в конце октября или начале ноября тоже является одной из старейших английских традиций, она восходит к эпохе Вильгельма Завоевателя. В день открытия сессии порой бывает очень холодно, но ледяной ветер не может никого утратить. Огромная толпа собирается вокруг дворца и на прилегающих улицах. Ворота открываются перед золочеными королевскими каретами, в которые впряжены вороные кони; вожжи сжимают в руках возницы, одетые в униформу, дошедшую из далекого прошлого. Королева Елизавета выходит из Букингемского дворца в 10 часов 35 минут. Она садится в так называемую ирландскую государственную карету, часто ее сопровождает принц Филипп. Впереди скачут королевские конные гвардейцы. Накануне имперская корона, мантия и шпага покинули Тауэр и отправились в Букингемский дворец; утром их укладывают в государственную карету королевы Александры, которая прибывает к парламенту раньше королевы. До начала церемонии алебардчики дворцовой стражи, вооруженные пиками и фонарями, тщательно осмотрели, обшарили все здание, как это они проделывают ежегодно с 1606 года, когда Гай Фокс и его сообщники пытались взорвать здание парламента, заложив двадцать пороховых бочек. При появлении королевы граф-маршал Англии приветствует ее вместе с обер-гофмейстером и хранителем королевского Вестминстерского дворца. Звучат фанфары, королева возлагает на голову корону, сделанную в 1838 году для королевы Виктории, надевает мантию. Вперед выступают обер-гофмейстер и граф-маршал, за ними следует королева с супругом. Процессия медленным шагом движется к трону.

Когда королева произносит: «Лорды, садитесь», — это еще не начало церемонии, потому что необходимо

еще позвать нескольких членов палаты общин. Следуя удивительно странному ритуалу, один из привратников, именно тот, что является носителем жезла, проходит метров пятьдесят по коридору и оказывается перед входом в палату общин, но дверь тотчас же захлопывается у него перед носом — в соответствии с традицией, восходящей к царствованию короля Карла I, когда он (единственный из всех королей) пытался проникнуть со своими солдатами в это собрание хранителей вольностей, чтобы арестовать нескольких депутатов, но получил решительный отпор (сей ритуал и служит напоминанием об этом событии. — Ю. Р.). После чего депутаты палаты общин приглашают в палату лордов, чтобы выслушать тронную речь королевы, которую она читает высоким певучим голосом. Сегодня тронная речь составляется и произносится от первого лица, но пишет ее для королевы премьер-министр, и закон требует, чтобы она прочла ее в точности по тексту, слово в слово.

Есть еще одна церемония, как нельзя лучше подходящая для телетрансляций: вынос знамени. Своими корнями этот обычай уходит в далекий 1755 год, но настоящей, установившейся традицией с четким ритуалом эта церемония стала только в 1805 году. По сути, это торжественный парад и развод караулов в день рождения монарха. Правда, нет точной даты, потому что эта церемония всегда имеет место во вторую субботу июня. Суббота выбрана не случайно, так как в субботу возникают наименьшие затруднения с движением на улицах Лондона, а июнь выбран потому, что дает наибольшие надежды на хорошую погоду. В действительности церемония проходит гораздо ближе ко дню рождения принца Филиппа (10 июня), чем ко дню рождения королевы (21 апреля). Как и в день открытия сессии парламента, королеву к основному месту действия сопровождает отряд королевской конной гвардии. Там, на плацу, ее ждут неподвижно застывшие, безупречно построенные пять полков пехотинцев из Гвардейской дивизии дворцовой стражи: Гренадерский, Колдстримский, Шотландский, Ирландский и Уэльский гвардейские полки. Они готовы пройти церемониальным мар-

шем. Но даже в июне дождь частенько портит все впечатление от парада!

В настоящий день рождения Елизаветы, 21 апреля, в Лондоне в Гайд-парке устраивают салют. Однажды, когда в знаменитом парке должна была пройти какая-то демонстрация и состояться митинг, пушки для салюта разместили в Грин-парке, расположенном гораздо ближе к Букингемскому дворцу, чем Гайд-парк. Тогда пришлось опасаться не только за барабанные перепонки королевы, но и за хрустальные люстры дворца.

Королевские юбилеи

Торжества устраиваются и по поводу королевских юбилеев. Серебряный отмечали в 1977 году (25-летие правления), золотой (50-летие правления) — в 2002-м. Юбилей Елизаветы в 1977 году представлял определенный переломный момент, ведь современная монархия относится к приближению больших торжеств со смешанным чувством беспокойства и радости. 25-летие правления королевы Елизаветы вызвало в обществе пересуды, среди них были и критические высказывания, несмотря на настоятельные призывы королевы к сдержанности. Тогда как ее дед по такому случаю ограничился приемом глав различных государств, королева Елизавета пожелала сама встретиться со своими подданными. В тот знаменательный год ей удалось преодолеть 90 тысяч километров.

7 июля 1977 года вместе с принцем Филиппом и членами королевского семейства королева присутствовала на благодарственном молебне в соборе Святого Павла. Вся роскошь державы сосредоточилась тогда в веренице карет, направлявшихся от дворца к собору: в государственной имперской карете ехали королева и герцог Эдинбургский, следом — ирландская карета, карета королевы Александры, «стеклянная» карета и государственное ландо; в своих каретах ехали также все члены королевской семьи. Когда карета королевы проезжала через ворота под названием Темпл-Бар, где мо-

нарх получает от лорд-мэра Лондона разрешение на въезд в город, в ее честь был дан залп из орудий, уставленных у Тауэра.

В том юбилейном году большая часть спортивных соревнований, театральных премьер, концертов и прочих развлечений была посвящена королеве: в ее честь устраивались карнавалы, фестивали молодежи, велогонки, трансатлантические гонки яхт, гонки на реках, регаты, гала-концерты поп-музыки, концерты классической музыки, филателистические выставки и выставки фотографий, выставки картин из ее коллекции, празднества в Ист-Энде, а также отмечались годовщины коронаций монархов прошлого...

Чтобы юбилей 2002 года прошел удачно, королева позаботилась о том, чтобы день 4 июня был объявлен нерабочим днем по всей стране, но в то же время был оплачен всем ее подданным. В этот день по улицам Лондона прошли участвовавшие в параде полки и состоялась торжественная служба в соборе Святого Павла. С 1 мая по 5 августа королева наносила визиты во все регионы Соединенного Королевства; начало празднествам было положено 1 мая в Виндзоре, где был дан грандиозный «конный» спектакль, а с 1 по 4 июня в Букингемском дворце устраивались многочисленные приемы в саду.

Королева пожелала, чтобы для проведения этих празднеств не было слишком больших расходов, как уточнил Тони Блэр в письменном ответе на запрос парламента. Вот почему был сделан призыв к частным лицам, дабы они профинансировали некоторые мероприятия, а также были предусмотрены несколько проектов, в которых намеревались использовать средства Европейского сообщества. Специальная эмблема, сделанная по сему поводу, казалось, указывала на то, что этот юбилей мог бы превратиться в успешную операцию маркетинга. Но, как сказал Тони Блэр, в его глазах «этот юбилей прежде всего будет удобным случаем посмотреть как вперед, так и назад и оценить огромные перемены, коими была отмечена жизнь нации во время правления Ее Величества».

А королева... Что ж, быть может, она, как когда-то королева Виктория, нацелилась на бриллиантовый юбилей... И собирается претендовать на то, чтобы быть упомянутой в Книге рекордов Гиннеса?

Глава VI

Королевские лошади и собаки

Верховая езда, лошадиные и собачьи бега несомненно являются любимыми развлечениями и любимым времяпрепровождением королевы. Своего первого пони Елизавета получила ко дню рождения, когда ей исполнилось три года. А на Новый год она нашла среди подарков роскошных деревянных лошадок, которых поместили в детской, на верхнем этаже лондонской резиденции ее родителей. Она страстно полюбила этих лошадок, брала их с собой на прогулку и не забывала по вечерам, прежде чем отправиться спать, снять с них упряжь и седла. Надо сказать, что животные вообще занимали много места в жизни будущей королевы.

Короли и королевы Великобритании всегда питали особую любовь к лошадям и собакам, и не только из-за пристрастия к охоте. Дед Елизаветы дал одному из своих детей следующий характерный и свидетельствующий о его проницательности совет: «Англичане любят верховую езду. Если вы не будете ею заниматься, пострадает ваша популярность у народа». Кстати, именно восседая на пони, маленькая девочка будет навечно запечатлена в воске в музее восковых фигур мадам Тюссо, аналоге парижского музея Гревена.

Лорд Харвуд, член королевской семьи и страстный меломан, рассказывает одну историю, превосходным образом иллюстрирующую, какой дух царит в этом обществе. Итак, однажды в разговоре с госпожой Маркевич, женой великого дирижера Игоря Маркевича, герцог Виндзорский сделал следующее замечание: «Это прелюбопытно... это страстное увлечение Джорджа (лорда Харвуда) музыкой. Знаете, его родители были вполне нормальными людьми. Они любили лоша-

дей, собак и сельскую местность!» Короче говоря, королева как бы воплощает в себе ностальгию по деревенской, сельской жизни, столь дорогой британской нации. Большинство англичан любят уверять себя в том, что, живя в городе, они не могут себе позволить содержать животных.

Когда королева была маленькой, не составляло труда выбрать для нее подарок к Новому году. Деревянная лошадка, книга о лошадях... и вот вы уже ее друг на всю жизнь. Елизавета получила первый урок верховой езды в Виндзоре. Ее первой лошадкой был крошечный шотландский пони, подаренный ей Георгом V. Работник с конюшен по имени Оуэн стал ее учителем. Елизавета полагала, что если есть на свете человек непогрешимый и безупречный, то это именно Оуэн. Его мнение она всегда противопоставляла мнению родителей. Ничто не ускользало от его внимания, он был компетентен во всех вопросах. Все фразы Елизаветы начинались со слов: «Оуэн говорит, что...» В конце концов она так доняла отца, что однажды на один из ее детских вопросов он ответил: «Почему ты обращаешься ко мне? Спроси у Оуэна». Самое давнее воспоминание о ней, которое хранит в своей памяти ее гувернантка, таково: силуэт маленькой девчушки в ночной рубашке, привязавшей поясok от халата к столбикам постели и очень озабоченной тем, чтобы заставить воображаемую карету «сделать второй круг по парку».

Королеву Елизавету с детства переполняла любовь «к лошадям, собакам и сельской местности», не имевшая ничего общего с обыкновенным, банальным чувством. Со своими лошадьми Елизавета становится самой собой, она с ними разговаривает, она их ласкает и почти забывает о своем высоком предназначении. С самого раннего детства она питает истинную страсть к спорту, связанному с лошадьми, и эту любовь она передала дочери. Королева — превосходная наездница и садится в седло несколько раз в неделю, к тому же она с большой заботой относится к своим конюшням. На ипподроме во время скачек она испытывает едва ли не самые чудесные чувства в своей жизни. Но следует заметить, что присутствие Елизаветы на бегах в Аскоте

превращает эти соревнования в серьезный экзамен для ее окружения. Вот как одна из ее фрейлин вспоминает о том, что она называет «пыткой биноклем»: «Когда королева следила за бегами из своей ложи, люди, находившиеся между ложей и оградой, за которой проходили бега, поворачивались к лошадям спиной, чтобы смотреть на нее, направив на нее свои бинокли. Минут через двадцать это начинало действовать на нервы и становилось труднопереносимым».

Чемпионка в Букингемском дворце

С верховой ездой всегда теснейшим образом была связана жизнь принцессы Анны. Уже в возрасте двух с половиной лет она с презрением отказывалась от подаренных ей кукол ради первого пони, садиться на которого ее учила мать. Звали его Уильям, и Анна ездила на нем до 1957 года. В те же годы ее любимыми игрушками были деревянные лошадки, выстроившиеся в аккуратный ряд у дверей детской. Как и ее мать в детстве, она с полной серьезностью каждый вечер перед сном снимала с них седла. В пять лет она начала брать уроки верховой езды у Сибиллы Смит в знаменитой школе в Хоулипорте (Холипорте). Она приобретает там первые навыки скачек с препятствиями, а также с особым рвением учится ухаживать за лошадьми: кормит, поит, чистит скребком, бинтует ноги.

Филипп усматривает в увлечении дочери реализацию своих теорий: «Я всегда старался побудить моих детей в совершенстве освоить хотя бы одну науку, ибо как только ребенок начинает ощущать себя уверенно в какой-то одной области, так тотчас же это начинает ему помогать и в других». В Балморале пони, настоящие сообщники детворы, стали символом свободы, потому что юные отпрыски королевского семейства обрели право кататься на них по склонам холмов самостоятельно. Итак, Анна унаследовала от своей матушки «буколические» пристрастия: уже в трехлетнем возрасте ей нравилось смотреть, как отправляются на

Королева Великобритании Елизавета II.

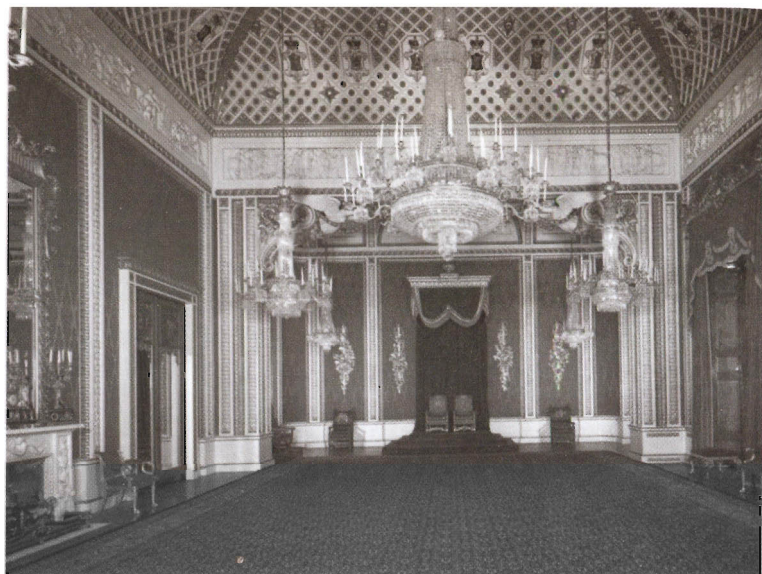
Букингемский дворец.
На переднем плане —
Мемориал
королевы Виктории.

Королевский штандарт
развевался
над Букингемским
дворцом даже во время
Второй мировой войны.

Большая лестница.

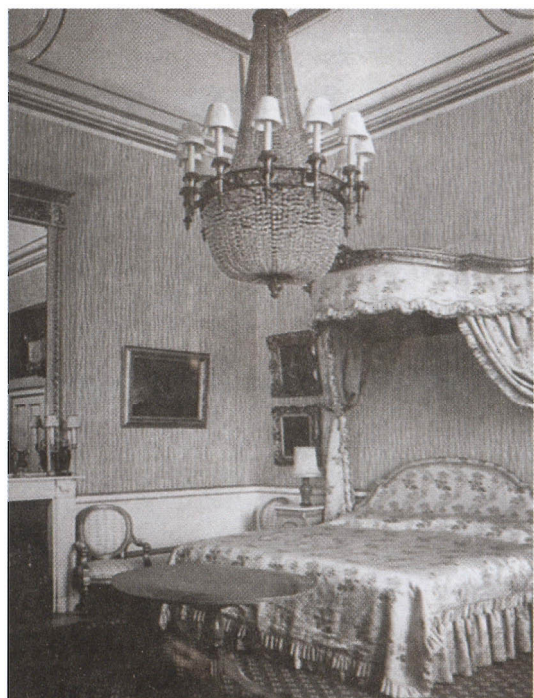
Тронный зал.

Центральный зал дворца.
С балкона этого зала королевская семья приветствует своих подданных.

Картинная галерея
дворца.

Одна из спален
дворца.

В одном из парадных залов все готово для званого ужина.

В Картинной галерее дворца Елизавета II и принц-консорт Филипп принимают короля Норвегии Харальда V (слева). *Октябрь 2005 г.*

Герцог и герцогиня Йоркские во время крещения дочери — будущей королевы Елизаветы II. 1926 г.

Гвардейцы королевы на ежегодной церемонии выноса знамени.

Клерки, уборщицы...

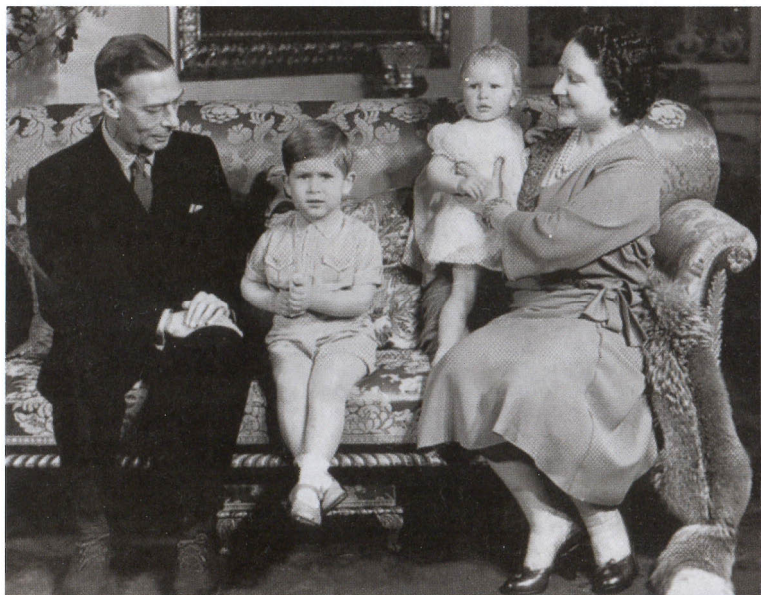
Стражники...

Более 450 человек содержат Букингемский дворец в образцовом порядке.

Король Георг VI с супругой королевой Елизаветой и дочерьми — принцессами Елизаветой и Маргарет на балконе Вестминстерского замка. 1937 г.

Георг VI и королева Елизавета с внуками — принцем Чарльзом и принцессой Анной в Букингемском дворце. *Ноябрь 1951 г.*

Виндзорский замок. Вид со стороны Темзы.

Члены королевской семьи на балконе Букингемского дворца после коронации Елизаветы II. Справа от нее — принц Чарльз, принцесса Анна и принц-консорт Филипп. *Июнь 1953 г.*

Елизавета II со своими детьми принцем Чарльзом и принцессой Анной.
Декабрь 1954 г.

Королева Елизавета II жалует 80-летней миссис Агате Мэллоун (Кристи) титул «леди Агата». 1971 г.

Музей Виктории и Альберта.

Королева-мать на скачках в Челтенхэме. 1998 г.

псовую охоту ее родители и их приближенные, она уже всей душой любила природу и все развлечения на свежем воздухе.

Детство Анны было заполнено спортом, в котором она проявляла храбрость и боевой дух, она много ездила верхом. Первого пони один за другим сменили Зеленый Рукав, Мейфлауер и Бандит. В восьмилетнем возрасте она впервые приняла участие в соревнованиях вместе со своим пони Бандитом. В Бендинге она одержала победу и сломала палец. Позднее она так сильно повредила нос, что пришлось прибегнуть к пластической хирургии. В двенадцать лет она получила в подарок замечательного гнедого пони по кличке Весельчак, на котором ездила довольно долго и которого очень любила.

Окончив среднюю школу, Анна получила в подарок своего первого коня, прославленного жеребца по кличке Дублет, который превосходно себя показал на конных состязаниях в Виндзоре. Итак, *жеребий был брошен*. Впервые в истории в соревнованиях приняла участие принцесса — наравне с обычными людьми, с простыми смертными, причем в особенно трудном виде спорта. Елизавета, для которой не было и нет ничего лучше, чем пустить рано утром любимую лошадку в галоп в компании конезаводчиков или кавалеров из королевской свиты, полагала, что ее дочь заслуживает всяческих похвал и одобрения. В глазах матери решение Анны отказаться от продолжения учебы в высшем учебном заведении и целиком посвятить себя лошадям и выполнению своих обязанностей, налагаемых принадлежностью к королевскому семейству, было вполне оправданно присущей ей ловкостью и умением держаться в седле, ее осторожностью и твердой убежденностью в своей правоте. Принцессе Анне доводилось совмещать два вида деятельности, например, в тот день, когда королева-мать принимала английскую конноспортивную команду, одержавшую триумфальную победу на Олимпийских играх в Мехико. Принцесса Анна беседовала с победителями: майором Олхазеном, Джейн Буллен, Ричардом Мидом, сержантом Джонсом и с красавцем наездником, выглядевшим как

актер, исполняющий роли героя-любownika, — Марком Филлипсом... Вторая встреча состоялась несколько недель спустя, когда королева принимала членов той же делегации в Букингемском дворце. Вновь Анна воспользовалась случаем, чтобы поговорить с участниками состязаний и с любимцем всей команды Марком Филлипсом. Однако прошло несколько лет, прежде чем между ними возникли более близкие отношения...

В 1969 году принцесса Анна участвовала во многих состязаниях по верховой езде и усердно тренировалась под руководством очень энергичной особы, госпожи Элисон Оливер. За период со 2 апреля по 18 октября Анна приняла участие в 21 состязании. В 70-е годы бесстрашная принцесса, все более и более ценившая мир конного спорта, не без труда играла роль именно принцессы, представительницы королевского семейства, ибо она жаждала успехов только в одной сфере деятельности: на ипподроме. Она знала, что при интенсивной тренировке сможет стать исключительной, превосходной наездницей, и только это было для нее важно. К тому же у нее был замечательный конь, Дублет, без которого она не смогла бы дойти до самой вершины успеха. Дублета сначала тренировали для игры в поло, но он вырос, у него проявились замечательные скаковые качества, и во многом благодаря ему принцесса стремительно, как метеор ворвалась в мир конного спорта.

В 1971 году принцесса Анна стала чемпионкой Европы. Хотя официально она и не была членом команды, в тот день ей удалось одержать победу над лучшими наездниками. Для нее, с детства воспитывавшей в себе стремление побеждать, это был настоящий триумф. Однако в Англии ее успех не всеми был воспринят однозначно; как пишет выпускник Оксфорда, социолог господин Теодор Зелдин: «Если бы она была обыкновенной девушкой, англичане громко аплодировали бы ее победам, без всяких оговорок воспринимая ее успехи как национальный триумф... Но англичанин должен быть более чем скромным: если он одержал победу, он даже должен найти себе своеобразное оправдание... И Анне еще предстоит найти себе оправдание...»

В начале 1972 года, когда, по мнению специалистов, Анна была хорошо подготовлена к Олимпийским играм в Мюнхене, ее конь повредил сухожилие и тренировки пришлось прекратить не менее чем на год. Прощай, медаль! Но у Анны, к счастью, нашелся утешитель, которого звали Марк Филлипс. Что было дальше, всем известно... Четырнадцатого ноября 1973 года с большой помпой была отпразднована свадьба, а потом потекла жизнь, посвященная любимому конному спорту. Хотя одного спорта недостаточно, чтобы сделать супружескую чету счастливой. Нетрудно понять, что королева Елизавета в судьбе дочери попыталась воплотить свою собственную мечту: жить в холе и неге за городом, в окружении детей, лошадей и собак. Анна, которой прекрасно известны недостатки собственной внешности и которая ненавидит фотографов, однажды осмелилась сказать: «Когда я появляюсь на публике, все словно ждет, что я громко заржу, покажу зубы, начну бить копытом землю и размахивать хвостом. И ощущать это ожидание нелегко, поверьте мне».

Сама Елизавета получила свою вторую лошадь к двенадцатому дню рождения, в 1938 году. Это была добрая смиренная кобылка, не способная сыграть с юной амазонкой дурную шутку. Пегги казалась такой тихой, что с первого дня появления в Виндзоре получила привилегию пройтись вокруг газона перед дворцом, неся в седле маленькую Маргарет, в то время как будущая королева, уже осознававшая лежащую на ней ответственность, поддерживала сестричку, восседавшую на лошади, слишком большой для ее восьми лет. Впоследствии сестры часто сопровождали Георга VI, следуя за ним верхом по тропинкам Большого леса. Эти утренние прогулки буквально очаровывали и завораживали короля, который находил в них средство забыть о тревогах и заботах, связанных с бременем королевской власти, забыть обо всем в кругу своих детей.

Тридцатые годы XX века нельзя назвать счастливыми и благополучными для королевских лошадей. Кстати, король Георг не брал юных дочерей на скачки, к которым и сам не питал особого пристрастия, хотя очень увлекался коневодством. Кроме того, в первые годы его

правления у него было мало причин интересоваться скачками, потому что была масса других забот. Однако Елизавета все же заболела страстью к скачкам, ибо подхватила вирус от деда.

Познания принцессы Елизаветы в области коневодства и конного спорта значительно расширились в те несколько спокойных лет, что протекли между окончанием войны и годом смерти ее отца. В 50-е годы успехи королевских конюшен множились и множились. Когда ирландец Мур стал главным распорядителем скачек, а Бойд Рошфор — главным тренером королевских конюшен, беседы на темы, связанные с лошадьми, в Букингемском дворце оживились. Елизавету же в равной мере интересовало все: и характер, и нрав молодой кобылки, и ее тренировки, и ее победы. В этой сфере все ее увлекало. В течение одного дня она могла на рассвете наблюдать за тренировками лошадей, побывать в конюшнях, дабы посмотреть на кобыл и жеребят, совершить верховую прогулку, провести на скачках всю вторую половину дня, проинспектировать конюшни вечером и вернуться к себе, но уже не верхом, а за рулем автомобиля!

Скачки

Скачки, несомненно, излюбленное времяпрепровождение королевы. Она хранит верность скачкам в Аскоте (проходят в июне), правда, теперь ее видят на ипподроме реже, чем прежде, но она все так же интересуется всем, что связано с лошадьми, а в особенности вопросами выращивания чистокровных лошадей. Ежедневно она читает газету «Спортинг лайф», к тому же все результаты забегов всегда проходят на ленте телеайпа, установленного во дворце еще по приказу ее отца; кроме того, она подписана на еженедельный бюллетень, из которого узнает положение дел в конном спорте; иногда она часами приводит в порядок свои записи. Рональд Рейган подарил ей компьютер, чтобы она могла свести воедино все данные из архивов

королевских конюшен, и она высоко оценила этот подарок.

Елизавета ежедневно звонит главному распорядителю скачек, которого можно назвать ее близким другом. В ходе одного из заседаний «Общества любителей лошадей» в Итоне он проанализировал страсть королевы: «Она занимается лошадьми и интересуется ими так давно, что прекрасно разбирается в родословных породистых коней и точно знает, чего хочет. У нее есть собственное мнение относительно правил проведения состязаний, и оно столь же достойно уважения, как и мнение контрольных судей (спортивных комиссаров) на дорожке. Она с первого взгляда может определить, достаточно ли развита у лошади грудь, хороши ли у нее копыта и ноги, красивы ли глаза и хорошей ли формы морда. Ее знания и суждения, кроме всего прочего, подтверждаются превосходной зрительной памятью. Наконец, она знает о скачках все от начала и до конца. Она может сказать: “Мне не нравится аллюр этой лошади и ее экстерьер. Вы видели, как она уклонилась в сторону и не взяла барьер? К тому же мне не нравится, как она шевелит ушами и все время отводит их назад. Да, правда, она прекрасно может прибавить шаг, на мой взгляд. Я думаю также, что повороты налево ей будут удаваться лучше, чем направо”». Королева является признанным экспертом в коневодстве и скачках, она всегда может определить, насколько перспективна та или иная лошадь. Принц Филипп, однажды сказавший, что «в уме людей, влюбленных в лошадей, начинают происходить те же непонятные, загадочные процессы, что и в мозгу у лошадей», любит этих животных иной любовью, отличающейся от того чувства, что питает к ним королева. Его больше интересуют игра в поло и состязания экипажей. В 1970 году, оставив занятия поло из-за артрита, он начал участвовать в скачках и в 1980 году даже стал победителем чемпионата мира в данном виде спорта. Но в 1988 году ревматизм заставил его отказаться и от скачек. Но если принц Филипп и перестал участвовать в соревнованиях, то все же сам этот вид спорта продолжает его интересовать: он основал в Сандрингеме школу, и Дэвид Сондерз, служивший в Бу-

кингемском дворце возницей, преподает там, обучая молодых спортсменов жокейскому искусству. Принц никогда не присутствует на скачках, кроме как в Аскоте, правда, даже там он иногда исчезает из ложи, чтобы посмотреть по телевизору очередной крикетный матч.

Принц Чарльз тоже унаследовал страсть к игре в поло от лорда Маунтбеттена. Наследник престола постиг азы этого вида спорта в пятнадцатилетнем возрасте на лужайках Гардз Клуб в парке в Виндзоре. Благодаря Филиппу и Чарльзу поло, излюбленный вид спорта индийских магараджей, обрел за Ла-Маншем как бы вторую жизнь. Однако удовольствие это не из дешевых: при вступлении в один из двадцати четырех существующих клубов придется сделать вступительный взнос в размере не менее трех тысяч евро, а покупка собственного пони обойдется еще в семь тысяч евро.

Итак, все королевское семейство ежегодно присутствует на скачках в Аскоте, и королева не пропустила бы их ни за что на свете. Звуки мелодий из «Моей прекрасной леди» и гавота «Аскот» придают церемониалу этих скачек, процессии колясок и атмосфере, царящей в особой ложе, куда королева приглашает своих друзей и высокопоставленных гостей, дух непринужденности, дружеской задушевности и простоты (следует заметить, что в королевскую ложу разведенных стали допускать только в 60-е годы). «Только в Аскоте можно увидеть такое...» Да, напудренные герцогини, шляпки, украшенные цветами и фруктами, старые леди из лондонского района Бельгравия (Белгрейвия), куртки жокеев и цилиндры господ на трибунах образуют столь живописную картину, что ею не устаешь восхищаться.

Королева Анна впервые объявила об открытии знаменитых скачек в 1711 году. Процессия колясок, в которых восседает вся королевская семья, — это идея Георга IV, воплощенная в жизнь впервые в 1825 году, так же как и обустройство «Королевской ложи», куда монарх приглашал своих друзей. С течением времени первоначальные четырехдневные скачки растянулись на неделю; были сделаны и кое-какие отклонения от обычая... Теперь практически всякий может добиться

привилегии попасть в «Королевскую ложу», но при условии, что предварительно будет сделан запрос в так называемую канцелярию Аскота, которая располагается в Лондоне, в Сент-Джеймском дворце; управляющему этой канцелярией маркизу Абергавенни принадлежит право после рассмотрения запроса решить, достоин ли проситель встретиться с королевой.

Процессия из пяти открытых ландо — это одно из самых любимых англичанами зрелищ. Каждое ландо запряжено четверкой лошадей; в первом восседают королева и главный шталмейстер, а в четырех других — члены королевской семьи и самые избранные гости. Форейторы облачены в ярко-алые, расшитые золотом ливреи.

В эти дни вручают три приза: «Золотой кубок», впервые врученный в 1807 году, когда скачки посещала королева Шарлотта, «Приз королевы Александры» и «Приз короля Георга VI и королевы Елизаветы».

На ипподроме королева преобразается. Быть может, это единственное общественное место, где она позволяет немного сползти со своего лица холодной маске королевской властности, так, чтобы стало видно лицо женщины, скрывающейся под обликом королевы. Стоя на трибуне и замороженно наблюдая за ходом очередного забега, королева не обращает внимания на толпу зевак, рассматривающих ее, она отвлекается только для того, чтобы заглянуть в программу скачек, и не видит ничего и никого, кроме лошадей. Ее лицо озабочено возбуждением, она так поглощена мыслями о фаворитах, так оживленно спорит с людьми из своего окружения, что забывает отвечать на реверансы, поклоны и приветственные крики.

Все очевидцы отмечают, что обычно, когда бывает дан старт, королева, не отрывая бинокль от глаз, иногда переминается с ноги на ногу, а то и подскакивает на одной ноге, одобрительно что-то восклицая или испуганно вскрикивая. Фотоаппарат у нее всегда под рукой, но не всегда она о нем вспоминает в самые напряженные моменты. Когда же королева наблюдает за скачками дома по телевизору, то утрачивает всякую сдержанность. Сквозь закрытые двери гостиной доно-

сятся ее крики: «Давай! Давай!» или: «Ты пришпорил коня слишком поздно, болван!» Если же обязанности не позволяют ей посмотреть трансляцию скачек по телевизору в тот день, когда бежит одна из ее лошадей, она дает поручение кому-нибудь из обслуживающего персонала посмотреть репортаж или записать его на видеомагнитофон. Любопытно, но королева интересуется лошадьми, тренированными для скачек с препятствиями, гораздо меньше, чем теми, что участвуют в обычных бегах или состязаниях по выездке, по той причине, что они не могут служить эталоном после того, как заканчивают участие в соревнованиях. А ведь для нее коневодство, в особенности выращивание чистокровных лошадей, представляет не меньший интерес, чем собственно скачки.

Королевские конюшни

Итак, королевские конюшни занимают в жизни королевы очень важное место. На протяжении трех столетий, вплоть до эпохи правления Георга IV, королевские конюшни располагались в районе Чаринг-Кросс и были переведены к Букингемскому дворцу в то время, когда возводили здание Национальной галереи. Нэш завершил строительство новых зданий в 1826 году, как свидетельствует табличка, укрепленная на стене над въездом со стороны Букингем-Пэлис-роуд.

По словам королевы, «это действительно маленькая деревушка, расположенная в Букингемском дворце». Так как в стойлах всегда находится не менее дюжины лошадей, то королевские конюшни, пожалуй, являются в Лондоне единственным уголком, где стоит славный, добрый запах деревни. Над конюшнями находятся квартиры и комнаты главного кучера (возницы) и других кучеров (возниц), шоферов и королевского кузнеца. У шталмейстера Короны при въезде на территорию конюшен есть собственный очень красивый дом.

Дважды в неделю эта «маленькая деревушка» открывает свои ворота для широкой публики. Можно сказать,

что это единственная легко доступная для простых смертных часть садов и парков Букингемского дворца, что означает, что забота о безопасности составляет одну из основных забот королевского шталмейстера. Персонал, работающий под его началом, по рангу отличается от тех, кто работает во дворце, именно потому, что находится непосредственно в подчинении у шталмейстера Короны. Господин шталмейстер Короны руководит деятельностью заведения, именуемого «Роял мьюз», то есть «Королевские конюшни». Английское название «мьюз» происходит от старинного французского слова «mue» (линька), потому что в старых зданиях, стоявших на этом месте, еще в эпоху правления Ричарда II держали во время линьки королевских охотничьих соколов. Когда же при Генрихе VIII пожар уничтожил королевские конюшни в Блумзбери, король решил использовать строения на Чаринг-Кросс в качестве конюшен, но старинное название осталось.

В ведении королевского шталмейстера находятся не только конюшни Букингемского дворца, но и конюшни Виндзорского замка, дворца Хэмптон-Корт, а также дворца Холирудхаус в Эдинбурге. Назначенный на эту должность Эдуардом VIII десятый герцог Бофор исполнял свои обязанности с 1936 по 1978 год, а унаследовал ее пятнадцатый граф Уэстморленд. Эти аристократы — очень известные фигуры истеблишмента — являются ближайшими друзьями королевского семейства и верой и правдой служат Короне.

Именно королевский шталмейстер находится рядом с королевой, когда она едет в карете по улице Мэлл в июне во время празднования ее официального дня рождения. На церемонии выноса знамени шталмейстер как бы отступает на задний план и на время исчезает. По сему поводу, то есть ради смотра королевских вооруженных сил, королева надевает форму одного из своих элитных гвардейских полков, а ее главный шталмейстер облачается в красный мундир и надевает на голову шлем с султаном из перьев.

Название должности «шталмейстер» (или конюший. — Ю. Р.) восходит к 1391 году, тогда это был третий че-

ловец в придворной иерархии. Сегодня главный шталмейстер печется обо всех королевских конюшнях, а шталмейстер Короны, именующийся также сюринтендантом конюшен, следит за ежедневным ходом дел в этой части королевской резиденции. Отметим, что граф Уэстморленд занимает при Елизавете II ту же должность, что занимал его предок при Георге III; нет нужды настоятельно указывать на то, какую роль в жизни королевского дворца играют традиции...

Сегодняшнего главного королевского возницу, или кучера, зовут Артур Шовелл. Его предшественник Альберт Стрингер вступил в должность в 1929 году и подал в отставку лишь в 1970-м. Он говорил: «Я служил четырем монархам: Георгу V, Эдуарду VIII, Георгу VI и Елизавете II. Работа была нелегкая, но доставляла мне большое удовлетворение». Похоже, четыре семьи «монополизировали» работу на королевских конюшнях: Шовеллы, Мэтью, Чемберсы и Оутсы. Так, сейчас там работают шесть представителей семейства Оутсов: отец, мать, сыновья и дяди. Дэвид Оутс, сегодня работающий кучером, все детство провел в этой «деревне», он даже посещал дворцовый бассейн. «Мои сестры Линда и Сьюзен играли с принцессой Анной. Моя мать Элси провела здесь всю жизнь. Когда ворота закрыты, мы чувствуем себя в безопасности. Мы тут среди своих, у себя дома».

За исключением шталмейстера Короны очень немногие служащие конюшен приходят во дворец на завтрак, обед и ужин. У каждого есть либо свои собственные квартиры, либо маленькие домики; возницы (кучера) и форейторы живут в комнатах над конюшнями. В большинстве своем это отставные военные из лейб-гвардии или одного из конногвардейских полков. В зданиях конюшен проживают и все женатые мужчины, работающие во дворце. К этим зданиям также примыкают два красивых дома, выходящие окнами в сад со стороны Гросвенор-сквер; в одном из них живет бывший личный лакей принца Филиппа, а другой принадлежит майору Фелпсу, интенданту королевских конюшен. Ежегодно сэр Джон Миллер получает множество писем от людей, предлагающих свои услуги, но

очень немногие из кандидатов бывают приняты на службу, ибо существует, как мы отмечали, «семейная монополия» и она ко многому обязывает. То же самое можно сказать и о «Королевской школе верховой езды» («Ройял ридинг скул»), в которой в основном проходят курс подготовки молодые полисмены, нанятые на службу из конной полиции; дирекцию школы буквально осаждают просьбами о приеме, и соискателей этой чести столько, что, кажется, совершенно невозможно постичь основу верховой езды на лошадях, принадлежащих королеве (только члены различных обществ инвалидов пользуются некоторыми привилегиями).

В прошлом в королевских конюшнях находили «убежище» только королевские лошади и кареты; сегодня под крышами конюшен располагается также и гараж, где паркуются машины королевы, а именно: шесть «роллс-ройсов», предназначенных для торжественных церемоний, а также около двух десятков других автомобилей, используемых королевским двором, плюс личные автомобили членов королевского семейства, среди которых достойны упоминания старый «астон мартин» принца Чарльза и «рейндж ровер» принца Филиппа. Роскошные кареты для торжественных выездов тоже находятся в зданиях конюшен вместе с колясками и ландо. Их довольно часто можно видеть на улицах Лондона, когда королева принимает вновь назначенных послов, ибо она всякий раз направляет в посольство соответствующей страны карету или открытую коляску, запряженную четверкой лошадей, чтобы посла доставили во дворец.

После полудня конюшни часто открывают для широкой публики, и это «мероприятие» пользуется большим успехом. Визит обычно бывает краток, но очень интересен; разумеется, стойла в королевских конюшнях содержатся в идеальном порядке, а кормушки (ясли) королевских лошадей, седла и сбруя выглядят просто великолепно, равно как и униформа обслуживающего персонала.

В дни торжественных церемоний и военных парадов королевские конюшни показывают себя во всем блеске. К церемонии коронации Елизаветы серых в яб-

локах лошадей, которым предстояло идти в упряжке королевской кареты, подвергли специальной подготовке: вместо скорости и выносливости, необходимых чистокровным лошадям, предназначенным для скачек, от них прежде всего требовалось умение не убыстрять и не замедлять шаг, а также сохранять спокойствие при громких криках толпы. Несколько раз в неделю восемь отобранных лошадей, запряженных в старую карету, покидали дворец на рассвете, чтобы проделать путь до Вестминстерского аббатства. При скорости в 112 шагов в минуту каждая из двух упряжек затрачивала на дорогу, которую предстояло преодолеть торжественной процессии, один час тридцать пять минут. Сопровождаемые барабанным боем и пением труб восемь лошадей преодолевали и обратный путь все так же спокойно, мерно и чинно, без всяких неуместных проявлений ненужной резвости. Шталмейстер Елизаветы выказал удовлетворение выучкой и своих служащих, и подопечных лошадей, ибо они не опозорили его 2 июня, не понесли, закусив удила. Когда королевский экипаж был готов, лошадям даже запретили ржать от нетерпения, и они вели себя смирно. Нельзя так нельзя!

Есть еще один традиционный парад, в ходе коего искусство верховой езды «достигает наивысшей точки»: церемония выноса знамени. Это яркий, красочный спектакль, приводящий в восторг туристов. Королева в ярко-алом кителе полковника, командира конногвардейского полка, и длинной юбке цвета морской волны производит смотр одного из своих полков, и все это действие напоминает хорошо отрепетированный «конный балет». Сидя в дамском кресле, она покидает дворец в сопровождении эскорта из числа придворных и кавалеристов из двух самых старых полков королевства, а именно Лейб-гвардейского конного полка и Королевского конногвардейского полка (гвардейцев этого полка именуют «синими» из-за цвета мундиров). Королева выезжает на Мэлл и затем на Хорсгардз-Парейд, особую площадь, плац конной гвардии, где и должен состояться спектакль... Часы бьют одиннадцать утра; все башенные часы в городе сверяют с дворцовыми ча-

сами, которые по определению не могут ни отставать, ни спешить... Площадь уже полна народа, и королевская семья, прибывшая в открытых колясках, занимает места на почетной трибуне. В соответствии с церемониалом, в который нельзя вносить никакие изменения, парад-смотр продолжается около часа. На протяжении этого часа оркестр трижды исполняет национальный гимн. Ежегодно королева проводит смотр одного из полков, но всякий раз это не тот полк, что инспектировался в прошлом году. За две недели до смотра королева сама начинает тренироваться в верховой езде, сидя в дамском седле, как в дни юности, и этим тренировкам она посвящает каждое утро по два часа.

По возвращении в Букингемский дворец она по традиции дает своей лошади морковку и выпивает бокал шампанского, прежде чем появиться на балконе в окружении членов семьи, в то время как в небе самолеты устраивают свой «воздушный балет». Но описание этого праздника было бы неполным, если бы мы не упомянули Бирманку, любимую кобылу королевы Великобритании, на которой она и выезжала долгое время на церемонию выноса знамени. За несколько недель до достопамятного события кобылку подвергли особому испытанию, входящему в систему тренировки: по ее следу пускали одиннадцать собак королевы, так как их владелица была твердо уверена в том, что если кобыла и при таких условиях сохранит спокойствие, то сможет достойно встретить любую опасность. Быть может, эта предусмотрительность однажды спасла королеве жизнь: когда в 1981 году на королеву было совершено покушение (правда, потом выяснилось, что стреляли холостыми патронами), Бирманка немного заволновалась, но быстро успокоилась, почувствовав, как опытная рука наездницы натянула поводья.

В 1988 году англичане были в равной мере и изумлены, и огорчены, узнав, что их лишают удовольствия лицезреть королеву верхом на лошади во время церемонии выноса знамени. Отныне и впредь королеве предстояло объезжать войска в открытой коляске, ибо Бирманка в возрасте 24 лет испустила дух. Елизавете II Бирманку преподнесла в подарок канадская конная по-

лица, и она прослужила ей, по свидетельству грума, сержанта полиции Робина Портера, восемнадцать лет, «это было красивое и смирное животное, самая спокойная, самая послушная лошадь из всех, за которыми мне довелось ухаживать». Елизавета обожала Бирманку. Приходя на конюшни, она всегда приветствовала ее словами «Ну, здравствуй, дорогая!» и давала морковку или кусочек сахара, поданные ей лакеем на серебряном подносе. Чтобы подготовить лошадь ходить под дамским седлом и к участию в парадах, требуются годы и годы, вот почему Елизавета предпочла в дальнейшем остановить свой выбор на коляске: ведь так она не предавала свою любимую Бирманку. Кстати, хотя Бирманка и была с почестями погребена в Виндзоре, она остается бессмертной, так как ее образ запечатлен в бронзе Джеймсом Осборном.

Сьюзен, Сахарок, Голубчик и другие

Но лошади вовсе не владеют монополией на королевскую любовь в мире животных. Ничто не производит в Букингемском дворце такого шума, как стук и скрежет сорока четырех лап по паркету во время утреннего чая, когда обладательницы этих лап бросаются к мискам с кормом. Ибо у королевы есть одиннадцать собак породы корги; создания эти довольно сварливы, вороваты, драчливы и наделены таким трудным характером, что иногда приходится обращаться за советом к специалисту по собачьей психологии.

В Сандрингеме, где королева проводит зимние каникулы, она кормит их сама. Вот как описывает эту сцену один из очевидцев: «Вы встречаете в коридоре Сандрингема женщину, у которой голова повязана платком; она занята тем, что режет мясо для своих псиков, и вы не знаете, как следует приветствовать английскую королеву...»

В Букингемском дворце ровно в пять часов вечера один из ливрейных лакеев гордо проходит по коридо-

ру, ведущему к королевским покоям. Он несет поднос с только что сваренным мясом, мукой (да не с обычной, а тонкого помола — для печенья) и с мисочкой, наполненной горячим соусом. Он ставит поднос на треножник перед дверью гостиной. Собаки тявкают и скулят от нетерпения. Елизавета выходит к ним и начинает быстро и ловко распределять пищу, смешивая мясо, муку и соус в мисочках при помощи серебряной вилки или ложки. У каждой собачки — своя миска, и королева аккуратно ставит каждую на маленькую пластмассовую белую подставку, чтобы не запачкать роскошный красный ковер.

Кормление собак — одно из любимых развлечений королевы. Она сама ухаживает за своими собаками, сама вычесывает их и водит на прогулку. Она их так сильно любит, что повелела похоронить Сьюзен, умершую в 1959 году в возрасте пятнадцати лет, в парке Сандрингема и установить на могиле плиту с надписью: «Сьюзен, верная подруга королевы». После Сьюзен у королевы были Сахарок, Медок, Голубчик, Виски, Шерри, Пчелка, Вереск, Хитрец, Непоседа, Жестянщик, Щетка, Зернышко, Весельчак, Носок, Дымок, Тенек и другие. В Сандрингеме королева не раз пыталась развести собак породы лабрадор, которых особенно любит принц Чарльз. Так как полностью расслабляться от напряжения, к которому ее принуждает публичная жизнь, королева может лишь в домашних условиях, то общение с собачками и дает ей такую возможность. К тому же ей нечего их опасаться: ведь они не публикуют мемуаров.

В далеком детстве Елизавета, впервые увидев это забавное существо на четырех лапах, весьма далекое от того, чтобы называться поджарым (30 сантиметров в длину и 10 килограммов веса), мгновенно отдала ему свою любовь. Эти собачки породы корги, «одетые» в рыжую, желтоватую (цвета песка), коричневатую-черную и просто коричневую шерсть, иногда кое-где с белыми пятнами, к которым терпимо относятся даже самые придиристые знатоки собачьих родословных, стали идеальными друзьями маленькой принцессы, буквально очарованной их плутоватыми мордочками,

их веселой вороватостью, их живостью, резвостью и тем, что они легко поддавались воспитанию и обучению.

В 1933 году Елизавете было всего семь лет от роду, и именно тогда, играя с собачкой породы уэльский корги у виконта Уэймота, она в них и влюбилась. Тельма Грей, знаменитая заводчица, имела честь «поставить» ко двору первую королевскую собачку породы корги по кличке Розавель Голден Игл (Розавель Золотой Орел), получившую в повседневной жизни кличку Дуки. В трехлетнем возрасте Дуки «женился» на собачке по кличке Розавель Леди Джейн и обзавелся детьми, двое из которых, Крекер и Кэрол, стали верными друзьями Георга VI и его жены во время войны. В 1944 году принцесса Елизавета получила в подарок свою первую собачку породы корги — Сьюзен. Именно потомки Сьюзен (сейчас это уже девятое поколение) оживляют своим лаем коридоры дворца.

У королевы-матери также есть корги: Джорди и Блэки (Чернушка), а принцесса Анна унаследовала Аполлона: этот молодой пятилетний песик, сеявший раздоры и смуту в собачьем сообществе Букингемского дворца, был «сослан» на воспитание к принцессе, где сейчас и раздумывает о своей участи среди лошадей и пастушьих собак, в шесть раз больше его ростом. У Анны также живет Лора, которой уже семь лет. Все они с великим почтением относятся к своей царственной хозяйке. Они повсюду следуют за ней, скачут и выютя вокруг ее ног или спят рядом с ней, когда она сидит в кресле или на диване.

Часто можно слышать, будто принц Чарльз не любит собачек своей матушки. Это неправда. Один из его приближенных вспоминает: «Однажды утром Чарльз мне сказал: “Это ужасно! Они сейчас похоронят Хитер (Вереск)!” Хитер, собачонка на трех лапках, у которой одно ухо было наполовину оторвано, имела обыкновение ввязываться в жестокие драки, в которых всегда терпела поражение. Она провела свою последнюю битву и теперь спит вечным сном в земле на газоне, в месте, которое можно увидеть из окон дворца. В парке нет настоящего кладбища для

собак, но когда прогуливаешься по аллеям, то и дело натыкаешься на небольшие могильные камни с выбитыми на них кличками. Вначале эти могилы выстраивали в ряд вдоль одной из стен, но теперь королева предпочитает, чтобы они были разбросаны по парку».

Хотя королева Виктория любила своих собачек до такой степени, что приказала надеть им ошейники из начищенного до блеска серебра, чтобы кто-либо из сторожей охотничьих угодий не выстрелил в одну из них по ошибке в парке в Балморале, в ту пору в кругу придворных не было единого мнения относительно собак, как нет сегодня единства на сей счет и в Букингемском дворце. Действительно, у некоторых из этих созданий прослеживается отвратительная склонность бросаться на полицейских и телохранителей членов королевского семейства. Нет, они никому не нанесли серьезных увечий, никого по-настоящему не покусали, но специалист по психологии животных сказал, что собаки породы корги унаследовали от своих предков агрессивность. Лекарствами им, как и представителям рода человеческого, могут служить валиум или другие препараты для подавления дурных инстинктов. Сама принцесса Мария Кристина Кентская признает: «Я не говорю, что никто из членов королевской семьи никогда не испытывал желания дать им тайком хорошего пинка, в особенности когда они кусали нас за лодыжки». По поводу корги следует вспомнить шутовское замечание очень «британского», очень «англичанистого» писателя Джерома К. Джерома: «Фокстерьеры рождаются на свет, имея в крови дозу первородного греха, в четыре раза превосходящую ту, что имеют другие собаки».

Корги, как совершенно ясно из всего вышесказанного, никогда не сопровождали королеву во время ее путешествий за границу; к тому же требования карантина распространяются на ее собак точно так же, как и на собак ее подданных. Когда королева в отъезде, за ними в Виндзоре присматривает мисс Фенвик, носящая звание «кинолога королевы»; не стоит и говорить о том, что Елизавета доверяет ей всецело.

Находясь в мрачноватом, тяжелом, приземистом здании в Сандрингеме, построенном в XVIII веке, Елизавета любит предаваться двум своим пристрастиям: общению с лошадьми и собаками. Она часто, по многу раз в году, уезжает в Сандрингем на уик-энд. Один из ее гостей вспоминает: «Она более всего ценит возможность побыть на свежем воздухе со своими собаками. Возможность прыгнуть в “лендровер” или выйти из него в сопровождении мокрых лабрадоров или спущенных с поводков корги, побродить в резиновых сапогах по вспаханному полю — вот удача, вот с пользой проведенная вторая половина дня». Если бы Елизавета не была королевой, она, без сомнения, посвятила бы свою жизнь коневодству и собаководству.

Глава VII

Во время путешествий

В год своего серебряного юбилея королева преодолела расстояние в 90 тысяч километров. Но любит ли Елизавета путешествовать?

На первый взгляд так и тянет сказать «нет». По характеру королева скорее домоседка. Один из ее биографов написал: «Никакая гора не кажется ей более “величественной”, чем гора Лохнагар, никакой климат ей не подходит в большей степени, чем климат Балморала, никакая страна не подходит ей так, как подходит Шотландия, если речь идет о том, чтобы выгулять одиннадцать собачек породы корги...» Но у королевы есть способность приспособливаться, и эта способность у нее настолько развита, что ей удалось с течением времени находить определенное очарование в некоторых сторонах официальных «перемещений» по миру.

Ее дети, напротив, очень любят путешествовать, но вне рамок официальных визитов. Так как Виндзоры повсюду проживают в очень хороших условиях, то можно сказать, что они немного пресыщены; но они и сейчас высоко ценят возможность переместиться куда-нибудь на Антильские острова посреди зимы. Во время

частых визитов они без колебаний прибегают к псевдонимам или даже к маскировке. Принц Уэльский однажды воспользовался псевдонимом «Чарли Честер», когда ему надо было куда-то лететь самолетом; но следует заметить, что на это имя он может претендовать с полным правом, потому что носит титул графа Честера. После женитьбы они с Дианой под именем «мистер и миссис Харди» отправились на остров Эльютера на Багамах; это было во время первой беременности принцессы Уэльской.

Когда герцог и герцогиня Йоркские пожелали нанести визит своему другу миллиардеру Роберту Сангстеру, знаменитому владельцу великолепных рысаков, участвующих в скачках, в его резиденцию на Барбадосе, они выбрали для себя имя «мистер и миссис Кебридж». Когда Эндрю еще только ухаживал за будущей герцогиней Йоркской, она на некоторое время превратилась в мисс Ануэлл. Принц Эдуард, младший сын королевы, приказал называть себя мистером Бишопом (Бишоп — по-английски епископ. — *Ю. Р.*), когда находился на отдыхе у друзей в Австрии. Принцесса Маргарет иногда превращается просто в мисс Браун, а герцогиня Кентская — в миссис Грин.

Но путешествовать под псевдонимом вовсе не означает путешествовать без багажа. В ноябре 1989 года в конце кратковременного пребывания в США Сара, герцогиня Йоркская, посетившая Хьюстон и Нью-Йорк, как оказалось, «весила» довольно много: ей пришлось заплатить 4013 евро за лишний вес багажа. Она везла с собой 53 чемодана и коробки — результат всего лишь нескольких дней шопинга (беготни по магазинам). «Члены королевской семьи всегда платят за лишний вес багажа, как любой пассажир, — прокомментировал это известие Букингемский дворец, — с точностью до нескольких долларов...» По свидетельству обслуживающего персонала, герцогиня Йоркская в этой сфере одержала, вероятно, победу над актрисой Джоан Коллинз.

Когда королевская семья путешествует, то берет с собой не только полные чемоданы одежды. Она везет с собой пластинки и диски, а также проигрыватель,

удочки для рыбной ловли, охотничьи ружья, видеокассеты, альбомы с фотографиями, книги, коробки шоколадных конфет и плитки шоколада, а иногда даже любимые статуэтки. Все это для того, чтобы везде воссоздать атмосферу домашнего очага. Принц Чарльз никогда не расстается с фотографией королевы, вставленной в серебряную рамку, а также с фотографией Александры, любимой кузины.

Путешествия, совершаемые членами королевской семьи, можно разделить на четыре категории: официальные государственные визиты, длительные ознакомительные поездки, путешествия с определенной целью (например, для того, чтобы присутствовать на конференции стран Содружества) и частные визиты. Официальный государственный визит — это визит вежливости, наносимый одним главой государства главе другого государства, такой визит осуществляется всего один раз в данную страну. Конечно, бывает и так, что Елизавета еще и еще раз посещает одну и ту же страну, но уже с частными визитами.

Официальные визиты

Официальные, или государственные, визиты, имея целью всего лишь обмен любезностями между двумя главами государств, никогда не длятся более трех дней. Если королева задерживается в стране дольше, то это уже в частном порядке.

Программа официального визита предусматривает торжественную встречу при стечении большого количества народа, проезд в роскошной, специально предназначенной для таких церемоний машине по улицам столицы, обмен дарами, банкет, устраиваемый принимающей стороной, и прием в посольстве, устраиваемый гостем. Часто в программу такого визита входит посещение спектакля в театре оперы и балета, а также экскурсия с осмотром исторических достопримечательностей.

Королевские ознакомительные поездки длятся дольше, а порой и намного дольше. Чаще всего короле-

ва совершает такие поездки в другие страны Содружества, и их цель состоит в том, чтобы как можно больше увидеть в этой стране, узнать ее жителей и познакомиться с их образом жизни. Во время таких поездок она выезжает за пределы столицы, иногда путешествует из города в город, посещает деревню за деревней, и повсюду, в любом населенном пункте ее встречают мэр и другие представители власти. Она принимает в дар букет цветов, произносит краткую речь, иногда устраивает смотр почетного караула или сажает дерево в память о своем визите. Иногда она посещает местную больницу или завод, осматривает предместья какого-либо города. В самых крупных населенных пунктах в ее честь иногда устраивают обеды или дают балы. Почти всегда на пути следования королевы собирается множество детей, чтобы посмотреть на нее. Королева посещает с визитами только те страны, в которые, как полагает британское правительство, нанести визит своевременно и уместно именно в данный момент. Таким образом, ее путешествия являются точной копией того «дипломатического климата», в котором живет Великобритания.

По мнению официального биографа королевы Энтони Джея, Елизавета в качестве главы государства играет двойную роль: первая — внутренняя, смысл которой состоит в том, что она объединяет под своей властью весь аппарат управления, то есть правительство, администрацию, вооруженные силы, Церковь, суд и местное самоуправление. Вторая — как бы для «внешнего употребления», ибо смысл ее состоит в том, что королева должна олицетворять собой свою страну перед лицом всего остального мира, быть символом Англии. «Можно только радоваться тому образу стабильности и крепости, который она создает во славу Великобритании везде, где бывает, и подвергать ее критике за то, что она создает также впечатление, будто ее страна отстала от моды, и не только от моды, но и от времени, то есть создает образ страны, остающейся в плену своего прошлого. Но мы со всей очевидностью должны признать, что это именно так и есть».

Шталмейстер Короны несет ответственность за официальные и частные визиты, но личный секретарь королевы заботится обо всех деталях перемещения королевы по морю и по воздуху. Государственные визиты организует Форин Оффис в сотрудничестве с королевским двором. Два раза в год королевское семейство в полном составе собирается во дворце, чтобы спланировать заранее все визиты: на большой карте, укрепленной на стене кабинета шталмейстера, отмечают страны, которые посетят члены семьи, с указанием даты визитов, а также составляют подробный и точный список, так что с первого же взгляда ясно, где будет находиться в то или иное время каждый член семьи на протяжении ближайших шести месяцев, а также и то, каким видом транспорта он воспользуется.

У каждого члена семьи свой цвет наклеек для багажа: у королевы — желтый, у герцога Эдинбургского — лиловый, у принца Чарльза — красный, у принцессы Анны — зеленый и так далее. Делается это потому, что за рубежом, в особенности в странах третьего мира, часто бывает так, что посыльные и лакеи не умеют читать.

Если королева отправляется в длительную поездку по одной или нескольким странам, она берет с собой такое количество багажа, что один его вид может произвести сильное впечатление. Итак, она берет с собой два огромных кофра синей кожи, каждый высотой в один метр восемьдесят сантиметров и каждый снабжен колесиками, — в них находятся ее вечерние туалеты; удобный комод, в котором аккуратными стопками лежат перчатки, чулки, носовые платки и белье, — тоже на колесиках. Королева специально заказала его для путешествий за границу. Шляпные и обувные коробки, тоже из синей кожи, содержат около трех десятков шляп и около шестидесяти пар обуви. Полдюжины крупных чемоданов из толстой кожи битком набиты мантиями, костюмами, платьями и мехами. Роскошное платье для торжественного выхода находится в отдельном чемодане. В дорожном чемодане из крокодиловой кожи лежат необходимые любой женщине вещицы: щетки, расчески, ручные зеркала, пудреницы, косметика и так далее. Есть у королевы еще один длинный, изготовлен-

ный по особому заказу узкий чемодан, заполненный зонтиками от дождя и изящными зонтиками от солнца, чьи инкрустированные драгоценными камнями ручки защищены тонкими футлярами из замши. Фрейлина, одевающая королеву, на которую возложена обязанность заботиться об этом огромном гардеробе, должна удостовериться, что каждый костюм, каждое платье и полагающиеся к ним аксессуары без единого пятнышка и без единой складочки будут абсолютно готовы в нужный момент в определенном месте. Этой даме помогают две камеристки, и она знает наизусть, в каком кофре находится тот или иной предмет туалета, и никогда не ошибается.

Королева берет с собой в путешествия свой любимый чайник, любимую подушку, личное туалетное мыло, а также некоторые свои излюбленные продукты, например ячменный сахар, леденцы и шоколадки с мятной помадкой. Хотя королева и не занимается лично организацией своих путешествий во всех деталях, многое ей все же приходится делать самой, в частности заранее познакомиться с местами, которые ей предстоит посетить, и с людьми, которых ей будут представлять. Ей также надо заказать и примерить новые наряды, что для нее — настоящее наказание, если не пытка. Даже для недолгого путешествия ей необходимо пятьдесят-шестьдесят разных одеяний, чтобы она могла одеваться соответственно характеру каждой церемонии и не быть вынужденной несколько раз надевать один и тот же туалет. Ей нужны пальто и меховые манто, деловые костюмы, платья для послеполуденных визитов, платья для коктейля и вечерние платья. Когда в ходе визита предусмотрен банкет, ей требуется платье для торжественного выхода. На создание такого туалета уходят месяцы и месяцы работы. Мотивы ручной вышивки, украшающей это платье, обычно бывают навеяны цветком, являющимся символом страны, куда она прибыла с визитом. Все ее одеяния должны сочетаться не только с климатом и духом страны, но и со временем года, в который состоится визит. К тому же они должны быть скроены и сшиты так, чтобы позволять ей свободно садиться в машину и выходить из нее

с достоинством. Кроме всего прочего, они должны быть таковы, чтобы королеву можно было издала отличить от сопровождающих ее лиц.

Безупречная организация

Перемещение Ее Королевского Величества из одного места в другое всегда представляет собой некое зрелище, даже «цирк». Не менее чем за полгода до визита в какую-то страну или даже в один из городов Англии к работе приступает целое «подразделение безопасности». Один из лейб-гвардейцев, отвечающих за организацию путешествий, помощник личного секретаря королевы, один из секретарей пресс-атташе и кто-нибудь из представителей полиции делят на участки весь предполагаемый маршрут и проверяют, каковы качество обслуживания и условия проживания в гостиницах, останавливаясь в них; они также проверяют и средства транспорта, совершив путешествие, аналогичное тому, что предстоит совершить королеве. Подобные предосторожности предпринимаются не только по отношению к королеве, но и для принца Чарльза, а также и для всех принцев крови. Представители королевы должны еще иметь в виду, что королева путешествует не одна, а в сопровождении примерно шестидесяти человек из числа ее приближенных.

Итак, представители королевы проверяют весь предполагаемый маршрут. В каждом предусмотренном месте остановки помощник личного секретаря еще и еще раз сверяется с расписанием поездки, ответственный за безопасность офицер проверяет, все ли меры приняты для обеспечения безопасности царственной особы, а экономайстер королевского двора пытается загодя найти ответы на все вопросы тех, кто будет принимать королеву. Он говорит им, что она предпочитает не апельсины, а свежевыжатый апельсиновый сок, что она не особенно любит изысканные, экзотические блюда, не любит устриц, не любит икры, что ей нравится, когда изголовье ее кровати упирается в стену,

что она любит, чтобы в ее апартаментах было большое зеркало, в котором она могла бы увидеть себя во весь рост, прежде чем отправляться на официальную церемонию, что в ее спальне ей совершенно необходим письменный стол, чтобы она могла заняться корреспонденцией и выполнять свою профессиональную работу королевы между двумя торжественными церемониями. Он также сообщает им о том, что принц Филипп предпочитает принимать душ, а не ванну и что ему требуется очень длинная кровать.

Королева никогда не путешествует без свиты, в состав которой входят как минимум две придворные дамы, личный секретарь, пресс-атташе, две камеристки, одевающие королеву, горничная, три секретарши, два шталмейстера, один помощник личного секретаря, парикмахер, восемь ливрейных лакеев, врач и шесть телохранителей.

Итак, кроме багажа самой королевы транспортировка требует и багаж шестидесяти сопровождающих ее лиц. К этому надо присовокупить еще и те подарки, которые она будет дарить во время путешествия, а ведь это могут быть и памятные награды, и золотые пуговицы или запонки, броши, фотографии с надписями, пудреницы с королевским вензелем. В ее багаже должен быть небольшой сувенирчик для каждого, начиная с горничной, метрдотеля, шоферов и поваров и кончая генерал-губернатором.

Всё в таких путешествиях запланировано, изучено, выяснено, систематизировано. Существуют заранее отпечатанные карточки, на которых в сокращенном виде указано, какой вид одежды должен быть надет в то или иное время суток (такие же обозначения стоят и в дневном графике), причем предусмотрено всё: и вечернее платье, и длинное платье, и мундир, и платье для коктейля, обычное платье для улицы и бальный туалет, корона и награды. Обозначения могут соединяться по два или три в одно, и это будет означать, что обязательно наличие в одежде нескольких особенностей, например, что королева должна надеть длинное платье и водрузить на голову корону.

В каждом городе появлению Елизаветы предшествует появление ее слуг, которые быстро осматривают предназначенные ей апартаменты и переставляют мебель, чтобы это временное жилище как можно больше напоминало ее покои в Букингемском дворце. У этой перестановки есть свое оправдание, весьма прозаическое и практическое. Дело в том, что королева может надеяться на то, что ей удастся соблюсти свое расписание минута в минуту только в том случае, если каждый предмет будет находиться на том месте, где она рассчитывает его найти.

На королевский туалетный столик всегда предусмотрено кладут: щетки для волос — справа, щетки для одежды — слева, в центре — ручное зеркало, рядом с ним — коробочки с тенями для глаз, пудреницу, румяна, все это аккуратно «выстроено» в ряд, как на параде; точно так же на письменном столе прямо напротив стула ставят бювар, за ним — папку для бумаг, в которой находится ее личная писчая бумага, коробку с карандашами кладут справа, бумагу для заметок и записную книжку — слева, а коробку с личными письмами, с которой королева никогда не расстается, — на самый край стола справа. Комод ставят в туалетной комнате, и камеристка тотчас же по прибытии спешит разложить по ящикам носовые платки, чулки и нижнее белье. Предметы одежды, которые королева должна будет надеть к ближайшей торжественной церемонии, тотчас же извлекаются из кофров и проглаживаются на раскладном столе для глажки.

Содержимое коробочек с различными средствами для нанесения макияжа варьируется в зависимости от страны и времени года. В Индии, например, в районах, расположенных высоко над уровнем моря, королева пользуется тональным кремом, но не обычным, а жидким, увлажняющим кожу. В странах с более влажным климатом она наносит на лицо слой компактной пудры и румяна, что придает ее коже матовый оттенок и позволяет дольше не «освежать» макияж. А в Австралии, где солнце палит нещадно, она заменяет свою обычную розоватую пудру другой, медового, золотистого оттенка.

Секретариат (канцелярия) королевы планирует всё! «Представьте себе, — поясняет один из придворных, — что вы — принц Уэльский. Вы делаете вид, что пожимаете множество рук, вы напоминаете себе о том, что надо принимать подносимые вам букеты и размахивать ими, и вы должны знать, сколько на это понадобится времени. И вы буквально повторяете его путь, шаг в шаг, точно отмечая, сколько у вас это занимает времени. На каждой остановке вы должны точно знать, кто вас там ждет, кто будет сидеть, а кто — стоять и где они будут сидеть и стоять, а также вы должны знать, что там скажут и сколько времени все это займет. Описание всех действий, расписанных по минутам, составит десятки страниц, и вам потребуется тщательная подготовка».

Дочь директора одной из фабрик, которую королева посетила, свидетельствует: «Мой отец — промышленник. Королева должна была прибыть на его завод и отобедать там. Так вот, за много месяцев до ее визита представители дворца совершили там настоящую высадку десанта, чтобы прояснить все до мельчайших деталей, вплоть до того, кто где будет сидеть, кто что будет говорить и сколько все это продлится. Они не только обсудили меню, но еще и приготовили все блюда и подали обед к столу. А потом, незадолго до визита королевы, у нас была еще одна генеральная репетиция и нам опять приготовили и подали обед. Я вспоминаю, как однажды принцесса Анна посетила цыганский табор и отметила, что там очень чисто. Ну, разумеется, там было чисто! Как всегда и везде во время королевских поездок, там все было убрано, вычищено, вылизано, как на витрине. Члены королевской семьи, похоже, не отдают себе в том отчета, не понимают, что все для них делается специально, что это театральные мизансцены. Все выглядит таким чистеньким, все блестит и сияет, каждый старается показать себя в наилучшем свете. Я думаю, что чаще всего они не видят реального мира, ничего они не видят».

Излишняя предусмотрительность иногда доходит или доводит до смешного. Однажды принц Филипп и королева должны были открывать какой-то питомник де-

ревьев. Заранее было предусмотрено, что они пробудут на церемонии ровно десять минут. Местные власти распорядились ради такого случая положить ленту из свежего дерна длиной в четыреста метров, чтобы уберечь обувь королевской четы от грязи. И что же вы думаете? Этот роскошный ковер был сорван тотчас же после их отъезда! В другом месте излишне скрупулезно действовавший муниципалитет отдал распоряжение уничтожить островок безопасности для пешеходов на середине дороги ради того, чтобы машине Филиппа не пришлось его объезжать. На одном из вокзалов, где ждали приезда королевы, рабочих послали спрятать таблички с надписью «Для мужчин» за очень «деликатными» синими занавесочками, дабы не оскорблять взор государыни.

Хотя королева и осознает, насколько важна ее функция, ее все же иногда очень и очень забавляет, до какой степени тщательно заорганизовано самое ее малозначительное путешествие. Во время официального обеда в Австралии она обратила внимание на то, что по расписанию обед должен был закончиться ровно в 14 часов, а отъезд был назначен на 14 часов 17 минут. Ее, как говорится, «заело» любопытство, и она потребовала объяснений. Королеве ответили, что заранее было подсчитано, что ей потребуется точно семнадцать минут на то, чтобы выйти из-за стола, дойти до двери, на ходу пожимая протянутые руки, и выйти из здания; ее заверили, что путь, который ей предстояло проделать, был измерен с точностью до шага, несколько раз повторен и захронометрирован. Королева не смогла не выказать долю сарказма. «Надеюсь, я не пролью кофе, — сказала она. — Ведь если бы я по чистой случайности опрокинула чашку, то не имела бы в своем распоряжении ни минуты, чтобы попросить вторую».

Женщина-марафонец

За пятьдесят лет правления и за пятьдесят лет путешествий королева, кажется, испробовала в мире всё. Она попробовала на вкус хот-доги в Чикаго, отведала

зажаренную на костре свинину на островах Тонга (причем ела руками, как положено по традиции), она пила каву, национальный напиток островов Фиджи, отличающийся особым, каким-то мыльным вкусом. Она присутствовала на празднике стрижки овец в Австралии, слушала боевые песни племен маори в Новой Зеландии, видела пляски зулусов в Африке, наблюдала за знаменитой «гонкой золотоискателей» в Канаде, побывала на матче американского футбола в Соединенных Штатах. Хотя королева много путешествует по свету (в этом нет ничего удивительного, ведь она — глава Содружества), все же, к счастью, она редко сталкивается с неприятными инцидентами; одна только Новая Зеландия ей готовит все больше и больше неприятных сюрпризов. В 1953 году, во время ее поездки по странам Содружества, она пожала руки 13 тысячам человек, произнесла 137 речей и выслушала 276 ответных, почтила своим присутствием 135 приемов, посетила 15 стран, танцевала на 50 балах, открыла 13 мемориальных досок, посадила 6 деревьев и приняла 500 букетов! Женщина-марафонец, да и только!

В Индии, в 1961 году, королеве очень понравилось взбираться на спину слона и сидеть там на специально установленном и укрепленном кресле под балдахином, чтобы принять участие в очень красочном шествии. Ее это так развеселило, что она громко смеялась. Правда, она смеялась уже гораздо меньше, когда узнала, что один из комментаторов Би-би-си совершил ужасную оплошность, объявив на весь мир, что королева и глава Индии, принимавший ее у себя в гостях, сидели как бы «слившись», вместо того, чтобы сказать, что они сидели в углублении, то есть перепутал два глагола, чем породил скандал.

Но, как бы там ни было, королева никогда не утрачивает ни хладнокровия, ни чувства юмора, что позволяет ей превращать воистину кругосветные путешествия, которые могут длиться до двух месяцев, в путешествия очень приятные, даже при том, что местные обычаи и нравы иногда ставят ее в странноватое, а то и в смешное положение. В жарких странах она была вынуждена на виду у всех снимать жемчужное ожерелье или при-

поднимать его, чтобы под лучами палящего солнца под жемчужинами на коже не остались белые пятна. Постепенно она даже стала находить в этом кое-что приятное. Путешествуя по свету, она научилась получать удовольствие от самих путешествий. Она может там «дать волю» своему таланту наблюдателя: все видеть и все замечать. По словам одного из членов свиты, «ее взор проникает повсюду». У нее действительно есть привычка все замечать, порой приводящая окружающих в замешательство. Когда на одном из официальных банкетов ей представили местного сановника, королева ему сказала: «Я вас сегодня уже дважды видела в толпе!»

Однажды, во время пребывания на острове Тонга, королеве, напротив, очень не пришелся по вкусу банкет, данный в ее честь, так как в меню фигурировал омар, а она никогда не ест ракообразных; к тому же ей всю ночь досаждали как «пение» сверчков, так и песни туземцев, кроме того, под утро ее дрему разогнали мелодии флейт. Мало того, целая толпа почитателей, «братьев и сестер по Содружеству», подкарауливала у ограды сада, дожидаясь момента пробуждения в надежде увидеть ее в окошке, так как ставни были открыты. Итак, они ее все-таки увидели, когда она после бессонной ночи отправилась на поиски недавно установленного душа...

Во время путешествия в Катар при входе в порт Доха она наблюдала с борта «Британии» неприятный инцидент, который мог закончиться трагически. Дело в том, что около пяти сотен рыбацких суденышек приблизились к королевской яхте, чтобы приветствовать королеву. В одной из лодок сидела миссис Кей Харрис, англичанка, и по неизвестной причине эта лодка перевернулась. К счастью, помощь подоспела вовремя, чтобы спасти мисс Харрис, не умеющую плавать. Несколько часов спустя имело место еще одно происшествие: нескромный ветерок приподнял юбку Ее Величества, но честь ее осталась незапятнанной, потому что королевская нижняя юбка продолжала скрывать колени Елизаветы, а эмир, находившийся рядом с ней, проявил такт и как бы не заметил этого нарушения протокола.

В подобных обстоятельствах поразительным образом проявляла себя королева-мать. Как рассказывает Питер Таунсенд, однажды во время путешествия по Южной Африке какой-то негр, явно имевший преступные намерения, бросился со всех ног за королевским автомобилем... «В одной руке он сжимал какой-то предмет, а второй сумел ухватиться за край откидного верха машины... Королева быстро-быстро нанесла ему множество ударов зонтиком... Когда же бесчувственное тело оттащили прочь с дороги, я увидел, как сломанный пополам зонтик исчез в машине. В следующую секунду Ее Величество уже махала рукой и улыбалась толпе еще более очаровательной улыбкой, чем обычно».

Не забудем, что королева обладает замечательным чувством юмора, которое она демонстрирует иногда даже на торжественных обедах и ужинах. Так было, например, в 1983 году на одном из званых вечеров в Сан-Франциско. Елизавета вставила в краткую речь столь удачную шутку относительно погоды, что президент Рейган захохотал как сумасшедший.

В подобных путешествиях всегда наблюдается некий феномен, а именно: на всякого, кто встречается с королевой, нападает страх. Да, люди жутко волнуются и трусят, хотя личный секретарь и берет на себя заботу о том, чтобы всех успокаивать и ободрять. Очарование, ослепление, гипноз, производимые самой монаршей властью, столь велики, что порождают иногда, как известно, полный паралич, ведь некоторые даже не могут ни слышать то, что им говорит государыня, ни сказать ей в ответ ни слова. Елизавета привыкла к подобным случаям утраты дара речи. Приведем здесь список вопросов, наиболее часто задаваемых королевой в тех случаях, когда ей кого-нибудь представляют во время путешествия, визита или на открытии какого-либо объекта, чтобы ее вопросы не застали вас врасплох, если вам доведется с ней встретиться: «Давно ли вы меня ждете?», «Какова ваша роль?», «Чем вы занимаетесь?», «Ваша должность или звание?», «Кто вы по профессии?», «Откуда вы родом?», «Давно ли вы здесь работаете?», «Когда было возведено это здание?», «Какова его площадь?». Вопросы неизменно производят должный эффект.

Существуют многочисленные свидетельства, что во время официальных визитов один вид принцев королевской крови действует на присутствующих так, будто принцы наделены воистину колдовскими чарами. Во время пребывания в Италии весной 1985 года Чарльз и Диана заставили чуть ли не всех представителей итальянской аристократии пережить не слишком приятные минуты, потому что в британской прессе журналисты буквально упивались описаниями, как итальянские аристократы расталкивали друг друга локтями, чтобы только встретиться с этой четой. Мы плохо себе представляем, сколько треволнений пережили 200 князей, 226 герцогов, 518 маркизов и 1001 итальянский граф при мысли о том, что они не получат заветное приглашение! Многие до сих пор вновь и вновь мусолят воспоминания об ужасной, наивысшей своей неудаче в жизни, заключающейся в том, что они не были представлены принцу Уэльскому и его жене.

Во время путешествий герцог Эдинбургский не может удержаться и не совершить несколько своих известных промахов или оплошностей. Осенью 1986 года во время визита в Китай, когда королева заявила, что «Запретный город» в Пекине произвел на нее неизгладимое впечатление, ее супруг признался, что «Пекин смертельно скучен», а затем заявил перед группой английских студентов: «Если вы останетесь здесь подольше, глаза у вас станут раскосыми!»

Бытует еще одна анекдотическая история, которая очень много говорит об этом персонаже. Случилось это в Нью-Йорке в 1957 году. Побывав в одной научной организации на 55-й улице, Филипп направлялся в отель «Уолдорф», где остановилась королева, и вдруг его машина и машины сопровождавших его лиц попали в гигантскую пробку. «Ну что же, пойдем пешком», — небрежно бросил он. Офицеры службы безопасности сначала ушам своим не поверили. «Пойдемте же, — продолжал настаивать Филипп. — Должно быть, это недалеко». Именно это они и сделали: зашагали от Лексингтон-авеню по 45-й улице, дошли до вокзала, затем вышли на Парк-авеню, попали в подземный гараж, чтобы добраться до небольшой дверцы, выходившей в

проулок рядом с отелем. Надо сказать, что портреты принца Филиппа улыбались во всех витринах, его имя было на первой полосе во всех газетах, сотни и сотни людей стояли на улицах часами, чтобы его увидеть. Перед отелем собралась толпа, поджидавшая его машину. Когда же он попытался «проложить себе дорогу», его грубо оттолкнули, а потом ему же и закричали: «Не толкайтесь!» «Да это же я!» — сказал он, обращаясь к стоявшему у отеля полицейскому. Тот с недоумением уставился на него. Толпа все еще не узнавала сказочного принца своих грез. Наконец агенты службы безопасности из его эскорта провели его в отель.

Смех часто бывает заразительным. Один из членов королевского двора рассказывает: «Я стоял неподалеку от королевы Елизаветы во время одной церемонии, как вдруг на меня напал безумный смех, я не сумел скрыть этот приступ неожиданного веселья, и вскоре он овладел и королевой, которая, однако, сумела с большим искусством его замаскировать под ослепительной улыбкой...» Подобные ситуации королева воспринимает с юмором, точно так, как это делал ее отец; например, ее поведение в тот день, когда она по ошибке вручила две награды одному человеку, а следующему награжденному уже ничего не досталось; так вот, ее поведение очень напоминало поведение Георга VI в тот день, когда он по недосмотру возложил властные полномочия в герцогстве Корнуолл и в герцогстве Ланкастер на одного человека. При повторном распределении высоких постов король констатировал, обращаясь к этому счастливцу: «Вы явно очень востребованы!»

Члены королевской семьи опасаются только одного: заболеть за несколько дней до начала путешествия. Вот почему они стараются избегать друг друга, если один из них вдруг начинает страдать от простуды или инфекции. В таких случаях королева общается с супругом по телефону и ни за что не нанесет ему визит. Ибо отмена какого-либо королевского визита из-за плохого состояния здоровья влечет за собой катастрофически огромное число пренеприятнейших последствий.

Отметим, наконец, что если у всех членов королевской семьи имеются паспорта, в том числе и у принца

Уэльского, то у королевы сего документа нет и ее багаж с наклейками, на которых золотыми буквами выведено слово «королева», никогда не проходит через таможеню.

Необычные транспортные средства

В 1988 году семейство было вынуждено отказаться от «Британии», к чему принуждало состояние семейных финансов. Эта яхта (длина корпуса 125 метров, водоизмещение 5862 тонны, скорость хода 21 узел, команда 21 офицер и 256 матросов) с момента ее спуска на воду в 1953 году была дорога сердцу королевы. Кроме всего прочего, яхта обладала в глазах Елизаветы одним особым достоинством: она чувствовала себя во время торжественных приемов на ее борту гораздо лучше, чем в незнакомых гостиницах и зданиях посольств. Некое очарование этого места и отсутствие строгих правил протокола позволяли королеве вести себя естественно и с присущей ей любезностью принимать гостей. Когда яхту поставили на прикол у набережной Плимута и сняли с нее такелаж, у всех членов королевского семейства, наблюдавших за этой сценой, на глаза навернулись слезы.

К счастью, остается еще «королевский поезд» (хотя в 2001 году количество вагонов в нем было сокращено с 14 до 9). Разумеется, самое непродолжительное путешествие на нем требует затрат в сумме не менее 54 тысяч евро. «Королевский поезд» был полностью отремонтирован в 1977 году, к юбилею королевы, когда она без усталости разъезжала по стране из конца в конец; сейчас он стоит на запасном пути в Вулвертоне, неподалеку от Лондона.

Личный вагон королевы таков: у него есть главный вход, двустворчатые двери, внутри — гостиная, спальня и ванная, а также отдельная спальня и ванная королевской камеристки. У герцога примерно такие же апартаменты, но несколько меньшего размера, и вместо ванны установлен душ. Королева и принц Филипп остановили свой выбор на драпировках, ковре и встро-

енных в стены диванов, заменивших старые в ходе ремонта; вся остальная мебель была доставлена из Букингемского дворца.

Чаще всего «королевским поездом» пользуется принц Уэльский, похоже, он ему очень нравится. В его собственном вагоне стены отделаны красным деревом и панелями из клена. Над двумя голубыми постелями висят картины из королевского собрания живописи. Совершенно очевидно, что сей состав вносит сумятицу в работу всей железнодорожной сети, тем более что примерно на расстоянии в два километра впереди него всегда движется локомотив, чтобы освободить путь и удостовериться, что нет никаких препятствий.

Королева обожает «свой» поезд. Когда она устраивается в своем вагоне после отправления с очередного вокзала, первое, что она делает, это снимает туфли и полулежа устраивается на диванчике, чтобы дать отдых натруженным ногам. Три свистка — это условный сигнал, извещающий о том, что вдоль железнодорожных путей стоят люди. Не давая себе труда вновь надеть туфли, ибо времени на это нет, королева выбегает на небольшую площадку, чтобы приветливо помахать рукой в ответ на приветственные крики. Даже когда королева отдыхает, сидя или лежа на диванчике, она не предается безделью: она либо пишет или читает письма, либо погружается в разгадывание кроссвордов. Филипп предпочитает вытянуться во весь рост, подложив под голову подушку, и подремать. Он способен проснуться точно в нужный момент и без звона будильника.

Есть у королевского семейства еще кое-какие привилегии, например королевские вертолеты. Знаменитые красные вертолеты королевы обладают правом нарушать некоторые правила движения в воздушном пространстве: например, в Лондоне им разрешается пролетать над городом и над Темзой, что строжайше запрещено частным вертолетам. Королевская семья любит этот вид транспорта из-за его удобства; королева-мать, несмотря на свой весьма преклонный возраст, пользовалась им по любому случаю. По причинам безопасности Чарльз и двое его сыновей никогда не летают

на вертолетах все одновременно; королева пользуется этим видом транспорта очень редко.

Все были очень взволнованы, когда в 1981 году один из «Андоверов» из эскадрильи королевы едва не столкнулся с «Боингом-747», принадлежавшим компании «Бритиш эруэйз», взлетевшим из аэропорта Гатуик и взявшим курс на Майами. Но что более всего огорчило королеву, так это то, что кое-кто принялся ругать ее супруга за якобы допущенную им ошибку, хотя никакой оплошности он не совершал, потому что не он сидел за штурвалом, к тому же «боинг», оказывается, летел с опережением графика на пять минут.

Самолеты королевы базируются в Бенсоне, в Оксфордшире. Экипажи набирают из добровольцев, служащих в Королевских военно-воздушных силах. Члены королевского семейства никогда не страдают от разницы во времени в различных часовых поясах, потому что в салоне самолета для них устанавливают постели и оборудуют приятные уголки для отдыха. Бывший ливрейный лакей принца Чарльза вспоминает о происшествии, многократно повторявшемся: «Мы находились на высоте бог весть сколько тысяч футов над Африкой, когда секретарь вдруг вспомнил, что подарок, который принц хотел вручить принимающей стороне сразу же на аэродроме, находится в грузовом отсеке самолета. “Боюсь, придется его поискать”, — сказал принц. Один из несчастных членов экипажа был вынужден поднять люк в кабине, спуститься по трапу вниз, найти требуемое и принести его в салон. Это было не очень опасно, но все же не слишком приятно, и экипаж потом всю дорогу искоса посматривал на человека, совершившего такую оплошность и перепутавшего багаж».

Расходы на путешествия королевской семьи составили в 2000 году около 9 миллионов евро (а по сравнению с 1999 годом, как оказалось, семейство сэкономило около 4,6 миллиона евро). Но королева желает и далее сокращать расходы или, по крайней мере, следить за ними. Так, сумма в 350 тысяч евро, затраченная в 2001 году на недельное пребывание принцессы Анны на Индийском субконтиненте, показалась ей завышен-

ной. Ей также не понравилось и то, что 84 тысячи евро были затрачены на полет принца Чарльза на вертолетах туда и обратно на Шетлендские острова только для того, чтобы вручить призы победителям местной выставки цветов.

По машинам!

Но представители монаршей власти передвигаются не только на поездах, самолетах и вертолетах. «Совершенно с вами согласна, мэм», — прошептала однажды королева, когда ее машина, разумеется, против воли водителя, окатила грязью женщину, шедшую по аллее по направлению к Сандрингему; само собой, женщина прокричала вслед королеве и шоферу нечто вроде «мерзавцы!».

Множество раз англичане узнавали из ежедневных газет, что члены королевской семьи были задержаны на дороге за превышение скорости. Так, полиция не раз останавливала принцессу Анну в первые годы ее замужества, ее мужа Марка Филлипса и виконта Линли, сына принцессы Маргарет. В прессе появились фотографии, на которых виконт Линли был запечатлен в своей машине, а рядом с ней стоял английский бобби (полицейск. — *Ю. Р.*), составлявший протокол. Принцесса Диана также получила предписание уплатить штраф за то, что припарковала машину там, где стоянка запрещена, но дело потихоньку замяли, и полиция не стала настаивать на своем. Однажды полицейский увидел, как какая-то машина пытается втиснуться в ряд стоящих машин; он подал знак, чтобы машина дала задний ход, хотя за рулем и находилась принцесса Анна.

На автомобилях, принадлежащих лично королеве, нет номерных знаков, но эта привилегия не распространяется на машины членов ее семьи.

Чтобы преодолеть небольшое расстояние, королева вызывает одну из своих машин. Она с равным удовольствием может прокатиться и на старом «лендровере», и

на шикарном «роллс-ройсе». Едет ли она одна или в сопровождении свиты, она очень не любит, чтобы ее сопровождал эскорт мотоциклистов, потому что предпочитает покой и скромность. Если она куда-нибудь едет с официальным визитом, полицейские встают на посты группами на каждом перекрестке и вдоль всего маршрута, и когда ее машина приближается, все движение временно приостанавливается. Подобное же происходит и при переездах других членов королевской семьи. При неофициальных поездках Ее Величество перемещается без всякой помпы, как можно незаметнее. Когда королева отправляется на уик-энд в Виндзор, она едет практически одна: на переднем сиденье сидят шофер и телохранитель, а она сама устраивается на заднем, стремясь захватить с собой как можно большее число собачек.

Особенно ценят в королевском семействе простой, бесхитростный комфорт «лендровера». У королевы есть две или три такие машины разных моделей и годов выпуска, и она пользуется ими теперь для того, чтобы объезжать выстроенные для смотра войска. Это все машины серийного производства, но выкрашены они в цвет королевы: темно-зеленый. Елизавета сама никогда не водит машину в городе, но за городом частенько садится за руль. Она сдала экзамены на водительские права давным-давно, во время войны, когда находилась в военном лагере для подготовки водителей на юге Англии. Кроме «лендроверов» у нее также есть два «форда-граната», два старых «воксхолла», два «остина», один «Лендровер-3500» и один «Рено-5».

Елизавета, несомненно, сентиментальна и, подчиняясь почти религиозному чувству, свято хранит номерной знак автомобиля, который был подарен ей ее отцом Георгом VI по случаю ее восемнадцатилетия. То же можно сказать и о принце Чарльзе, не желающем ни за что на свете расстаться со своим старым «астон мартином», хотя тому уже двадцать семь лет. Его автопарк состоит из нескольких «бентли», нескольких «рейнджроверов» и нескольких «ягуаров». Все эти машины — настоящие драгоценные игрушки.

Вообще для англичан, в том числе и для королевы, возглавляющей своих верноподданных, машина, большая или маленькая, роскошная или простенькая, не является воплощением каких-то грез или игры воображения, а представляет собой воплощение определенного образа жизни. Они далеки от любящих показной блеск богатых техасцев или от шейхов, разбогатевших на нефтедолларах. Здесь, в Англии, роскошь, утонченность вкуса, умеренность и строгость сосуществуют, не мешая друг другу, даже если кое-какие детали и придают чему-либо свой, совершенно особенный вид, как штрихи и мазки кисти художника придают его манере письма особый стиль.

В 1907 году Эдуард VIII повелел, чтобы Британский автомобильный клуб (клуб автолюбителей) именовался Королевским; но если он по-прежнему находится под высоким патронажем королевы, то все же надо признать, что Елизавета не унаследовала от отца страсти к автомобилям; она не только довольно редко обновляет свою «коллекцию», но и не любит скорость, превышающую 70 километров в час, в отличие от принца Филиппа, любящего быструю езду. Как бы там ни было, ее последнее приобретение — «роллс-ройс» просто великолепен: это превосходный «фантом» каштаново-черного цвета, традиционных цветов для королевских экипажей, предназначенных для официальных визитов; его отличают следующие особенности: длина — 5,80 метра (это самый длинный «роллс-ройс», созданный за последние 40 лет), цельное стекло заднего вида (чтобы толпа могла лучше видеть королеву, отказавшуюся, кстати, использовать для этих целей пуленепробиваемое стекло), специальное внутреннее освещение. Королева предпочла, чтобы вместо бара в машине был установлен магнитофон, для которого она сама подбирает кассеты с записанной на них музыкой. Как вы думаете, что она слушает? Военные марши!

«Роллс-ройсы», на которых королева путешествует по Англии, можно отнести к самым роскошным машинам в мире. Их кузова потребовалось покрыть двадцатью слоями краски, чтобы добиться соответствующего глубокого черного цвета. После каждого выезда их

тщательно моют и протирают до ослепительного блеска, как бы непродолжительна ни была поездка (даже в том случае, если машина была только подана к подъезду и так и не выехала за ворота). Целостность покрытия кузова проверяют регулярно, потому что королевским машинам приходится прокладывать себе путь сквозь плотную толпу, так что царапины неизбежны.

Королевские машины (единственные, которым позволено передвигаться по дорогам Великобритании без номерных знаков) снабжены голубыми «мигалками», на каждой машине развевается на ветру королевский штандарт. Капот украшен изображением покровителя Елизаветы — серебряной фигуркой святого Георгия, пронзающего дракона копьем; это, если вам угодно, ее амулет. В Австралии охотники за сувенирами в конце концов овладели всем запасом королевских штандартов, так что пришлось высылать самолетом из Англии новую партию. Но шансов завладеть серебряной фигуркой святого Георгия маловато, потому что королевский шофер, выходя из машины даже на несколько секунд, отвинчивает ее и уносит с собой.

В машине установлено специальное заднее сиденье — так, чтобы королеву было хорошо видно людям из толпы. У всех «роллс-ройсов» откидной верх, салоны оборудованы по последнему слову техники — есть специальное освещение, кондиционер, автоматически поднимаются и опускаются боковые стекла, а также стеклянная перегородка, отделяющая водителя от королевы.

Сегодняшнего водителя королевы зовут Дэвид Гриффин, точное название его должности по-английски звучит как «главный шофер». Вообще во дворце в штате состоят десять шоферов, но они в отличие от многих служащих, похоже, недовольны своим положением в дворцовой иерархии, потому что приписаны к королевским конюшням и как бы «идут» после лошадей. Мало того, королева и шталмейстер Короны обожают «пенсионеров» конюшен, то есть старых лошадей, но не слишком интересуются тем, что происходит в гаражах. Прекрасный «роллс-ройс» в их глазах выглядит вещью гораздо менее ценной, чем любой из экипажей, запряженный лошадьми.

Генри Перви, долгое время исполнявший обязанности личного водителя королевы, при выходе в отставку получил от Ее Величества в подарок собачку породы корги, получить-то он ее получил, но, однако же, его, шофера, никто никогда не воспринимал как доверенное лицо или «наперсника» королевы. Один из лакеев свидетельствует: «Часто в Виндзорском замке Перви устраивался в гостиной для слуг с чашкой чая и заводил свое: “Королева мне сказала, что...”, “Как мне говорила Ее Величество...” Но мы-то знали, что королева вообще говорит очень мало и что Перви всего лишь повторяет некоторые обычные формулы вежливости. Его мифомания нас забавляла».

Искусство шофера, без сомнения, состоит в том, чтобы, по выражению Жана Кокто, знать, как далеко можно зайти или заехать. Таким искусством владел Джон Маклин, если верить на слово бывшему лакею принца Чарльза Стивену Барри: «Когда мы куда-нибудь ехали, принц любил сам вести машину первые сорок-пятьдесят километров, а потом передавал руль Джону и спокойно погружался в сон. Он способен заснуть мгновенно и проспать несколько минут везде, в любых условиях. Так вот, однажды вечером Джон пропустил две-три рюмочки и был настроен весьма игриво. Когда мы проезжали через какую-то деревушку, он принялся помахивать рукой зевакам, подражая королевским жестам. Что-то разбудило принца, он недоверчиво покосился на Джона и спросил: “Что это вы делаете?” — “Я приветствую народ, просто приветствую, пока Ваше Величество спит”, — ответил тот бесстыдно».

Однако все же лучше не переступать определенную черту, не переходить некие границы дозволенного, как поясняет все тот же Стивен Барри: «Однажды принц должен был выполнить какие-то свои обязанности в Истборне, на южном побережье Англии. Мы отправились туда с его телохранителями Полом Оффисером и Дэвидом Чеккетсом. Шофер был, вероятно, новый, мы его не знали. Все шло хорошо вплоть до возвращения в Виндзор. Нам надо было проехать около ста пятидесяти километров. Не знаю, хотел ли водитель выиграть время или просто, ожидая принца, выпил несколько

стаканчиков, но гнал он как сумасшедший. Пол Оффисер, как комиссар полиции, приказал ему сбросить скорость, но тот и не думал подчиняться приказу. Нас всех швыряло друг на друга, на железнодорожных переездах нас подбрасывало вверх, а принц и Дэвид Чеккетс, сидевшие сзади, клялись потом и божились, что по возвращении в Виндзор они оба были все в синяках. Никогда я не видел принца в такой ярости. На следующий день утром он позвонил сэру Джону Миллеру и заявил, что больше не желает иметь такого шофера. Это был необычный демарш с его стороны, ведь он всегда бывает столь снисходителен к персоналу».

Бывший премьер-министр Хит однажды совершил ужасную глупость, посетовав на то, что из-за проезда по улицам города машины королевы-матери он задержался в дороге и опоздал к голосованию за завершение дебатов в палате общин. Так как английский народ гораздо более интересуется королевой-матерью, чем Эдвардом Хитом, то это его заявление было воспринято в обществе очень плохо.

Мария Кристина, ослепительная принцесса Кентская, тоже не может похвастаться сдержанностью и скромностью. Йен Армстронг, долгое время служивший ей, свидетельствует: «Мы приближались к Музею Виктории и Альберта, когда она сказала: “Йен, включи все фары, чтобы люди могли меня увидеть”. Но, черт побери, вокруг не было ни души, и к тому же это было глупо, чтобы “ягуар” ехал с включенными фарами. Для этого нужна совсем другая машина. Я тогда просто вышел из авто и побыстрее высадил ее».

Если Елизавета не разделяет любви Филиппа к вожждению автомобилей, то в своей любви к каретам и ландо их вкусы сходятся. Однако королева пользуется этими «средствами транспорта» только в редких случаях. Карета, участвовавшая в церемонии коронации, выезжала за ворота королевских конюшен всего один раз после двадцатипятилетнего забвения: по случаю юбилея правления королевы. Лет этой карете уже много: она была сделана в 1761 году для Георга III, в ней ехал на коронацию Георг IV, а также все его «наследники». Весит она четыре тонны, крыша ее увенчана импер-

ской короной, поддерживаемой четырьмя мальчиками, держащими в руках символы королевской власти и рыцарства; внизу она как бы опирается на четырех тритонов; ширина ее кузова два метра, длина — семь метров, все это великолепие покрыто позолотой и украшено рисунками Джованни Батиста Чиприани. На открытие сессии парламента королева отправляется в Вестминстер в так называемой ирландской карете, сделанной в 1852 году; в этой же карете государь или государыня Великобритании едет в тех случаях, когда в королевской семье играют свадьбу или когда там случаются похороны.

Надо сказать, королева находит все более и более неудобным пересекать Лондон в неотопляемом экипаже. А потому австралийцы по случаю двухсотлетнего юбилея — как они говорят, «своей нации» — задумали подарить ей обогреваемую карету. Стоит ли говорить о том, что отныне королева будет ездить в ней всегда, в любую погоду, потому что там есть еще и кондиционер...

Глава VIII

В золоте

Одна из самых устойчивых, самых живучих легенд о монархии гласит, что короли никогда не имеют при себе денег и что они в отличие от простых смертных не становятся жертвами алчности. Эта вера (или предрассудок, как вам угодно), накрепко укоренившаяся в умах англичан, долгое время позволяла монархам сохранять множество привилегий, таких, к примеру, как освобождение от налогов и сохранение полнейшей тайны, окутывающей все, что касается финансов королевской семьи.

Но в начале 90-х годов, когда королевство пережило глубокий экономический спад, Елизавета II поняла, что настало время сделать благородный жест в отношении уплаты налогов, а также внести изменения в распределение сумм, получаемых по гражданскому лис-

ту, пока монархия не начала слишком уж сильно раздражать налогоплательщиков. Пожар в Виндзорском замке в ноябре 1992 года стал своего рода «поворотным моментом». В общественном мнении возник ропот по поводу того, что надо тратить деньги из государственной казны на устранение нанесенного ущерба, и тогда королева принимает решение открыть для публики некоторые помещения Букингемского дворца, чтобы покрыть расходы на ремонтные работы в пострадавшем от пожара замке. Мудрое решение!

Исключительная налогоплательщица

С апреля 1993 года Ее Величество платит налоги. Но, как о том лично объявил Джон Мейджор, королева освобождена от уплаты налогов с сумм, получаемых ею по гражданскому листу, и с ассигнований, выделенных на функционирование самой системы королевской власти, на функционирование монархии (содержание дворцов, королевского поезда и королевской эскадрильи). Однако, несмотря на это, британское общество не ведает, каковы истинные доходы и расходы королевы. Она, как и всякий налогоплательщик, имеет право на сохранение тайны.

Печать секретности скрепляет все, что имеет отношение к доходам государыни; ее присутствие ощущается всегда и везде... Во дворце личное состояние королевы рассматривается как один из важнейших атрибутов монархии, по поводу коего внешний мир должен оставаться в неведении, а внутренний — хранить молчание: ни одно из завещаний монархов никогда не стало достоянием гласности, а сведения о вложениях королевских капиталов (которыми разумно управляют Роу и Питман, личные биржевые маклеры королевы) остаются самой надежно хранимой тайной лондонского Сити; если кто-либо из придворных хотя бы заикнется об этом, то это будет воспринято как святотатство. Одной из причин подобной секретности является, видимо, тот факт, что на деле никто не знает, ка-

ково состояние королевы, ибо точно подсчитать его трудно, потому что все зависит от того, какое именно имущество в него включают и как его оценивают. Отметим мимоходом, что в этой истории есть некоторая доля иронии: именно в эпоху, когда конституция лишает монарха всякой политической власти, он в качестве отдельного гражданина, частного лица, так сказать, частным образом, становится самым богатым лицом в королевстве.

В 1066 году Вильгельм I превратился в «собственника», во «владельца» страны, которую он завоевал, но с течением времени, а точнее столетий, разница между богатством монарха и состояниями некоторых из его подданных стерлась, исчезла. Королевская власть уменьшилась настолько, что в XVII веке королевское семейство, казалось, было разорено. Иаков I и Карл I Стюарт были вынуждены вступить в переговоры о своих прерогативах в обмен на деньги, и плодом подобных переговоров стало учреждение в 1769 году гражданского листа. После Реставрации английские монархи оказались, в экономическом плане, на равных с крупными землевладельцами, а позднее — с крупными промышленными магнатами, оказывавшимися иногда куда богаче монархов. Подобное положение дел сыграло свою роль в пользу национального единства и в пользу верности Короне, ибо теперь нельзя было завидовать богатству королевской семьи. Монархия стала некой составляющей высшего социального слоя.

Даже после Первой мировой войны существовали еще такие персонажи, как лорд Дерби или герцог Девонширский, которые могли сказать, что они богаче короля. Букингемский дворец, конечно же самый большой из дворцов, был все же лишь одной из лондонских резиденций монарха. По образу жизни многие герцоги и недавно составившие себе состояние миллиардеры соперничали с королевским семейством. Но две войны и налоговая система разорили всех владельцев роскошных дворцов, а также «отсекли» сельские землевладения, в то время как королевский гражданский лист по-прежнему не облагался налогами и землевладения монарха остались в неприкосновенности. Освобожде-

ние от налогов на наследство также способствовало увеличению состояния монарха.

Королевское семейство всегда проявляло заботу о том, чтобы жить без особых излишеств, следуя правилам и традициям, установленным Георгом V и королевой Марией; эта семья бережливо, порой даже скуповато считает свои шиллинги, в то время как другие берутся управлять ее миллионами фунтов. В таком отношении к деньгам не следует усматривать образчик легендарной скупости богатейших из богатейших, нет, следует видеть в этом стремление показать, что королевская семья разделяет заботы своих самых обездоленных подданных. Постоянно втайне извлекая солидный доход из всего имущества и всех владений, Корона одновременно старается никогда не создавать впечатления, что она расточительна, и ей это удается. Руководство «фирмы», как однажды Филипп окрестил королевскую власть и семью, знает свое дело. «Контора» функционирует исправно, заправляют ею умело и ловко. В Букингемском дворце финансовая власть осуществляется боевым ударным триумвиратом, в который входят: сэр Роберт Джанврен — начальник канцелярии королевы, лорд Лус — гофмейстер королевского двора и сэр Майкл Лит — королевский казначей. Бывший дипломат, бывший министр и опытнейший бухгалтер служат этому «закрытому обществу», как служат родине.

Бесполезно ждать от них откровенных признаний. Сэр Майкл Лит постоянно чеканит одну и ту же формулу: «Монархия ничего не стоит государству и практически финансирует себя сама». Порой он даже утверждает, что в какой-то мере королевская власть субсидирует государственную казну, потому что королева перекладывает на свою личную казну затраты, которые должны были бы оплачиваться государством. Это весьма спорный аргумент, к которому прибегают для того, чтобы заставить забыть, в какую сумму оценивается состояние государыни. Отвечая на вопросы парламентской комиссии, в ходе заседания которой было сказано, что королева несомненно является самой богатой женщиной в мире, так как ее ежегодные доходы превышают 80 миллионов евро, королевский казначей за-

явил: «Ее Величество настоятельно желает уточнить, что эти сведения вымышлены и чрезвычайно преувеличены».

Сказочно богатая коллекция произведений искусства

Но по ценам современного рынка одной только коллекции произведений искусства, принадлежащей королеве, вполне было бы достаточно для того, чтобы послужить оправданием или подтверждением слухов о том, что Ее Величество является самой богатой женщиной в мире. Как избежать превосходных степеней и восторженных восклицаний, когда говоришь об этом? В коллекции более четырнадцати тысяч рисунков и пять тысяч картин, и все принадлежат кисти старых мастеров: Рубенса, Рембрандта, Вермеера, Гольбейна, Тинторетто, Ван Дейка, Микеланджело, Гейнсборо... Небольшая, очень небольшая часть этих сокровищ выставлена в чудесном музее, расположенном по соседству с Букингемским дворцом и созданном в 1962 году.

Начало этой коллекции положил Генрих VIII, заказав множество картин Гольбейну. Взошедший на престол в 1625 году Карл I был достаточно умен, чтобы купить полотна Тициана и Рафаэля. Пейзажи Рубенса были приобретены его преемниками, а Георг III воспылил страстью к панорамам Венеции, написанным Каналетто (королева сейчас обладает сорока полотнами Каналетто, и это самое крупное собрание живописи этого художника в мире). Георг III купил также тридцать четыре картины кисти Гейнсборо; мимоходом заметим, что в Национальной галерее в Лондоне хранятся всего двадцать картин этого мастера, а в галерее Тейта — четырнадцать. В эпоху правления Георга IV во дворец «вторгаются» Ван Дейк, Рембрандт и Вермеер. Королева Виктория еще раз проявила свой конформизм, заказывая портреты Винтерхальтеру, одновременно приобретая и картины английских художников, превосходно отразивших в своем творчестве чувствительность, столь свойственную их времени: Констебля

(пейзажи), Тёрнера (восходы солнца), Гейнсборо (жанровые сценки), Хогарта (насмешливые зарисовки общественной жизни), а также полотна Рейнолдса. Елизавета добавила к ним работы современного художника Джона Пайпера.

Но в этой коллекции есть еще девятьсот рисунков Леонардо да Винчи, бесчисленное множество набросков, сделанных рукой Микеланджело, а также известные полотна, возбуждающие зависть самых крупных, самых прославленных музеев мира: «Ферма в Лакене» Рубенса, «Избиение невинных младенцев» Брейгеля, «Поклонение волхвов» Бассано и «Пять юных сыновей Карла I» Ван Дейка.

Добавим к этим сокровищам пещеры Али-Бабы еще множество скульптур, статуэток из керамики и фарфора, прочих драгоценных вещиц (например, знаменитая коллекция шкатулок работы Фаберже), предметов мебели и антиквариата (лорд Ротшильд подарил Георгу V великолепный кабинет (шкафчик с отделениями для хранения ценных предметов. — Ю. Р.), созданный венецианскими мастерами и датированный 1665 годом). Один внимательный наблюдатель не побоялся отметить, что королевская семья владеет таким несметным количеством старинной мебели, драгоценных вещиц, оружия, гобеленов и ценных ковров, что чердаки и подвалы Букингемского дворца их уже не вмещают; а ведь подарки и новые приобретения продолжают поступать... Сотни комнат и залов Букингемского дворца уже набиты битком, а комнаты других дворцов заставлены, загромождены чрезвычайно. Виндзорский замок выглядит наименее загроможденным из семи дворцов, а ведь опись находящихся в нем предметов мебели уже составляет семьдесят пять толстых томов... Когда американка Корнелия, графиня Крейвен, подарила Елизавете семь замечательных картин в знак признательности за то, что, сочетавшись браком с графом, она вступила в круг английской аристократии, один из официальных представителей дворца сказал с недовольным видом: «Бог мой! Куда же мы денем эти чертовы картины?»

Для хранителя картин королевы эта коллекция является отражением «рассудительности и гордости британских монархов, их вкуса и их интуиции, их чувств дружбы и ненависти, чувства величия и почти маниакального чувства собирательства и накопительства». Главный приз в данной области должен по праву принадлежать королеве Марии, бабушке Елизаветы II, у которой была душа настоящего коллекционера и у которой имелась богатейшая коллекция статуэток из нефрита, китайских безделушек, ценных миниатюр. У нее была довольно странная манера «обогащать» свою сокровищницу. Ее часто приглашали в самые богатые дворцы и замки, и у нее была привычка, если ей понравился какой-то предмет, встать перед ним и сказать тихо-тихо: «Я ласкаю его взглядом...» Если владелец вещицы не понимал намека, тогда государыня, покидая дом, говорила: «Могу я вернуться и попрощаться с этой милой безделушкой?» Наконец, если надо было еще и еще настаивать на своем, королева предлагала купить вещь, о которой шла речь. Немногие могли устоять перед такой способностью убеждать. Однако некий владелец одного небольшого предмета обстановки однажды все же последнее слово оставил за собой, так ответив на настоятельную просьбу королевы: «Я ужасно огорчен, но не могу благопристойно попросить вас принять сей сундучок; это — подделка».

Картинная галерея Букингемского дворца находится на том самом месте, где располагалась дворцовая часовня, возведенная в эпоху королевы Виктории (архитектор Джон Нэш задумал возвести ее в западной части дворца); эта часовня была разрушена прямым попаданием немецкой бомбы 13 сентября 1940 года. 25 июля 1962 года королева Елизавета II торжественно открыла свою галерею, где выставлена часть сокровищ ее коллекции; отныне галерея стала доступна для посещения. В официальном коммюнике давались следующие разъяснения: «Ее Величество всегда желала сделать более доступными для публики произведения искусства, принадлежащие королевской семье, произведения, в большинстве своем уже выставившиеся в иных местах. Королева надеется, что эта постоянная

экспозиция будет способствовать лучшему знакомству с искусством».

Надежды ее оправдались. Более двухсот тысяч человек посетили первую экспозицию. На следующий год выставка «Королевские дети» привлекла около ста тысяч посетителей, а позднее организованная по поводу серебряной свадьбы королевы выставка «Фламандская живопись» — двести сорок тысяч посетителей. «Живопись королевы» — выставка, открытая на протяжении целого года в честь двадцать пятого юбилея коронации, привлекла внимание свыше четырехсот тысяч человек. В феврале 1982 года закончилась ретроспектива, представившая на всеобщее обозрение картины Каналетто, принадлежавшие Георгу III (речь идет о самой полной коллекции произведений художника, впервые собранных вместе ради вот такой открытой для посещения публики выставки).

Нынешний хранитель картин королевы устроил реставрационную мастерскую в Сент-Джеймском дворце, совсем близко от Букингемского дворца, чтобы наблюдать за сохранностью тысяч картин, за которые он несет ответственность. Именно к нему обращаются члены королевского двора, если желают взять какую-то картину для своих кабинетов: эта приятная традиция позволяет пресс-атташе иметь у себя перед глазами полотно кисти Рубенса, а секретарю принцессы Анны — во время работы лицезреть картину Гейнсборо.

Рядовые граждане воображают, будто Букингемский дворец буквально переполнен всем, что есть наилучшего во всех областях искусства. Однако если пышные залы, предназначенные для проведения торжественных церемоний, действительно соответствуют тому представлению, что сложилось у населения страны о самой роскошной резиденции, то, переступив порог личных апартаментов, можно обнаружить, что их вид весьма далек от воображаемой роскоши и элегантности, о которой так мечтает значительная часть граждан и образ которой создают на своих страницах некоторые иллюстрированные журналы.

Главным попечителем и главным хранителем всех предметов искусства, кроме картин, является сэ

Джеффри Белегю. Многие музеи завидуют богатству королевской коллекции северского фарфора, которая пополняется и без особых затрат из королевского кошелька: недавно, например, некий бизнесмен подарил королеве в знак почтения четыре воистину бесценные северские вазы, и она их милостиво приняла...

Что сказать о королевской библиотеке, насчитывающей десять тысяч редких книг, притом что цена некоторых изданий доходит до 12 тысяч фунтов? Или о коллекции марок? Сэр Джон Вильсон, в чьи обязанности входит содержать коллекцию в порядке и демонстрировать ее сокровища, сам не имеет представления об истинной стоимости двенадцати альбомов-кляссеров. Кстати, он признает, что сегодня в мире выпускается такое количество марок, что он сохраняет лишь самые интересные. Действительно, дворец получает огромное количество марок из всех уголков мира в качестве подарков. Королевская коллекция состоит из двух частей: «Красной» и «Голубой». В «Красную» входят, например, две марки достоинством в один пенни, выпущенные почтовым управлением острова Маврикий и наклеенные на конверт, в котором находилось приглашение на бал к губернатору; эти две марки стоят целое состояние. К разряду таких же редкостей относится и находящаяся в превосходном состоянии марка острова Маврикий стоимостью в два пенса; она была куплена в 1904 году королем Георгом V, который считал ее украшением своей коллекции, и так изобиловавшей редкостями, потому что это — единственный сохранившийся в мире экземпляр. К числу редкостей можно также отнести три марки с Бермудских островов, три двухцентовые розовые марки из Гвинеи и две марки достоинством в четыре цента, выпущенные в 1856 году. Так называемую «Голубую» серию, или коллекцию, собирал Георг VI, он велел переплести свои альбомы-кляссеры в коленкор голубого цвета, чтобы отличать их от других, и посвятил им много времени, сил и денег. Стоимость этих двух коллекций, повторяем, не поддается определению, ибо они бесценны.

Часто можно слышать утверждение, что королевские коллекции являются в большей степени национальным достоянием, чем личным имуществом. Но граница между этими двумя понятиями в данном случае весьма нечетко обозначена, и стоит все же осторожно воздерживаться от утверждения, что эти сокровища являются достоянием нации. Королева и принц Филипп «приобрели путем наследования, получения в дар и покупки» большое количество предметов мебели, картин и драгоценностей, которые они считают своей частной собственностью, и ничто не может помешать королеве, если она пожелает, избавиться от своего имущества. Маргарет иногда продает на аукционе «Кристи» или «Сотби» свои драгоценности, а Мария Кристина поступает так постоянно. По сему поводу можно сказать, что в 1970 году в ходе переговоров относительно увеличения ассигнований по гражданскому листу стало совершенно ясно, что королева рассматривает картины и драгоценности Короны, а также королевские коллекции марок, собранные Георгом V и Георгом VI, в качестве национального достояния, а не личной собственности.

В кулуарах дворца придворные с давних пор перешептываются о том, что королевская семья никогда никому ничего не дает и не дарит, и в то же время ее члены уже не знают, куда девать ценности, настолько велик поток даров от президентов, королей, раджей, глав родов и кланов, дипломатов, бизнесменов, банкиров и арабских шейхов... Действительно, Елизавета, получившая огромное состояние по наследству, умеет постоянно его увеличивать. Как не без иронии отметил один лондонский журналист: «Для этого ей не надо даже покидать дворец и отправляться покупать драгоценности, так как государственные деятели, жадные до почестей и королевских милостей аристократы и миллиардеры торопятся их ей подарить». Очевидцы свидетельствуют, что во время одного из путешествий в Австралию королеве преподнесли брошь в форме цветка акации из белых и желтых бриллиантов, а также кольцо из ста восьмидесяти бриллиантов, среди которых красовались три крупных опала; в Бразилии ей

преподнесли браслет из аквамаринов и бриллиантов, в Африке — брошь, усыпанную тремя сотнями мелких бриллиантов...

И так как в отличие от глав государств, обязанных отдавать преподнесенные им подарки государству, Елизавета может все оставить себе, королевская сокровищница все пополняется и пополняется до бесконечности! Как может она сказать «нет» какому-нибудь магарадже, преподносящему ей в дар кинжал XVI века с нефритовой рукояткой, инкрустированной бриллиантами, сапфирами и рубинами? Как отказаться принять подарки, преподносимые ко дню коронации, к свадьбе, ко дню рождения или к юбилею, даже если все эти празднества теперь совсем не те, что были раньше? Тем паче что всем известно, сколь сильную страсть питает королева к драгоценным камням, а потому ей никогда не забывают подарить какую-нибудь бриллиантовую вещицу в тех случаях, когда она участвует в церемонии спуска корабля на воду или открывает какой-нибудь завод, ибо сам факт ее присутствия дает поразительный, бесценный эффект в сфере рекламы.

Сокровища Короны

Эксперты полагают, что личная коллекция драгоценных камней, принадлежащая Елизавете, является самой замечательной, самой богатой в мире. Особый блеск ей придают короны и диадемы, одна прекраснее другой, а также ожерелья и серьги, унаследованные от королевы Виктории королевами Александрой и Марией, также немало способствовавшими пополнению королевской сокровищницы все новыми и новыми драгоценностями.

Какой из предметов этой коллекции можно назвать самым знаменитым? Вероятно, тиару, или корону, именуемую «Русской бахромой», которую Елизавета любит и часто надевает. Она сплошь усыпана чрезвычайно тонко ограненными бриллиантами; другая тиара, когда-то принадлежавшая одной из великих княгинь, су-

пруге великого князя Владимира, представляет собой великолепное переплетение золотых «завитков», усыпанных бриллиантами, и украшена еще и изумрудами грушевидной формы. Существует еще одна, третья корона, «тиара бабушки», специально созданная для королевы Марии: посреди сложного хитросплетения «завитков», усыпанных бриллиантами, изумрудами и рубинами, покачиваются огромные жемчужины, которые она так обожала.

В эпоху правления королевы Виктории королевская коллекция драгоценностей оценивалась приблизительно в 5 миллионов фунтов (1901 год). За двадцать пять лет королева Мария немало обогатила эту семейную сокровищницу, передающуюся по наследству. Во сколько же можно оценить ее сегодня? Мы не смогли получить хотя бы приблизительно «серьезную» цифру у оценщиков из фирмы «Картье», но следует заметить, что королева Елизавета вычеркнула эту фирму из списка своих поставщиков, хотя та и владела этой привилегией с 1904 года и многократно получала сертификаты о подтверждении звания «Поставщик Ее Величества». Для сохранения подобной привилегии требовалось выполнение следующего условия: на протяжении трех лет фирма должна была продать королевской семье одну или несколько драгоценных безделлиц; но однажды фирма этого условия не выполнила... Но «Картье» надеется вновь добиться монаршей милости и не хочет идти на риск рассердить Корону. Вот как объясняет сложившуюся ситуацию один из представителей прославленной фирмы по производству драгоценных украшений: «Королевская семья уже обладает таким количеством драгоценностей, что не нуждается в покупке чего бы то ни было». На самом деле, вероятно, именно проводимая руководством фирмы «Картье» политика массового производства ширпотреба вызвала у королевской семьи такое недовольство, ведь их конкуренты, такие как Гарольд Кокс Гаррард и другие, по-прежнему остаются поставщиками Короны.

Лоуренс Краш (Крэш), один из экспертов Гарри Уинстона, согласился дать свою оценку: «Драгоценнос-

ти самой королевы стоят примерно сорок миллионов фунтов стерлингов, драгоценности королевы-матери — около трех с половиной миллионов, а то, что принадлежит принцессе Уэльской, — около двух миллионов. И это можно сказать только о предметах, подвергшихся описи». Перед одним из аукционов «Кристи» драгоценности герцогини Виндзорской были оценены в сумму от трех до пяти миллионов фунтов, но при продаже вырученная сумма составила тридцать один с половиной миллионов... И герцогиня Виндзорская признала еще при жизни: «Ходило много рассказов по поводу некоторых драгоценных вещей, подаренных мне принцем Уэльским еще до того, как он стал королем. Это, бесспорно, прекрасные камни. Но это всего лишь очень малая часть тех сокровищ, которыми обладает королева Великобритании».

Если бы возникла необходимость пустить все драгоценности рода Маунтбеттенов—Виндзоров с молотка на аукционе, по словам Лоуренса Краша (Крэша), при оценке их стоимость могла бы достичь «скромной» суммы в 300 миллионов фунтов. Но здесь не принимаются в расчет те необработанные драгоценные камни, что «спят» в сундуках, а вернее, в сейфах дворца, например знаменитый «Глаз утки», белый с голубоватым отливом алмаз массой в 770 карат, найденный в Южной Африке, стоимость коего превосходит стоимость всех алмазов, найденных в XX веке. Он в семь раз превосходит по массе алмаз под названием «Кохинор». После того как двенадцать экспертов взвешивали и изучали его на протяжении долгих недель, он был распилен на четырнадцать частей, и самая крупная его часть — массой в 300 карат и размером с большой палец человеческой руки. Сейчас королева обладает самым крупным алмазом в мире (530 карат), не имеющим цены. Когда подумаешь, какая шумиха была поднята в средствах массовой информации из-за бриллианта в 69 карат, подаренного актером Ричардом Бартоном актрисе Элизабет Тейлор, то понимаешь, что королеве есть над чем посмеяться.

Совершенно очевидно, что сокровища Короны не предназначены для продажи, и мы должны довольствоваться тем, что можем восхищаться в лондонском Тауэ-

ре такими символами истории, как, например, «Корона святого Эдуарда». Она была сделана для Карла II, взошедшего на престол в 1660 году, из литого золота, усыпанного бриллиантами, рубинами, сапфирами, изумрудами и жемчугом. Корона эта очень тяжелая, ее вес более девяти килограммов, поэтому ее надевают только в момент коронации. Королева Виктория все же нашла ее слишком тяжелой и приказала сделать для себя новую корону, столь же красивую и столь же богато украшенную, но весом не более одного килограмма. Однако ради соблюдения традиции настоящую корону святого Эдуарда во время коронации держал рядом с ней на подушке сэр Хью Стюарт.

Еще одно произведение ювелирного искусства «принимает участие» в церемонии коронации, а именно так называемая «Королевская сфера», или «Держава», — золотой шар, опоясанный двойной «лентой» из жемчужин, между которыми вделаны огромные рубины, изумруды и сапфиры в оправе из бриллиантов. Есть еще знаменитый скипетр с крестом, созданный для Карла II, длиной около метра; он целиком отлит из чистого золота, усыпан драгоценными камнями и увенчан искусно ограненным аметистом, вставленным в оправу, усыпанную бриллиантами; над этой сферой укреплен крест, в центре которого находится изумруд, считающийся самым красивым в мире. Сфера и крест покоятся на одном из самых прекрасных бриллиантов под названием «Большая звезда Африки», в который после огранки был превращен Куллинанский алмаз, подаренный Эдуарду VII, принявшему решение украсить им королевский скипетр. «Большая звезда Африки» — это бриллиант чистой воды, масса его составляет 530 карат, оправка сделана так, что королева при желании может носить его на цепочке как кулон.

В отличие от коллекции картин, у которой во дворце есть свой официальный хранитель, в Букингемском дворце нет ответственного лица, специально заботящегося о сохранности драгоценностей королевы. Камеристка, одевающая королеву, а также самый приближенный к ней слуга из числа обслуживающего персонала имеют ключи от двух особых сейфов, отделан-

ных драгоценными породами дерева и внутри обитых шелком, где хранятся ювелирные изделия.

Однако следует заметить, что несколько «промахов» все же имели место во дворце. Так, десять лет назад пресса приоткрыла завесу тайны над случаем, когда детективы Скотланд-Ярда затратили пятнадцать недель (две тысячи часов рабочего времени) на поиски футляра с драгоценными камнями, принадлежащими королеве; были допрошены даже многие служащие и придворные из Букингемского дворца. Когда эта новость случайно просочилась в прессу и на телевидение, официальный представитель пресс-службы полиции был в большом затруднении и не смог отрицать, что драгоценности королевы стали поводом для проведения серьезнейшего расследования. Но в конце концов журналистам объявили, что причиной переполоха стала обычная «ошибка». Однако позднее от кого-то из обслуживающего персонала стало известно, что в действительности дело было нешуточное, так как футляр с драгоценными камнями королевы и в самом деле исчез... пропал... Скотланд-Ярд оценивал «потерю» в восемь с половиной миллионов евро. В другой раз в Виндзорском замке камеристка королевы невнимательно прочитала список драгоценностей, предназначенных для членов королевской семьи, переданный ей из канцелярии лорд-гофмейстера. Она забыла про диадему, слишком поздно спохватилась и была вынуждена «позаимствовать» сей предмет у одной из фрейлин королевы. Вообще-то это был абсурд, если вспомнить, что у Елизаветы корон и диадем штук двадцать, если не больше...

Когда королева отправляется в путешествие, ее «сопровождает» и большая часть ее прекрасных драгоценностей. Для них предназначен особый чемоданчик размерами 75x25x50 сантиметров, сделан он из толстой коричневой кожи и защищен чехлом из ткани, на котором черными буквами начертано: «Королева». Личному ливрейному лакею королевы выпала почетная миссия носить это богатство, и сознание такой ответственности заставляет его дрожать от страха, что вполне понятно. Тем более (если верить рассказу бывшего ливрейного лакея Ральфа Уайта) что некоторые эпизоды одного из пу-

тешествий напоминают настоящую погоню: «Это было в Новой Зеландии. Королева провела ночь в небольшой гостинице в Нью-Плимуте. После полудня они с Филиппом отбыли в Веллингтон. Я находился в холле гостиницы. Несколько минут спустя после их отъезда голова камеристки королевы показалась над лестничными перилами; камеристка окликнула меня и спросила: “Вы видели чемоданчик?” — “Нет”, — ответил я. “Он исчез”, — сказала она. Я бегом бросился наверх, перепрыгивая через ступени. Мы вместе обшарили комнату королевы. Мы заглянули во все углы, осмотрели все стенные шкафы, соседнюю ванную, даже заглянули под кровать. Все напрасно. Тут появилась дама — управляющая отелем. Мы описали ей чемоданчик. Она его не видела. Поразмыслив мгновение, она спросила: “А не могли его унести солдаты, пришедшие забрать остатки багажа?” Небольшое подразделение новозеландской армии было предоставлено в наше распоряжение для транспортировки самых тяжелых предметов багажа. Я опрометью бросился вниз, но машины уже ушли. Тогда мы сели в автомобиль и устремились за ними в погоню. Нас задержала в дороге толпа, собравшаяся, чтобы приветствовать королеву, так что, когда мы прибыли в аэропорт, было уже слишком поздно: самолет, увозивший багаж, улетел. Оставался один выход: самим лететь самолетом следом за багажом. Погоня продолжалась. Было уже довольно поздно, когда мы прибыли во дворец губернатора Веллингтона, где королева должна была провести следующую неделю. Багаж успели выгрузить. У подъезда громоздилась небольшая гора из чемоданов. Хотя у воистину драгоценного чемоданчика не было никаких особых “знаков отличия”, я тотчас же его узнал. У меня вырвался громкий вздох облегчения, и я отнес его в комнату королевы».

Богатство семейства Виндзоров

Всем известно об огромном богатстве королевской семьи. И слова Уильяма Гамильтона, одного из членов парламента, настроенных крайне антимоноархически,

породили немало ответных отзывов в 70-е годы: «Королева знает, и знаем вместе с ней и мы, что она — одна из богатейших женщин мира, и богатство это все увеличивается и увеличивается хотя бы из-за того, что ни один монарх не платил налога на наследство с 1894 года, когда этот налог был введен в Англии... Под маской мягкой и улыбчивой леди скрывается деловая женщина, умеющая все точно рассчитать».

При исполнении обязанностей, налагаемых на монарха его общественной функцией, все его личные расходы покрываются из доходов, приносимых герцогством Ланкастер. В этом герцогстве очень много сельскохозяйственных угодий и имений (20 800 гектаров, из них 6400 гектаров ландов, то есть песчаных равнин); это герцогство традиционно приносит доход королям Великобритании с 1399 года. Но основные доходы Виндзорам приносит недвижимость, которой герцогство владеет в городах, в основном в Лондоне, на Стренде, вдоль набережных Темзы, между Риджент-стрит и Карлтон-Хаусом. Огромное состояние! Можно даже предположить, что стриптиз-бары и прочие заведения, расположенные в районе Сохо, косвенно способствуют поддержанию на должном уровне королевского образа жизни. Дело в том, что часть этих заведений тоже принадлежит герцогству Ланкастер и арендная плата, выплачиваемая директорами ночных клубов, автоматически прибавляется к доходам, приносимым землями герцогства.

Стоимость одних только замков Сандрингем и Балморал, владелицей которых является королева, оценивается в 115 миллионов евро. Стоимость ее пакета акций и прочих вложений, которые ее финансовые советники диверсифицировали год назад, разместив их в Интернете и в предприятиях биотехнологий, достигает 137 миллионов. Личное имущество королевы, включая произведения искусства, скаковых лошадей, коллекцию ювелирных изделий, унаследованных от королевы Марии, а также 320 альбомов коллекции марок оценивается в 153 миллиона евро.

Принц Чарльз, будучи наследником престола, получает доходы (освобожденные от всех налогов) от гер-

цогства Корнуолл. Если титул принца Уэльского — исключительно почетный, то титул герцога Корнуэльского приносит ему огромные дивиденды, ибо герцогству принадлежат: 51 тысяча гектаров земель, из них 800 гектаров леса, три поля для гольфа и одно для крикета, медные рудники и месторождение мышьяка, а также даже одна тюрьма. В свое время Эдуардом VIII был создан прецедент, и принц Уэльский с тех пор выплачивает часть своих доходов правительству в качестве налогов (сейчас — около одной четверти), а остальные деньги использует на свои личные нужды; таким образом, он не нуждается в выплатах по цивильному листу.

Королева владеет также огромным достоянием за пределами Англии, ведь, как говорится, *никогда не знаешь, что будет завтра!* Поговаривали, что его следовало бы оценивать в долларах. В основном капитал вложен в недвижимость в Нью-Йорке и Швейцарии. В США об этом вспоминают, когда узнают, что тот или иной небоскреб принадлежит агентам английской Короны. Советниками королевы в данной области являются очень успешные деловые люди.

Естественно, королевская семья с ее многомиллионным бюджетом (в фунтах стерлингов) не нуждается в средствах и легко сводит концы с концами, хотя, надо признать, Виндзорам присуща некоторая скупость. Подобно королеве принц Чарльз сам определяет сумму своих налогов, а другие члены королевской семьи заранее заключают договор о твердой сумме уплачиваемых налогов с определенным чиновником налогового ведомства. Кажется совершенно очевидным, что если бы монархи подчинились требованиям законодательства по поводу налога на наследство, то такое недвижимое имущество, как Балморал или Сандрингем, не переходило бы «целым» из поколения в поколение.

Личное состояние королевы позволяет ей финансировать из своих средств выплату пенсий слугам, обслуживавшим королевскую семью, а также содержать находящиеся в ее личной собственности замки (Сандрингем и Балморал), улучшать условия труда персонала дворцов, жертвовать на благотворительность и пополнять резервный частный фонд Короны.

По сведениям «Гардиан», состояние и доходы королевской семьи распределяются таким образом (следует учитывать, что 1 фунт стерлингов равен 1,63 евро):

Личное состояние — 4,45 миллиарда фунтов.

Из них:

герцогство Ланкастер (сельскохозяйственные угодья) — 200 миллионов фунтов;

инвестиционный портфель — 100 миллионов фунтов;

королевская коллекция живописи, мебели, фарфора и антиквариата — 4 миллиарда фунтов;

драгоценности — 70 миллионов фунтов;

недвижимость — 80 миллионов фунтов.

Ежегодные выплаты на осуществление функций главы государства — 35 миллионов фунтов.

Из них:

сумма, получаемая по гражданскому листу королевы, — 7,9 миллиона фунтов (в том числе: 359 тысяч для герцога Эдинбургского, 643 тысячи — для королевы-матери);

сумма, выделяемая государством на содержание дворцов, являющихся резиденциями официального главы государства, — 15 миллионов фунтов;

доходы от герцогства Ланкастер — 5,9 миллиона фунтов;

доходы от выставок произведений искусства из королевской коллекции — 1 миллион фунтов;

доходы от капиталовложений — 5,5 миллиона фунтов.

Доходы, приносимые «имуществом Короны», то есть личным имуществом или владениями монарха (сельскохозяйственными угодьями, лесами, недвижимостью в Лондоне, магазинами на Риджент-стрит и т. д.), — 173,6 миллиона фунтов, из которых 125,8 миллиона передаются в казну.

Вопрос о сумме, выплачиваемой сегодня королеве по гражданскому листу, был предметом переговоров между министром финансов и Букингемским дворцом. Ежегодная сумма выплат, составляющая 12 910 863 евро, «заморожена» до 2011 года. Сложив суммы дополнительных выплат, производимых на содержание двор-

цов, замков и других зданий, которыми пользуются Виндзоры, а также суммы, затрачиваемые на выплату заработной платы членам королевского двора и слугам, и присовокупив к ним затраты на перемещения членов королевской семьи при исполнении ими своих общественных функций, пришли к выводу, что в 1999 году монархия обошлась налогоплательщикам всего в 57 930 627 евро (против 80 797 979 евро в 1996 году). Елизавета была вдохновительницей разработки плана по сокращению бюджетных затрат, и ей удалось за десять лет сэкономить более 53 357 156 евро только по гражданскому листу. Уточним для ясности, что большую часть расходов королевы составляют расходы на содержание карет и автомобильного парка, а также на выплату заработной платы персоналу, по поводу которой королева ведет переговоры с представителями профсоюзов служащих. Счета для оплаты расходов, связанных с путешествиями королевы и членов ее семьи, напротив, оплачиваются не из ее личной казны, а из бюджетов соответствующих министерств: счета авиационных компаний — министерством обороны, счета за телефонные разговоры — министерством связи, а расходы по содержанию королевских резиденций и дворцов, занимаемых принцами крови, покрывает министерство по охране окружающей среды. Что касается гражданского листа, то сумма, выплачиваемая по нему монарху, пересматривается раз в десять лет. История введения в Англии гражданского листа, как именуется своеобразная «заработная плата», выплачиваемая монарху, восходит к XVIII веку, когда король передал в ведение парламента свои родовые владения, доставшиеся ему по наследству от предков, в обмен на выплату ежегодной ренты. Сегодня только три суммы, выплачиваемые по гражданскому листу королеве, королеве-матери и герцогу Эдинбургскому, ложатся бременем на кошельки британских налогоплательщиков. Принц Чарльз не получает ничего по гражданскому листу, так как он пользуется доходами герцогства Корнуолл. Таково положение дел с 1993 года. Дотации другим членам королевской семьи делаются из личной казны королевы. Так, в 2001 году были сделаны следующие выплаты:

принцу Эндрю — 379 598 евро;
принцессе Анне — 347 584 евро;
принцу Эдуарду — 146 351 евро;
принцессе Маргарет — 333 863 евро;
герцогу Глостерскому — 274 408 евро;
принцессе Алисе (вдовствующей герцогине Глостерской) — 132 631 евро;
герцогу Кентскому — 365 878 евро;
принцессе Александре — 350 633 евро.

Сейчас, когда умами завладела идея «прозрачности», англичане могут узнать, какие суммы затрачиваются на проведение приемов в саду или на содержание дворцов и замков королевы. Впервые с 1983 года «накладные расходы» королевской семьи были подвергнуты анализу, пункт за пунктом, в докладе «Ройял Трасти» («Королевский попечитель»). Из него англичане узнали, что содержание и обслуживание пяти королевских «роллс-ройсов» обошлось в 59 278 евро. Текущие расходы королевского семейства, покрываемые из суммы, выплачиваемой по гражданскому листу, за которую проголосовал парламент, составляют одну из самых «незначительных» статей королевского бюджета: 9 641 129 евро из 84 978 448. Солидную часть расходов королевы составляют затраты на организацию приемов в саду, забирающие из бюджета 349 147 евро; к тому же на большие приемы королева ежегодно приглашает около 25 тысяч человек, так что расходы на угощение, приготовленное на королевской кухне, составляют тоже довольно значительную сумму — 448 646 евро.

Так как отопление Букингемского дворца оплачивается из карманов налогоплательщиков, то батареи там всегда огненные; зато в личных резиденциях королевы (Сандрингеме и Балморале) всегда немного прохладно. Экономия, причем такая, про которую говорят, что это экономия на спичках или на свечных огарках, — излюбленное занятие королевы, в особенности в том, что касается электричества, как свидетельствует Стивен Барри: «Однажды в Балморале я сидел у двери в башню, где находился вход в коридор, ведущий к кабинету личного секретаря королевы. Так как погода была типично шотландская, то есть в полдень было туманно

и сумрачно, мы еще с одним лакеем зажгли свет и в вестибюле загорелись три голые лампочки, без абажуров. Королева возвратилась с прогулки, впереди и сзади нее бежали собачонки. Она вошла, произнесла: “Хм” и, не говоря ни слова, протянула руку к стене и опустила вниз рычажки выключателей, всех трех разом, а затем повернулась и ушла, оставив нас в полутьме. Мы не осмелились вновь зажечь свет, даже когда она уже была далеко».

Но Елизавета, быть может, могла бы выглядеть расточительной в глазах своих предков. Ее бабушка, королева Мария, во многом способствовала созданию состояния семейства Виндзоров и затратила на это массу усилий; говорят, когда она отправлялась на банкет, то приказывала лакею после банкета приносить обратно в винный погреб початые бутылки вина! Кстати, еще по поводу вина... Когда принц Филипп приглашает обслуживающий его лично персонал на рождественский обед в ресторан «Савой» или «Дорчестер», то приносит вино с собой, из подвалов Букингемского дворца, — его личный шофер доставляет бутылки в ресторан накануне. «Вино в ресторанах слишком дорого», — говорит он. Ну а так как речь идет о принце-консорте, то владельцы ресторанов просто закрывают глаза на подобное нарушение правил.

В этой семье испытывают прямо-таки отвращение при мысли о том, что с чем-то надо расстаться. На третьем этаже дворца находятся в великом множестве стенные шкафы, битком набитые старой одеждой. Говорят, что королева передает всю свою поношенную одежду благотворительным организациям, но это неправда. В этой семье хранят всё. На том же самом третьем этаже находится настоящая коллекция жестяных сундуков, набитых униформой времен царствования Эдуарда VII. В то время членам королевской семьи присваивали почетные звания армий стран Европы и они заказывали для себя мундиры маршалов, полковников и адмиралов. Имперский музей вооруженных сил дорого бы заплатил, чтобы завладеть этими сундуками! Костюмы короля Георга VI, отца нынешней королевы, тоже все еще хранятся во дворце. Многие лакеи на про-

тяжении многих лет мечтали всё или хотя бы что-то выбросить, но для этого потребовалось бы разрешение королевы-матери, а никто не осмеливается у нее его попросить.

Чтобы быть объективными, отметим, что скупость Виндзоров, видимо, зачастую объясняется осознанием ими связи времен и непрерывности исторического процесса. Так, после крестин принца Чарльза 15 декабря 1948 года старая королева Мария записала в дневнике: «Я так рада, что стала прабабушкой! Я подарила младенцу столовый прибор и стаканчик из серебра, которые Георг III подарил своему крестнику в 1780 году; итак, спустя сто шестьдесят восемь лет я подарила подарок моего прадеда моему правнуку». Первой игрушкой Чарльза стала погремушка из слоновой кости, подаренная его бабушкой, получившей ее в подарок от кого-то из родственников по материнской линии. Само собой разумеется, что юный принц Уильям грыз своими режущимися зубками все ту же погремушку. Точно так же само собой разумеется, что одежда юных принцев служит потом следующему поколению Их Высочеств, ведь она никогда не изнашивается (правда, она отменного качества и слуги с тщанием заботятся о ней, а «королевский стиль» столь традиционен, что эта одежда никогда не выходит из моды).

Виндзоры никогда ничего никому не дают. Даже пишущая бумага для писем с королевским вензелем выдается очень бережливо. Если на скатерти или на салфетке появляются признаки изношенности, то белошвейка должна все починить. Представители королевского семейства не выбрасывают ничего из того, что может быть починено и вновь пущено в ход, ибо все принцы любят говорить: «Вот это принадлежало еще бабушке...», «А вот это досталось мне от прабабушки», — не упуская из виду, что покупать им этот предмет не понадобится.

Когда Виндзоры что-то покупают, то кое-кто из них систематически пытается получить скидку и поставщики Короны частенько подвергаются суровым испытаниям. Неужели Ее Величество и в самом деле

просто скряга? В Англии репутация королевы как покупательницы здорово подпорчена. «Она ненавидит тратить деньги на свои туалеты и не колеблясь требует уступок и скидок, а иногда и возврата части уплаченной суммы», — заявил однажды Гарди Эймиз, один из стилистов королевы. В Букингемском дворце Елизавета хранит свой гардероб за последние двадцать пять лет. Вот что пахнет нафталином, так пахнет... Быть может, королева подумывала о том, что ее нарядами воспользуется Маргарет? Четырежды принцесса появлялась на людях в платьях, столь похожих на платья сестры, что ошибиться было просто невозможно. Тщательное изучение через лупу кроя и деталей этих туалетов могло бы подтвердить обоснованность этих коварных утверждений, столь британских по духу.

Два раза в месяц черный «роллс-ройс» мягко останавливается на Стренде (встречается написание «Странд». — Ю. Р.) в Лондоне; полицейские, обязанные поддерживать порядок и обеспечивать движение потоков машин, отдают честь, но держатся поодаль. Они знают, что это машина английской королевы. Одетая в строгий деловой костюм, королева быстро проходит по тротуару и попадает в анфиладу частных контор, где в одной из них пятеро мужчин в черных пиджаках и брюках в тонкую полоску ждут ее, стоя навытяжку. Во время переговоров дверь помещения остается закрытой и запертой на ключ, все телефонные провода как будто перерезаны и в течение трех-четырёх часов там в условиях полной секретности и абсолютной безопасности протекает беседа. Чрезвычайные меры безопасности и секретности, предпринимаемые банкирами для сохранения в тайне представляемых королеве сведений о состоянии счетов и сумм, на них числящихся, вполне понятны, ведь королева является владелицей одного из самых крупных состояний в мире...

Однако следует заметить, что королева Елизавета II значительно «сдала свои позиции» в классификации, или в таблице, публикуемой в «Санди таймс», в которой приводятся фамилии пятисот обладателей самых

крупных состояний в Англии. Все дело в том, что имя королевы больше не значится в первой десятке! Она всего лишь девятнадцатая! Но это «падение», или «понижение статуса», как пишет «Санди таймс», объясняется прежде всего применением «более точного и четкого понятия такого критерия, как состояние». Британский еженедельник принял решение больше не включать коллекцию произведений искусства в личное состояние королевы по настоятельной просьбе Букингемского дворца, потому что эта коллекция — национальное достояние. Несмотря на изменение критерия, доходы от владений Короны увеличились на пять процентов (в денежном выражении это составило 214 миллионов евро), что следует из слов Дэниса Гендерсона, осуществляющего управление этим имуществом.

Но однако же сколь великим унижением для обитателей Букингемского дворца стало известие, что теперь королева Нидерландов богаче королевы Англии! Действительно, личное состояние королевы Беатрикс сейчас оценивается в 3,6 миллиарда евро, намного превосходя личное состояние Елизаветы II. Правда-истина заключается в том, что финансовая система дворца была создана во времена «старого короля денег»: в нее входят «Куттс банк», «Барклиз банк» и аудиторская контора KPMG. Следует заметить, что сэр Майкл Пит не имеет верных посредников в новом Сити, в особенности в коммерческих американских и европейских банках, таких, каких имеют, к примеру, монархи Нидерландов и Скандинавских стран.

Состояние королевы Беатрикс и Оранско-Нассауской династии в основном базируется на акциях предприятий королевской компании «Датч-Шелл». По сведениям «Форбс», королевское семейство Голландии, владевшее почти двадцатью пятью процентами капитала компании, сегодня владеет не более чем двумя процентами капитала, и эти два процента оцениваются в 3 миллиарда евро на 21 мая 2001 года. Оранско-Нассауская династия также владеет одним процентом ценных бумаг группы финансовых услуг «ABN-AMRO».

Корпорация «Букингемский дворец»

Так как британская Корона, то есть королевская власть, сейчас находится в постоянных поисках лицензионных сборов и процентных выплат, производимых владельцу патента, то Букингемский дворец показывает свои когти. Для того чтобы поднять ставки в игре и вновь наполнить королевскую кассу, все средства хороши. Ее Величество королева, прибегнув к своей власти, выставляет напоказ фирменный знак Букингемского дворца, тогда как принц Чарльз извлекает доходы от продажи продуктов, произведенных в его владениях в Хайгроу. Отстранившись от правил придворного этикета и протокола, Елизавета II знает себе приумножает и приумножает этикетки: мыло различных сортов, чай, шоколад, печенье, джем, мюсли, крупы... Ее Величество хвастается своим лейблом!

Открытие летом Букингемского дворца и садов для посетителей — всего лишь промежуточный этап. В июле 2000 года королева превратила и Балморал, и Сандрингем в торговые марки, зарегистрированные в Торгово-регистрационной палате Соединенного Королевства. Совсем недавно она даже открыла в Виндзоре лавочку, где напрямую продают сельскохозяйственные продукты, производимые в угодьях и на фермах, принадлежащих ей, вдохновившись примером герцога Девонширского, имеющего магазинчик в своем имении в Чатсуорте, и примером принца Уэльского (принц Чарльз с 1990 года стал контролировать качество продуктов под маркой «Высшее качество» и надеется, что продукты под этой маркой будут служить примером для всей индустрии по производству сельскохозяйственной продукции королевства; кстати сказать, продажа продуктов под маркой «Наследственное герцогство» дает ежегодно многомиллионную прибыль, перечисляемую на счета благотворительных организаций).

С открытием дворца для посетителей и с организацией в течение всего года продажи продуктов под маркой «Букингемский дворец» в лавке при дворце и в лавке

при конюшнях предприятие Виндзоров набирает силу и начинает проявлять себя в новом качестве. Теперь речь идет всего лишь о менеджменте, маркетинге и прибыльности; разумеется, все эти термины плохо сочетаются с блеском и пышностью королевской власти. «Можем ли мы позволить себе роскошь и торжественную пышность, свойственные монархии?» — такой вопрос регулярно ставится при опросах для изучения общественного мнения; ответы «да» и «нет» делятся примерно поровну. Пышные торжества в связи с юбилеем 2002 года должны были внушить гражданам мысль о необходимости сего анахронизма, сего пережитка прошлого, каковым является «роллс-ройс» монархии... Как пишет социолог Дуглас Ливерседж: «Конституционная система нуждается в цветах, украшавших ее до сих пор». Напоминая о длинной череде сменявших друг друга монархов, об их древнем роде, выставляемые напоказ величественность, роскошь и торжественность остаются красочными и очень зрелищными доказательствами того, что славное прошлое является крепким фундаментом будущего. Опираясь на свой символ, Британия несомненно чувствует себя совершенно отличной от других стран и народов, ощущает себя как нечто высшее и нерушимое. Все социологи, журналисты и писатели из-за рубежа, изучавшие проблему существования монархии, приходят примерно к одинаковым выводам: правящие династии и королевские дворы в каком-то смысле покрывают «дефицит чувства прекрасного». Финансируя продление жизни старинным обрядам, родившимся в незапамятные времена, цивилизный лист оплачивает полет нашего воображения. Даже если цена эта чрезмерно высока...

Глава IX

Без церемоний

Несмотря на разводы и скандалы, Виндзорам все же удается сохранить образ «традиционной» английской семьи, обладающей всеми необходимыми «для данно-

го случая» качествами. Любовь, доброта, бережливость, экономность, чувство благопристойности и ответственности — все здесь есть, и в такой форме, которая позволяет наибольшему числу людей отождествлять себя с этим идеалом. Одновременно Виндзоры проявляют заботу о том, чтобы усилить и подчеркнуть священный характер и величие королевской власти, увеличивая количество торжественных церемоний, которые так преобразуют это в общем-то обыкновенное семейство.

Даже самое заурядное семейное событие приобретает на сцене Букингемского дворца вид пышного театрального действия. Дворец создает и выставляет на показ образ семьи, связанной неразрывными узами. Крестины, свадьбы и похороны — это великие события и мгновения славы правящей династии. Волны симпатий и интереса, порождаемые этими обрядами, по сию пору вздымаются довольно высоко. По месту, занимаемому тем или иным членом королевской семьи на балконе или за свадебным столом, по креслу, занимаемому в Вестминстерском аббатстве, судят о возникших между членами семьи разногласиях, недоразумениях и соперничестве. Если принцесса Анна дуется и не соизволяет присутствовать на крестинах одного из детей Чарльза, если Мария Кристина Кентская не стоит на балконе во время празднования дня рождения королевы, то пресса всего мира начинает трубить о внутренних раздорах в семействе Виндзоров. Можно сказать, что специалисты, которых следует назвать «букингемологами», рассматривают чуть ли не через лупу большие семейные сборища.

В глазах представителей средств массовой информации монархия всегда поддерживала свой образ с великим искусством, и правила, которые управляют всеми действиями семьи в любых обстоятельствах, от официальных церемоний до самого простого появления на публике, свидетельствуют о том, что монархией была создана самая совершенная система отношений с сообществом и самый совершенный пиар, какие когда-либо существовали в мире.

Королевские похороны

Только начиная с королевы Виктории английские монархи обрели право быть захороненными при свете дня; всех ее предшественников всегда хоронили по ночам, в обстановке полнейшей и строжайшей секретности. Итак, 25 октября 1897 года королева Виктория отдавала распоряжения относительно своих похорон: она пожелала, чтобы они были проведены скромно, но торжественно, без особой помпы, даже без традиционного «Траурного марша» из «Саула» Генделя; чтобы гроб был обит не черной материей, а белой с золотом; чтобы ее, как главнокомандующего вооруженными силами, похоронили с воинскими почестями, установив гроб с ее телом на орудийном лафете, усыпанном цветами и влекомом восьмеркой лошадей, «но только не вороных», уточнила она. Таким образом, королева Виктория отказалась от того, чтобы ее собственные похороны проводились в том стиле, который принято именовать «викторианским трауром».

Похоже, сейчас все уже готово для похорон королевы-матери. Однажды ранним утром англичане с изумлением увидели, как торжественный похоронный кортеж пересекает Лондон. Когда были получены соответствующие разъяснения, стало известно, что это была репетиция похорон королевы-матери. Елизавета и ее мать предпочли предусмотреть всё, вплоть до мельчайших деталей, так как хотели, чтобы церемония была пышной и возвышенной, чтобы она была волнующей, одной из самых главных церемоний в эпоху правления Елизаветы. Вероятно, королева-мать приняла решение последовать примеру лорда Маунтбеттена; она, кстати, могла услышать по радио сообщение о том, что ее некролог уже готов и хранится в одной из папок на Би-би-си. Один из журналистов «Дейли мейл» заметил: «Будучи большой профессионалкой в данном вопросе, она, вероятно, иного и не ожидала, и я уверен, что она была бы счастлива увидеть прямую трансляцию своих похорон, сидя перед телевизором со стаканчиком джина или с рюмочкой дубоннэ в руке».

Похоже, все приготовлено и для похорон Маргарет, чье пошатнувшееся здоровье (при множестве приступов и кризов в 2000 и 2001 годах) заставляет опасаться худшего. Кодовое название для этой церемонии уже придумано. Как «профессиональная сотрудница» монархии сестра королевы уже сделала свои последние распоряжения, которые графиня Сноудон собрала в составленном ею прощальном письме, равноценном завещанию. Затем принцесса отправила самым близким сотрудникам королевы коричневые, запечатанные сургучом конверты. «Никто, разумеется, не имеет права вскрывать эти конверты до смерти принцессы», — сообщил один из приближенных. Если никто действительно не узнал насчет точного содержания этих писем и последних распоряжений принцессы, все равно всем известно, что они касаются ее похорон. Вероятно, принцесса решила ничего не оставлять на волю случая. Она, которая всегда была элегантна, имела склонность к блеску, щегольству и шику, а также и к определенной театральности, продумала свои похороны до мельчайших деталей. Она не только предусмотрела, каким образом будет объявлено о ее смерти, что надо будет сообщить прессе, но также определила заранее, какую одежду должны будут надеть все члены королевской семьи, в том числе и ее сестра королева.

Похороны принцессы Дианы в 1997 году были организованы в спешке, это надо признать. Букингемский дворец промешкал и не сумел подчинить себе эмоции, охватившие англичан, вернее, не успел принять надлежащие меры, и это при том, что никогда еще никакое событие не объединяло такое количество людей в едином порыве. По оценке Би-би-си, более двух миллиардов человек в ста восьмидесяти семи странах сидели перед телевизорами 6 сентября 1997 года, чтобы увидеть, как будут проходить похороны Дианы. На улицы Лондона вышли около двух миллионов человек, чтобы почтить ее память: мужчины и женщины, богатые и бедные, молодые и пожилые... Среди них были и бездомные, и инвалиды, и больные СПИДом, все эти «лишние люди», которых «народная принцесса» утешала и ободряла при жизни. Когда похоронный кортеж следо-

вал мимо, одни хранили скорбное молчание, другие аплодировали и бросали цветы. Но на всех лицах была печаль. «Уникальная церемония для уникального человека», — пообещал Букингемский дворец. В Вестминстерском аббатстве на службе присутствовали высшие должностные лица государства и члены королевской семьи, само собой разумеется. Но там были еще и толпы друзей Дианы — артисты, певцы и знаменитые модельеры. Был приглашен и Мохаммед аль-Файед. Хотя истеблишмент не принимал его и спорил с ним, все же было невозможно себе представить, чтобы он не был допущен на церемонию воздаяния последних почестей той, что прожила последние счастливые недели вместе с его сыном. Но камеры Би-би-си все же не осмелились показать самый пронзительный момент этих похорон: заплаканные лица Уильяма и Гарри в тот момент, когда сидевший за роялем Элтон Джон пел оду их умершей матери. В эту минуту слезы двух мальчиков смешались со слезами всего народа. Диана, не имевшая больше права на титул, полагавшийся ей, когда она была членом королевской семьи, навсегда останется в сердцах англичан королевой.

Счастливые события

Но Букингемский дворец превосходит сам себя в связи с празднествами по поводу рождений детей, крестин и свадеб. В холодный ноябрьский день 1948 года, 14-го числа, в воскресенье, в 21 час 14 минут принц Чарльз родился в зале в стиле буль. В этот момент около Елизаветы находились акушерка, четыре врача и анестезиолог. Рождение принца Чарльза стало своеобразным «похоронным звоном» по одной из стародавних традиций, потому что при сем не присутствовал министр внутренних дел; все дело в том, что Георг VI, желавший избавить свою дочь от присутствия чужого мужчины, что вызвало бы у нее приступ стыдливости, упразднил сей обычай.

Чарльз Филипп Артур Джордж, только что появившийся на свет божий, уже имел два титула: за пять дней

до того Георг VI внес поправки в королевский указ, гласивший, что сыновья монарха имеют право именоваться принцами и Их Высочествами. В честь его рождения был произведен сорок один артиллерийский залп. Колокола Вестминстерского аббатства прозвонили пять тысяч раз. Площадь Трафальгар-сквер была иллюминирована. Морякам была выдана двойная порция рома. Толпа собралась у решетки Букингемского дворца, распевая колыбельную «Спи, моя радость, усни». Королевским указом именем принца Чарльза был назван один из проливов в Антарктике.

Вся Англия растрогалась в день крестин, 15 декабря, созерцая, как принц и принцесса держат на руках дитя, тонущее в белых кружевах. Елизавета умилилась при виде двух крохотных ручек, «лежавших как две крохотные миниатюрные свечечки на рубашке для крестин, сшитой из атласа и кружев». Молодая крестная мать Маргарет несла Чарльза на руках во время церемонии, которая состоялась в Музыкальном салоне Букингемского дворца.

Сегодня «королевские крестины» — это очень закрытая, интимная церемония, отмеченная стремлением к простоте. Вокруг крестильной купели собираются несколько десятков приглашенных, далее следует небольшой прием, вернее, семейный обед со скромным меню.

В XX веке, как это ни странно, именно крестины старшей дочери герцога и герцогини Йоркских, будущей Елизаветы II, прошли незамеченными. Они состоялись в дворцовой часовне Букингемского дворца 29 мая 1926 года, крестным отцом был король Георг V, крестной матерью — королева Мария, а также крестными были еще герцог Коннаутский (встречается написание Коннотский. — Ю. Р.), граф Страмор и леди Элфинстон, сестра герцогини Йоркской. Архиепископ Йоркский, доктор Космо Ланг, возглавлял церемонию (руководил проведением обряда), а ребенок все время плакал. Наконец, кормилица Елизаветы все же успокоила дитя, напоив отваром укропа; в 1982 году в аналогичном случае принцесса Диана предпочла дать Уильяму пососать свой большой палец.

Свадьбы представляют собой гораздо более суровый и опасный «протокольный» экзамен. «Свадьба принца или принцессы — блестящая иллюстрация, так сказать, события, которое случается в жизни каждого, иначе говоря, “всеобщего явления”: блестящая иллюстрация — потому что она изобилует пышностью и роскошью, а всеобщее явление — потому что женитьба и связанная с женитьбой свадебная церемония — это то, через что проходят все, так сказать, “общий опыт”, и в таком качестве свадьба и завораживает, и немного пугает людей». Эта знаменитая фраза английского историка XIX века сама служит превосходной иллюстрацией к тому, какое воздействие оказывает на англичан грандиозное зрелище, которое они могут наблюдать и наблюдать без усталости, приходя в восторг от кортежа из карет, ландо и прочих экипажей, следующего по Мэлл, усыпанной цветами, в сопровождении кавалерийского эскорта в ярко-алых мундирах, в атмосфере всеобщего ликования, среди коего шуршат платья королевы и представительниц королевских семей всего мира. Сердце старой доброй Англии бьется быстрее, когда архиепископ Кентерберийский произносит слова: «Мы собрались здесь перед лицом Господа, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину...» Ах, надо видеть королеву, серьезную и взволнованную, в тот момент, когда колокола Вестминстерского аббатства звонят что есть мочи! Надо видеть, как все королевское семейство в полном составе с балкона Букингемского дворца приветствует свой народ!

Сегодня, как и прежде, все члены королевской семьи должны обратиться с официальной просьбой к царствующему монарху о разрешении на вступление в брак; это правило действует с 1722 года, когда Георг III протащил через парламент такой закон в состоянии гнева на своих братьев. Елизавета и Филипп склонили свои головы перед этим законом в 1947 году. О церемонии бракосочетания, ставшей самым крупным стечением венценосных особ в XX столетии, Филипп, державшийся чрезвычайно достойно, но ощущавший себя несколько отстраненно (впрочем, он всегда выглядит несколько холодным, словно застывшим), сохранил не

слишком приятные воспоминания всеобщей напряженности и натянутости. Его кузен Дэвид Милфорд-Хевен рассказывает: «Мы едва не опоздали; мы слишком долго спали. В машине нас охватила паника при мысли о том, что мы случайно могли бы перепутать головные уборы; вообще-то фуражки были у нас одинаковые, но если бы Филипп надел мою, то она была бы ему так велика, что сползла бы на уши».

Елизавете пришлось пережить свою долю треволнений. В девичьей комнате в Букингемском дворце она уже надела длинное платье со шлейфом и уже надевала драгоценности, как вдруг заметила, что не хватает одного из главных украшений: жемчужного ожерелья из двух ниток, подаренного к свадьбе ее родителями. Когда первый приступ панического страха миновал, она вспомнила, что ожерелье отправили на хранение в безопасное место, в Сент-Джеймский дворец; туда тотчас же послали одного из секретарей, который с невероятным трудом проложил себе дорогу сквозь толпу, а когда вернулся, измотанный до предела и весь в поту, ему пришлось проявить немалое искусство, чтобы убедить детективов из Скотланд-Ярда позволить ему войти во дворец. Жемчужное ожерелье вручили Елизавете в последнюю минуту. Однако обнаружилось, что куда-то подевался букет невесты! В то время как все занимались поисками ожерелья, принцесса и ее свита уже спустились по лестнице во внутренний двор. Именно тогда привратник вспомнил, что один из пажей отнес букет в самую прохладную комнату, чтобы цветы сохранили свежесть, и всё таким образом устроилось наилучшим образом.

Герцог Эдинбургский на обратном пути из Вестминстерского аббатства попытался было немного отвлечь жену, рассказывая ей о том, как жены пэров в аббатстве едва не умерли от холода в атласных платьях, в то время как пэры задыхались в бархатных костюмах и мантиях, застегнутых на все пуговицы по самую шею... Такие же ироничные высказывания он позволил себе по поводу первых слов приглашенных, произнесенных после церемонии, ведь говорили они, по его словам, вот что: «Ох, как я хочу пить!», «Как же я хочу есть!» «Я ду-

мал, это никогда не закончится...», «Я забыла мой платок...», «А где здесь туалет?»

Королева Виктория запретила наследникам сочетаться браком в мае, который в соответствии с бытующими в Шотландии предрассудками считается месяцем несчастливым. Одна только Маргарет презрела этот обычай, выйдя замуж в мае 1960 года. И всем известно, каков был результат! Принцесса Анна выбрала ноябрь 1973 года для бракосочетания с Марком Филлипсом. Брак оказался неудачен, союз распался, но церемония бракосочетания осталась в памяти как образец церемоний такого рода. В то время королева постаралась объяснить, что заключение этого союза является делом не государственным, а сугубо семейным. Строжайшие указания хранить тайну окружали процесс составления списка гостей, количество которых было ограничено заранее полутора тысячами; в список вошли всего лишь не более трех десятков членов парламента и столько же пэров, отобранных с особым тщанием; не был включен никто из представителей дипломатического корпуса; то было действительно избранное общество, куда в основном вошли венценосцы из разных стран; лорд Хэрвуд (Харвуд), двоюродный брат королевы (и семнадцатый в списке наследников престола), не присутствовал на церемонии бракосочетания, потому что сам незадолго до этого развелся и собирался вновь вступить в брак.

Каким бы семейным празднеством ни была эта свадьба в стиле «техникolor», то есть в стиле цветного кино, яркая, пестрая, со стеклянными каретами и звуками фанфар, со шталмейстерами и берейторами в напудренных париках и с кавалеристами с пышными султанами из перьев на шлемах и с золочеными кирасами на крепких телах, она была пышной, такой пышной, как только можно было пожелать. Ровно в 10 часов 45 минут (королевская власть обязывает к точности!) шесть карет выехали со двора Букингемского дворца; в них восседали все члены королевской семьи. Следом за ними за ворота дворца выехала карета новобрачной. Чтобы доехать от дворца до Вестминстерского аббатства, требовалось семнадцать минут, достаточно дальний

путь... Марк уже прибыл к аббатству и был далеко не одинок под сводами нефа: две сотни журналистов и восемнадцать телекамер наблюдали за ним, а двести тринадцать драгун Королевского драгунского полка в парадных мундирах замерли у входа в аббатство. Марк тоже был в парадном мундире своего полка. Когда Анна прибыла в аббатство, к алтарю ее повел отец, явно взволнованный, а за ними последовали два маленьких пажа, в роли которых выступили брат невесты принц Эдуард и ее кузина леди Сара. На личико невесты был нанесен безупречный макияж: парижский специалист совершил ради нее путешествие через Ла-Манш. У ее атласного платья в мелкую складку были длинные рукава, но не из материи, а из ниток жемчуга, заканчивавшиеся манжетами из плиссированного муслина; у нее на плечах колыхалась шелковая накидка, расшитая серебряными нитями, на голове возлежала корона из бриллиантов, окончательно придававшая ей вид принцессы крови. В клятве верности супружескому долгу, которую она должна была произнести, были слова обещания «любить и почитать своего супруга и повиноваться ему»; несмотря на недавнее «восстание юбок» (имевшее место, по безапелляционному утверждению прессы), совершавшееся посредством раздачи брошюр и листовок, а также путем испускания воплей английскими феминистками, принцесса отчетливо произнесла слово «повиноваться». Леди Диана, однако же, попросила архиепископа Кентерберийского удалить это слово из текста клятвы.

После окончания службы принцесса Анна направилась к выходу, присев в низком реверансе перед матерью. Возвратившись во дворец, новойспеченная миссис Филлиппс, держа под руку мужа, улыбнулась, глядя в объектив фотоаппарата Нормана Паркинсона, увековечившего сей миг. Затем наступил черед обязательного выхода на балкон и приветствия толпы; после чего был дан торжественный обед, на который были приглашены только сто пятьдесят гостей. Молодая чета быстро покинула родителей, родственников, подарки, слуг и лошадей, чтобы на королевской яхте взять курс на Антильские острова.

Англичане, бросающие на монархию гораздо более свободные взоры, чем можно было бы подумать, воспользовались моментом, чтобы сделать подсчеты. Стоимость свадебных торжеств составила 56 496 евро, из них на медовый месяц было затрачено 15 245 евро. Парадный мундир Марка обошелся в 4573 евро. Обед — в 14 788 евро. Каждому хористу и хористке аббатства было выплачено по 35 евро (за право передачи по телевидению) и 14 (за то же право для радио)! А ведь еще были пятнадцать тысяч солдат, выстроившиеся в ряд вдоль дороги в 2213 метров, отделяющей Букингемский дворец от Вестминстерского аббатства. Да, но почему пятнадцать тысяч, а не две, как это было на свадьбе Маргарет в 1960 году? Да потому, что тогда Ольстер еще не был кровоточащей раной на теле Ирландии. Надо еще учесть, что ради придания празднеству еще большей торжественности двести тринадцать драгун, вместе с офицерами составившие почетный эскорт жениха и стоявшие на страже в парадных мундирах вокруг аббатства, около алтаря и вокруг Букингемского дворца, прибыли из Германии; так как тогда все же хоть как-то хотели сократить расходы, то министр обороны взял на себя оплату их пребывания в Англии. В связи со всем вышеописанным легче понять, почему принцесса Анна 13 декабря 1992 года, сочетаясь вторым браком с Тимом Лоуренсом, выбрала местом для проведения церемонии бракосочетания скромную приходскую церковь в Шотландии, так что присутствовали на ней всего тридцать человек из числа ближайших родственников и друзей.

Свадьба принца Чарльза и Дианы, состоявшаяся 29 июля 1981 года, стала предметом многочисленных социологических исследований. Разумеется, в основном все мизансцены этой театральной постановки под названием «королевская свадьба» остались неизменными. Но исследователи не раз отмечали, что английский народ при известии о предстоящей свадьбе охватило какое-то восторженное воодушевление, хотя правительство как раз перед этим было вынуждено признать, что в стране около двух с половиной миллиона безработных, что было рекордным уровнем безработицы со

времен Великой депрессии 30-х годов. Заслуга королевы состоит в том, что она тотчас же поняла, что следовало сделать, а именно — придать сему семейному событию размах воистину международного феномена, организовать церемонию уникальную в своем роде, одновременно чрезвычайно торжественную и в то же время доступную для народа, церемонию, на которой могло бы присутствовать как можно большее количество граждан.

Проданные сувениры — одни только сувениры! — дали доход в 495 миллионов евро! Руководство знаменитой фабрики по производству фарфора и фаянса «Веджвуд» заявило, что королевская свадьба спасла предприятие, выведя его из очень трудного кризисного периода. Практически все британцы, счастливые уже от того, что могут на мгновение вырваться из серых будней экономического кризиса, поддались шарму леди Ди. Новое лицо, современное и очаровательное, появилось на общественном небосклоне, чтобы обновить облик британской аристократии, придать этой аристократии новый вид. Один из журналистов, ведущих в газетах рубрику «Светская жизнь», написал: «Если британская монархия желает выжить и усилиться, она нуждается в свежести принцессы Дианы. Чарльз должен быть воплощением традиционных ценностей государства, но королевская власть нуждается в такой личности, как Диана, чтобы многое уравновесить».

К несчастью, с течением времени столь хорошо разрекламированная в средствах массовой информации волшебная сказка превратилась в кошмар. 10 декабря 1992 года Джон Мейджор объявил в палате общин, что принц и принцесса Уэльские расстались; официально развод был оформлен 28 августа 1996 года. Хеппи-энда не получилось! Без сомнения, именно из-за предрассудков 19 июня 1999 года Эдуард выбрал Виндзорский замок для бракосочетания с Софией Рис-Джонс (встречается и написание Райс-Джоунз. — Ю. Р.). Чтобы ввести монархию в третье тысячелетие, молодая чета предпочла прохладу Виндзора богатой позолоте Букингемского дворца.

Коронации

Коронация Елизаветы II, состоявшаяся 2 июня 1953 года, открыла собой эпоху участия телевидения в церемониях, связанных с королевской семьей. За пределами столицы, в маленьких городках и деревушках, там, где телевизоры были еще редкостью, организовывались так называемые «ти-ви-пати». Вновь погрузиться в атмосферу, царившую в стране в день коронации, довольно интересно. Коронация королевы Виктории обошлась в 115 тысяч евро, а коронация Георга VI стоила уже 570 тысяч евро; Елизавета вздрогнула, когда ей сообщили, что ее коронация обойдется в сумму, равную примерно 153 тысячам евро, то есть одна минута коронации будет стоить 1982 евро... Но это еще не все! Подготовка Вестминстерского аббатства обошлась в 560 тысяч евро, и при этом каждому дворянину там предназначались 48 квадратных сантиметров площади, чтобы сесть, а не дворянину — 45.

Во время церемонии только королева может носить драгоценности вообще и бриллианты в частности. Дамы благородного происхождения, даже титулованные, должны быть все в бархатных головных уборах, украшенных золотым галуном и мехом горноста. Только после завершения церковного обряда, во время торжественного обеда придворные дамы могут надеть свои диадемы. Елизавета улыбнулась, когда ей доложили, что представительницы самых знатных семей Англии заказали себе такие диадемы, у которых нити жемчуга можно отделить от платиновой или золотой основы и носить как ожерелье в повседневной жизни. Ну что же, веяние времени...

Появление телевидения на этой церемонии, правила проведения которой выработывались на протяжении тысячелетия, было не единственной уступкой техническому прогрессу. Позолоченная карета, в которой королева прибыла в аббатство, была немного модернизирована: ее снабдили внутренним освещением и микрофоном, позволявшим поговорить с кучером. Эта карета, сделанная в 1761 году, стоила в те времена более одного миллиона евро (это лишь приблизительно

ные суммы, ибо в Англии средством платежа до сих пор являются фунты стерлингов, и автор для современного читателя все переводит в евро. — Ю. Р.), а теперь только на ее позолоту затратили 153 тысячи евро. Колеса кареты покрыли пластиком, чтобы уменьшить тряску при проезде по бульжной мостовой, ибо, если верить утверждениям чуть ли не всех монархов Англии, нет ничего более неприятного, чем прогулка в карете. Вдоль всего маршрута следования кортежа воздвигли трибуны, и так на протяжении около сорока трех километров. На крупных городских артериях, таких как Пиккадилли и Бонд-стрит, вознеслись триумфальные арки из гипса. Наконец, кое-где возвели еще и короны метров в девять высотой, переливавшиеся в свете прожекторов.

Тысячи и тысячи деталей коронации... Как запомнить основное? Можно обратиться к личным впечатлениям государыни, оставшимся у нее после сего испытания и выраженным ею в обращении к своим подданным: «В течение всего этого достопамятного дня меня вдохновляло и поддерживало сознание, что вы думаете обо мне и молитесь за меня. Я, говоря честно и откровенно, нанялась к вам на службу точно так же, как многие из вас нанялись на службу ко мне. На протяжении всей моей жизни и от всего сердца я буду стараться быть достойной вашего доверия... У меня есть муж, чтобы поддержать меня в моей решимости. Он разделяет все мои идеалы и все мое уважение к вам. И потом, хоть мой жизненный опыт так невелик, а стоящая передо мной задача... моя работа... так для меня нова, я имею в лице моих родителей и моих дедушки и бабушки примеры, коим могу следовать с уверенностью и доверием». В заключение Елизавета приходит к выводу: «В этот час, когда сей день близится к завершению, я знаю, что незабываемые воспоминания, которые я сохраню о нем, будут не только воспоминаниями о его торжественности и красоте, но еще и о том чувстве, что возникло у меня под влиянием вашей преданности и вашего почтения. Я благодарю вас от всего сердца. Да благословит вас всех Господь!»

Можно сказать, что эта речь преисполнена идеализма, если иметь в виду, что особа, произносившая ее, приступила к работе и к выполнению задач, которые, как она вскоре обнаружит, не были ни просты, ни увлекательны. С течением времени она осознает, что присутствует при окончании целой эпохи, при распаде империи, при закате великой державы, владычествовавшей чуть ли не над всем миром, при экономическом кризисе, не имевшем в прошлом себе равных, при резких выпадах крайне националистически настроенных сил. Но, пройдя через все превратности истории, она сумела сохранить главное.

И от рождения одного ребенка к рождению другого, от одной свадьбы до другой Букингемский дворец укреплял свое влияние и сумел объединить наилучший состав исполнителей ролей в этом продолжительном спектакле, сумел стать наилучшей фирмой по сбыту определенной продукции, так как по части маркетинга семейство Виндзоров сегодня не знает себе равных и представляет собой непревзойденный образец. Вековые традиции, внешний вид и стиль, чисто британские — типично британские — особенности обеспечивают этому семейству истинное совершенство. Церемония возведения Чарльза в ранг носителя титула принца Уэльского стала своеобразным образцом подобных церемоний благодаря таланту лорда Сноудона, который подробнейшим образом заранее расписал все мизансцены этого зрелища.

Во время своей «коронации» принц Чарльз, 21-й принц Уэльский, был одет довольно просто: под парадной мантией на нем был черный парадный мундир полковника. Церемония показалась ему очень торжественной и красивой. Часы пробили два часа дня. Официальный «балет» начался. Дверь отворилась, и вышел лорд Сноудон, чтобы вручить королеве ключ от замка. Она довольствовалась тем, что символически коснулась его рукой, ибо весит сия реликвия несколько килограммов. Раздались звуки национального гимна Уэльса, и королева направилась к помосту под балдахин, возведенному посреди внутреннего двора, где ее уже ждал принц-консорт, ее муж. Вперед выступил принц Чарльз, держа в руке фуражку; он кланяется матери и преклоняет перед ней колени. Это была

прелюдия перед продолжительным чтением жалованной грамоты. С сосредоточенным видом, со слегка раскрасневшимися щеками принц терпеливо и вежливо слушал. Затем Елизавета вручила ему шпагу, надела ему на палец кольцо графства Чешир и возложила ему на голову корону, отлитую из золота, добытого в Уэльсе.

Затем последовал ритуал облачения в горностаевую мантию (идеальное одеяние для летней жары!) и прикосновения к золотому скипетру. Итак, соединив свои руки с руками королевы, в полнейшей тишине Чарльз произнес высокопарные слова старинной клятвы: «Я, Чарльз, принц Уэльский, объявляю о том, что предан вам душой и телом, и клянусь моей верой и моей честью служить вам до самой смерти и защищать вас от любых злоумышленников...» Елизавета подняла его с колен, чтобы обменяться с ним «поцелуем верности». После чего последовал обмен речами, причем Чарльз читал свою речь на валлийском языке: «С чувством гордости и волнения я получил символы моего титула и моих обязанностей в этой сказочной крепости, где никто не может оставаться равнодушным к царящей здесь атмосфере многовекового величия...» Прозвучали фанфары, затем принца представили собравшимся, для чего он поднялся на королевскую башню. Ступал он несмело, даже робко, явно боясь запутаться в длинной мантии; он обратился лицом к Ирландскому морю и улыбнулся (наконец-то!) в ответ на приветственные крики толпы, собравшейся в окрестностях замка. Кортёж отбыл в обратном направлении, церемония завершилась.

Можем поспорить, что коронация Чарльза будет еще более пышной и торжественной, чем коронация его матери, потому что это уникальная возможность закрепить священный образ государя в памяти народа.

Вопросы этикета

Пожив жизнью, в которой надо подчиняться таким церемониалам, простой смертный, вероятно, ощутил бы, что он задыхается. Однако не стоит преувеличи-

вать! Люди зачастую сами создают себе ложные представления о том, что при дворе всем правит викторианский этикет. Впрочем, следует заметить, что Виктория вовсе не была рабыней этикета, это была простая, не склонная к позерству женщина, способная весело напевать случайно услышанную мелодию Мендельсона или ворваться в комнату леди Литтелтон, чтобы заставить ее полюбоваться прекрасной радугой на небе.

По мнению многих наблюдателей, восшествие на престол молодой Елизаветы в 1952 году стало началом новой эры. По словам одного из них, эта коронация породила в обществе желание увидеть новый тип монархии, более открытой, что ли, «в которой монархи смешались бы с простым народом, а весь протокол, связанный с королевской властью, был бы выметен напроочь метлой». Разумеется, ничего подобного не произошло, и уже в следующем месяце все стали хором повторять слова одного из комментаторов: «Люди, вращающиеся вокруг трона, так же аристократичны, так же ограничены и такие же снобы — уж произнесем это слово, — как и прежде. Королевский круг общения в действительности не изменился со счастливых времен королевы Виктории». Королева сохранила своих лошадей, своих близких друзей, выходцев из высшей знати, а также свои повседневные обязанности главы государства, а герцог Эдинбургский — свои вертолеты и парусные яхты, свои многочисленные хобби и свои еженедельные обеды со старыми друзьями-моряками.

Да, теперь лакеи не носят напудренных париков, а королевские дети больше не делают реверансов и не кланяются родителям, но основные правила поведения сохраняются. Члены королевской семьи называют по фамилиям полицейских, пажей, шоферов и старых слуг, за небольшим исключением; лакеев же называют по имени. Ибо, по мнению королевы, «мы живем в эпоху, когда хорошие манеры становятся все большей и большей редкостью. Протокол же является отличным барьером, ограждающим от всякого рода развязности, фамильярности и дурного воспитания». Ну что же, как говорится, имеющий уши, да услышит!

Итак, до сих пор можно ходить только позади королевы, хотя бы на шаг. К ней нельзя прикасаться ни под каким предлогом. Во время визита Елизаветы II во Францию в 1972 году Жорж Помпиду допустил ужасное нарушение правил протокола, взяв королеву за руку, чтобы провести ее по Трианону сквозь толпу людей, желавших быть ей представленными, а ведь в соответствии с протоколом королеву можно брать за руку только ради того, чтобы уберечь ее от непосредственной опасности. Кроме того, к королеве нельзя обращаться первым и ей избегают задавать вопросы.

Разумеется, мужчины отвечивают Ее Величеству поклоны, женщины приседают в реверансах. Но это требует кое-какой практики, по поводу чего Питер Таунсенд дает следующие советы: «Перенесите вес тела на ногу, стоящую впереди, держите спину прямо и смотрите государыне в глаза, желательно при этом улыбаться. Не следует присесть слишком низко, в особенности если вы полноваты». Будучи непрямой родственницей королевы, Диана должна была всегда делать ей «большой» (то есть глубокий) реверанс, затем целовать ее в левую щеку, потом в правую и наконец целовать руку, после чего принцесса обращалась к свекрови, именуя ее «мадам».

В своем дневнике сэр Хью Кассон, тонкий и проницательный «букингемолог», то есть знаток нравов Букингемского дворца, отметил, что «в присутствии верховного представителя королевской власти все как бы меняются в лице». Он также подчеркивает, что всех там буквально охватывает мания пунктуальности, превращающаяся в хроническое эндемическое заболевание во время королевских приемов... Все приглашенные в Виндзорский замок прибывают на полчаса раньше и ожидают назначенного часа под деревьями вместе с кроликами. Но кто бы стал рисковать опоздать на свидание с Ее Величеством? Королева сама почти всегда чрезвычайно пунктуальна. В последний раз, когда она опоздала на церемонию по передаче поручения сформировать правительство, которая должна была состояться в Тронном зале, это случилось 15 ноября 1977 года по вполне уважительной причине: в

этот день родился ее первый внук Питер. И об этом до сих пор вспоминают!

Все собеседники монарха обычно ощущают робость. Титул королевы Англии оказывает на человека большое воздействие, так сказать, впечатляет, а замешательство и смущение людей еще больше уменьшает возможность чисто человеческого контакта, и так ограниченную жесткими рамками протокола. В то время как человек, приглашенный на аудиенцию или просто представляемый королеве, с тревогой размышляет над тем, должен ли он кланяться и как ему обращаться к ней: «мадам» или «Ваше Величество», пока терзается вопросами: «Что она подумает обо мне?», «Какое впечатление я на нее произведу?» и так далее, он совершенно забывает о том, что королева тоже может испытывать смущение.

Однако же протокол вынужден был изменяться вместе с частичной демифологизацией монархии, произошедшей в результате общения представителей королевской семьи с народом, а также вторжения в ее жизнь телевидения. Но, отрекаясь от таинственности, спускаясь с олимпа, любезно позируя всем знаменитым фотографам и показываясь на голубом экране, королевская семья не утратила в глазах подданных того интереса, который всегда к себе вызывала. Напротив! Он, этот интерес, лишь немного изменился.

Магия присутствия монарха может вызвать непредвиденные реакции. Одна женщина, сидевшая у камина в своем доме на севере Англии, услышав звон дверного колокольчика, открыла дверь и оказалась лицом к лицу с принцем Чарльзом, совершавшим незапланированный визит по рабочим кварталам; так вот, она потеряла сознание! Однако случалось и прямо противоположное: во время одного из таких неожиданных визитов в большой универсальный магазин самообслуживания кто-то из покупателей, ничуть не смущенный тем, что видит перед собой человека, «лицо которого ему показалось знакомым», попросил принца помочь ему найти отдел, где продают инструменты. А принц Филипп, со своей стороны, навлек на себя неудовольствие одного из покупателей, которого спросил, делает ли он покупки, а тот

недовольно буркнул, что как раз этим и занимался, когда «вы меня от этого дела взяли и отвлекли!».

Во дворце нет шефа протокола. В зависимости от повода или «природы» переездов личный секретарь королевы или королевский шталмейстер следят за тем, чтобы все прошло хорошо. Но все понятия о протоколе бледнеют и исчезают, как только королева появляется со своими собачками. Присутствующие на торжественном обеде особы извлекают для себя пользу из их присутствия, а веселое тьяканье собачек приводит всех в хорошее расположение духа.

Но протокол все же существует, и он имеет прямое отношение к повседневной жизни, к тому же его элементарные правила приняты и соблюдаются всеми. Один социолог это заметил и написал по сему поводу следующее: «Королева находит поддержку в подсознании большинства своих подданных и даже в подсознании тех, кто ее критикует. Она является воплощением некой привязанности, некой ностальгии по образу жизни, по правилам поведения, по идеалам, уже уходящим из нашей жизни в прошлое». Да, конечно, из тридцати пяти монархов, сменявших друг друга на троне Англии после Вильгельма Завоевателя, семеро узурпировали власть и завладели короной силой, четверо начали свое царствование вдали от Англии, один был посажен на кол, двое задушены, один обезглавлен, а один сошел с ума. Но после Викторианской эпохи Великобритания, каким бы ни был ее политический режим, рассматривает церемониал или обряд как неиссякаемый источник респектабельности; в умах свобода ассоциируется скорее с монархией, а не с равенством.

Балкон Букингемского дворца — всего лишь официальная трибуна британской монархии. Но Елизавета II располагает впечатляющим количеством трибун, на которых совершаются обряды уходящего времени. Климат Англии способствует обильному росту травы на газонах, так что остается только поставить ограду, чтобы на выбор занять либо ипподром, либо площадку для регби, либо теннисный корт. Королевство, похоже, «предрасположено» к спорту. А играют там отлично только на глазах у членов королевской семьи, будь то в

Аскоте, будь то в Туикнеме, где находится регбийный стадион, будь то на кортах Уимблдона.

Если мы должны уважительно относиться к общественной функции королевы, то саму королеву все же не следует причислять к клику святых, делать из нее кумира, создавать ее культ. Люди тысячи и тысячи раз видели Елизавету через стекло ее парадной кареты, или когда она гарцует на лошади в парадном мундире полковника Королевской конной гвардии, или когда перерезает ленточку на открытии больницы, завода или школы. Эта королева, с виду словно застывшая от осознания того, что Талейран называл «незначительными почестями королевского бремени власти», — просто женщина, такая же, как сотни других. У нее такая же семья, как у других. У нее такие же странности и пристрастия, такие же причуды и такие же мелкие ссоры в семье, как и у других, она так же, как другие женщины, любит по воскресеньям бывать на свежем воздухе, у нее, как и у других, есть любимые телевизионные сериалы. Ей иногда, как и всякой жене, приходится проявлять терпение по отношению к своему немного вспыльчивому супругу. Однажды, когда Филипп вел свою спортивную машину с явным превышением скорости, Елизавета высказала опасение: «Не слишком ли быстро мы едем?» За сим последовал ответ супруга, только увеличившего скорость: «Во имя Господа заклинаю вас, замолчите! Еще одно слово, и я вас высажу!» Королева закончила рассказ с улыбкой: «Я больше рта не раскрыла, так как он и впрямь мог оставить меня на обочине, пришлось бы мне остаток пути проделать пешком...»

Королева любит читать в постели перед сном Агату Кристи или П. Д. Джеймса. Ее Величество, как говорят ее друзья, вообще-то человек довольно робкий, но любит развлечения и не прочь посмеяться. Иногда на охоте или на скачках в Эпсоме королева забывает о присутствии вездесущих фотографов, которые безжалостно фиксируют самый незначительный из ее промахов, любую смену настроения или выражение удивления, написанное на лице. Действительно, если королева забывает об официальной улыбке, всегда демонстрируемой публике, то происходит это потому,

что за пятьдесят лет правления она слыхала и видала всякое примерно в равной мере: бешеные овации и волнующие знаки любви, самую возвышенную преданность и черную ненависть, и даже презрительный свист. Протокол или не протокол... но даже королева может позволить застать себя врасплох. Нескромный порыв ветра, приподнявший подол ее платья, еще один резкий порыв, едва не унесший ее фетровую шляпку, восторженный почитатель, излишне заискивающий, суетливый, лебезящий... но королева должна сохранять хладнокровие. Положение обязывает!

Глава X

Поставщики Ее Величества

Ежегодно канцелярия лорд-гофмейстера Букингемского дворца по указанию ее начальника господина Фолкнера составляет список нескольких тысяч фирм и предприятий, которым будет оказана честь именоваться «королевскими поставщиками» или «поставщиками Ее Величества». Это почетное звание — всего лишь знак признания королевским семейством высокого качества продукции, производимой фирмой, а также незапятнанности и безупречности ее репутации. Это своеобразный способ отблагодарить представителей всех профессий и ремесел, необходимых для повседневной жизни королевского двора. Можно смело утверждать, что эта марка — «лейбл» — передает предпринимателям частицу престижа, коим пользуется в обществе королевская семья.

От поставщика Ее Величества королевы

Английская королева не может делать покупки просто, как делает любая англичанка. У нее есть свои постоянные поставщики. Так повелось с незапамятных времен, и так продолжается на протяжении жизни

многих поколений. Букингемский дворец учредил список королевских поставщиков, и они постепенно обрели особые права. Первоначально таких коммерсантов, удостоенных чести именоваться поставщиками Ее (или Его) Величества королевы (или короля), было 1038, но с течением времени по причинам стремления к экономии число их уменьшилось (в особенности с 1979 года). Среди исчезнувших из списка за последние годы можно назвать универсальные магазинные фирмы «Питер Джоунз», бывшие поставщиками Георга VI, а также универсам «Либертиз», где делали заказы королева Виктория и королева Мария; «Трампер», парикмахерский мужской салон, обслуживавший мужчин из королевского семейства с 1919 года; «Суэйн Адени Бригг», обладавшую грамотой, свидетельствовавшей о том, что данная фирма является королевским поставщиком аж со времен правления Георга III — с 1750 года! Был вычеркнут из этого списка и Томас Гуд, торговец редкостями, привезенными из Китая...

Ежегодно в январе странная лихорадка охватывает коммерсантов с Бонд-стрит и Джермин-стрит. После публикации 1 января в «Лондон газетт» нового списка поставщиков Ее Величества, те счастливики, что получили вожделенные грамоты впервые, расцветчивают и украшают свои витрины королевскими гербами, в то время как другие, менее удачливые, должны удалить герб и вензель Ее Величества с витрин своих магазинов, а также с упаковки и с конвертов, используемых при рассылке счетов.

Один из сотрудников канцелярии лорд-гофмейстера объясняет: «Это вопрос престижа, и ничего больше. У королевских поставщиков нет никаких особых прав, и это звание не дает им права на снижение налогов. Обладающий грамотой поставщик Ее Величества имеет только право поместить на витрине магазина королевский герб и вензель, он также сможет их изобразить на упаковочной бумаге. Но также существуют и запреты. Так, например, королевский герб не должен быть изображен на торговой марке. Изображения королевского герба и вензеля должны быть выполнены “со-вкусом” и “должного размера”. Кроме того, оговорено, что

при рекламировании товаров или всей фирмы в средствах массовой информации камера не должна специально задерживаться на королевском гербе и вензеле продолжительное время и делать их непропорционально большими по отношению к окружающим предметам. Также в рекламе не должно содержаться ссылок на королеву и не должно быть фотографий, на которых она запечатлена».

Несмотря на эти ограничения, свидетельство о том, что та или иная фирма является поставщиком Ее Величества, не только представляет собой высокую и высокоценную честь, чрезвычайно желанную, но это еще и высококлассная реклама. Ассоциация носителей звания королевских поставщиков, чей «генеральный штаб» располагается неподалеку от одного из боковых входов Букингемского дворца, ведет довольно активную деятельность, направленную на то, чтобы преследовать фирмы, которые порой пытаются обмануть общественное мнение, нагло выдавая себя за поставщиков Ее Величества, хотя таковыми не являются. Подобное редко случается в Англии, гораздо чаще — за границей. Но даже тогда ассоциация вмешивается, и чаще всего безуспешно. Так, например, в Греции один винокур выбросил на рынок виски в бутылках, на которых красовался герб королевского семейства Великобритании, а в Германии один фабрикант воззвал к «клиентуре», пользующейся в основном товарами, производимыми ее поставщиками, для того, чтобы лучше продавались его вязальные спицы.

Итак, в данной сфере все тщательно контролируется. Называет ли королева сама фамилии тех предпринимателей, что появятся в официальном списке, или коммерсанты должны представить список кандидатур? Они должны обратиться с официальным запросом, в котором могут высказать свои предложения. В течение декабря ежегодно небольшой по составу комитет под председательством лорда-гофмейстера проводит заседания и «рекомендует» государыне некоторых предпринимателей в качестве поставщиков, после чего полный список публикуется в «Лондон газетт».

Чтобы заполучить столь вожделенное звание, коммерсант или предприниматель должен поставлять товары королевскому двору не менее трех лет. Звание королевского поставщика присваивается лично коммерсанту или директору фирмы. Если коммерсант умирает или дело переходит в другие руки, свидетельство утрачивает силу, а потому новый владелец или новый директор фирмы должен своим трудом «завоевать собственные лавры» за три года, в течение коих обязан верно и преданно служить королеве, не выставляя свои услуги напоказ. Каждое свидетельство выдается на определенный товар или на определенный вид оказываемых услуг. Производитель пищевых продуктов, к примеру, может получить звание «поставщика Ее Величества» за то, что поставлял во дворец маринованные овощи или иные консервы. Как только он получает свидетельство, то может поместить изображение королевского герба на фасаде своего предприятия, на своих грузовых машинах и пикапах, доставляющих продукцию потребителям, на своей писчей бумаге и на своих банках, в которые укупориваются консервы; но он не имеет права помещать изображение королевского герба на других своих продуктах, за исключением бутылок с кетчупом, если он таковые производит. Он также может использовать королевский герб и вензель в рекламе, но при условии, что будет делать это скромно, достойно и со вкусом. Любой из королевских поставщиков будет настоящим безумцем, если посмеет провозгласить: «Королева получает удовольствие, обедаясь нашими овсяными хлопьями», потому что свидетельство тут же объявят недействительным, а фамилию поставщика вычеркнут из заветного списка.

Только четыре человека могут внести имена своих поставщиков в справочник «Кто есть кто» в раздел «Королевский шопинг»: королева, герцог Эдинбургский, королева-мать и принц Уэльский. Этот «лейбл» представляет собой более чем желанную честь в стране, где властвует Ее Величество Этикетка, потому что у этого «клейма», или «печати», очень длинная история. Действительно, первая грамота была пожалована королем Генрихом II в 1155 году цеху ткачей. Ричард II

(1377—1400) и в особенности Генрих III способствовали «процветанию» звания королевского поставщика, ставшего привилегией. В период правления Елизаветы I (1558—1603) существовал королевский поставщик овец. При Иакове I «вышел на сцену» Дэвид Гассье, прославившийся как изготовитель инвентаря для игры в гольф. Королева Виктория внесла в списки поставщиков «Торговый дом Коуман», производивший горчицу, а пылесосы знаменитой фирмы «Хувер» избавляют от пыли Букингемский дворец с 1927 года. Некоторые королевские поставщики являются такими на протяжении жизни девяти поколений; здесь также следует учитывать «вес» традиций и верности служения монархии.

Склониться над страницами справочника королевских поставщиков, рекомендованных королевой, королевой-матерью и принцами Филиппом и Чарльзом, — означает проникнуть в их узкий, почти интимный мирок, вплоть до того, что можно узнать, где и у кого королева Елизавета покупает мешки для мусора. Однако следует помнить, что поставщики королевского двора зачастую являются поставщиками именно двора, а потому во многом в большей степени зависят от выбора дворецких, ливрейных лакеев, пажей, камеристок и горничных, чем от одного из членов королевской семьи. Бывший лакей принца Чарльза свидетельствует: «Мне было поручено называть поставщиков от имени принца Чарльза, и я выбирал магазины, в которых он делал покупки. На Пиккадилли есть ателье знаменитого портного Симпсона, который числится в королевских поставщиках на протяжении многих лет. Я очень сомневаюсь, чтобы кто-то из членов королевской семьи когда-нибудь у него что-нибудь купил, но некоторые придворные все время совершают там покупки. Это вполне естественно, ведь для них там установлены очень выгодные цены. Хотя звание королевского поставщика получить очень трудно, я все же преуспел в этом деле ради одного своего друга, работавшего в одном из самых знаменитых магазинов Лондона, в “Эспри”. Я ходил туда, чтобы купить новые пуговицы к манжетам рубашек принца или выгравировать вензель

королевы на стакане. Мы не тратили там большие суммы денег, но для получения звания королевского поставщика суммы затрат не имеют значения. Достаточно того, чтобы магазин мог доказать, что был поставщиком одного из членов семьи королевы на протяжении трех лет, отправив в качестве доказательства оплаченные счета».

Разрешение на размещение в витринах магазина бесценного герба Ее Величества является вообще-то безделицей, но на деле оказывается очень эффективной «приманкой», великолепной рекламой. Главный придворный специалист в области геральдики мистер Фрэнсис снабжает королевских поставщиков изображениями герба королевы, поддерживаемого львом и единорогом, герба принца Филиппа с девизом «Бог — моя опора» и герба принца Уэльского, на котором изображены три страусиных пера и золотом горит написанный по-немецки девиз: «Я служу».

За некоторыми редкими исключениями (как французское шампанское или парижская продукция фирмы по производству парфюмерии «Роджер энд Галлет» («Роже и Галле»), королевская семья, как посланница английских производителей и товаров, должна покупать товары английского производства (ни один магазин, принадлежащий американцам, ни одно американское предприятие не имеют звания королевского поставщика). География местонахождения обладателей сего почетного звания весьма разнообразна: книжный магазин «Хатчард» находится в Лондоне, на Пиккадилли-стрит, а вот королевский поставщик часов (Р. Лори) обосновался в Кембридже. Джонни Уокер поставляет ко двору виски, а ювелир, имеющий заветную грамоту, — это не кто иной, как Гаррард, чей магазин располагается на Риджент-стрит. Уильям Кейси из Абердина производит пианино и рояли для королевских апартаментов, а Чабб — сейфы, снабженные особыми фирменными замками.

Елизавета пишет ручками «Паркер», пьет виски «Хейг», пробует во время завтрака на вкус овсяные хлопья фирмы «Келлогг» или «Куэйкер оутс»; кофе ей к столу поставляют из Найроби, а шерри — из Копенгагена.

У королевы есть собственный «титулованный» поставщик свечей — торговый дом «Прайсз Патент Чандл Компани лимитед». Она покупает игрушки для подарков детям в магазине фирмы «Братья Хамли», военные мундиры — у «Мейера и Мортимера», шампанское — у Боллинджера, Хайдсена, а также у торговых домов «Муат и Шандон» и «Вдова Клико», сигареты, которые она предлагает гостям, — у «Бенсона и Хеджеса», печенье и шоколад — у «Кадбери» (королевская семья покупает продукцию этой фирмы с 1853 года), а тоник — у фирмы «Швэппс» с 1969 года. Фирма «Фортнум энд Мейсон» (лондонский аналог парижского «Фошона»), на протяжении двухсот пятидесяти лет поставлявшая в Букингемский дворец бакалею и пряности, сейчас поставляет еще и «рождественские пудинги», а также всякие деликатесы вроде черной икры, иногда подаваемой к столу. Однако королева теперь предпочитает заказывать тысячу четыреста «рождественских пудингов», предназначенных для подарков всем членам обслуживающего персонала, в фирме «Теско», очень демократичной и имеющей свой магазин самообслуживания (нечто вроде французского «Монопри»); «Теско» продает ей эти пудинги по цене восемь фунтов за штуку.

Итак, в большинстве своем королевскими поставщиками являются английские фирмы и предприятия. В наши дни насчитывается только семнадцать иностранных компаний, обладающих этим «лейблом». Возглавляет этот список «удостоенных награды» Франция, потому что в нем присутствуют десять французских фирм, из них восемь — производители шампанского: «Боллинджер» (Ай-Шампань), «Хайдсек» (Реймс), «Крюг» (Реймс), «Луи Редерер» (Реймс), «Муат и Шандон» (Эперней), «Мом» (Париж), «Вдова Клико» (Реймс), «Роже и Галле», «Коньяк Хин». Итак, все эти фирмы обладают свидетельствами, что являются поставщиками Ее Величества королевы Елизаветы II, а дом «Вдова Клико» еще имеет свидетельство и от королевы-матери.

В список королевских поставщиков входят самые различные фирмы и предприятия, так что все нужды королевского семейства удовлетворяются: от электрических лампочек до моторов для автомобилей и от

сельскохозяйственных машин до корма для собак. В нем можно найти имена как известных дизайнеров одежды, обувщиков и фотографов, так и фамилии владельцев самых скромных лавочек в окрестностях Сандрингема и Балморала, а также фамилию владельца лошади, участвовавшей в скачках в Ноттингеме, или мастера из Норвика, владеющего искусством крыть крыши соломой, владельца фабрики в Глазго, где производят знаменитые волынки, художника из предместий Лондона, лучше всех умеющего изображать гербы и разные регалии, коннозаводчика из Ньюберри, выращивающего кливлендских гнедых, обычно влекущих королевские кареты. В списке принца Филиппа фигурирует один кораблестроитель из Хэмбла, один оружейник из Лондона, один изготовитель спортивного инвентаря, в частности деревянных молотков, используемых при игре в поло, из Олдершота, мастер по ремонту яхт с острова Уайт.

Два года назад королева и ее супруг вычеркнули из списка своих поставщиков знаменитый универсальный магазин «Харродз», выразив свое возмущение поведением его владельца, Мохаммеда аль-Файеда, отца любовника принцессы Дианы, ибо сочли его высказывания в ходе следствия по делу о ее гибели недостойными. Другой крупный универсам занял его место в этом списке в 2001 году, а именно «Селфриджес», так что можно сказать, что эта фирма с Оксфорд-стрит одержала небольшую победу над конкурентами.

Елизавета II не делает покупки сама, одна из ее фрейлин едет по магазинам и просит прислать в Букингемский дворец образцы товаров, чтобы королева могла выбрать. Однако случается и так, что королева лично совершает поход по магазинам, правда, бывает это редко, в основном перед Новым годом.

В семье принца Уэльского предпочитают хлеб «Уитабикс» из хлопьев разнообразных злаков, чаще всего пшеничных, а на завтрак там подают тосты из экологически чистого хлеба. Фирма «Уитабикс», производитель продуктов из злаков, фигурирует в списке из 108 фирм и предприятий, которым принц Чарльз оказал официальное доверие. Но, как это ни смешно, этикетка,

наклеенная на коробку с хлебом этой фирмы, сообщает, что сведения о том, что семья принца Уэльского и его гости потребляют продукцию фирмы «Уитабикс», должны сохраняться в тайне. Разумеется, это формальность... Но интересно, будет ли преступлением, если сорвать эту этикетку и, так сказать, снять покров с сей великой тайны?

Чарльз отдает явное предпочтение натуральным продуктам, о чем свидетельствует изображение его герба на вывесках двух рыбных магазинов, на вывесках торговца овощами (зеленщика) и «биологически чистой» булочной. Такой же «лейбл» красуется на витринах двух маленьких лавочек в небольшом торговом центре Тэтбери неподалеку от Хайгроу, загородной резиденции Чарльза в Глостершире. При том, что за шесть производимых в городке и его окрестностях продуктов были выданы шесть свидетельств о присвоении звания королевского поставщика, Тэтбери с его 4800 обитателями стал в Великобритании городком с самой большой «плотностью» вождеделенных «лейблов» на душу населения. Правда, не все эти обстоятельства радуют, в особенности тех, кто там проживает и предпочитает местные товары, ибо они-то сожалеют о том, что королевское семейство и многочисленные туристы поспособствовали росту цен в Тэтбери.

«Кто есть кто» по королевской косметологии похож на книгу по истории. Фирма «Флорис» не меняла адреса с 1730 года, и королева-мать покупает там все кремы и прочие «снадобья». В фирме «Ярдли» с 1770 года продают разные виды одеколона, а также лавандовую воду, которую одному из ливрейных лакеев поручено распылять в тех коридорах и помещениях дворца, где могут, пусть даже случайно и ненадолго, оказаться гости.

Элизабет Арден поставляет королеве средства макияжа. Что поражает более всего во внешности королевы, когда человек получает привилегию оказаться к ней как можно ближе, так это ее кожа. Кожа у Елизаветы очень белая и тонкая, очень «английская», подчеркивающая ее голубые, словно фарфоровые, глаза, унаследованные ею от отца и от немецких предков. Бывшая гувернантка принцессы не побоялась раскрыть тайны ее

забот «по наведению и сохранению красоты»: ежедневно она наносит на лицо розовое молочко, заменяющее ей тональный крем, применяет освежающий лосьон и сверхтонкую пудру. В ее «гамму» губной помады входят три оттенка, а именно: «Балморал», созданный специально ко дню ее бракосочетания, «Английская роза», а также алый, сочетающийся с цветом ее парадного полковничьего мундира. Кроме того, королева подкрашивает волосы, вернее, применяет средства для ополаскивания, что придает ее волосам каштановый оттенок, хотя от природы она темная шатенка.

Еженедельно по понедельникам после полудня у Елизаветы во дворце происходят «свидания» с личным парикмахером, господином Чарльзом Мартином из салона Нэвила Даньела, который находится на Слоун-стрит. Из салона «Хью энд Алан» прибывает мастер, создающий прически принцессе Кентской; Джозеф с Баркелинг-стрит причесывает принцессу Маргарет и герцогиню Кентскую; Майкл Джон — принцессу Анну и принцессу Александру; мастера из салона «Трамперз» с Керзон-стрит наперегонки стригут и причесывают всех молодых мужчин из королевского семейства: принца Эдуарда, герцога Йоркского, виконта Линли и других. Правда, у принца Чарльза сейчас в фаворе салон «Хедлайнз» с Терло-стрит.

Принц Филипп очень любит шляпы. Его поставщиком является фирма «Джеймс Локк и компания», у которой, к примеру, приобретает шляпы Ларри Хагман, актер, исполняющий одну из главных ролей в сериале «Даллас». Обувь и Чарльз, и Филипп покупают только у Джона Лобба.

С тех пор как лорд Маунтбеттен познакомил принца Чарльза с фирмой «Тернбул энд Ашер», Чарльз только там заказывает для себя рубашки. Пол Касс, нынешний владелец фирмы и звания королевского поставщика, самолично приезжает в Сент-Джеймский дворец в апартаменты принца, чтобы представить ему на выбор большое количество образцов. Если принца нет дома, его ливрейный лакей может дать вполне разумные советы, ибо вкусы принца остаются неизменными: он обычно носит рубашки со скромным рисунком, в тон-

кую полоску или в мелкую клетку, а остальные образцы отсылает назад. «Его мерка совершенно не изменилась за долгие годы, — говорит Пол Касс. — У него сохранилось пристрастие к той же форме воротничка, которую он сам когда-то нарисовал. Этот воротничок менее экстравагантен и меньше размером, чем те, что сейчас от нас обычно требуют наши клиенты».

Принц Филипп хранит верность фирме «Эшли энд Блейк» (Боушан-плейс, 42) и только там покупает себе рубашки. Нижнее белье и носки для Чарльза тожеставляет «Тернбул энд Ашер» или их присылают от «Фогела», одного из любимых его магазинов на Бонд-стрит. Как подчеркнул автор статьи в ежемесячном журнале «Мэджисти», «принц Чарльз не следует прихотям моды, у него свой собственный стиль, простой и традиционный». Ну что же, английский стиль — это костюмы и плащи от фирмы «Берберри». Принца Чарльза редко видят в верхней одежде, но в таких случаях он всегда держит в руках небольшую сумку, которую он конечно же всегда носит и с костюмами, ведь она стала его личной «маркой», как и его безупречные рубашки из чистого хлопка.

Чарльз отдает предпочтение костюмам с двубортными пиджаками, иногда носит брюки с отворотами, но всегда у его пиджаков и брюк большие карманы, потому что он любит засовывать в них руки, что разрушает силуэт ансамбля и ужасно расстраивает его портного. Костюмы ему обычно шьют господин Питер Джонз из ателье «Джонз энд Пегг» с Клифффорд-стрит, а также портные из ателье «Хоз энд Кертис», что на Берлингтон-Гарденз.

Недавно Чарльз стал немного «рисковать» в выборе рубашек и галстуков, однако он все же не может соревноваться с общеизвестной элегантностью своего двоюродного дедушки, предыдущего принца Уэльского. Нет, ни один замысловатый узел гигантского галстука, ни одно причудливое сочетание экстравагантных клеток не будет именоваться «а-ля принц Чарльз».

Королевское семейство приобретает килты (шотландские мужские юбки) только по одному адресу: у Кинлоха Андерсона в Эдинбурге (Хай-стрит, 45). По

поводу килтов уже давно ведутся яростные споры: представители семейства Маунтбеттенов—Виндзоров утверждают, что килты являются «принадлежностью» только костюма шотландцев и что их нельзя носить на территории южнее Перта; но это мнение опровергают многие британцы, утверждающие, что килты — изобретение кельтов и что некоторые валлийцы (жители Уэльса), представители древних родов (кланов), их носили. Вроде бы первые шотландские килты появились где-то в середине XV века, около 1440 года; но тем, что килт стал своеобразным «национальным институтом» и был возведен в норму, Англия обязана принцу-консорту Альберту, супругу королевы Виктории. Говорят, одной из причин возникновения презрительного отношения Виндзоров к герцогине Виндзорской стало ее решение заказать для себя килты у Балмена и надевать их, чтобы показываться на вечеринках в Париже.

А можно ли представить себе королеву-мать без ее шляп, украшенных цветами, со множеством лент, жемчужин, перьев, тюля и кружев, которые, по словам некоторых свидетелей, похожи на разряженную елку? Их приобретают по следующим адресам: у Фредерика Фокса (Слоун-стрит, 169) и у Саймона Мирмана (Вест-Хакин-стрит, 11).

Внешний вид Ее Величества

Королева Елизавета проявляет к одежде довольно слабый интерес, но делает над собой усилие, осознавая, что это необходимо для ее «представительской работы». Ее выбор всегда останавливается на типично английских дамских костюмах, что заставляет постоянно вздрагивать французских кутюрье, тем более что в выборе обуви она всегда отдает предпочтение удобству, а не элегантности туфель (ее «титолованным» поставщиком является Рейн). Что касается ее шляп, иногда весьма забавных, то они всегда отвечают одному требованию: сделать ее тотчас же узнаваемой в толпе людей, в основном не носящих шляп. Эти ее неподражаемые

шляпки могут быть всех цветов радуги, но все же она более всего склонна к светло-розовым, причем не чисто розовым, а с легким оттенком оранжевого, как говорят, цвета лососины или семги; любит она также голубые и желтые шляпки. Она сохранила верность своему лондонскому стилисту Джону Андерсону. По его мнению, более всего ей к лицу появляться на людях увенчанной простой, незамысловатой короной.

Сейчас мы разгласим государственную тайну: рост королевы Елизаветы II составляет 1 метр 62 сантиметра, объем груди — 91 сантиметр, объем бедер — 95. Эти данные были переданы скульптору, которому было поручено «обновить» восковую фигуру королевы в музее мадам Тюссо, и сообщил их не кто иной, как личный секретарь Ее Величества.

Королеву одевают несколько знаменитых кутюрье, в том числе и легендарный Норман Хартнелл. Для нее он создавал все виды одеяний — от вечерних платьев, расшитых драгоценными камнями, до самых строгих классических костюмов. Он одевал ее и для торжественных приемов, и для семейных праздников. Так, в день бракосочетания принцессы Анны с Марком Филлипсом королева была в пальто и платье из шерсти и шелка глубокого синего цвета, так сказать, сапфирового, похожего на цвет того камня, что был вставлен в кольцо, преподнесенное принцессе Анне в день помолвки. Кто такой Норман Хартнелл? Он родился 12 июня 1901 года, учился в колледже Нилл-Хилл, затем в Кембридже; не раз получал различные награды. В 1939 году решением французского правительства был «возведен в ранг» удостоенного знака отличия, а на следующий год удостоился почетного звания «королевский поставщик». В 1947 году он получил в Соединенных Штатах премию сети универсальных магазинов «Ниман Маркус». Норман Хартнелл опубликовал две книги: «Золото и серебро» (автобиография) и «Королевский двор моды». Когда Норман Хартнелл был еще школьником, он делал эскизы костюмов для уроков по истории театра и для праздника по случаю окончания учебного года в тех учебных заведениях, где учился. Он бросил учебу, чтобы поработать под нача-

лом мадам Дезире, царившей в бутике в шикарном районе Мейфэр. Для нее он тоже делал эскизы. В 1928 году он представил на суд широкой публики свою первую коллекцию.

Впервые Норман Хартнелл «вступил в контакт» с королевской семьей в 1935 году. В то время он сшил подвенечное платье для леди Элис Монтегю-Дуглас-Скотт, собиравшейся выйти замуж за герцога Глостерского (Глостера). Ему также поручили одеть двух подружек невесты: принцессу Елизавету и ее младшую сестру принцессу Маргарет. Та, что впоследствии стала наследницей престола, а затем и королевой, осталась ему верна и поныне. Итак, ему потом было поручено сшить для нее свадебный наряд и платье для коронации.

В 1948 году «на сцену» вышел еще один модельер — Харди Эймиз (сегодня ему 90 лет, и за свои заслуги он был возведен королевой в рыцарское достоинство). Елизавета также призвала к себе на помощь Морин Розуз и Йена Томаса (вышедших из дома моды Нормана Хартнелла); носила она и вещи, созданные Марком Боуханом, когда тот пересек Ла-Манш после ухода от Диора. В фирме Харди Эймиза королева сегодня чаще всего обращается к Йону Муру, новому арт-директору.

Вообще задумывался ли кто-нибудь о том, насколько важен гардероб королевы Великобритании? Когда Елизавета совершает путешествие в одну из стран Тихоокеанского региона, она меняет туалеты не менее трех, а то и четырех раз в день. Если она посещает страну с очень жарким климатом, то ей случается переодеваться и чаще, чтобы всегда выглядеть свежей и бодрой. Итак, учитывая все вышесказанное, можно себе представить, что быть модельером, обувщиком и модисткой королевы Великобритании — дело непростое, ибо эта работа требует богатого воображения, великой сноровки, тонкого мастерства и большого чувства ответственности. У сэра Нормана Хартнелла был в этой области немалый опыт. Он подтверждал, что для того чтобы достойно одевать королеву, следует уметь сделать так, чтобы ее одеяние «не задиралось, когда она выходит из лимузина, или при порыве ветра, или при сквозняке; что касается длинных юбок, которые она

надевает по вечерам, то они не должны закрывать каблук ее туфель, чтобы она не споткнулась и не оступилась, а также чтобы никто случайно не наступил ей на подол». Надо еще помнить, что Ее Величество не носит шляп, которые закрывают лицо, и что каблуки ее туфель не должны быть слишком высокими, чтобы она не уставала, когда ей подолгу приходится стоять.

Как проходят примерки туалетов королевы? Елизавета никогда не ездит в ателье и салоны своих кутюрье, напротив, это они приезжают в Букингемский дворец. Все начинается с письма или телефонного звонка от камер-фрау или от фрейлины, являющейся доверенным лицом королевы. Она сообщает, что королева вскоре предпримет вояж в одну из стран, и уточняет, в чем именно нуждается королева. Модельер делает несколько эскизов и к каждому прикалывает образцы тканей, из которых он предлагает сшить ту или иную модель. Если королева определяется с выбором, то несколько недель спустя модельер отправляется во дворец для первой примерки; он проходит через один из боковых входов и попадает в одну из гостиных первого этажа, куда вскоре к нему спускается королева. Туда же приходит и извещенный заранее обувщик; он знает, из какой ткани и какого цвета будет сшито платье, а также по какому случаю оно будет надето, и создает эксклюзивную пару обуви, которая будет превосходно соответствовать платью или костюму, так что все в целом будет являть собой прекрасный ансамбль. После того как королева «обновит» это платье, эту шляпку и эти туфли, фрейлина, одевающая Ее Величество, запишет в особой тетради, когда и по какому поводу все это было надето.

Атмосфера на королевских примерках, по свидетельству Морин Роуз, спокойная, совершенно не напряженная.

Харди Эймиз, долгое время одевавший королеву и являющийся создателем знаменитых костюмов из муслина, утверждает: «Поведение Ее Величества можно назвать абсолютно профессиональным. Она слишком хорошо воспитана, чтобы сказать: “Как это красиво!” Ведь это было бы равнозначно утверждению, что все то, что я делал до того, красиво не было!» Йен Томас, то-

же знаменитый модельер, когда-то бывший ассистентом у Нормана Хартнелла, был первым, кто смог убедить королеву надеть широкие брюки. Он шьет для Елизаветы одежду для уик-энда. В эти два последних дня недели, находясь в узком кругу и задушевной обстановке в Виндзорском замке или Балморале, королева носит юбки из твида, кашемировые пуловеры, шарфы, шали и сапоги. Это ее излюбленная одежда.

Внешний вид королевы остается ультраклассическим с легким «налетом» ретро, присущим ей одной. Она не любит тратить на свою одежду слишком много денег. Все сшитые для нее туалеты с начала ее правления бережно хранятся в королевской гардеробной. Для королевы, способной пожать многие сотни рук за один «выход на публику», необходимы хорошие перчатки. Снабжает ее ими фирма Корнелии Джеймс из Брайтона, обладающая на это эксклюзивным правом. Елизавета питает к перчаткам истинную страсть. Во время официальных церемоний она может без колебаний сменить пять пар, сшитых точно по ее мерке. Фрейлины королевы держат их «под рукой» Ее Величества; они даже помогают ей переодеваться в «роллс-ройсе», если время ограничено. Сумочки королеве предоставляет фирма из Суррея «Лонер энд Компани», которая всегда осведомляется у королевского обувщика о том, какого цвета будут туфли у королевы. Ей создают легкие сумочки, чаще всего из кожи. Какие же тайны скрываются в сумочке королевы Елизаветы? Такой вопрос на одном из приемов задал себе один из гостей. Он высказал предположение, что там как минимум лежат губная помада и носовой платок; итак, любопытный гость приблизился к королеве и, когда она открыла свой ридикюль, с изумлением обнаружил, что в сумочке нет ничего, кроме печенья для собачек...

Что подарить?

Друзья королевы никогда не знают, что ей подарить на день рождения. Похоже, только самым близким разрешено делать ей подарки по сему поводу. Больше все-

го в последние годы ей нравились маленькие подносы и тарелочки для собачек, которые ей дарил Уильям. Она всегда с удовольствием принимает перчатки для конных прогулок, шейные платки, серебряные рамки для семейных фотографий, а также различные вещицы, смастеренные руками ее внуков, и их рисунки.

Никто никогда почему-то не подумал подарить королеве телевизор. У нее нет телевизора! Все телевизоры, установленные во дворце, принадлежат одной фирме, дающей их напрокат. Но следует заметить, что подобная практика широко распространена за Ла-Маншем, где часто предпочитают взять напрокат последнюю модель телевизора; чем иметь в собственности устаревший или вышедший из моды.

Елизавета никогда не смотрит по телевизору утренние программы, предпочитая вкушать свой завтрак в тишине и покое. Вот уже на протяжении ста двадцати пяти лет фирма «Бакстер» (из Кента) поставляет к королевскому столу сосиски. Яйца поставляет фирма «Голденлей эгз», а бекон — фирма «Дьюжерст лимитед», Фрэнк Купер поставляет варенье и джемы, но королева отдает предпочтение меду, а потому мистер Брюс Горик припасает для нее свой лучший мед. Среди всех поставщиков чая выбор дворца пал на господина Джастина де Бланка, и он поставляет к королевскому столу чай сорта «Туайнингз» («Твининг»), про который можно сообщить, что торговый дом «Туайнингз», поставляющий в Англию различные сорта чая, обосновался в Вестминстере в 1706 году; чай этот, как и кофе, подают во дворце в чашечках из вустерского фарфора.

Это перечисление «а-ля Превер» (то есть почти бесконечное, так как французский поэт Жан Превер очень любил подобный прием, ставший его стилистической особенностью. — Ю. Р.) можно было бы продолжать еще очень и очень долго, так как список поставщиков Короны в его последнем варианте занимает не менее шестнадцати страниц. Однако расскажем еще о некоторых занятых (на наш взгляд) поставщиках... Так, например, фирма «Ноувафрост», обладательница особого патента на средство, позволяющее без ущерба для мебели, паркета и ковров удалять

с любой поверхности остатки жевательной резинки, поставляет в Букингемский дворец все средства для уборки помещений. По части специй и пряностей тоже имеется поставщик — «Шервуд энд Компани», фирма, поставляющая карри, большим любителем коего является принц Филипп. Только королева-мать имеет право на особого поставщика сыров, и таким лондонским аналогом французской фирмы «Андруэ» стал торговый дом «Пакстон энд Уайтфилд» с Джермин-стрит, которому уже около двухсот лет и который наотрез отказывается раскрыть тайну, какие именно сорта сыра нравятся королеве-матери. Печенье к королевскому столу и для приемов во дворец поставляет известный кулинар, владелец фирмы «Дж. Лайонз энд Компани», а вот трюфели из горького шоколада, столь обожаемые королевой-матерью и членами ее семьи, поставляет фирма «Шарбонель», в которой королеву-мать за глаза ласково называют прозвищем «Чехол на чайник».

Пожалуй, только одного королевского поставщика можно назвать бессменным или вечным: «Ройял Бруэри», королевский пивоваренный завод, расположенный в Лондоне на Парк-стрит; он поставляет во дворец пиво сорта «Бодрость». В начале XIX века завод принадлежал сэру Уильяму Буду, лондонскому шерифу. Он, кстати, финансировал первые исследовательские экспедиции на Северный полюс, и за услуги, оказанные королевской власти и Британии, король Вильгельм IV даровал ему привилегию, единственную в своем роде, перед названием фирмы поставить простое, но очень емкое слово: «Королевский».

«Данхилл» поставляет во дворец сигары со времен правления Эдуарда VII. Поставщиком вольноок, столь любимых королевским семейством, стала фирма из Глазго «Харди энд Компани».

А вот еще один «дом», обслуживающий королеву ежедневно, не унаследовал звания королевского поставщика: это банк «Куттс энд Компани», печатающий и оплачивающий королевские чеки; но подобная привилегия не покупается... Добавим от себя, что недавно королева наконец приняла решение, чтобы ее банк установил для обслуживания персонала банкомат в Букингемском дворце.

Глава XI

В безопасности

«Дворцовая жизнь» для монархов и принцев крови чревата такими же опасностями, как и всякая другая профессия, а может быть, и большими. Да, «профессиональные» короли имеют гораздо больше причин опасаться убийства или покушения на убийство, чем простой смертный. В прессе не особо подчеркивали тот факт, что Али Агджа, турок, ранивший папу римского, первоначально выбрал себе в качестве мишени английского монарха и, только узнав, что речь идет о женщине, отказался от своих намерений. Елизавета II долго думала, что не следует впадать в крайности в сфере безопасности, чтобы не нанести ущерб качеству ее контактов с широкой публикой. Увы, трудно уберечь обитателей Букингемского дворца от людей, страдающих душевными заболеваниями, а также от преступников-злоумышленников так, чтобы не сделать королеву пленницей дворца...

Букингемский дворец, или Золоченая клетка

В Букингемском дворце нет недостатка в охране, способной защитить дворец. Но речь идет ведь не только о защите и охране дворца, но и об охране самой королевы. Подобная привилегия в стародавние времена принадлежала королевским алебардщикам из личной охраны монарха; история этого «корпуса телохранителей» восходит к королю Генриху VII, который в 1485 году повелел, чтобы стражники непрерывно несли караул внутри дворца. Сегодня их функция скорее почетна: шестьдесят восемь лейб-гвардейцев дворцовой стражи умеют не без изящества сдерживать толпу, когда королева появляется на людях в день открытия сессии парламента, на торжественных банкетах или на приемах в саду. Их часто путают с их собратьями из Тауэра (в чем немного повинны создатели одной знаменитой оперетты Гилберт и Салливан). Их одеяния,

очень изысканные, ярко-алые, сшитые еще по моде эпохи правления династии Тюдоров, расшитые золотом и изукрашенные золотыми кружевами, нисколько не изменились. Их капитаном сегодня является герцог Суинтонский, но это чисто номинально, в действительности их командир – полковник Хью Брасси, а их главный наставник – майор Брюс Шэнд. Музей истории этого подразделения королевской стражи находится в двух шагах от дворца, на Бердкейджуок.

Со времен правления Карла II английского монарха защищает гвардия королевского двора (придворная гвардия), включающая сегодня кавалерийские и пехотные части, а именно, Лейб-гвардейский конный полк, Королевский конногвардейский полк и пять пехотных полков: Гренадерский гвардейский, Колдстримский гвардейский, Шотландский гвардейский, Ирландский гвардейский и Уэльский гвардейский. Мундиры различных полков хорошо известны, потому что их постоянно фотографируют туристы со всего мира по утрам во время поверки и при смене караула: ярко-красные кители, темно-синие брюки и традиционные медвежьи шапки. У всех полков мундиры по сути одинаковы, но у каждого свои особые отличительные черты: галуны на воротничке, отличительные знаки и пуговицы.

Гренадерский гвардейский полк ведет свою историю от личной гвардии Карла II. После сражения при Ватерлоо этот полк стали именовать Гренадерским гвардейским пехотным полком. На воротнике кителя галуном нашиты изображение короны и девиз: «Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом думает», на медвежьей шапке с правой стороны красуется белое перо, а китель украшают восемь чеканных пуговиц. Колдстримский гвардейский полк, одна из самых старых военизированных британских частей, был создан именно как полк в 1658 году, после смерти Кромвеля, он покинул тогда небольшой городок Колдстрим в Шотландии и выступил маршем на Лондон. Девиз этого полка «Nulli secundis» (что в переводе с латыни означает «Всегда первые». — Ю. Р.). На медвежьей шапке с левой стороны укреплено красное перо, а отличи-

тельным знаком является изображение ордена Подвязки, самого высшего ордена в иерархии английских орденов. Шотландская гвардия была основана в 1642 году, но официально Шотландский гвардейский полк стал именоваться именно так в 1877 году. Медвежьи шапки гвардейцев-шотландцев не украшают султаны из перьев, на мундирах сияют три ряда пуговиц, а отличительным знаком является изображение чертополоха. Ирландскую гвардию королева Виктория создала в 1900 году в знак признательности за ту роль, которую ирландские полки сыграли во время Англо-бурской войны; на шапках солдат этого полка слева укреплено голубовато-бирюзовое перо, на кителе — два ряда пуговиц, на воротнике — отличительный знак в виде цветка клевера. Наконец, Уэльский гвардейский полк был создан Георгом V в 1915 году. На медвежьих шапках — зеленое перо, на кителях — два ряда пуговиц, а отличительным знаком служит изображение лука-порея (национальный символ Уэльса).

Следует помнить, что эти полки принадлежат к элите армии Великобритании, они оснащены самым современным оружием и ведут активные действия во многих уголках мира. Разумеется, иногда батальоны этих полков участвуют в торжественных церемониях, но их основной функцией, как и прежде, остается личная охрана английского монарха при любых обстоятельствах.

На протяжении первых двадцати пяти лет правления Елизавета, конечно, была пленницей своеобразной золоченой клетки, но все же никаких особых сверхмер по безопасности не предпринималось. Кроме знаменитых стражей королевы, чья роль в основном все же декоративна, во дворце имеется свое подразделение полиции. Кроме того, в различных частях дворца постоянно дежурят полицейские в штатском. Наконец, есть еще личные детективы членов королевской семьи. У королевы, у принцев Филиппа и Чарльза, у принцессы Анны, а также у принцев Эндрю и Эдуарда есть свои личные детективы, которые следуют за порученной им заботам особой, как тени.

Детектив, приставленный охранять покой королевы, — это мужчина лет пятидесяти, высокий, крепкого

телосложения, удивительно быстрый и проворный для своего возраста; у него всегда строгое, суровое выражение лица, и он всегда молчит. Детектив принца Филиппа помоложе, у него более открытое лицо, а телосложение прямо-таки атлетическое. Детективы, представленные к королевским детям, еще моложе, а детектив принцессы Анны и вовсе очень красивый молодой человек. Если королева покидает Букингемский дворец хотя бы на полчаса, вне зависимости от того, отправляется ли она в путешествие или на торжественную церемонию, ее личный детектив следует за ней по пятам. То же самое происходит и в отношении других членов королевской семьи. Среди многочисленных задач, возложенных на этих детективов во дворце или в других королевских резиденциях, можно упомянуть следующую: они должны пресечь всякие попытки обслуживающего персонала сфотографировать Ее Величество, принца Филиппа и королевских детей как в их покоях, так и в саду. Когда одну из горничных поймали в парке за кустом с камерой в руках, ее в тот же день уволили со службы и тотчас же изгнали из дворца.

В начале 70-х годов меры безопасности были усилены. По словам Майкла Варни, бывшего телохранителя принца Чарльза, служившего ему около шести лет, попытка похищения принцессы Анны, имевшая место в 1974 году, полностью изменила систему мер безопасности королевского двора. А в последние годы различные инциденты, которые могли иметь серьезные последствия, наглядно продемонстрировали, что в системе безопасности, призванной защитить Виндзор, были значительные пробелы.

Итак, в марте 1974 года принцесса Анна стала жертвой внезапного нападения, когда садилась в машину после великосветской вечеринки, состоявшейся в одном из домов по улице Мэлл, всего в нескольких сотнях метров от Букингемского дворца. Некий Йен Болл, хорошо известный медикам из службы психиатрической помощи, сумел открыть дверцу «роллс-ройса» и, угрожая принцессе оружием, попытался заставить ее выйти из машины, одновременно угрожая и полицейским. План его был прост, но точно рассчитан: он со-

бирался похитить принцессу, потребовать за нее выкуп в три миллиона фунтов стерлингов и привлечь внимание широкой общественности к тому факту, что лечение больных шизофренией не оплачивается службами социального обеспечения.

Однако, к счастью, Марк Филлипс не утратил хладнокровия: «Я крепко держал принцессу за руку и заговорил с нападавшим. Это было очень важно – задержать человека разговором, чтобы выиграть время». Инспектор Битон, впоследствии представленный к награде, смог вмешаться и совладать с безумцем. Больше было страху, чем причинено зла, но общественное мнение было обеспокоено: неужто принцессу Анну охраняют хуже, чем драгоценности Короны? Королева, чрезвычайно взволнованная, постаралась утешить дочь, возведя ее в ранг кавалерственной дамы ордена Королевы Виктории и наградив соответствующим крестом, а ее бесстрашного супруга сделав командиром этого же ордена. Когда королеве сообщили о попытке похищения принцессы Анны, она сказала: «Мне знаком тип этих безумцев. Эти люди всегда напускают на себя торжественный вид, одеты они строго и бедно, никогда не улыбаются и всегда присутствуют там, где присутствуют члены королевской семьи: на открытиях учреждений и предприятий, на соревнованиях, скачках, матчах игры в поло и так далее. За двадцать пять лет я научилась с первого взгляда различать глаза ненависти: это твердый, жестокий взгляд холодных глаз человека с бесстрастным, вроде бы ничего не выражающим лицом».

Тревогу это происшествие вызвало большую. Стало ясно, что если очень быстро не будут приняты меры по совершенствованию системы безопасности и не будет достигнут заметный прогресс, то рано или поздно может произойти настоящая трагедия. Принц Чарльз мог сколько угодно пожимать плечами и говорить: «Чему быть, того не миновать», но королева поручила обер-гофмейстеру Альберту Перкинсу, своему детективу и начальнику королевской стражи, а также начальнику группы телохранителей усилить наблюдение за дворцом. Были приняты многочисленные меры

по улучшению системы безопасности, но они, похоже, постоянно отставали от требований времени. Несмотря на наличие во дворце электронного оборудования, камер слежения, патрулей, сторожевых собак и гренадеров, несущих охрану у дворцовых решеток и около стен, некоторым незванным гостям все же удается проникнуть в парк и даже во дворец. «Нет ничего проще, — говорит старый слуга, сегодня находящийся на пенсии, — достаточно залезть в один из многочисленных грузовичков или пикапов, доставляющих в Букингемский дворец продукты или другие товары. Человек без особых проблем вылезает из машины, проходит через столовую для обслуживающего персонала, где его примут за новенького, если он прилично одет. Если он хорошо изучил многочисленные статьи с рисунками и схемами, посвященные внутреннему устройству дворца и опубликованные в прессе, он очень быстро доберется до служебного лифта, на котором красуется табличка “Багаж королевы”. Дверь этого лифта бывает заперта, только когда королевы нет во дворце. Достаточно подняться на нем на второй этаж, пройти через столовую королевы, мимо ее личного кабинета, где обычно никого не бывает, и проникнуть в спальню королевы...»

Незванные гости у изголовья королевы

Елизавете II иногда наносили визиты люди, которых королевский двор во дворец не приглашал. Так, в 1982 году во внутреннем дворе дворца был обнаружен молодой человек с перочинным ножом в руке. Незадолго до этого по другую сторону стены, отделяющей парадную часть королевских покоев, задержали влюбленного в принцессу Анну неизвестного безумца, проблуждавшего по парку все утро. В другой раз три молодых немца, посчитавших, что они находятся в Гайд-парке, преодолели вечером стену дворца с намерением установить палатку на лужайке... Но все это не идет ни в какое сравнение с «делом Майкла Фейгана».

Стоит заметить, что этот человек, посмотревший на спящую королеву, — рецидивист. Первый свой «визит» во дворец он совершил в ночь на 7 июня 1982 года. После опасного подъема по водосточной трубе он перелез через ограду балкона и через какую-то комнату вышел в коридор. Позднее, уже стоя в зале Олд-Бейли, то есть в здании Центрального уголовного суда, и давая показания, он пустился в объяснения: «У меня не было дурных намерений, напротив, я очень люблю королеву. И именно потому, что я ее люблю, я и хотел доказать, что система объявления тревоги несовершенна и что королева в Букингемском дворце не находится в безопасности. Итак, я влез внутрь через окно, испугав, как я полагаю, одну из фрейлин. Затем я прошел через две комнаты, через кабинет Марка Филиппа и через кабинет принца Филиппа. Их в кабинетах не было, и я этому обрадовался, ведь я не хотел их беспокоить».

Итак, Фейган на мгновение остановился в рабочем кабинете принца; оттуда, охваченный каким-то горделивым вдохновением, он проник в парадный Тронный зал и устроился на... королевском троне! Наконец он пересек пустынный зал, проник в комнату № 108, где были сложены подарки, присланные со всего света сыну Чарльза и Дианы, затем пробрался в кабинет секретаря принца, где он «из любопытства» и без всякого злого умысла открыл небольшой шкафчик из драгоценного дерева. И именно там Майкл Фейган совершил преступление! В шкафчике стояла бутылка вина и бокал. «Меня ужасно мучила жажда, а воды нигде не было. Я боялся, что принц Филипп меня вот-вот застукает. А бутылка стояла там, и я открыл ее, выбив пробку, и налил себе вина в бокал... Нет, я налил не полный бокал, а только половину... Я говорил себе: Филипп может войти с минуты на минуту, а я сижу здесь и потягиваю вино...»

И его действительно застукали. Не принц Филипп, а один из охранников. Его обвинили в воровстве, но все же оставили на свободе, заставив поклясться, что впредь он не совершит ничего подобного. Но он очень быстро нарушил клятву: три недели спустя, действуя все с той же кошачьей ловкостью, Майкл Фейган снова «пошел на приступ» северного фасада Букингемского

дворца. Его задержал всего в нескольких шагах от королевской спальни молодой ливрейный лакей королевы, Пол Уайбру, человек очень известный среди персонала дворца, сегодня он заботится о собачках королевы. «Я спросил у мистера Фейгана, — рассказывал Пол Уайбру, давая свидетельские показания в суде, — что он здесь делает в такой ранний час, а он ответил: “Я хочу поговорить с королевой, с моей королевой”. Так как мне показалось, что он не совсем вменяем, я сказал ему: “Хорошо, но позвольте ей сначала одеться”. Потом я спросил у него, не хочет ли он выпить вина. Он встал, улыбнулся, попросил порцию виски... и тогда появилась полиция». В составленном полицейскими протоколе сообщалось, что «сей субъект сидел на поверхности рабочего стола и болтал ногами. На нем была сомнительной чистоты футболка, он был плохо выбрит, и от него пахло виски. Когда у него спросили, как его зовут, он ответил: “Рудольф Гесс из Шпандау”».

Упорный Майкл Фейган, оставленный на свободе до суда, в последний раз совершает попытку поговорить с королевой 20 июля 1982 года. Над дворцом занималась заря. Он опять лезет по водосточной трубе, перелезает через балюстраду балкона, проскальзывает в королевскую спальню через приоткрытое окно, усаживается на край огромной постели и погружается в молчаливое созерцание спящей государыни. Елизавета II, проснувшись в 7 часов 18 минут, тотчас же замечает, что она делит спальню с неожиданным и непрошеным гостем (который находится, как следует из протокола, «в шести футах от Ее Величества»). Королева, надо признать, выказывает поразительное хладнокровие, когда вместо горничной, ежедневно приносящей ей чай и газеты, видит действительно неожиданного визитера... и осторожно завязывает с ним разговор о детях. «Итак, принц Чарльз на год младше вас», — говорит королева, задаваясь вопросом, каким же образом известить охрану, чтобы «гость» ничего не заметил. Она нажимает на «тревожную кнопку», при помощи которой можно поднять тревогу в служебном помещении полиции, откуда осуществляется наблюдение за дворцом. Увы, система не работает... Она также нажимает кнопку звонка,

звонящего в коридоре, но горничной и ливрейного лакея в коридоре нет, потому как они знают, что королева обычно просыпается не раньше чем без четверти восемь. Когда Майкл Фейган спрашивает, нет ли у нее в ящике прикроватного столика пачки сигарет, королева тотчас же решает воспользоваться этим предложением. «Здесь у меня нет сигарет, — спокойно говорит она, — но я могу попросить у лакея в коридоре». Совершенно естественно она встает и выходит в коридор, где наконец-то видит свою горничную. Две минуты спустя мускулистый гофмейстер, ворвавшийся следом за офицерами службы безопасности в спальню королевы, уже связывал безумного почитателя Ее Величества.

Дело наделало много шума. Разразился настоящий скандал. В прессе замелькали заголовки: «Незванный гость у изголовья постели королевы!» Газеты удвоили тираж, потому что широкая публика обожает, когда кто-то из членов королевской семьи оказывается в неловком положении. Англичанки, представившие себя на месте королевы, не могли опомниться от возбуждения и страха. Водопад преисполненного гнева писем обрушился на редакции расположенных на Флит-стрит газет. В палате общин министр внутренних дел попытался было утихомирить бурю страстей, заявив: «Члены палаты должны высказать свое восхищение тем спокойствием, с которым Ее Величество реагировала на подобные обстоятельства». Но все были возмущены некомпетентностью, проявленной службой безопасности. Три высокопоставленных лица, а именно: Уильям Уайтлоу, министр внутренних дел, вице-адмирал Питер Ашмор и сэр Дэвид Макни, начальник лондонской полиции, подали в отставку.

Разумеется, прецеденты случались и раньше: перед Первой мировой войной некий иностранец проник в дворцовый парк с целью попросить руки принцессы Марии (Мэри), а в 1951 году некий страдавший душевным расстройством молодой человек долго блуждал по дворцу в поисках принцессы Маргарет. Но на сей раз была назначена следственная комиссия, и королева была вынуждена произвести многочисленные перемещения в полиции, понизив в должности некоторых полицейских.

Кроме того, что сие «неподобающее пробуждение» повергло в шок большинство англичан, оно же вызвало у них невероятное возбуждение, потому что дало массу сведений об интимной жизни дворца. Где находился все это время принц Филипп? Ах да, он в это утро покинул дворец очень рано, дабы потренировать своих упряжных лошадей... Ну да, конечно... Но все же оставалась одна неприятная деталь, сулившая большие затруднения... Оказывается, королевская чета больше не делит королевское ложе, а ведь оно является для англичан извечным символом супружеского счастья. Пресса с удовольствием предалась всяческим измышлениям спекулятивного толка на сей счет. «Дейли мейл» даже посвятила рассмотрению этого важнейшего вопроса большую статью, пустившись в объяснения, что истинные аристократы не являются приверженцами двуспальных кроватей, которые они считают несколько пошловатыми и простонародными. Далее следовало пояснение, что привычка иметь разные спальни выработалась у королевской четы уже давно, с 1949 года, когда они обосновались в Кларенс-Хаусе.

История с незванным гостем, заставлявшая вспомнить о похождениях пройдохи господина Рокамболя, имела совершенно неожиданный и очень странный поворот: Фейгану был вынесен оправдательный приговор. Лондонский суд счел, что «ничто не позволяет доказать, что у обвиняемого были преступные намерения». Что же касается того факта, что сей господин вздумал проникнуть ранним утром в спальню королевы, чтобы поболтать с ней, это еще не преступление... Затем последовал эпилог, достойный сериала «Династия»: майор Майкл Трестейл, личный охранник королевы, занимавший этот пост на протяжении девяти лет, подал в отставку «по личным мотивам». Это вполне логично. А вот что кажется гораздо менее вероятным, так это то, что он признался вышестоящим чинам из Скотланд-Ярда, что он гомосексуалист и состоит в связи с мужчиной, занимающимся проституцией. Королева восприняла его уход с большим сожалением.

После «дела Фейгана» дворец оказался под завязку набит новыми приборами слежения и сигнальными

устройствами, звонками и тревожными кнопками, спрятанными во всех укромных уголках; кстати, в Букингемском дворце до сих пор вспоминают, какая возникла паника, когда годовалый принц Уильям, играя, нажал на одну из них. Ответственные лица из королевской охраны были полны оптимизма: «Теперь, когда принято решение об установке вокруг дворца сторожевых будок, оснащенных автоматами, пулеметами и новейшими электронными системами высокой точности, королева находится в полной безопасности. Эти новые места расположения охранников, похоже, способны остановить любую машину, набитую взрывчаткой, которая “вздумает” разбиться о решетку дворца, к тому же они снабжены пулеметами, способными “очистить” своим огнем все вокруг дворца». Неужто Букингемский дворец будет теперь похож на осажденную крепость?

В феврале 1989 года Букингемский дворец, похоже, опять выглядел проходным двором. После обнаружения в Лондоне настоящего «завода по изготовлению бомб», принадлежавшего ИРА (Ирландская республиканская армия), Скотланд-Ярд пожелал протестировать усовершенствованную систему охраны дворца. И результат оказался катастрофическим! Три члена особой группы королевской охраны не только смогли проникнуть незамеченными в королевский парк, но и пробыть там три часа. Три инспектора, одетые в черное, с лицами, вымазанными углем, без всяких помех перелезли через стену, отделяющую дворец от улицы, и включили сигнал тревоги. «Они знали, что через несколько минут военные и полицейские с собаками бросятся в погоню по их следам, — заявил один из высших чинов Скотланд-Ярда. — Они не хотели встречи с собаками, они хотели от них ускользнуть». Чтобы запутать собак и сбить их со следа, три «террориста» укрылись в рощице на крошечном островке посреди озера, которое простирается как раз под окнами королевских покоев. И они стали ждать... Ждали, ждали... да все напрасно... Они сделали все, чтобы их обнаружили: разговаривали, курили, кашляли... Но островок так и не обыскали. Умирая со скуки, они в конце концов «сдались»

полицейским из ближайшего к дворцу комиссариата полиции. В Букингемском дворце после этого неопровержимого доказательства некомпетентности полетели головы с плеч. К счастью, в тот момент королевы во дворце не было, да и террористов из ИРА поблизости не наблюдалось.

С тех пор во дворце были установлены камеры наблюдения и прочие технические новинки, достойные фильма о Джеймсе Бонде, в надежде, что уж они сделают дворец неприступным. Советники королевы по проблемам безопасности настаивали, чтобы и другие дворцы, такие как Кенсингтонский и Сент-Джеймский, были снабжены таким же оборудованием, чтобы устроить террористов и заставить их отказаться от любых планов проникновения внутрь. Каждого члена королевской семьи отныне всегда сопровождает телохранитель, готовый кинуться вперед и получить пулю вместо своего «подзащитного».

Визиты и путешествия являются для лиц, ответственных за охрану членов королевской семьи, настоящими головоломками. Перед каждым визитом королевы Англии за рубеж устраивается генеральная репетиция, когда полицейские проверяют всю систему безопасности. Кстати, следует заметить, что принц Чарльз во время похорон президента Садата в Каире отказался надеть пуленепробиваемый жилет по примеру других присутствовавших там высших должностных лиц из различных государств; люди из его окружения до сих пор не могут забыть тех пяти часов, которые они провели в ужасной тревоге, прежде чем смогли посадить его в самолет, все это время стоявший наготове на взлетной полосе. Лакей Стивен Берри особенно беспокоился, думая о том, что белый мундир принца превращает его под палящим египетским солнцем в превосходную мишень.

У всех в памяти сохранились воспоминания о трагической смерти летом 1979 года лорда Маунтбеттена, последнего вице-короля Индии, которого группа ирландских террористов уничтожила при помощи четырех килограммов взрывчатки. Они заложили «адскую смесь» в мотор старой яхты, которую использовали

лорд Маунтбеттен и Браберны, члены семьи мужа его дочери, для прогулок по Бэнтри-Бей во время отдыха в замке Кэссибоун на юге Ирландии. 27 августа, незадолго до полудня, произошел мощный взрыв, в результате которого погибли старый граф (в возрасте 79 лет), мать лорда Браберна, один из братьев лорда, крестник принца Чарльза Николас Натчболл и пятнадцатилетняя девушка, его приятельница. Несколько часов спустя ИРА объявила, что это преступление было совершено во имя «объединения Ирландии». Не многие ирландцы одобрили это убийство, скорее подвигнувшее подданных королевы объединиться, чем испугавшее их. Увы, эта кровавая бойня грубо напомнила о том, что современная монархия не защищена от покушений.

В 1981 году королева сама проявила незаурядное мужество и хладнокровие, когда во время церемонии выноса знамени из толпы по ней были сделаны три выстрела, к счастью, холостыми патронами. Подобные инциденты свидетельствуют о том, что с торжественной обстановкой и роскошью, присущими королевской власти, всегда соседствует опасность, и воистину королевское хладнокровие, проявляемое Елизаветой II в любых обстоятельствах, вызывает восхищение. В тот день ее могли застигнуть врасплох, потому что она ехала верхом, в дамском седле, в специальном костюме для верховой езды, именуемом амазонкой. Но она выказала себя в лучшем виде, она была безупречна. Когда она проезжала мимо окон Адмиралтейства, оттуда за церемонией наблюдали королева-мать и леди Диана Спенсер, она им улыбнулась и помахала рукой, таким образом «исчерпав» инцидент.

Несмотря на усиленные меры безопасности, угроза покушения не исчезла, и королева это осознает.

Лет пятнадцать назад королева Елизавета совершала государственный визит в Новую Зеландию, и там, в Окленде, ей был оказан далеко не самый радушный прием: ее забросали яйцами, когда она приветствовала толпу из открытой машины. Вместо того чтобы прибавить скорость и вывести королеву «из-под удара», шофер от изумления сбавил скорость. Елизавета, которой

не откажешь в чувстве юмора, вынуждена была потом заявить, что она «предпочитает новозеландские яйца на завтрак». Разумеется, подобная выходка была лишь выражением недовольства, выражением несерьезным, наивным, каким-то детским, и от нее пострадало только розовое пальто королевы. Но ее телохранителей потом еще долго мучил вопрос: «А что бы произошло, если бы вместо яиц метательными снарядами были гранаты?»

Однако, несмотря ни на что, психоз боязни покушения, похоже, в повседневной жизни дворца особо не проявляется. Об этом свидетельствует Майкл Варни. «Я начал с того, что объединил группу королевской охраны с силами столичной полиции, — вспоминает он, — и был назначен на должность офицера королевской охраны. Надо сказать, что Букингемский дворец находится в ведении комиссариата на Кэннон-роу, но у начальника королевской охраны есть свой кабинет и своя служба в Букингемском дворце. Когда мне поручили осуществлять охрану принца Чарльза, я получил право на интенсивный курс обучения стрельбе в тире полицейского участка Финсбери. Вообще вся безопасность королевских резиденций находится в ведении столичной полиции, за исключением Сандрингема, где безопасность обеспечивается местной полицией по каким-то таинственным причинам (со времен Георга VI). Получив назначение, я был представлен принцу Чарльзу и не думаю, что он принял меня с большим удовольствием. Это неизбежное зло — постоянно иметь при себе сторожевого пса. Наши отношения можно назвать вежливыми, но холодными. Когда после шести лет службы я был вынужден покинуть свой пост и мы попрощались, мы были друг другу почти чужими. А ведь на протяжении двадцати четырех часов я был к нему ближе, чем кто-либо другой... Принц любит побыть в одиночестве, любит бродить один по сельской местности, и я всегда стремился хранить молчание, когда следовал за ним, держась в нескольких шагах от него. То же самое и на рыбной ловле. Когда он учился в Кембридже, я старался не слишком уж “приклеиваться” к нему. Когда он катался на велосипеде, как всякий сту-

дент, я следовал за ним на “лендровере” на разумной дистанции, чтобы мое присутствие было незаметно. Его почту в Тринити-колледже оставляли у консьержа. Специальный код в адресе получателя позволял вывезти письма от членов его семьи и друзей, всякие же иные почтовые отправления должны были быть подвергнуты проверке, чтобы избежать “посылок-ловушек”, в которых могла содержаться взрывчатка. Я также понял, что множество свихнувшихся типов посылали ему послания порнографического характера. Кроме того, всегда находился “дежурный шутник”, подписывавший принца на журнал “Плейбой”».

«Я не могу сдержать улыбку, — продолжает Майкл Варни, — вспоминая один забавный эпизод. Однажды мы опаздывали на какую-то встречу. Мы выехали из Кембриджа второпях и ехали по направлению к Мандфорду. Я сидел за рулем, а принц просил меня прибавить скорость. Я это и сделал. На дороге А-45 нас засекли, то есть засекли превышение скорости, а немного дальше какой-то коп подал нам знак остановиться. Он приблизился к машине с моей стороны и спросил: “Это ваша машина, сэр?” — “Да,” — ответил я. “Вы можете сообщить мне номерной знак машины?” Так как машина была новая, я заколебался. Он попросил меня предъявить документы на машину, каковые конечно же остались в другой служебной машине.

“Послушайте, — сказал я ему, — со мной принц Чарльз, и мы опаздываем на важную встречу, вот почему я ехал на такой скорости”.

А полицейский ведь так и не взглянул в лицо человеку, сидевшему на заднем сиденье; меня же он явно принимал за фантазера.

“Но ведь вы всего лишь замечены в превышении скорости! Зачем же выдумывать всякие нелепые истории. Хватит заливать!”

В конце концов я вытащил свое удостоверение и инцидент был исчерпан. Чарльз на встречу не опоздал, но вся эта история его здорово позабавила. Поведение принца в этих обстоятельствах, разумеется, было совсем иным, чем было бы поведение его отца или деда, лорда Маунтбеттена. “Дядюшка Дики может позволить

себе все что угодно, — сказал мне однажды принц Чарльз, покачивая головой в знак восхищения перед апломбом и самоуверенностью лорда Маунтбеттена. — Рассказывал ли я вам, что случилось в тот день, когда он ехал из Бродландза на прием в Саутгемптон? Он опаздывал и гнал машину на очень высокой скорости”. Я покачал головой. “Вдруг, — продолжал принц, — какой-то полицейский догнал его и попросил остановиться. Полицейский его узнал, но прежде чем успел сказать хоть слово, мой дядюшка Дикки воскликнул в ярости: ‘Я опаздываю! Поезжайте вперед и сопроводите меня в Саутгемптон’. И полицейский, словно загипнотизированный взглядом медузы Горгоны, подчинился”».

Даже самое небольшое путешествие королевы в автомобиле всегда находится под наблюдением, и все переговоры агентов службы безопасности ведутся по радио на секретной волне. Когда в пятницу после полудня она покидает Букингемский дворец, чтобы на уик-энд отправиться в Виндзор, она садится в старый «лендровер», менее узнаваемый, чем «роллс-ройсы», на которых она ездит на торжественных церемониях. Когда же королева возвращается во дворец и ее машина въезжает в ворота (вызов по радио из полицейской машины сопровождения уже известил службу дворцовой охраны о ее приближении), паж и ливрейный лакей ожидают Ее Величество у входа в парк (стоящий на посту у ворот полицейский нажал специальную кнопку, извещающую их особым сигналом о прибытии королевы). Дневальный, ответственный за подъем королевского штандарта, подолгу остается на крыше, даже в самую мерзкую погоду, высматривая своими орлиными глазами приближающуюся королевскую машину, чтобы над дворцом тотчас же взлетел штандарт государыни.

Одному из служащих поручено содержать в рабочем порядке станцию мини-метро, расположенную под Букингемским дворцом. Она была построена во время Второй мировой войны и соединяет резиденцию королевы с одной из линий лондонского метро, а именно с Пиккадилли-лейн, чтобы позволить монарху в случае опасности бежать из дворца и под землей добраться до аэропорта Хитроу.

При таком количестве охранников, при таком количестве состоящих на службе полков, при таком количестве технических средств защиты все, кажется, сделано для того, чтобы сократить риск покушения до минимума. И все же, увы, его нельзя устранить полностью. Защищенная от столкновений с реальным миром ширмами и перегородками протокола, королева часто повторяет одну истину: «Чтобы я была реально существующей для моих подданных и заслуживающей доверия, надо, чтобы они меня видели». Быть живой мишенью — в каком-то смысле составная часть ее «профессии».

Глава XII

На портретах

Раньше монархи отдавали себя «на милость» придворным художникам, чтобы те представили их в лестном виде, запечатлев своими льстивыми кистями. Надо помнить, что на тех портретах, что нам известны сейчас, мы видим не просто изображение короля или принца, но видим их такими, какими видел художник: огромного Генриха VIII Гольбейна, чудовищного и мрачного Филиппа IV Веласкеса, печального Карла I Ван Дейка, блестящую, роскошную, величественную молодую королеву Викторию Винтерхальтера.

Виктории было хорошо, слишком хорошо известно, что у ее красоты нет ни одного шанса на то, чтобы вскружить кому-нибудь голову, и не раз безжалостный «взор» фотоаппарата позволил констатировать сей неоспоримый факт. Это может служить объяснением тому, что она столь часто представляла перед этими аппаратами суровое, нахмуренное, недовольное лицо. Придворный художник, как и придворный скульптор, обладал довольно большим набором способов и средств приукрасить то, что он видел, хотя в те времена существовал обычай воспроизводить как можно более точно саму «модель».

Сегодня фотографы, как и портретисты, проникают в святая святых дворца, то есть в личные покои и в личную жизнь обитателей этих покоев, невзирая на жесткие требования этикета. Они пользуются свободой, которую дает им умение обращаться с фотоаппаратом или с мольбертом, им присущи своеобразная профессиональная непосредственность, непринужденность, естественность и свободный полет фантазии, сметающий все преграды между монархами и простолюдинами.

Если современный художник задумал фотографию, дышащую счастьем, он должен сделать так, чтобы его «модель» почувствовала себя счастливой. Первое, главное качество, которое требуется от придворного портретиста или фотографа, — это чувствовать себя комфортно, удобно в присутствии членов королевской семьи, уметь преодолеть почтительный страх, который они внушают даже самым «закаленным» придворным. Этот аспект их профессии придает им особый статус. Кстати, нет ничего удивительного, что королева накануне празднования своего «золотого юбилея» пожаловала звание художника-лауреата, то есть придворного художника, женщине, шотландке Элизабет Блаккаддер, сменившей на этом посту Дэвида Дональдсона, умершего в 1977 году.

Миллионы существующих фотографий, на которых запечатлены члены королевской семьи, несколько не уменьшили значения придворного фотографа: по примеру своего предшественника, придворного художника, он остается необходимой фигурой, призванной создать эталонный портрет специально для подданных, портрет, посылаемый на всеобщее обозрение всему миру, портрет, в котором подданные монарха хотели бы видеть олицетворение самих себя. Задача эта, надо признать, трудна и деликатна, ибо, если Аннигони (лучший художник-портретист современности) мог рассчитывать на свое мастерство, на свое воображение и более чем на двенадцать сеансов позирования, то фотограф может работать только с тем, что находится перед объективом его фотоаппарата.

Елизавета II проводит ежемесячно по многу часов, сидя перед художниками, уполномоченными высокими инстанциями, муниципалитетами или высшим армейским командованием. Говорят, однажды, войдя в комнату, где ее ожидал один из художников, она спросила: «Ну так как, с улыбкой или без?» Фотограф обычно имеет право на сеанс или на так называемую фотосессию продолжительностью от двадцати минут до часа; художник располагает шестью часами позирования (правда, ему в помощь всегда предоставляют еще и фотографии).

На протяжении долгих лет парадный портрет рассматривался как некое изображение в очень условном стиле, где непременно должны были присутствовать символы королевской власти: корона, скипетр, мантия. Сегодня многое изменилось, как о том свидетельствуют последние фотографии.

Как подчеркивала графиня Лонгфорд, искусство королевского парадного портрета сегодня окончательно отошло от традиционного величия и пышной помпезности, унаследованных еще от эпохи Возрождения, чтобы как можно ближе подойти к реализму. Для Елизаветы II ее любимый художник Пьетро Аннигони гораздо более «поэтичен», чем портретист, избранный принцем Чарльзом, — Брайан Орган. Сей последний никогда не писал портрета королевы, но зато написал портрет ее сестры, принцессы Маргарет, чьи очаровательные глаза — один затуманенный, словно подернутый поволокой, другой очень блестящий — наводят на мысль о неведомых глубинах этой натуры. Сэр Рой Стронг сказал по поводу этого произведения искусства, что это «одинокий флирт, попытка сближения и заигрывания с настоящим».

Так называемый «синий» Аннигони, то есть портрет, написанный в 1954 году, на котором запечатлена молодая королева, привел в восторг публику именно мягкостью линий и тем достоинством, которое придает ее образу темно-синий цвет платья, совпадающий с цветом ордена Подвязки, так хорошо контрастирующий с окружающим пейзажем. «Я должен был попытаться создать впечатление, что королева близка к лю-

дям и при этом глубоко одинока», — пояснял художник. «Красный» Аннигони имел гораздо меньший успех: плотная красная пелерина, еще более утяжеленная орденом Британской империи, превратила королеву в красную пирамиду, а пейзаж, служивший фоном, был странным, почти космическим.

По словам самой королевы, более всего ей по сердцу вот эти ее изображения: портрет, написанный Эдмундом Броком в 1931 году, когда она была еще девочкой, на нем она изображена с собачкой корги; затем портрет кисти очень известного в высшем свете художника Филиппа Лазло, где она изображена с корзиной цветов; жанровая сценка, написанная в 1944 году Аланом Гуин-Джонсом, где она правит упряжкой лошадей; очень романтическая картина кисти Родриго Мойнайхана, написанная в 1945 году; акварель Савелия Сорина (1948); портрет кисти Лоры Найт (1948), в котором, правда, мало сходства; два портрета сэра Джеймса Ганна, написанные между 1950 и 1956 годами; два знаменитых портрета Пьетро Аннигони (1954, 1969), а также портреты кисти Феликоса Топольски (1958), Питера Гринема (1964), Майкла Ноукса (1972), Кена Говарда (1974), Дэвида Пула (1975), Сьюзен Кроуфорд (1977), Нормана Хеппла (1978), Раскина Спира (1978), Родриго Мойнайхана (1985) и Майкла Леонарда (1985). Энди Уорхол написал портрет королевы в 1985 году, но, прибегнув к своей обычной методе, только по фотографиям.

Портрет принца Чарльза и леди Дианы, написанный Брайаном Органом, очень понравился «моделям» как своим замыслом, весьма далеким от традиционного, так и результатом: он был совершенно лишен присущей парадным портретам чопорности. Действительно, Чарльз хотел, чтобы о нем создавалось впечатление как о человеке раскованном, раскрепощенном — в соответствии с теми ощущениями, что он сам испытывал. Брайан Орган попытался показать будущего короля как человека, раздираемого противоречиями, словно не знающего, какую из двух крайностей, к которым его влечет, выбрать. Возникал вопрос: а готов ли этот «обычный», «заурядный», ничем особо не озабоченный человек к той роли, что ему предстояло сыг-

рать однажды? Маленький «Юнион Джек» (английский флаг. — *Ю. Р.*), изображенный на заднем плане на площадке для игры в поло, казалось, одновременно и ободрял, и пугал принца... Если одни зрители громко восхищались этим портретом, далеким от «героической» традиции изображения королей, то другие увидели в нем не шедевр художника, а «мазню большого желтухой». Гарольд Брукс-Бейкер, знаменитый издатель «Беркс пиридж», то есть «Книги пэров Берка», ежегодного справочника английской аристократии, не смог удержаться, чтобы не воскликнуть: «Еще раз мистическая тайна монархии подвергается опасности! В большинстве своем монархи не выглядят столь торжественно или соблазнительно-очаровательно, как они выглядят на портретах, но это необходимо, чтобы сохранить мистическую тайну. Когда же вы низводите их до того, что выставляете такими, какими бывают обыкновенные, рядовые люди, тогда вам нужен не монарх, а президент. Я очень несчастен из-за этого».

Между идеализмом и реализмом

Сущность, истинная сущность вопроса состоит вот в чем: всегда ли надо идеализировать монарха ради сохранения священной стороны королевской власти или, напротив, следует отдать предпочтение правде и превратить членов королевской семьи «в обычных людей, таких, как все прочие», то есть показать, как они подвергаются влиянию прожитых лет, как на их лицах появляются морщины от переживаний, как их волосы приобретают цвет, который называют «соль с перцем», надо ли изображать их хмурыми и суровыми, а не улыбающимися, ибо суровость объясняется тяжким грузом лежащей на них ответственности?

В связи с 89-летием королевы-матери разразился небольшой скандал: Элисон Уатт осмелилась представить наиболее популярную особу из всего сонма представителей английской монархии без атрибутов королевской власти, но с блестящими украшениями и в

Королева-мать в день своего 87-летия.

Принцесса Диана и принц Чарльз на банкете в Германии.

Чарльз и Диана во время визита в Германию.

Виндзорский замок. Вид со стороны парка.

Кенсингтонский дворец.
Резиденция принца
и принцессы Уэльских.

Фрагмент
решетки ворот.

Вид на оранжереи Кенсингтонского дворца.

Статуя королевы Виктории в парке Кенсингтонского дворца.

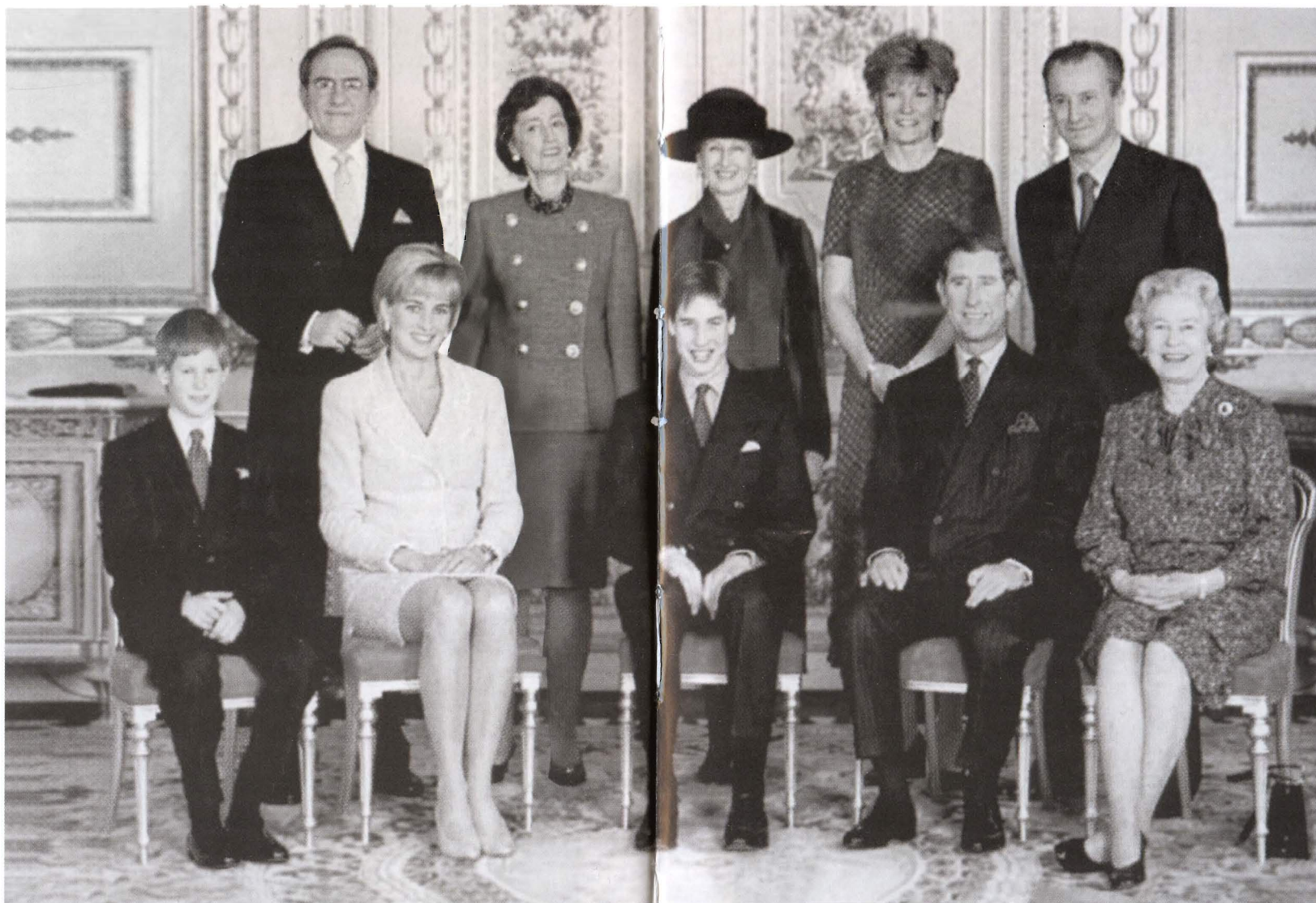
Леди Диана на празнике в Аскоте.

Леди Диана с принцем-консортом Филиппом...

...и королевой Елизаветой II.

Одна из последних фотографий королевской семьи,
когда все еще вместе...

Доди аль-Файед,
последний
возлюбленный
принцессы Дианы.

Принц Чарльз
с сыновьями
принцем Уильямом
и принцем Гарри
после смерти
Дианы.

Вестминстерский дворец с башней Биг Бен.

Елизавета II и герцог Эдинбургский Филипп на церемонии открытия парламента.

Королева-мать Елизавета и королева Елизавета II.

Королева-мать на праздновании своего 100-летнего юбилея. Август 2000 г.

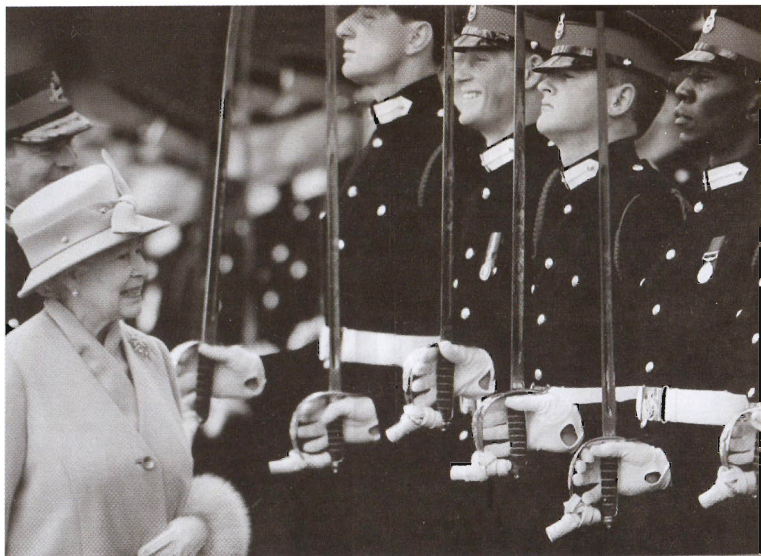

Елизавета II с внуком Уильямом. 2002 г.

И это тоже королева Елизавета II,
причем за рулем своего любимого автомобиля «рендж ровер».

Принц Гарри
не мог не улыбнуться
своей бабушке,
даже находясь
в строю курсантов
военной академии
Сандхерст.
Апрель 2006 г.

Сын Елизаветы II
принц Эндрю
с дочерьми
принцессами
Евгенией
и Беатрис.

Принц Уильям...

... и его подруга
Кэтрин Миддлтон.
Похоже, Виндзоров
ждет еще один
неравный брак...

Хозяйка Букингемского дворца.

шляпках, напоминавших фруктовый сад. Критик-искусствовед Брайан Сьюэлл высказался наиболее сурово: «Она похожа на пенсионерку, нуждающуюся в хорошем шампуне». А вот один из ответственных сотрудников секции современного искусства Национальной галереи признавал: «Мы находимся под жесточайшим воздействием видения королевской власти, созданным Сесилом Битоном, мы к нему приучены, и королевская власть должна всегда представлять перед нами улыбающуюся, напыщенную, помпезную. А здесь мы сталкиваемся лицом к лицу с простым и суровым обликом достойной всяческого почтения стареющей леди, находящейся у себя дома. Портрет показывает нам силу характера женщины, прошедшей через многочисленные испытания».

Кто станет следующим Гейнсборо при королевском дворе Великобритании? Иначе говоря, кто оставит в истории живописи свое имя в качестве придворного портретиста? Принц Чарльз голосует за Майкла Ноукса, уже написавшего портреты королевы, принца Филиппа, королевы-матери, принцессы Анны и принцессы Маргарет. Телевидение Йоркшира уже заказало ему портреты герцога и герцогини Йоркских. Приверженец истины и реализма, Майкл Ноукс был первым, кто попросил королеву позировать без драгоценностей, в пальто и шляпе, и этот портрет висит сейчас на почетном месте в личных покоях Чарльза.

«Это самый правдивый портрет моей матери», — заявил Чарльз.

Король фотографов

Волна реализма, завладевшая сегодня умами художников королевской семьи, похоже, несколько шокирует англичан, чей традиционализм есть не что иное, как глубочайшее почтение к тому облику, что был создан самым великим «портретистом» эпохи правления Елизаветы II — сэром Сесилом Битоном. Другие фотографии — от Шеридана до Сноудона и Паркинсона — тоже

запечатлевали черты представителей правящей династии, но никто из них не пользовался покровительством такого могущественного мецената так долго и не оказывал на зрителей воздействия столь мощного. На протяжении полувека Сесил Битон был официальным придворным фотографом Королевского дома Великобритании. Начиная с 1930-го и вплоть до 1979 года он занимался тем, что увековечивал членов династии Виндзоров, всего их было около тридцати человек, включая детей короля Георга V и королевы Марии, а затем и детей самой Елизаветы II и герцога Эдинбургского. В 1987 году секретарша Битона Эйлин Хоуз завещала Музею Виктории и Альберта в Лондоне архив мастера, содержащий результаты почти семидесяти часов позирирования перед фотокамерой королевского семейства, около десяти тысяч лучших фотоснимков и цветных диапозитивов, не считая восьми тысяч негативов.

В 1968 году в одной из статей, посвященных ретроспективной выставке работ Битона в Национальной портретной галерее, журналист Кит Робертс весьма справедливо заметил: «Битон, по моему мнению, является своеобразным “эквивалентом” сэра Джошуа Рейнольдса: модели всех возрастов и его эклектический талант позволяли ему черпать идеи из самых разнообразных и многочисленных источников. Подобно Рейнольдсу, подобно самым великим портретистам, Сесил Битон сразу же уловил, что портрет по сути является не столько процессом воспроизводства сходства, сколько процессом создания представления о человеке». Кроме того, в силу своего характера и в силу своего таланта он был идеальным человеком, чтобы осуществить ту нелегкую задачу, которую доверила и препоручила ему королевская семья. Это был романтик, обожавший великосветское общество и двор такими, какими они были до 1914 года, и неважно, что их уже не существует более, что они были унесены бурными потоками войны и революции; для него королевская власть всегда должна была оставаться окруженной тайнами и героикой. Он поставил все ресурсы своего искусства на службу Короне, чтобы ее приукрашивать, чтобы ей льстить, чтобы ей угождать; он окружил королевскую

семью атрибутами священной власти, роскоши и мистики, одновременно придав ей вполне понятное, «доступное» человеческое лицо, более подходящее для «демократической эпохи».

В основном придворных фотографов приглашают во дворец накануне отъезда королевы или иного члена семьи с каким-либо государственным визитом; фотографии членов королевской семьи тогда публикуются в газетах и иллюстрированных журналах, а также рассылаются в страны предполагаемого визита, чтобы они украсили собой общественные здания и витрины магазинов. Особа, которой это непосредственно касается, отбирает самые лучшие, на ее взгляд, снимки; случается, что она их потом помещает в семейный альбом; так, например, Елизавета многократно заказывала ту или иную фотографию, сделанную Сесилом Битоном, для себя лично.

Сеанс позирования одного из членов королевского семейства всегда происходит одинаково. Он проводится по случаю какого-либо официального события или семейного торжества. Итак, инициатива обычно исходит от «модели» и ее советников, а также от них зависит и выбор того или иного фотографа. Принц Филипп терпеть не мог Сесила Битона, во время позирования постоянно давал ему советы и даже иногда просил, чтобы ему самому позволили сделать снимок или забрать негативы. Когда какое-то фото ему не нравилось, он мог даже поцарапать негатив, чтобы его невозможно было использовать. Он без конца ворчал во время фотосеансов и однажды, обратившись к королеве, весьма отчетливо произнес: «Мы достаточно долго позировали. Если он до сих пор не добился того, что ему нужно, то он еще более плохой фотограф, чем я ду- мал...»

К счастью, королева-мать обожала Битона, и он платил ей тем же. Он даже написал ее портрет маслом, а затем сделал следующую запись в дневнике: «Я всегда питал огромное уважение к королеве-матери, ибо она первая дала мне шанс и позволила освободиться от правил формализма, ранее связывавших фотографов королевской семьи. Она ободряла меня, она сама пред-

ложила снимать ее в позах необычных и “неофициальных”. Однако мне показалось, что объектив не был адекватным средством для того, чтобы открыть очарование ее личности и цвета ее лица, несмотря на то, что кожа у нее уже далеко не прозрачная. Я заметил, что мне очень жаль, что никто из современных портретистов не способен передать прелесть ее особых качеств и разнообразие выражений ее лица».

Но эти новшества в придворной фотографии берут свое начало из живописи: кажется очевидным, что Винтерхальтер и Гейнсборо были двумя основными источниками вдохновения.

Во всех своих портретных фотографиях Битон широко использовал архитектуру дворцов и королевских резиденций. Так как эти здания были закрыты для широкой публики, то возможность увидеть их на заднем плане фотографий означала породить у зрителей ощущение, что они тайком проникают в частную жизнь тех, кто запечатлен на этих фотографиях, потому что они сняты на фоне того, что окружает их в их повседневной жизни. Уже одно только внутреннее убранство Букингемского дворца в глазах Битона обладало той роскошью, тем блеском пышности и торжественности, которых он так искал. Даже если позднее он не раз высказывал замечания по поводу излишней помпезности дворца, неоднократно понося на всякий лад «эту раздражающую показную красоту, с которой сталкиваешься во дворцах и которую стремятся повторить строители больших трансатлантических судов» (дневник Битона за март 1960 года), но тем не менее не прекращал именно в этом черпать свое вдохновение, словно именно это тяжеловесное здание и было средоточием величия, мощи и роскоши Короны. Действительно, ни один другой фотограф ни до, ни после него не сумел извлечь такую пользу из парадных покоев Букингемского дворца.

Как заметил сэр Рой Стронг, благодаря искусственно созданным задним планам, благодаря архитектуре дворцов и обилию цветов фотографии Битона обрели с течением времени замечательную логическую зрительную последовательность. С середины 30-х годов и

до конца 50-х «содержание» и стиль сохраняли единство. Кстати, эту связность, эту непрерывность следует, вероятно, связать с присутствием еще одного человека, о котором сам Битон практически никогда не упоминал, а именно с модельером Норманом Хартнеллом, более тридцати лет одевавшим большинство представительниц женского пола из числа членов королевского семейства. Во время торжественных церемоний, сопутствовавших процедуре коронации в 1953 году, он самолично нарисовал эскизы почти всех платьев, сначала каждого в отдельности, а затем всех вместе, что может служить объяснением полнейшей гармонии всего ансамбля, запечатленного затем на фотографиях.

Личные дневники Сесила Битона во всех подробностях зафиксировали «развитие событий», сопровождавших работу художника. Из этих описаний можно сделать неоспоримый вывод: в процессе фотографирования короля или принца нет места неожиданностям, нет места спонтанности. Фотографа принимают во дворце в точно назначенное время, причем в случае коронации или свадьбы он располагает только очень кратким мигом, предусмотренным расписанием дня, и без того перегруженного событиями и церемониями. Но при любых обстоятельствах ему необходимо было заранее все обдумать и подготовить. Битон обдумывал какую-то идею, а затем работал над ее воплощением вместе с ответственными лицами из числа придворных, так что и костюм «модели», и место съемки бывали оговорены задолго до сеанса. Битон фотографировал чрезвычайно быстро, прямо-таки с феноменальной скоростью.

Записи в его дневнике 1937 года, относящиеся к первому сеансу позирования нынешней королевы-матери, удивительны: «В то время как мы шли по крылу здания, выходящему на Грин-парк и занимаемому королем и королевой, мы могли слышать доносившиеся до нас звуки, производимые при смене караула. Команды, отдаваемые офицерами солдатам, создавали впечатление, что кого-то тошнит и рвет. Хотя дворец вообще-то огромен, у вас не создается впечатления, будто

он и вы вместе с ним далеки от жизни и от народа. Парк, хотя и тоже огромный, заполнен отдаленным гулом уличного движения. А в окна видна толпа любопытных, ожидающих чего-то у решеток и стен дворца... Ну вот, королева готова... Она очень улыбчива, приветлива и естественна. Однако я сам очень напряжен, а колени у меня, кажется, дрожат: “Это великая честь для меня, мадам, это для меня очень интересно и волнующе...” Мы поговорили о платьях. “Я подумала, что другое, вечернее платье, быть может, из тюля, подойдет больше... а может, еще и корону надеть?” — все это говорится с ноткой сочувствия, с улыбкой, чтобы меня поддержать и чтобы извиниться передо мной... Я предложил еще платье для коктейля, длинное, в пол, а также посоветовал немного иной макияж и просил чуть более яркую помаду. “Я попробую, но ведь вы знаете, я не слишком для этого гожусь”, — произносит она так, словно это, как говорится, “не ее дело”. У нее белые пухленькие ручки и полноватые запястья, их украшают усыпанные бриллиантами браслеты, от них пахнет туберозой. Она очень маленького роста и носит туфли на очень высоких каблуках».

В автобиографии Битон описывает, какая атмосфера царила на некоторых сеансах, например в 1952 году, когда он фотографировал совсем маленьких Чарльза и Анну: «Маленькая принцесса, после того как стойко вынесла множество затруднений, в конце концов рассердилась и покраснела от гнева. Принц Чарльз тоже стал неуправляем, и оба ребенка подняли такой шум и гам, что лопались барабанные перепонки. Но я был слишком упрям, чтобы проявить к ним снисхождение и дать им поблажку, а потому принялся умолять, чтобы нам позволили выйти в парк, чтобы там я смог сделать несколько фотографий среди колонн, между которых находились чудесные клумбы, засаженные розово-оранжевой геранью и другими яркими цветами, потому что многим англичанам понравилось бы увидеть свою юную принцессу на таком живописном фоне. В парке дела приняли такой оборот, что в какой-то момент я, отказавшись от надежды сфотографировать детей, в растерянности огляделся. Принц Чарльз, нахло-

бучив на голову шлем полицейского, найденный в караульной будке, бегал по лужайкам. Собачки корги носились за ним с громким лаем. Мои помощники, теряя голову, делали бог знает что со своими фотоэкспонometрами. Принцесса Елизавета же взирала на эту сцену спокойно, с легким удивлением».

Битон провел фотосъемки во время коронации рекордно быстро: «Герцог Эдинбургский сунул свой нос в дверь: “Маргарет, вы должны идти... Вас все ждут...” Маргарет и королева-мать уходят. Затем вошла королева в сопровождении фрейлин, холодная, улыбающаяся, владеющая собой и ситуацией, но усталая... Я предложил ей попозировать в одиночестве на фоне сделанной мной репродукции аббатства. Освещение было не очень хорошим, но у нас не было времени на то, чтобы его улучшить, ведь дорогá была каждая минута. Я безостановочно щелкал аппаратом, делая кадры как можно быстрее. Но я имел очень туманное представление о том, что от меня требуется: я не понимал, должен ли я делать черно-белые или цветные фотографии, и не знал, сколько у меня в запасе времени. Королева выглядела совсем крошкой среди своих многочисленных фрейлин, под тяжестью мантии и короны; носик и ручки у нее были розовые, а глаза... глаза усталые. В ответ на мой вопрос она сказала, что уже начала ощущать тяжесть короны. Невозможно было представить, что она носит ее на голове уже более трех часов».

Но в 1955 году знаменитый фотограф и художник-декоратор (работавший над фильмом «Моя прекрасная леди») начал ощущать усталость от Букингемского дворца: «Трудно найти во дворце хотя бы один-единственный уголок, который бы я еще не сфотографировал. Я столько уже нафотографировал, что в каком-то смысле использовал все возможности. Если немного поразмыслить, то помещения могут показаться действительно жуткими, с совершенно вульгарной мебелью и вульгарной обстановкой. Однако мы отправились по нескончаемым коридорам в Галерею живописи, где некий паж весьма преклонного возраста, с анемичным лицом, жутко простуженный, стоял на страже у дверей Музыкального салона. Принц Чарльз и принцесса Анна

были заняты: у них был урок танцев (белые туфли и шаль из тонкой шерстяной ткани лежали в коридоре на банкетке). Мы дошли до Бального зала, и мне пришла в голову мысль снять королеву сидящей в одном из двух массивных кресел, стоявших под огромным красным балдахином и так похожих на трон».

19 февраля 1960 года Битон фотографировал крестины принца Эндрю: «Невероятная тяжесть дворца буквально расплющивала меня. А ведь надо было как-то составлять композиции, надо было вести переговоры с этим враждебно настроенным, грубым офицером-моряком и при этом выказывать должное почтение королеве... Она была довольно приветлива и любезна, но не проявляла ни малейшего интереса к происходящему... Не сказала мне ни слова, только вежливо улыбнулась, услышав, как я отдаю указания: “Принесите скамеечку”, “Принесите осветительные приборы”, “Передайте мне цветную пленку!” Принц Филипп с высокомерным видом презрительно посматривал на меня и без устали советовал воспользоваться скамеечкой».

Битон вернулся во дворец три месяца спустя вместе со своим будущим соперником Энтони Армстронгом-Джонсом, чтобы снять свадьбу принцессы Маргарет. «Королева меня чрезвычайно заинтересовала. Она была одета в необычайно романтическое платье, цветом и блеском напоминавшее оперение зимородка. Она была спокойна, меланхолична и очень и очень симпатична, даже когда проявляла свою властность и кончиком королевского пальца указывала, кто куда должен встать, чтобы мы могли сделать групповой снимок. Кто пришел ко мне на помощь, когда я уже совершенно изнемогал, так это королева-мать. Она так добра и так благожелательна! Именно она подала мне идею сфотографировать юных подружек невесты на лоне природы, несмотря на то, что другие проявляли нетерпение. Герцог Эдинбургский приоткрыл дверь: “Мы хотим обедать”. Так получилось, что в эту минуту я был как раз у двери. Когда он взглянул на первое попавшееся ему на глаза лицо, а это оказалось мое лицо, он вздрогнул и ответил мне улыбкой на улыбку. Но он принял всех

поторапливать и настаивать, чтобы сеанс поскорее закончился...»

Рождение принца Эдуарда в марте 1964 года было последним событием, которое запечатлел на своих фотографиях Сесил Битон: «Я отправился во дворец, чтобы организовать сеанс фотосъемок. Мне вновь предложили Музыкальный салон. Но дело в том, что панели, которыми там отделаны стены, как бы перерезают всю композицию на отдельные части, а сочетание различных оттенков синего бархата с парчой цвета давленной малины вовсе не кажется мне таким уж удачным. Нет, лучше уж проявить смелость и дерзость! Да, надо быть оригинальным! Уберем из кадра дворец, сосредоточим все внимание на королеве и детях... В любом случае так будет лучше... Когда мы уже собирались уезжать, нашим взорам предстала очень живая, естественная сценка, “действующими лицами” которой были ландо, дети и собачки. Новорожденного, похожего на младенца с одного из полотен Жоржа де Латура, перенесли в комнаты, чтобы уберечь от дождя, а Эндрю ездил по холлу на трехколесном велосипеде, сопровождаемый немного насмешливыми взглядами отца».

В 1968 году королева в последний раз позировала Сесилу Битону, которому она пожаловала дворянство в 1972 году; умер он в 1980-м. Как подчеркнул директор Музея Виктории и Альберта, ни один из других фотографов, снимавших королевскую семью, не обладал сознанием того, что призван запечатлеть ход истории, и не смог облагородить свои «модели» с таким бесподобным изяществом. Его творчество проистекало из искренней преданности и страстной приверженности идее монархизма. Несмотря на то что его несколько нескромное перо слегка «поцарапало» образ королевского семейства в его дневниках, нанеся этому облику булавоочные уколы, его работа от этого никогда не страдала. Он никогда не упускал из виду двойственности «объекта», в котором сочеталось воплощение абстрактного принципа и вполне уязвимой человеческой оболочки, а ведь именно эта двойственность и была главной в каждом монархе и принце. Подобно великим придворным художникам прошлого, Битон считал, что

его «модели» должны быть символами своей страны. Для него мужчины были красавцами, а женщины — изысканными и очаровательными, и при помощи удачного освещения и его зоркого объектива они таковыми и становились.

Фотографы Короны

«Наследниками» Битона стали лорд Сноудон, лорд Личфилд и Норман Паркинсон. Лорд Сноудон, вероятно, более всех приблизился к Битону.

Энтони Армстронг-Джоунз родился 7 марта 1930 года в Лондоне. Он был вторым ребенком в семье Рональда Армстронга-Джоунса, адвоката, и Энн Мессел; посещал начальную школу в Сэндройде, в Суррее, затем в 1943 году поступил в Итон, где был далеко не самым хорошим учеником. Три года спустя ему предстояло пройти через жесточайшее испытание: он заболел полиомиелитом. Лечение сэра Генри Коэна дало хорошие результаты, болезнь отступила, но Тони вышел из нее с легкой хромотой.

На шестнадцатилетие мать подарила Энтони новейший фотоаппарат, и очень быстро подросток понял, что нашел свой жизненный путь. Даже в Кембридже, где он учился в Джизус-колледже (в колледже Иисуса), он не мог подавить свою страсть к фотографии и заявил отцу: «Я не хочу изучать то, что меня не интересует... Я знаю, что для вас это будет ударом, но я хочу стать профессиональным фотографом». Он приобщился к искусству портрета вместе с Генри Нейхамом и создал свою собственную студию на Пимлико-роуд, в доме номер 20. Стал специализироваться на фотографировании великосветских свадеб, театральных спектаклей и актеров (театр «Ройял корт» находился на Слоун-сквер, всего в двух шагах).

В 1956 году молодой фотограф с многообещающим будущим сделал серию фотопортретов близких друзей королевы и впервые встретился с членом королевской семьи, будущим герцогом Кентским. Его фотографии

понравились, и вскоре пресс-атташе королевы пригласил его в Букингемский дворец, чтобы он снял Чарльза и Анну, бывших еще детьми. После сеанса позирования его даже представили Елизавете, которая сделала комплимент его таланту. Фотографии были опубликованы в журнале «Вог», и Тони Армстронг-Джоунз обрел известность.

Его полная тайн идиллия с Маргарет долгое время оставалась большим секретом для всех. Им удавалось тайком встречаться в доме, снятом Тони в Лондоне, в одном из кварталов Ист-Энда — районе, малопригодном для любовных отношений с принцессой. Ни один из журналистов не обнаружил этого «гнездышка», не раскрыл этой тайны; правда, фотограф, к тому же не относящийся к титулованной знати, вовсе не выглядел претендентом на руку принцессы... Никто ничего не подозревал, даже когда Тони сделал серию портретов к 29-летию принцессы. В декабре 1959 года, вскоре после объявления о втором браке Питера Таунсенда, бывшего возлюбленного принцессы (он собирался жениться на Мари-Люс Жамань), Маргарет и Тони тайно обручились, о чем двор королевы-матери официально объявил 26 февраля, а Букингемский дворец подтвердил эту новость только 16 марта.

Если королева-мать не скрывала симпатии к будущему зятю, чей шарм, обаяние, привлекательность, откровенность, умение радоваться жизни и небольшие недостатки, присущие представителям богемы, ей нравились, и если королева демонстрировала в данной ситуации полное понимание, то некоторые члены королевского семейства не отказывали себе в удовольствии выражать сомнение по поводу «планов», которые они считали слишком уж смелыми или, как они говорили, «антиконформистскими». Этот брак может выглядеть и как счастливый конец истории большой любви, и как некий вызов, брошенный истеблишменту. Ведь жених, буйный, неудержимый, оригинальный, вращался в совершенно других кругах, чем Маргарет, потому что он — художник.

Церемония бракосочетания с большой помпой прошла 6 мая 1960 года. У пары родилось двое детей.

Тони стал лордом Сноудоном и получил право стать членом палаты лордов. Но его новое положение было двойственным. Он отказался пользоваться средствами, выделяемыми его супруге по гражданскому листу — гордость и финансовая реальность обязывают... — и полагал, что сможет достойно зарабатывать на жизнь искусством фотографии. Однако это не помешало некоторым газетам обвинить его в том, что он пытается извлечь выгоду из своего положения шурина королевы, как только он был назначен членом совета по промышленному дизайну. Когда же стал рассматриваться вопрос о возможности заключения с ним контракта на должность художественного советника «Санди таймс», тут всеобщее возмущение достигло наивысшей точки: как это член королевской семьи может работать в прессе? А почему бы тогда королеве-матери не вести рубрику «Кухня и кулинария»?

Критические замечания, предостережения и упреки, омрачавшие первые годы совместной жизни молодой четы, множились и усиливались по мере того, как супруги отдалялись друг от друга. Все чаще и чаще принцесса в одиночестве выполняла свои официальные обязанности. На гала-концертах и спектаклях, где все ждали ее появления в сопровождении супруга, всегда неизменно объявляли, что необходимость сделать какой-то репортаж задерживает лорда Сноудона за границей. Наконец, 27 февраля 1967 года «Дейли экспресс» разжалобилась чуть ли не до слез, выражая сочувствие по поводу «одиночества Маргарет». Правда, иногда совместные появления, такие как на Всемирной выставке в Монреале в 1967 году и визиты в страны, лежащие по другую сторону Атлантики, на какое-то время останавливали слухи о разногласиях в семье, но лишь на время. Но Маргарет не желала развода; принцесса, обуреваемая чувствами собственницы, была в данном случае последовательна и логична. Это Тони считал совершенно нетерпимым для себя постоянно находиться рядом с ней, как постоянно находился рядом с Елизаветой верный и преданный Филипп. Он был слишком честолюбив, чтобы чувствовать себя в подобном положении хорошо, как о том свидетельст-

вуют некоторые его высказывания: «Для человека независимого, такого как я, свободного времени, предоставляемого протоколом, слишком мало. Мне нужен простор, мне нужен более открытый горизонт».

Работы Сноудона постоянно появлялись в знаменитых иллюстрированных журналах, таких как «Вог», «Харперс Базар», «Санди таймс». Он конечно же воспользовался преимуществами своего положения, но и его талант, несомненно, сыграл в его успехах огромную роль; он часто удачно сочетал естественное и искусственное освещение, чтобы получить эффект, который фотографы именуют контражуром, что означает «против света», потому что при этом «модель» как бы оказывается окружена светящимся ореолом. Он продолжил традицию неоромантизма, применял искусственно созданные задние планы (где чаще всего доминировали синий и голубой цвета), заимствовал некоторые позы из живописи.

Несмотря на то что его брак с Маргарет распался (они расстались 19 марта 1976 года и официально оформили развод 24 мая 1978 года), Тони продолжал сотрудничать с Букингемским дворцом. Так, именно ему доверили сделать первые портреты при крестинах потомков Чарльза и Дианы.

В Букингемском дворце бывший шурин королевы, похоже, в большем фаворе, чем его соперник лорд Личфилд, двоюродный брат королевы и тоже очень одаренный фотограф. Предметом спора, а то и ссоры стали фотографии, которые в июле 1981 года лорд Личфилд имел честь сделать на свадьбе Чарльза и Дианы. Молодая чета сначала вроде бы была просто в восторге, но потом отношения принца и принцессы с их родственником разладились. В действительности принц Уэльский упрекал лорда Личфилда в том, что он при публикации присоединил к фотографиям, сделанным в день свадьбы, некоторые весьма интимные фото, которых широкая публика не должна была лицезреть. На одной из таких фотографий, к примеру, заснята королева Елизавета в тот момент, когда она на-

клонила, чтобы поправить платье подружки невесты, мисс Клементины Хамбро. Патрик Личфилд же утверждает, что все эти «спорные» фотографии были представлены на одобрение представителям Букингемского дворца и все они это одобрение получили, за исключением одной, которую королева выразила желание сохранить лично для себя. После этого инцидента лорд Сноудон стал любимцем принца Уэльского.

Широкая публика не имеет представления о том, какую войну, разумеется дружескую, ведут между собой фотографы, чтобы добиться привилегии фотографировать членов королевской семьи. Одна фотография, приобретенная с правом публикации, может запросто принести около 107 тысяч евро прибыли. Понятно, почему принц Эндрю по совету лорда Сноудона стал заниматься фотографией! Кстати, на свое 60-летие королева Елизавета повелела в качестве официальной фотографии использовать ту, что сделал герцог Йоркский.

Однако Елизавета очень часто призывает на помощь своего кузена, большого оригинала, человека очень известного в так называемом реактивном «обществе» Британии (представители богатейших семейств садятся в самолеты и отправляются на различные события и мероприятия по всему миру, вплоть до вечеринок и презентаций. — Ю. Р.).

Томас Патрик Джон Ансон, пятый герцог Личфилд, родился 25 апреля 1939 года. Он учился в Харроу и уже тогда любил фотографировать своих соучеников и преподавателей. Семь лет он прослужил в Королевском гренадерском полку, а также занимался парашютным спортом. В возрасте двадцати семи лет он стал ассистентом фотографа, чем шокировал свою семью, но это не помешало ему совершенствоваться в избранной профессии. Этот талантливый фотограф специализируется на портретах членов королевской семьи, но также иногда фотографирует и обнаженную натуру.

Лорд Личфилд многократно удостоивался звания «мужчины, одетого лучше всех в Англии»; кстати, он принимал участие в рекламной кампании сети магазинов «Берберриз». В своих мемуарах он вспоминает о

сеансе позирования в день свадьбы Чарльза и Дианы: «Во время крестин мисс Зары Филлипс я высказал тревогу по поводу того, что в ходе свадьбы мне надо будет заснять одновременно всю группу. Как выстроить все пятьдесят семь человек, принадлежащих к королевской семье, за очень короткое время? Филипп ответил: “По правде сказать, это не так уж сложно. Недавно я присутствовал на свадьбе в Люксембурге. Так вот, там на ковре скотчем прикрепили карточки с нашими именами”. Именно это я и сделал. Войдя в Тронный зал для фотографирования, королева нас развеселила, посетовав, что не видит карточки со своим именем. Естественно, она должна была стоять в центре, и мы не стали класть карточку с ее именем...»

В своем альбоме «Члены королевской семьи» плейбой-фотограф сказал о королеве: «...Она — одна из немногих, кого легко фотографировать; у нее довольно правильные черты лица и несравненное терпение, и так как она — великий профессионал своего дела, то всегда с большой симпатией относится к требованиям других профессионалов. Одна из моих любимых фотографий королевы была сделана во дворе конюшен Балморала. Мы должны были совершить прогулку верхом. Она осматривала свою лошадь, а та вдруг опустила голову и как бы поклонилась, словно сделала лошадиный реверанс. Королева, желая, чтобы ее глаза оставались на уровне глаз животного, тоже склонила голову и немного присела. Кадр получился просто замечательный по оригинальности».

В 1971 году лорд Личфилд запечатлел на фотографии всю королевскую семью. Ему пришла в голову мысль разместить под объективом телеэкран и показать фильм с участием Бестера Китона. При каждом взрыве хохота он снимал зрителей «для вечности».

Норман Паркинсон, долгое время бывший соперником Личфилда, потому что тоже являлся официальным придворным фотографом, иногда использовал прямотаки голливудскую манеру организации фотосъемок. Послушаем Тима Йена Кинза, его ассистента: «После свадьбы принцессы Анны и капитана Филлипса он сделал фотографию королевской семьи “в полном сборе”».

Он отдавал в громкоговоритель следующие приказы: “Дети, встаньте здесь”, а ведь “дети” были не кто иные, как маленькие принцы и принцессы. Но все смеялись, в особенности королева-мать. Он чувствовал себя свободно и уверенно, как капитан на корабле».

Чтобы сделать знаменитые фотографии Анны и Марка Филлипса, мэтр фотографии без колебаний прибежал ко всяческим трюкам, столь дорогим сердцам художников, работающих на крупных киностудиях. «При естественном освещении, — доверительно сообщил Норман Паркинсон, — в пасмурный день под глазами “моделей” стали видны синеватые круги. Тогда я воткнул четыре бамбуковых кола высотой около трех метров, натянул на них кусок ткани, а под этим навесом усадил жениха и невесту. Ткань придала свету мягкий розоватый оттенок, отчего круги под глазами исчезли».

Так называемый «великосветский» фотограф, всегда одетый с иголки и к тому же во все белое, обладатель усов, достойных майора Томпсона, Норман Паркинсон всегда организовывал сеанс позирования на свой особый манер: «Мы заранее все обговариваем с заинтересованной особой... И вместе решаем, кто во что будет одет, какова будет обстановка и каково окружение, освещение, ракурс, декор... С принцессой никаких проблем никогда не было. Она всегда понимала, что я собирался сделать, и мы полностью доверяли друг другу. Она знала, что произойдет, потому что мы обо всем договаривались заранее. Но я и на съемке всегда все делал постепенно, шаг за шагом, так, чтобы мы оба, модель и фотограф, постепенно понемногу расслаблялись, так что первое фото было всегда строгим, “классическим”, а последующие уже гораздо более непринужденными».

По словам его ассистента, у Нормана Паркинсона было несколько аппаратов, пленку он использовал обычную и никогда не работал со штативом. Он как бы «прогуливал» свой фотоаппарат. Он не делал кучу фотографий, чтобы оставить из них единственную, а сначала делал одну фотографию «Полароидом», чтобы выявить, какое впечатление производит кресло, цветок или зеленое растение, а уже затем — окончательный снимок.

У Нормана Паркинсона была квартира в Лондоне, но от полугода до восьми месяцев он проводил на острове Тобаго, на Антильских островах, вдалеке от туманов, окутывавших Букингемский дворец, вместе с женой, бывшей манекенщицей. Он скоропостижно скончался 15 февраля 1990 года.

Папарацци

Некоторые другие фотографы, такие как Реджинал Дейвис и Тим Грэхем, иногда тоже пользовались милостью двора, подобно тому, как пользовались этой милостью в начале правления Елизаветы Лайза Шеридан, Маркус Адамс и Юсуф Карш; других же фотографов во дворец никогда не допускали. Чтобы попытаться сделать «фото века», способное «обойти весь свет», то есть появиться во всех газетах и журналах и принести целое состояние, фотографы-паразиты используют любые средства и способы: вооружаются лучшими телеобъективами и новейшей аппаратурой, нанимают яхты и вертолеты (один из владельцев вертолета был осужден за то, что пролетел над частным владением без разрешения), без колебаний преодолевают высокие стены, утыканные осколками стекла, и самым невероятным способом маскируются. Закулисье надоедливых приставаний и настоящего преследования с погонями с целью «щелкнуть» жертву достойно сатиры братьев Маркс!

Можно понять, в какое отчаяние порой впадают принцы и принцессы королевской крови при столкновении с этими постоянно преследующими их папарацци, ведь эти так называемые «фриланс» (то есть свободные), готовые развязать третью мировую войну ради того, чтобы принести сенсационную новость, за которую им хорошо заплатят, не отстают от них не на шаг! Ибо, разумеется, вся мировая пресса, специализирующаяся на скандалах, заплатит им, как говорится, «звонкой монетой» за шокирующую фотографию, которая нарушит тайну личной жизни представителей королевского семейства.

Принц Филипп, постоянно демонстрирующий свою неприязнь по отношению к фотографам, создал себе у представителей этой профессии репутацию человека опасного, буквально наводящего ужас. Часто вспоминают о его реакции во время съемок фильма компанией Би-би-си: «Не суйте так близко ваши мерзкие камеры к королеве!..» Вообще он всегда восставал против вторжения прессы в его личную жизнь. «Я знаю, что у меня репутация человека нелюбезного с фотографами, — признавал он. — На самом деле это не так. Но если они приставляют телеобъектив к замочной скважине, чтобы влезть в мою личную жизнь, тогда я способен устроить скандал или полезть в драку». Принц не предпринял ничего, чтобы улучшить свою репутацию. Так, в 50-е годы он сделал достоянием гласности свои разногласия с магнатом британской прессы лордом Бивербруком и даже спровоцировал несколько ссор и скандалов. Однажды во время визита в Бразилию он заметил репортера одной из принадлежавших Бивербруку газет, направился к нему с потемневшими от гнева глазами и бросил ему в лицо: «Ваша грязная газетенка — это собрание “уток”, вранья и вымысла!» В 1966 году на Карибских островах он позволил себе замечание: «У вас — мошकारа, а у нас — пресса». А во время «визита» к обезьянам, обитающим на скалах Гибралтара, бросил репортерам несколько орешков арахиса.

Вот что написал о принце Филиппе Джон Пирсон: «Когда он чувствует, что пресса преследует и травит его, то теряет терпение и даже нарушает принятые в королевском семействе правила, выказывая свою враждебность и даже злобу. Подобное поведение понятно, но не вполне разумно для человека публичного, чья популярность в большой степени зависит от прессы; лучше бы он вдохновлялся примером своей тещи, чья неизменная улыбка и любезность сделали ее любимицей фотографов».

С этой точки зрения королева-мать действительно всегда представала перед широкой публикой в самом выигрышном свете, но у принца нет никаких шансов достичь подобных результатов, тем более если он и дальше станет устраивать инциденты вроде того знаме-

нитого скандала, что разгорелся на цветочной выставке в Челси в 1959 году, когда два особо ретивых и настойчивых фотографа оказались бог весть почему мокрыми с головы до ног. Все дело было в том, что автоматическое поливальное устройство заработало совершенно внезапно. Так чья же рука открыла кран? Все подозрения пали на принца, и капитан Колвилл никого не убедил в обратном, опубликовав одно из самых торжественных и самых неправдоподобных опровержений, когда-либо составленных королевским двором (кстати, эта шутка, вполне сравнимая с выходкой школьника, превратилась в дело государственной важности). Вот что в нем говорилось: «В действительности герцог Эдинбургский не нажимал на кнопку, приводящую в действие автоматическую систему полива на цветочной выставке в Челси. На нее нажал кто-то другой».

Вероятно, в подобных случаях лучше прибегнуть к стилю принцессы Анны, спросившей как-то у одного фотографа: «Сколько стоит мое фото?» «Ну, в бикини — от тысячи до шестнадцати тысяч евро», — ответил журналист. «Хорошо, вы сделаете такое фото, а деньги поделим пополам».

Хотя королевская власть и лишена настоящих властных полномочий, она продолжает оказывать воздействие на всех и вся, и английская королевская семья в полной мере этим пользуется. В ней находят все атрибуты, свойственные самым великим монархам прошлого: огромное состояние, блеск, почтение, верность традициям и особый, отмеченный печатью роскоши и помпезности образ жизни в великолепной обстановке. Кроме того, следует заметить, что это «здание» в основном покоится на женских плечах. Вот почему не стоит удивляться тому, что многие лихорадочно ищут способ почерпнуть любые, даже самые незначительные сведения о их жизни. Описывать сей феномен как попытку «опошления» или «превращения в обычное явление» было бы ошибкой. И следует признать, что в этом деле официальные портреты создали своеобразный контрапункт.

Придворные портреты, в особенности портреты Битона и Сноудона, действительно сыграли решающую роль в создании того, что современные историки

назвали «изобретением традиций». Они представляли и до сих пор представляют собой некую визуальную среду обитания, они не только формируют наше видение британской монархии, но также создают тот образ, который монархия хотела и хочет иметь, образ более человечный, однако же нисколько не наносящий ущерба ее величию. Казаться ближе и доступнее своим подданным и одновременно сохранять определенную дистанцию — такова цель британской монархии, а для этого необходимы величие и торжественность, пусть даже и в минимальных количествах, ибо без них бледнеет и исчезает почтительность.

Глава XIII

Дети Букингемского дворца

Быть принцем или принцессой и провести детство в Букингемском дворце... означает ли это, что ты существуешь в волшебной сказке? Не является ли некая форма одиночества платой за такую жизнь? И цену приходится платить немалую... Гувернантка Елизаветы и Маргарет оставила очень интересную и красноречивую книгу об обеих своих воспитанницах.

Девочек воспитывали одинаково и одевали как сестер-близнецов, их от всего охраняли и оберегали.

По словам мисс Кроуфорд, Елизавета, казалось, никогда не испытывала необходимости в друзьях, потому что «шайки» ее кузенов ей вполне хватало для проведения каникул, а в будние дни — компании ее кормилицы, гувернантки и сестры. Далее мисс Кроуфорд тяжело вздыхает: «Мы как будто жили в башне из слоновой кости, вдали от реального мира. Когда я об этом вспоминаю, мне кажется, что там, во дворце, всегда была весна».

Маленькие принцессы

Чтобы понять характер Елизаветы, надо помнить, вернее, надо постоянно держать в памяти такое понятие, как «чувство долга». У нее это понятие — результат

строгo воспитания, опиравшегося на традиции столь же старые, сколь и сама монархия. С шести лет к ней была приставлена мисс Кроуфорд, преподававшая ей историю династий, генеалогию королевских семей, а также географию колоний, доминионов и Индии. Королева Мария давала ей первые уроки поведения на официальных церемониях. Так, однажды, во время какого-то мероприятия, Лилибет, сопровождавшая свою бабушку, принялась нетерпеливо дергать ее за рукав, и старая леди спросила, не хочет ли внучка вернуться во дворец поскорее. А Елизавета совершенно невинно ответила: «О нет, бабушка, я не могу уйти, пока все не кончится. Подумайте о тех людях, которые ждут снаружи, чтобы меня увидеть!» Королева Мария, сознавая, что ее внучка рискует ступить на опасный путь и покатиться по наклонной плоскости, если уже сейчас ведет себя как «звезда», предпочла тотчас же отправить ее во дворец через служебный вход.

Множество забавных историй дают возможность уловить некоторые оттенки в характере юной Елизаветы, слывшей примерным ребенком. Девочка очень рано продемонстрировала, что имеет преувеличенное представление о важности своей особы, когда однажды заставила одну из своих подружек встать перед ней на колени в знак почтения. В другой раз гофмейстер королевского двора Георга V встретил девочку в коридоре дворца и почтительно сказал ей: «Здравствуйте, маленькая леди», а в ответ получил следующую реплику Лилибет: «Я — не маленькая леди, я — принцесса Елизавета». А вот еще случай: воспитательница девочек решила повести их на прогулку в Лондон инкогнито, и в конце прогулки они зашли в чайную выпить чаю; девушка-подавальщица не узнала своих именитых клиентов и принялась отчитывать старшую за то, что та не принесла чайник к стойке. Ответ принцессы не заставил себя ждать: «Если вы хотите его получить, приходите и возьмите его сами!»

Маргарет очень страдала оттого, что она — всего лишь вторая. Во время коронации 12 мая 1937 года она даже стала сетовать по поводу того, что корона у нее на головке гораздо меньшего размера, чем у ее сестры.

Елизавета, возмущенная этим, не сдержалась и бросила: «Маргарет всегда хочет иметь то, что есть у меня...» Одна протокольная деталь задела Маргарет в конце этого исторического дня: «Почему в аббатстве громко молились за Лилибет, а не за меня?» Но не будем все же особенно преувеличивать... Слова будущей Елизаветы I, которая якобы призналась в период правления своей сестры Марии: «Я знаю, что значит быть второй», не были произнесены Маргарет.

Переезд в Букингемский дворец смутил маленькую принцессу. «Как? — спросила Маргарет свою наставницу. — Вы хотите сказать, что мы будем здесь жить всегда?» Но как только она поселилась во дворце, ее жизнь как бы сама наладилась, причем очень гармонично: один за другим следовали уроки танцев, костюмированные праздники, уроки плавания («Вперед! Давай, Маргарет!» — кричит ей Елизавета, когда она осваивает движения плавания брассом, лежа на одной из скамеек парка) и прогулки с группой хорошеньких, как бутончики нарциссов, дочек членов обслуживающего персонала. Однако подобные контакты не должны заставить нас думать, что Маргарет имела право подружиться или просто сблизиться с любой девочкой... Вот что пишет по сему поводу ее наставница: «Маленькие принцессы бывали буквально очарованы и загипнотизированы другими детьми, словно те были созданиями из другого мира. Они робко улыбались тем, которые им особенно нравились. Они бы очень хотели с ними поговорить и поиграть, но им это не разрешалось». Да, детство у принцесс было счастливое, только немного одинокое.

Один из приближенных королевы-матери свидетельствует: «Я припоминаю одну странную сцену. Однажды вечером Маргарет, которой тогда было десять лет, исполняла роль херувима в пантомиме, разыгранной в Букингемском дворце. И вот один из высших сановников спросил у нее, ощущает ли она, что у нее в этом костюме душа ангела. “Я?! — спросила она гневно, возмущенная таким предположением. — Да я же кошмар и ужас всей семьи!” А действительно, не странным ли развлечениям предавалась эта принцесса королев-

ской крови, когда в четырехлетнем возрасте устраивалась под столом, чтобы щипать и щекотать ноги гостей, в шестилетнем — швырять горстями тапиоку в ванну, где сидела старшая сестра, в семь лет — зевать во весь рот во время коронации отца, в одиннадцать — сеять семена моркови на клумбе, где ее старшая сестра, наследница престола, посадила георгины?»

В десятилетнем возрасте Маргарет восклицает в присутствии нового лакея, приставленного к детской: «С ума сойти, до чего он красив!» В одиннадцать лет в Виндзорском замке она мочит печенье в чашке чаю и говорит, как будто ни к кому не обращаясь: «Маме не нравится, когда я так делаю, она говорит, что это неприлично». В двенадцать лет она проделала дырку в днище лодки, в которой обычно каталась по пруду вожатая ее отряда скаутов, и бедная девушка была вынуждена прыгнуть в воду и добираться до берега вплавь. В четырнадцать лет ее застукали в погребе, где она пробовала шампанское, приберегаемое для банкета. В пятнадцать она появилась на «парадной» трибуне для высоких гостей в спортивном костюме, так как ей не разрешили присутствовать на мероприятии и она тайком залезла в карету одного из приглашенных.

16 февраля 1941 года Маргарет впервые случайно встречается в лабиринте коридоров Букингемского дворца с тем, кто вскоре перевернет и изменит всю ее жизнь, — с полковником авиации Питером Таунсендом, только что назначенным королевским шталмейстером. Позднее он напишет в своих мемуарах: «В ней не было ничего такого, что отличало бы ее от любой четырнадцатилетней девочки-подростка, кроме того, что порой она отпускала ужасно язвительные, сногшибательные шуточки. Вот тогда она, к своему нескрываемому удовольствию, притягивала к себе все взгляды». В день капитуляции Германии, 8 мая 1945 года, Маргарет в сопровождении двух придворных (одним из коих был Питер Таунсенд) впервые вместе с сестрой смешалась с толпой, ликующей у решетки Букингемского дворца. Маргарет кричала, вопила и пела от радости вместе с кричавшей и певшей толпой. «Это было чудесно, восхитительно! — доверительно

сообщает она Мэрион Кроуфорд. — Все швыряли в воздух шляпы, не только свои, но и ближайших соседей; мы тоже подбросили в воздух несколько штук, и они у нас станцевали вальс. Никогда еще у меня не было такого сказочного вечера!»

Несколько раньше, 22 июля 1939 года, в Дартмуте Елизавета, которой тогда было тринадцать лет, впервые встретила с Филиппом, племянником лорда Маунтбеттена. Разумеется, в детстве они уже встречались на семейных обедах в Букингемском дворце, на чаепитиях у герцогини Кентской или на каникулах у дядюшки Луи, но ничего особенного о тех встречах не осталось в памяти. Так вот, в тот день король с семейством должен был посетить морской колледж в сопровождении лорда Маунтбеттена. Когда все готовились отправиться на службу, которая должна была состояться в часовой колледжа, врач учебного заведения объявил, что у двоих курсантов обнаружена свинка. Разумеется, и речи быть не могло о том, чтобы подвергнуть принцессу-престолонаследницу риску подхватить заразную болезнь, а потому Лилибет и Маргарет отправили в дом начальника училища, где им, чтобы убить время, предложили поиграть в игрушечную железную дорогу. Лорду Маунтбеттену пришла в голову великолепная идея подсказать своему племяннику, что неплохо бы ему присоединиться к кузинам. Филипп, вероятно, предпочел бы остаться с королевской четой и, похоже, был не очень доволен тем, что ему придется составить компанию тринадцатилетней девочке и ее сестре, совсем уж малышке, которой всего-то девять лет. Какая скука! Однако, будучи человеком воспитанным, он все же отправился к девочкам, без особой робости поздоровался и опустился рядом с ними на колени, чтобы запустить поезд и направить его по рельсам. Но ему это быстро надоело, и он пригласил принцесс поиграть в крокет в парке, затем предложил сыграть партию в теннис, и его сила и ловкость не могли не привести в восхищение его партнерш.

Воспитательница принцесс вспоминает: «Во время игры в теннис мне показалось, что он уж слишком изображает из себя павлина, уж слишком распустил хвост,

но я должна признать, что он произвел очень сильное впечатление на девочек... Он довольно хорош собой, но уж больно развязен и беззастенчив...» Мисс Кроуфорд также заметила, с каким восторгом смотрит на кузена старшая принцесса, у которой невольно вырываются такие восклицания: «Смотри, Крофи, как он превосходно играет! Как он силен! Как крепок и ловок! Как высоко он прыгает!» А Филипп действительно не скупился на демонстрацию ловкости в акробатических трюках, чтобы понравиться девочкам.

Однако более всего он хотел, вероятно, привлечь внимание к своей особе не принцесс, а короля и его супруги; его надежды заметно усилились, когда лорд Маунтбеттен пригласил его пообедать, а потом и поужинать на королевской яхте. Филипп всячески старался произвести на всех хорошее впечатление. На следующий день яхта «Виктория и Альберт» покидала Дартмут (как на то указывает его название, город расположен в устье реки Дарт); многие курсанты, в том числе и Филипп, должны были на лодках сопровождать яхту до открытого моря. В то время как другие курсанты повернули обратно, Филипп продолжал грести, что ужасно позабавило Елизавету, наблюдавшую за ним в бинокль. «Какой дурак! — разгневанно вскричал король. — Если он будет продолжать упорствовать, нам придется плыть назад, чтобы заставить его вернуться». Только властный голос лорда Маунтбеттена, зазвучавший из громкоговорителя, заставил Филиппа повернуть к берегу. Этот эпизод был всего лишь началом долгой истории...

Когда Елизавета и Филипп встретились в Дартмуте, над миром нависла угроза войны. События, уже начавшие потрясать мир, отодвинули на задний план все, что касалось королевского двора. Детство Елизаветы и Маргарет закончилось встречами с будущими героями их историй любви.

Пресса всегда проявляла интерес к принцессам, чтобы поговорить о детской моде. Раньше одежда королевских детей должна была соответствовать особым

критериям: прежде всего должна была отличаться от одежды других детей богатством, даже роскошью, обилием кружев и вышивки, а иногда и экстравагантностью.

Во время правления королевы Виктории детей вовсе не баловали, ибо королева обращалась с ними как со взрослыми, только в миниатюре, и потому ее дочери носили примерно такие же платья, как у нее, только меньших размеров. Она ввела в моду два предмета одежды, причем эта мода дожила до наших дней: шотландские килты и матроски для мальчиков и девочек. Елизавета и Маргарет росли в «романтическую эпоху», когда особой любовью пользовались «образцовые маленькие девочки» в платьицах с оборочками, рюшечками и воланчиками, украшенными вышивкой и кружевами. Кстати, в детстве они никогда не носили брюк.

Королевские дети всегда низко кланялись своим родителям или делали реверансы. Следует заметить, что Анна, надевшая мини-юбку, избежала сей «неприятной тяжелой работы». Сегодня детей из королевской семьи больше не одевают как «маленьких принцев», а если и одевают, то только в исключительных случаях: на крестины, свадьбы и для участия в церемонии выноса знамени.

Маленькие принцы

Создан ли Букингемский дворец для детей? Пригоден ли он для них? Чарльз покинул Кларенс-Хаус и оказался в Букингемском дворце в четырехлетнем возрасте. Чтобы как-то смягчить неприятные последствия переезда, королева попросила, чтобы детская в Букингемском дворце была точной копией детской в Кларенс-Хаусе. Комнаты, предназначенные для дневных забав и занятий, были отделаны в желтых тонах и украшены драпировками из ситца в цветочек, а спальня была отделана в бледно-голубых тонах. Расписание юного принца не менялось вплоть до того дня, как ему исполнилось семь лет: подъем — в 7 часов утра, прием

ванны — в 8 (иногда его мыла мать); обильный завтрак — в 8 часов 45 минут, прогулка в парке — в 10 часов, обед — в полдень, сиеста, то есть отдых, — в 16 часов 30 минут, чай в присутствии Елизаветы, прием ванны перед сном, отход ко сну.

Чарльз в очень раннем возрасте сел на пони по кличке Уильям, а его первым товарищем по играм был маленький кролик Харви, которого историки и специалисты по генеалогии не должны путать с собакой породы лабрадор, которая сейчас живет у Чарльза и носит ту же кличку. Чарльз тогда добился, чтобы для его обожаемого кролика соорудили «королевский крольчатник», и тот делил любовь принца с двумя птичками, Дэвидом и Энни, а также с хомячком по кличке Шиши. Короче говоря, у этого юного принца с пухленькими щечками был настоящий зоопарк!

Но годы шли, Чарльз должен был смириться и подчиниться правилам того воспитания, что соответствовало предназначенному ему будущему. Настал конец тем счастливым временам, когда гувернантка сообщала ему первые сведения по грамматике, истории и географии! Пришло время научиться побеждать свою робость и открыть для себя внешний мир. Итак, он пойдет в школу, как все мальчики его возраста (а ведь это для детей из королевской семьи беспрецедентный случай, потому что все его предки воспитывались и обучались во дворце особыми частными преподавателями).

Детство Чарльза пришлось на период, когда происходил процесс демократизации и своеобразной модернизации королевского двора. Итак, он был записан в школу Хилл-Хаус, которая находится за магазином «Хэрродз», ровно в пяти минутах ходьбы от дворца. Новичок вошел под ее своды 28 января 1957 года. После Хилл-Хауса возврата к прошлому уже быть не могло: Чарльз посещал затем Чир-Скул и Гордон-Скул, а завершил свое образование в Кембридже.

Самый завидный жених из всех, что фигурировали на страницах прославленного «Готского альманаха» (издается в городе Гота в Германии с 1763 года на немецком и французском языках и содержит сведения по

генеалогии, дипломатии и статистике. — Ю. Р.), до тридцати двух лет вел довольно скучную, однообразную, «рутинную» жизнь в своих холостяцких апартаментах в Букингемском дворце. По натуре Чарльз скорее жаворонок, чем сова, так что спать он укладывался около полуночи. Вставал он неизменно в половине восьмого, и в это время всегда один и тот же лакей, единственный из всех имевший право видеть Его Высочество в постели, входил в спальню. После прохладного душа следовало бритье с применением кисточки из барсучьей шерсти; его излюбленный крем после бритья носит особое название «Виндзорский лес», как будто этот выбор был predetermined заранее (продается он только в Лондоне в магазине «Трамперз»). В это время лакей Чарльза готовит его одежду... Теперь принцу остается только проглотить завтрак и спуститься в свой кабинет, чтобы уладить все вопросы и уточнить все детали, связанные с его дневным расписанием. Когда у него нет заранее назначенных визитов, то большую часть дня он проводит именно в кабинете. Он готовит там свои речи, подписывает письма, читает доклады своих сотрудников и принимает официальных посетителей. Единственный постоянно присутствующий гость — это его лабрадор Харви.

Его жизнь холостяка была отмечена печатью одиночества: в Букингемском дворце он завтракал один, просматривая почту и утренние газеты, ужинал он тоже часто один у себя в гостиной, сидя перед экраном телевизора и держа на коленях поднос. Иногда, правда, он ужинал за стенами дворца, но очень редко и при условии, что его заранее известят, кто будет присутствовать за столиком. В Лондоне принц всегда обедал в одиночестве; правда, во время поездок он присоединялся к членам своего «генерального штаба». Вообще он проводит довольно много времени с этой командой, члены которой за долгие годы стали его друзьями. Иногда они приходили в недоумение от причудливых и переменчивых вкусов Его Высочества: например, всем было известно, что он обычно не пьет ни чай, ни кофе, и дворец специально распространял эти сведения, но принц, казалось, испытывал удовольствие, ког-

да, лукаво улыбаясь, вдруг просил чашку чаю, ставя всех в затруднительное положение. Но вот появилась Диана, и состоялась «свадьба века». Молодая чета то и дело переезжала из Хайгроу (за городом) в апартаменты в Кенсингтонском дворце. Овдовев, Чарльз избрал Сент-Джеймский дворец, а в Букингемском дворце оставил за собой лишь часть секретариата, но, как будущий король, он знает, что однажды навсегда вернется туда.

Принцесса Анна родилась, как и ее брат, в Кларенс-Хаусе, но крестили ее в Музыкальном салоне в Букингемском дворце. Вокруг ее колыбели объединились четыре поколения королей, королев, принцев и принцесс. Из Виндзорского замка доставили серебряную крестильную купель, которой пользовались с 1840 года, и архиепископ Йоркский провел церемонию крестин. Лорд Маунтбеттен был одним из крестных отцов. Чарльз без устали ходил от одного гостя к другому, задавал бесконечные вопросы, то вскакивал со своего места, то опять садился и пребывал в большом возбуждении.

По примеру матери Елизавета сама выкармливала ребенка грудью и вообще долго занималась им сама. Анне было полтора года, когда ее мать стала королевой; девочка привыкла к тому, что ее возили из одной резиденции в другую, и потому не выказала никаких признаков нервозности, покидая детскую в Кларенс-Хаусе, чтобы сменить ее на детскую в Букингемском дворце.

Два года спустя Анна оказывается за партой частной школы, созданной королевой в Букингемском дворце, где ее учительницей стала шотландка мисс Кэтрин Пиблз, получившая от принцессы прозвище Мипси. В первые годы ученица проявляла старательность и внимание, но уже тогда ее язвительные замечания предвещали, что у нее будет острый язычок и великое упрямство. Характер у нее, как оказалось, был весьма непростой, экстравертированный, то есть обращенный к внешнему миру, а приступы дурного настроения и высокомерие, даже надменность, она унаследовала от отца. Считается, что музыка смягчает человеческий

нрав, и Анна училась играть на пианино под руководством Хайды Бур, а также раз в неделю брала уроки танцев.

По некоторым свидетельствам, у Анны было сходство с Ширли Темпл. Когда ей исполнилось шесть лет, эта избалованная девочка на день рождения получила в подарок великолепный кукольный домик с соломенной крышей, внутри отделанный ситцем, в котором все было устроено как в настоящем доме. Несмотря на многочисленные подарки, Анна сердилась на своего старшего брата и испытывала чувство ревности... как и многие дети, она хотела быть ему ровней... Когда принц Филипп учил Чарльза плавать в дворцовом бассейне, она жаловалась, что ей отец не дает таких уроков. Ее гувернантка советовала всем «проявлять необходимое искусство дипломатии» по отношению к ребенку, явно испытывавшему ревность и зависть к старшему брату.

В одном классе во дворцовой школе вместе с Анной учились две девочки, одна из них — Керолайн Гамильтон, дочь декана домового церкви Виндзорского замка. Однажды летом в Балморале во время обедов мадемуазель де Ружу начала учить Анну французскому языку. На следующий год госпожа Сюзанна Жоссерон, преподавательница Французского института в Лондоне, приезжала еженедельно, чтобы помочь Анне углубить свои познания в этом языке. В девятилетнем возрасте отец приобщил ее к науке вождения машины, что в общем-то удивительно для такого возраста; итак, Анна стала водить старый малолитражный «остин» по аллеям королевских владений. Когда Анна в семнадцать лет с первой попытки получила водительские права, она не без удовольствия вспомнила те долгие годы, когда обрела водительский опыт.

Анна окончила только среднюю школу, жила для лошадей и ради лошадей и встретила Марка Филиппса, за которого вышла замуж и с которым рассталась в возрасте тридцати девяти лет, родив от него двоих детей: Питера и Зару. Тим Лоуренс стал ее вторым мужем. Хотя у этой супружеской пары и случаются серьезные кризисы, Анна, кажется, счастлива.

Анна, живущая за городом, все же постоянно «сохраняет почву под ногами» в Букингемском дворце. Там находится ее секретариат (из двух человек), секретарям поручено заниматься ее почтой; также у Анны есть две фрейлины, одна из которых остается в Лондоне, чтобы руководить секретариатом, а вторая сопровождает ее в официальных поездках. Следует заметить, что сегодня ее секретариатом руководит военный.

В случае с Анной мы имеем дело с неким парадоксом. Насколько леди Диана казалась буквально предназначенной играть роль принцессы из волшебной сказки, настолько же Анна всегда отказывалась от этой роли. Ее всегда раздирали два желания: одно — сохранить свое положение в обществе и соответствовать своему «рангу» и второе — жить в свое удовольствие; она никак не могла достичь равновесия, осудив себя на то, что никогда не будет нравиться всем. Однако, несмотря на то, что у нее довольно дурная репутация, прямо-таки приклеивавшаяся к ней, она все же сумела обрести некоторую популярность, ведь именно она сегодня выполняет наибольшее количество официальных обязанностей в году. Но вместе с тем ее же упрекают в том, что она нарушает принятое и соблюдаемое в английском обществе правило: никогда не выглядеть так, будто делаешь больше, чем следует.

Эндрю всегда был сорванцом, тем, что называли «кошмаром» или «анфан террибль» дворца. В феврале 1960 года всем казалось, что никогда еще в королевском семействе ожидание рождения ребенка не затягивалось столь надолго. Журналисты и зеваки осаждали решетку Букингемского дворца, превращаясь в сосульки под воздействием сырой, промозглой лондонской зимы. Как в Аскоте на четырехдневных скачках, букмекер принимал здесь ставки от празднующихся ротозеев, и предметом пари был пол младенца. Впервые с 1857 года должна была родить правящая королева. Принц Филипп заменял супругу на многих официальных церемониях, а на банкете, данном лорд-мэром Лондона, поразил присутствовавших заявлением: «Прошу извинить королеву, но сегодня вечером она выполняет другие обязанности».

Елизавета уже составила план жизни Эндрю, произнеся одну фразу: «Я не хотела бы, чтобы это дитя познало тревоги и заботы королевской власти. Я предпочла бы, чтобы он был просто счастлив». Возможно, именно в связи с этой фразой и родилась легенда, что ее третий ребенок — ее любимчик. Действительно, с Эндрю королева пользовалась возможностью избежать исполнения некоторых обязанностей, налагаемых на нее ее должностью, она радовалась тому, что может в каком-то смысле спрятаться за материнством от всевидящего ока публики. После рождения Анны и до рождения Эндрю прошли многие годы (что объясняется скоропостижной и преждевременной смертью короля и соответственно стремительным и неожиданным восхождением молодой женщины на престол), и Эндрю выпало на долю счастье найти в Елизавете мать, обуреваемую новыми идеями, женщину, весьма отличную по духу от той, какой она была, когда родила Анну. Елизавета уже восемь лет носила корону и была достаточно уверена в себе, чтобы осмелиться посвятить себя сыну без всяких угрызений совести. Например, Елизавета по достоинству оценила те вечера, когда у гувернантки был выходной, ведь это был замечательный предлог для того, чтобы самолично купать, пеленать и укачивать своего ребенка. Она стремилась проводить с ним как можно больше времени и очень внимательно следила за всем, что происходило в детской.

На воспитании и образовании Эндрю лежит печать личности его няни, Мейбл Андерсон, которую члены королевской семьи называют «наша Мейбл» и которую пресс-служба именуется не иначе как «роллс-ройсом среди гувернанток». Надо сказать, что нянюшки королевских детей всегда играли особую, привилегированную роль в семье и иногда даже присутствовали на официальных церемониях и приемах. С Эндрю Мейбл дольше всех «царствовала» в детской, расположенной на третьем этаже Букингемского дворца. Королева Елизавета была довольна тем, что няня обладала отвагой и темпераментом Мэри Поппинс и всегда была в хорошем настроении.

Эндрю был ребенком очень непоседливым, неизменно веселым, но и непредсказуемым; он никогда не выказывал обиды на то, что его родители не присутствуют на праздновании его дня рождения по той причине, что находятся с официальным визитом за рубежом. Когда ему исполнилось три года, Елизавета познакомила его с пони; сначала он научился садиться верхом на полукровку Валькирию, потом стал ездить на Мистере Динкуме, а потом — на пони для игры в поло по кличке Замба. Очень рано отец стал обучать его плаванию в дворцовом бассейне вместе с кузенком Дэвидом. Однажды Эндрю решил пошутить и высыпал в бассейн ведро с пенообразующими солями для ванн. Подобными поступками он создал себе репутацию шута, клоуна, и свидетели рассказывают о его любимых «штучках»: он, например, обожал связывать вместе шнурки от ботинок королевских стражей и солдат, завязывать в узел знамя, утаскивать серебряные приборы и тарелки с накрытых для официальных банкетов столов, нажимать чуть ли не одновременно на множество звонков во дворце, устраивать пожарные тревоги в Сандрингеме... Один из дворцовых лакеев заявил, что самый беспокойный из всех королевских отпрысков был вполне «способен посеять хаос и панику быстрее, чем толпа английских болельщиков». Еще слуга говорил, что Эндрю постоянно по чему-нибудь стучал или кого-то бил, даже несчастных королевских собачек породы корги. Однажды один из лакеев, которому все это надоело, дал принцу отпор и «наградил» его хорошей оплеухой и синяком под глазом. И что самое удивительное, ему за это ничего не было! Никакого наказания!

В возрасте четырех лет Эндрю ознакомили с обычаем целования руки, и он ему подчинился и стал целовать при встрече руку матери, тетке и бабушке. Однако персонал дворца никогда не скрывал и не скрывает своего отношения к его развязности и грубоватой манере поведения: «Вы редко услышите от него “спасибо” и “пожалуйста”». Эндрю Мортон рассказал одну историю, весьма показательную: покидая Кларенс-Хаус после обеда с бабушкой, Эндрю встретил в коридоре дворецкого, уже давно служившего во дворце, и, проходя

мимо него, ради забавы растрепал ему волосы. Разгневанный дворецкий сделал с принцем то же самое. Эндрю с насмешкой воскликнул: «Вы не имеете права это делать! Меня только что собственноручно причесала моя бабушка!» А дворецкий не поведя бровью ответил: «Очень жаль, что она также не причесала ваших манер...»

В четыре года Эндрю начал посещать уроки в дворцовой школе, которую Елизавета организовала для своих детей. Его первая учительница несла ответственность за обучение еще четверых детей — двух мальчиков и двух девочек, одной из которых была Кэти Сеймур, дочь лорда Данбойна. Позднее к ним присоединился сын Маргарет. Когда Эндрю исполнилось восемь с половиной лет, Елизавета еще раз нарушила обычай, отправив его в начальную школу в Хитердауне, неподалеку от Виндзорского замка. Чарльз был первым наследником престола, получившим школьное образование вне дома, от обычных учителей, а не от приходящих преподавателей во дворце, и Эндрю последовал по его стопам. Он, как и все, надел серую школьную форму с красной фуражкой и разделил дортуар (спальню) с шестью товарищами, а с родителями виделся только в конце недели, по субботам и воскресеньям.

Характер Эндрю отличается экстравертностью, индивидуализмом и непредсказуемостью, но именно это, пожалуй, и позволило ему довольно быстро найти свою дорогу в жизни и не оказаться в тени старшего брата, наследника престола. Его внешность и его фигура, сравнимые по красоте с внешностью и фигурой молодого актера, исполняющего в театре роли первых любовников, факт его присутствия на борту «Непобедимого» во время войны за Мальвинские острова и «идиллии» с Ку Старк и другими старлетками создали его образ: образ мужчины энергичного, смелого, решительного, к тому же неутомимого соблазнителя и покорителя женских сердец. Облик этого человека, мужественного, сексуально привлекательного, несколько нахального и нагловатого, самоуверенного и даже немного надменного, весьма импонирует некоторым англичанам. Но его брак с живой и бойкой Сарой очень

быстро «пошел ко дну». Герцог Йоркский (которого злые языки называют «герцогом Поркским», то есть «герцогом Свинским») имеет свою официальную резиденцию около Виндзора, где он проживает вместе со своей бывшей супругой и двумя дочерьми.

Одной из отличительных черт, коими были отмечены 60-е годы, была скрытность, окружавшая детство Эдуарда. Елизавете в момент его рождения было уже тридцать восемь лет; она чувствовала себя более раскованной, более свободной со своим младшеньким, так как государственные дела уже не таким тяжким грузом давили на ее плечи. Кстати, Эдуард был ребенком умным, послушным, так что особых проблем с ним не было; короче говоря, это был эдакий беленький ангелочек. В возрасте трех лет его матушка стала давать ему уроки верховой езды, как и другим детям. Сегодня он разделяет с Анной страсть к лошадям и часто проводит уик-энды у нее в Гаткомб-Парке. Эдуард, по характеру спокойный, мягкий, добрый, но в то же время живой и бойкий, проявлял склонность к стоицизму: в пятилетнем возрасте, когда лопнувшая струна виолончели Чарльза со всего размаху хлестнула его по лицу, он сдержал слезы, несмотря на сильную боль.

Для своего маленького сына Елизавета вновь открыла в Букингемском дворце школу. Его одноклассниками стали кузены и кузины: леди Сара, леди Хелен Виндзор и Джеймс Огилви. Учительница заметила, что ребенок был сдержанным, осторожным, скрытным, но при этом его можно было назвать волевым: он выучивал все очень быстро, если предмет его интересовал, но просто отказывался учить то, что его не интересовало. Юного принца записали в колледж Гиббза, где он изучал английский и французский языки, арифметику, географию и историю, а также занимался пением и рисованием. Тогда уже говорили, что он решителен до упрямства и что терпит он только тех людей, которые ему оказывают сопротивление; но в то же время он, похоже, наделен сверхчувствительностью и очень жаждет нежности. На самом деле Эдуард в то время был робким мечтателем и интровертом.

Маленький «последыш» покорял тех, кто был близок к нему, мягкостью, приветливостью и прекрасным воспитанием. Но если Эдуард превосходно ладил с Чарльзом и Анной, то с Эндрю дела обстояли куда хуже. Трудность состояла в том, что Эдуард старался отличаться от старшего брата и пытался не задыхнуться под гнетом его влияния, его энергии, его эгоистичной и насмешливой натуры. И сегодня их отношения оставляют желать лучшего, и Эндрю до сих пор продолжает донимать и дразнить Эдуарда. Итак, Кембридж, а затем краткосрочная (слишком краткосрочная, по мнению его отца) служба в армии завершают образование Эдуарда. Он отдается своему увлечению театром и музыкой, работая в компании Эндрю Ллойда Уэббера, одной из самых ярких звезд на небосклоне английской музыкальной комедии (мюзикла), а затем создает свою студию по производству телефильмов. Но Эдуард со своими голубыми глазами Виндзоров и профилем хорошо воспитанного принца долго оставался холостяком, так что поползли слухи, что он — гей. Но принц положил им конец, в 1999 году женившись на Софии Рис-Джонс.

Сразу же после бракосочетания с принцем Эдуардом София, получившая титул графини Уэссекской, похоже, стала главной гламурной фигурой мыльной оперы под названием «Букингемский дворец и его обитатели». Ее история любви заново покрыла позолотой королевский герб и стала бальзамом для сердца Елизаветы. К тому же Софи должна была заменить Диану на страницах прессы и на телеэкране. Она могла стать новой «принцессой сердец» в сознании британцев.

Для этой роли Софи подходила превосходно. Впервые, ее сходство с Дианой просто поражало; к тому же она, хотя и происходила из среднего класса, казалось, тщательно усвоила все уроки Дианы. Софи, с ее короткой стрижкой «под Диану», с точно такими же жестами, со скопированной и тщательно дозированной элегантностью и свободой в одежде, выглядела прекрасной копией умершей принцессы Уэльской и сумела тщательно отделать и украсить свой облик за-

служивающей всяческих похвал молодой женщины, всегда готовой оказать услугу, если потребуется. На этом облике имелся и легкий налет естественности, способный привести в восторг всех англичан: современный внешний вид, раскованность, сумасшедший смех на людях и участие в благотворительных и гуманитарных акциях. Итак, бывшая пресс-атташе явно собиралась играть, ничем не рискуя, на «поле», когда-то завоеванном Дианой...

Но ее карьера деятельницы в сфере связей с общественностью, то есть пиарщицы, завершилась в 2001 году большим скандалом. Рассчитывая произвести впечатление на некоего саудовского шейха, с которым она ужинала в шикарном ресторане, графиня Уэссекская сделала все возможное и перестаралась, продемонстрировав не только свои познания в отношениях внутри королевского семейства, но также и познания в мире политики. Потягивая шампанское, Софи принялась, недолго думая, весело и бойко чернить и дискредитировать премьер-министра и его супругу. «Он о себе слишком высокого мнения и здорово задается, он воображает себя президентом, — доверительно сообщила она шейху. — А его жена — это же просто ужас, ужас, ужас!!!» Сенсация, да и только! И какая шумная! Но Софи, затронув столь скандальную тему, на этом не остановилась и совершила непоправимую ошибку, напав... на саму королеву, которую дерзко и бесцеремонно именовала не иначе как «эта дорогая старая дама»; задела она и принца Чарльза: «Он женится повторно, только когда старой дамы (речь шла о королеве-матери) не будет на свете». Софи не знала, что так называемый «саудовский шейх» был на самом деле журналистом и что он записал всю их беседу на магнитофон. Скандал разразился неслыханный! Запись попала на первые полосы газет... Засим последовала отставка Его Высочества со своего поста... Софи низко склонила голову, а Эдуард пообещал, что более не будет пользоваться статусом принца королевской крови в своих делах и что его студия не будет снимать фильмов о членах королевской семьи.

Парадокс заключается в том, что когда 19 июля 1999 го-

да Софи, эта предприимчивая представительница мелкой буржуазии, вступила в законный брак с Эдуардом, она была встречена почти как спасительница Букингемского дворца. Увы! То, что казалось козырем дворца, в конце концов превратилось в его слабое место... Боже, храни королеву!

Глава XIV

Королева-мать и принц-консорт

Без королевы-матери королевское семейство не было бы таким, каково оно сейчас. Будучи свидетельницей правления четырех монархов, она является воплощением образа бабушки всего королевства. Истинная звезда, одинаково комфортно чувствовавшая себя как в роли супруги короля, так и в роли королевы-матери, она весело и бодро движется к сто второму году жизни, продолжая открывать цветочные выставки и музыкальные фестивали. Пылкая, непосредственная, она способна развеселить и заставить улыбнуться самых ярых антимонархистов и носит наряды, способные излечить самых безнадежных дальтоникиков. Нет никого, кто мог бы критиковать королеву-мать. Если бы кто-нибудь посмел это сделать, это было бы настоящим преступлением против королевской власти, оскорблением величества!

Королева-мать

Ее первый внук, принц Уэльский, является не просто ее поклонником, а фанатом номер один. «Сколько я себя помню, — сказал он, — моя бабушка всегда была наилучшим примером чудачества, веселости, пылкости, бесконечной теплоты, надежности, живучести и, кроме того, она обладает изысканным вкусом во множестве вещей». Если королева-мать и Чарльз не находятся вместе в Лондоне, то часто пишут друг другу письма и звонят по телефону. Чарльз часто направляется в Кла-

ренс-Хаус, чтобы пообедать с глазу на глаз с бабушкой. Он высоко ценит ее образ жизни, признавая, что она превращает любое место, где находится, в святилище безмятежности и уюта.

Она является главной, центральной фигурой королевского семейства, именно к ней идут за советом, когда возникает проблема личного характера. Она также является символом снисходительности и мягкости, как подчеркивает принц Чарльз: «Я должен признать, что целиком нахожусь под ее влиянием и полностью ей предан, ей и ее делу. У нее есть невероятная способность превращать в золото все, к чему она прикасается...»

Однако некоторые приближенные к королевскому семейству упрекали ее в скупости (славная шотландская кровь не смогла бы солгать!) и в непреклонном дурном отношении к герцогине Виндзорской (ее ненависть оказалась очень стойкой). Ибо девятая дочь графа Стратмора и леди Кингхорн всегда была женщиной энергичной, истинной шотландкой, женщиной с железной рукой, затянутой в бархатную перчатку. Ей, разумеется, в жизни пришлось выдержать множество испытаний. Началось все с того, что она вошла в королевское семейство, выйдя замуж за герцога Йоркского. Произошло это 26 апреля 1923 года. Леди Элизабет (ставшая Елизаветой после коронации супруга) в длинном белом атласном платье была похожа на конфетку; маленького роста (всего 1 метр 55 сантиметров), но достаточно сообразительна, чтобы носить туфли на каблуках высотой в семь сантиметров... у нее золотисто-каштановые волосы, голубые глаза, но не просто голубые, а цвета перванш — цвета барвинка, то есть бледно-голубые с сиреневым оттенком, и очень светлая прозрачная кожа.

Она была женщиной веселого нрава, то есть такой, кого называют душой общества, заводилой и кто всегда воспринимает жизнь как праздник. За те тридцать лет, что она прожила в браке, прежде чем Георг VI взошел на престол, ее характер вполне приспособился к суровым и жестким правилам протокола, а также ко всяким неожиданностям и опасностям ее нового обществен-

ного положения. Молодая герцогиня примирилась со своими официальными обязанностями и исполняла их достойно, правда, ее иногда упрекали в некоторой старомодности. Однажды в «Таймс» сообщалось, что она «вырядилась в черное бархатное платье с горизонтальными золотыми, рыжеватыми и бронзовыми полосками, отделанное мехом, а в довершение всего на голове у нее красовалась ковбойская шляпа». Елизавета предпочитала зачесывать волосы кверху, а не делать себе короткую стрижку под мальчика. Она не хотела слепо следовать моде 20-х годов, а потому многим казалась провинциальной.

Но, однако же, во время государственных визитов и прочих официальных мероприятий личные качества герцогини Йоркской значительно упрощали дела. Она умела ободрить и заставить расслабиться самых робких, демонстрируя наличие чувства юмора, она была способна сказать плохо танцующему кавалеру на балу нечто вроде: «Смелее! Все очень хорошо! Вы танцуете так, что у меня корона с головы не упала. По крайней мере, еще не упала!» Она обвешивала себя бесчисленными украшениями: нанизывала на все пальцы кольца, на шею надевала ожерелья и кулоны, голову украшала диадемами, грудь — брошами; она не хмурилась, не брюзжала и безропотно выполняла свои обязанности, никогда от них не отлынивая. «Она кладет камень, первый камень при закладке какого-нибудь здания с таким удовольствием, словно только что нашла новый очень приятный способ времяпрепровождения после обеда», — говорили о ней. Ее супруг завидовал такой легкости и непринужденности, проявляемых в любых обстоятельствах. Кстати, небольшое заикание, которым он страдал, действительно было довольно серьезной помехой при исполнении им его обязанностей.

К счастью, их маленькие дочки, Елизавета и Маргарет, были очаровательны. Когда 10 декабря 1936 года старший брат герцога Йоркского Эдуард VIII отрекся от престола, герцог, потрясенный сознанием того, что это отречение означает для него самого и его жены, не смог произнести ни слова. Первое, что сделал новый король, так это 14 декабря наградил свою супругу орде-

ном Подвязки. В своей речи при восшествии на престол он подчеркнул: «Без моей жены и без ее помощи я не смог бы нести то бремя, которое лежит на мне». Королеве-супруге, как ее тогда называли, было тридцать шесть лет. Черчилль впоследствии назвал ее «самой отважной женщиной Второй мировой войны», и она действительно показала все, на что была способна, во время войны.

Как Черчилль, она поднимала дух Великобритании. Как только начались бомбардировки Лондона, королева стала посещать пострадавшие улицы, чтобы придать людям отваги. В разоренных кварталах она, эта дама в шляпе и перчатках, смешивалась с толпами людей самых простых, самых бедных и умела найти подходящие слова утешения и ободрения. Во время одной из самых массивных бомбардировок, 13 сентября 1940 года, в разгар воздушной битвы за Англию, бомбы обрушились на Букингемский дворец. И тогда королева произнесла фразу, ставшую легендарной: «Я рада, что мы тоже подверглись бомбардировке, это позволяет мне смотреть в лицо жителям Ист-Энда» (в те времена район Лондона, населенный простым и бедным людом, подвергался жесточайшим бомбардировкам).

Разумеется, в период с 1945 по 1950 год королева всегда была рядом с истощенным болезнью супругом и всячески поддерживала его. После восшествия на престол ее дочери вдова Георга VI обрела новый, почетный статус королевы-матери, налагавший на нее свои обязанности и имевший свои сложности. Но те, кто воображал, будто она вскоре удалится в Шотландию и будет там пребывать в уединении, были поражены ее быстро восстановившимися силами. Могло показаться, что с течением лет она все же пожелает когда-нибудь покоя, но ничего подобного не произошло. Она оставалась государственным советником и в отсутствие королевы продолжала принимать иностранных послов и вручать награды. Она была дамой-патронессой более трехсот заведений и предприятий и продолжала играть роль посланца британской короны по всему миру, устраивая себе веселые приключения в Венеции в 1984 году или ежегодно отправляясь во Францию, где князь

Фосиньи-Люсенж (ее «французский жиголо», как однажды с долей иронии сказала королева) готовил для нее всевозможные развлекательные программы. Эта всегда улыбающаяся королева-мать, которой ничто так не нравится, как коктейль с шампанским и хороший обед, которая высоко ценит блюда под вкусными соусами и шоколадный крем, любит ловить рыбу (в особенности лосося), стоя посреди речки на мелководье в высоких резиновых сапогах и прорезиненной непромокаемой куртке, чрезвычайно энергична и наделена невероятной жизненной силой. Ее любовь к жизни и ее антиконформизм ярчайшим образом проявляются в ее вкусах. Она любит красивые машины, и сегодня еще владеет несколькими «роллс-ройсами», одним «ягуаром» и одним «даймлером»; кстати, она часто подзуживала своих шоферов, чтобы они ехали на большей скорости.

Образ жизни королевы-матери можно назвать гедонистическим в лучшем смысле этого слова. Ежедневно ей подают завтрак в постель, и она выплывает из своих покоев не ранее 11 часов. По утрам у нее аппетит, как у птички, она часто пропускает ланч или обед, а на завтрак довольствуется чашечкой чаю, половиной розового грейпфрута и тостом с джемом. Но зато она щедро вознаграждает себя напитками! И как! Можно сказать, наверстывает упущенное! Ее способность поглощать алкоголь и при этом не пьянеть просто сказочна, и о ней известно всем. Однажды перед ужином она выпила три тройные порции джина и две трети бутылки вина и при этом не проявила ни малейших признаков опьянения. Ее любимый коктейль? Так называемый «Пинк джин» («Розовый джин») с тоником ангостура, в состав которого входят одна треть джина и две трети «Дюбоннэ».

Королева-мать экстравагантна в своих поступках, и ее поведение порой граничит с эксцентричностью. Около ее кровати, например, стоят два огромных ангела из камня, одетых в одеяния из ткани, которые приводят в порядок раз в месяц. Королева-мать также питает особое пристрастие к часам. Она очень пунктуальна и требует, чтобы все настенные и прочие часы в ее лич-

ных апартаментах были всегда точно выверены по Гринвичу. Ее образ жизни не раз бывал предметом споров; в марте 2000 года британская пресса приоткрыла завесу тайны над ее финансами и сообщила, что в ее бюджете имеется дефицит в шесть миллионов евро.

Если у королевы-матери нет в расписании никаких официальных мероприятий после полудня, если ее садовница Бинни (единственная женщина-садовница на королевской службе) не завладевает ее вниманием, она посвящает себя друзьям. А они довольно многочисленны. Как объяснил их столь большое количество один из бывших шталмейстеров: «Когда встречаешься с королевой-матерью в первый раз, не замечаешь ни ее маленького роста, ни ее полноты. Их не замечаешь и потом, потому что просто приходишь в восторг от исходящей от нее человеческой теплоты, доброты и притягательности... Она дарует людям чувство, что они ее интересуют, у них появляется ощущение, что она их знает или почти знает. А когда она смеется, ее голубые глаза также смеются. Она обожает смеяться».

Итак, друзья королевы-матери часто приходят к ней на чай, и церемония по ее повелению прерывается для сообщения о результатах бегов, ибо королева-мать не пропустила бы эти сведения ни за что на свете. По вечерам она часто ужинает на веранде, счастливая в своем удобном жилище, каковым является Кларенс-Хаус (летом, разумеется, она живет в своем замке Мэй на самом севере Шотландии).

Окруженная своими собачками, за которыми она ухаживает воистину с английской заботливостью, сдувая с них пылинки (мясо, из которого состоит их трапеза, должно быть нарезано на мелкие, строго одинаковые по размеру кусочки, а их корзинки, представляющие собой настоящие кровати с подушечками и одеяльцами, убирают и меняют ежедневно), старая дама пользуется таким благорасположением обслуживающего ее персонала, что, можно сказать, они ее холят и лелеют. Ежегодно на Рождество королева-мать дарит всем членам персонала подарки стоимостью в 45 евро (каждому). В ответ она обожает получать подарки в виде шоколадок с мятной начинкой.

Разумеется, несмотря на свой образ идеальной бабушки, королева-мать иногда проявляет темперамент, который некоторые считают «пассеистским», то есть настроенным на уход от действительности в прошлое. Так, например, она была возмущена, когда в 1992 году ее дочь была вынуждена платить налоги! Точно так же она не любила и «шалости» Дианы, точнее, ей страшно не нравились ее похождения и выходки. На свадьбе ее внука Эдуарда она одна была в шляпе... как говорится, традиция обязывает... На протяжении ее жизни тучи не раз сгущались над ее головой, в них не было недостатка... Королева-мать очень сожалела впоследствии о своей непримиримости и непреклонности, проявленных в «деле с Таунсендом», но это было потом, когда она узнала о глубокой привязанности Маргарет к возлюбленному. Но, как она сама как-то заметила: «Горе эгоистично и ограничено». Элизабет Анджела Маргерит Боуз-Лайон, ставшая впоследствии Елизаветой, женой и вдовой Георга VI, выбрала солнце, жизнь и ее радости. Она является одним из столпов королевской власти Великобритании, она всегда полна решимости служить доказательством истинности слов из знаменитой редакционной передовицы «Таймс»: «Она проявила добродетели, мужество, достоинства и силу обыкновенной жизни в жизни необыкновенной. Она сделала монархию гораздо более доступной и естественной, гораздо менее суровой, чем она была при предыдущих поколениях монархов».

Принц-«иконоборец», принц — отрицатель традиций

Другим главным персонажем пьесы под названием «Корона Британской империи» является Филипп, герцог Эдинбургский, принц-консорт Великобритании и Северной Ирландии. Его скорее уважают, чем действительно любят, по причине его воистину германской жесткости и суровости, а также его едкого, язвительного юмора и умения всегда говорить правду в глаза, не стесняясь в выражениях, что он всегда и делает ради пользы Великобритании и ради благого дела.

Его жизнь могла бы стать всего лишь длинной чередой горьких разочарований. Сколько же было поводов для обид и злопамятности в жизни этого настоящего «мачо», вынужденного уступить главную роль своей супруге-королеве, и сколько причин для злобы он должен был отогнать от себя! И в то же время сколько он осуществил свершений! Герцог — вовсе не пассивный персонаж, хотя он и является прежде всего бесконечно преданным королеве и жене принцем-консортом. Это человек любознательный и открытый для восприятия современных идей. Он хочет использовать свое положение для того, чтобы быть плодотворным созидателем. Некоторые думают, что было бы лучше, если бы он продолжил свою карьеру в военном флоте, но так думают далеко не все. «Он гораздо в большей степени состоялся как человек и мужчина в качестве герцога Эдинбургского, чем состоялся бы, останься он на службе во флоте», — уверяет лорд Бакстон, горячий поклонник герцога, в особенности из-за его успехов в сфере борьбы за экологию.

Так кем же предстает принц Филипп в глазах королевы? Своеобразным «иконоборцем»? Отрицателем традиций? Он — единственный мужчина, которого она любила. Судьба позволила ей выйти за него замуж. Они оба — потомки королевы Виктории, праправнук и праправнучка, ведь ее не зря называли «бабушкой Европы»; Елизавета является праправнучкой Виктории по отцовской линии, Филипп — по материнской, потому что его мать Элис Баттенберг — внучка младшей дочери Виктории. Но кроме этого отдаленного родства их ничто не связывало, ибо обстановка, в которой они росли в детстве, воспитание, образование и условия формирования личности у них со всех точек зрения были совершенно различны.

Когда Елизавета в тринадцатилетнем возрасте впервые встретила Филиппа, она влюбилась в него с первого взгляда; спустя десять лет она вышла за него замуж. Он ради нее отказался от военно-морского флота: летом 1951 года герцог Эдинбургский был вынужден оставить службу и взять отпуск на неопределенное время; он вернулся в Лондон, потому что король Георг был

тяжко болен: у него был рак легких. Во время государственного визита в Канаду и Соединенные Штаты юмор и антиконформизм герцога не раз способствовали разрядке атмосферы, к тому же все восхищались тем, как он сумел взять руководство визитом в свои руки и как заботливо направлял на верный путь жену. Во время приемов и нескончаемых торжественных шествий в честь гостей он умел развеселить ее шуткой или дерзким, но уместным замечанием. Когда супруги возвратились в Лондон в середине ноября, Георг VI выразил герцогу свою признательность, назначив на должность личного советника. Филипп дал клятву верности 4 декабря 1951 года. Состояние здоровья монарха оставалось вроде бы стабильным, и повседневная жизнь вошла в спокойную, размеренную колею. Филипп, казалось, уже привык к семейной жизни и позабыл жизнь гарнизонов.

Однако герцог не переставал удивлять. Полицейскому, остановившему его за превышение скорости на одной из лондонских улиц, он холодно говорит: «Я опаздываю, у меня назначена встреча с архиепископом Кентерберийским!» (что было правдой). Во время рождественских каникул 1951 года в Сандрингеме он в какой-то дождливый, промозглый день после полудня предложил совершить пешую прогулку по сельской местности. Елизавета отказалась, и один из слуг тотчас же услышал мгновенную реплику: «Ну и оставайтесь, дорогая маленькая дурочка!» Рассказывают также, что однажды, перед тем как королева должна была начать произносить речь, он, полагая, что микрофон не включен, пробормотал супруге ободряющие слова, достаточно хорошо различимые: «Не смотри так грустно, подружка-дурнушка!» Филипп ведет себя непосредственно, естественно, со свойственной ему прямоотой и никогда не пытается оправдываться. Под любезными манерами он скрывает свою непредсказуемость, иногда даже излишнюю прямолинейность и непреклонность. Но столь цельный характер и мужское начало вместе с огромной энергией составляют неотъемлемую часть его очарования, и Елизавета его любит, и он любит ее, хотя их брак, это очевидно, зиждется на сою-

зе двух противоположностей. Если говорить про атмосферу, царящую в этой семье, то барометр далеко не всегда указывает на «ясно». За годы, прожитые этой четой в браке, многие слуги присутствовали при яростных спорах и даже ссорах. Жить с Филиппом нелегко, он часто демонстрирует склонность к тирании, но Елизавета умеет отстаивать свои позиции и взгляды.

На самом деле в противоположность королеве Виктории, сделавшей Альберта принцем-консортом и одновременно своим личным секретарем, Елизавета никогда не хотела давать своему мужу «политическую роль». Принц Филипп, кстати, тоже никогда не пытался официально получить титул принца-консорта, он предпочитает не иметь доступа к политическим делам, остающимся исключительными «владениями» или «полем деятельности» королевы, а довольствуется титулом принца Соединенного Королевства, пожалованным ему в 1957 году.

Единственная миссия, которую Филипп разделяет со своим предком-консортом, — это поддержка науки и техники: он является президентом Британского общества содействия научному прогрессу.

Принц Альберт, обладавший воистину энциклопедическими познаниями, проводил в ожидании Виктории долгие часы в занятиях музыкой, исполняя на органе сонаты Мендельсона, или работал над проектами разумного распределения удобрений в сельском хозяйстве, или чертил планы различных архитектурных сооружений; Филиппу далеко до столь высокого культурного уровня, и он сам это признает: «Из-за войны мое поколение, вероятно, является наименее культурным поколением нашего времени».

Филипп никогда не проявлял ни малейших личных амбиций, никогда не демонстрировал признаков горечи или злости от сознания того, что он — всего лишь второй номер; это подтверждает один из его бывших шталмейстеров: «Я знаю, что его первой заботой всегда было служить и помогать королеве. Ничто никогда не менялось для него, и ничто его никогда не оттаивало». Так, его ни разу не «застигли на месте преступления», то есть не смогли обвинить в лени во

время восьмидесяти официальных (государственных) поездок, совершенных с 1952 года в сто двадцать стран. Постепенно Филипп стал почетным гражданином Акапулько, Белфаста, Бриджтауна, Барбадоса, Кардиффа, Чикаго, Эдинбурга (ну, это-то пустышки!), Глазго, Гринвича, Лондона, Лос-Анджелеса, Мельбурна, Монтевидео и Найроби. Он был награжден двадцатью двумя зарубежными орденами (от Большой орденской ленты через плечо бельгийского ордена Леопольда до югославского ордена Звезды I степени), он был удостоен звания «почетного доктора» более чем в двух десятках университетов (в том числе в Оксфорде), он опубликовал более десятка различных книг, он оказывает поддержку и покровительство семнадцати гольф-клубам и семидесяти двум яхт-клубам, является президентом или председателем сотни ассоциаций, союзов, объединений и сообществ. Диапазон этих сообществ весьма широк: союзы любителей парусного спорта, авиации (воздушного спорта), артиллеристов, рыбной ловли, общество Красного Креста, общество автолюбителей, союз альпинистов, совершивших восхождение на Эверест, и общество защиты природы. По поводу последнего общества некоторые шутят, что стать его президентом принца вдохновил тот факт, что в XX веке монархи могли бы тоже фигурировать среди существ, находящихся под угрозой исчезновения!

Короче говоря, одно только прочтение списка союзов и обществ, президентом или председателем коих является принц Филипп, уже вызывает головокружение. Его присутствие на собрании каждого союза обязательно не менее одного раза в год. Для Филиппа такая активность (он всегда находится в тройке самых деятельных членов королевского семейства, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты о выполнении членами семьи своих официальных обязанностей) продиктована двумя факторами: чувством долга и желанием облегчить работу жены. «Все обращаются к ней, — подчеркнул он, — потому что она — королева. Когда есть король и королева, то к королеве обращаются только по определенным поводам. Но когда королева является государыней, когда она выполняет функции монарха,

тогда все обращаются к ней. От нее требуют гораздо больше, чем она может сделать... Мне стоит огромного труда убедить не тревожить королеву, а обратиться ко мне».

Постепенно за образом деятельного и неутомимого посла стал вырисовываться образ супруга-защитника, чрезвычайно внимательного к престижу монархии. Одной из самых любопытных черт герцога Эдинбургского является его любовь к дискуссиям и речам. Возможность взять слово на обеде или ужине, куда он приглашен, делает его просто счастливым. Роберт Лейси забавлялся тем, что как-то подсчитал, что принц Филипп произносит ежегодно в среднем около ста пятидесяти речей, которые пишет сам, приправляя их шутками на свой вкус. Елизавета, ненавидящая произносить речи и считающая эту работу пыткой, rozumeeтся, в восторге от того, что ее от нее избавляют. Филипп часто развивает в этих речах темы, особенно дорогие его сердцу: поло («...многие успешные игроки должны были сделать выбор между своими лошадьми и своей женой...»), ораторское искусство («...быть смешным гораздо труднее, чем серьезным...»), политические деятели («...чтобы понять, что говорят британские министры, надо купить словарь политико-административной тарабарщины и автоматически прибавлять десять лет к сроку осуществления каждого данного ими обещания...»), возмущение, которое вызывает у простого народа бюрократия, — он может об этом говорить, потому что находится на самой вершине власти.

Филипп, благодаря своим усилиям, постепенно приобрел большое влияние среди специалистов наиболее динамично развивающихся отраслей промышленности; он также является ярким сторонником идеи повышения качества продукции в любой сфере производства и даже осмелился заявить перед собранием английских промышленников: «Я устал, я просто болен оттого, что вынужден постоянно приносить извинения за Великобританию». На деле он часто приходит в восторг, если ему предоставляется возможность играть роль «ужасного, жестокого государя».

Дерзость Филиппа сделала его очень популярным в Англии. Он верно угадал, что народ хочет слышать правду, которую никто не осмеливается сказать. Почувствовав себя еще более уверенно после такого открытия, он без всяких опасений может упрекать государство в том, что оно «обеспечивает некоторую защиту от социальных неудач и проигрышей, но не позволяет предприимчивым людям добиваться таких успехов, которых они достойны». Ему удалось разгневать профсоюзы, подвергнув публичной критике их дискриминационную политику и тактику; большая часть общества откровенно радовалась, что кто-то сумел заткнуть им рты.

Филипп завоевал самостоятельность благодаря своему положению, потому что ни один из членов правительства не осмелился бы говорить то, что говорит он. Он может бороться за правое дело вместо королевы, потому что монархия, как предполагается, не должна иметь собственного мнения, и если королева займет определенную позицию по какому-то вопросу, то тем самым она рискует создать угрозу монархии как общественному институту. Надо сказать, что Филипп при помощи юмора иногда добивался больших успехов и его вмешательство порой давало существенный эффект, как, например, в 1969 году, когда он добился успеха в вопросе об увеличении выплат по гражданскому листу королевы. Со свойственной ему прямоотой герцог без колебаний назвал самого себя «обесцененным, потерявшим кредит принцем с Балкан, не обладающим особыми заслугами и ничем не выделяющимся». Он даже признал: «Я всегда старался сунуть свой нос в дела, не касавшиеся меня напрямую». Однажды один социолог дал принцу следующую характеристику: «Институционный иконоборец». Надо признать, что это очень точно сказано: принц Филипп получает ни с чем не сравнимое удовольствие, когда позволяет себе вольность вставить в речь грубое словечко или совершает дипломатический промах.

Разумеется, иногда принц ведет себя так, что это уже граничит с проявлением дурного вкуса. Он, например, пытался установить дружеские отношения с одним из

жителей Каймановых островов, задав вопрос: «Вы ведь все — потомки пиратов, не так ли?» Инструктора одной из автошкол в Шотландии он спросил: «Как вам удается уговорить людей бросить пить на то время, когда они должны сдавать экзамен на получение водительских прав?» Об одном сломавшем себе ногу фотографе он отозвался и вовсе не позволительно: «Я бы предпочел, чтобы он сломал себе шею!» Выражая благодарность пятистам приглашенным на прием, данный в честь его 80-летия, принц сказал: «Самое тяжелое в таком возрасте — это выдержать вот такие празднества».

С годами герцог Эдинбургский остепенился и образумился, но все же «благодаря» ему царствование Елизаветы II было отмечено нарушениями традиций, чего никогда не позволял себе его предок, принц-консорт Альберт, любивший говорить: «Я хочу всего лишь быть тенью моей супруги, и ничем более». Грек по происхождению, сегодня Филипп является образцом идеального английского джентльмена. Теодор Зелдин совершенно справедливо написал, что данный случай служит иллюстрацией того, что было уже сказано не раз: «Поведение, а не происхождение делает человека джентльменом».

Но этот реформатор 50-х годов XX столетия строго следил за тем, чтобы не нанести ущерба блеску и престижу монархии. Если протокол и наводил на него скуку, то он все же рассматривал большинство церемоний как неизбежное, но необходимое зло. Он умело играл свою официальную роль и выслушивал длинные речи даже не поведя бровью, он сидел во главе стола на банкетах и председательствовал на благотворительных праздниках, он украшал своей импозантной фигурой королевскую ложу в театре «Ковент-Гарден» и на скачках в Аскоте, он с достоинством выдерживал одновременные вспышки десятков фотоаппаратов. Филипп сумел привить себе любовь к традициям, порядку, постоянству. Его суровое отношение к Маргарет в период «дела Таунсенда» и «дела Сноудона» свидетельствует о его чувстве долга и твердых намерениях защищать образ королевской власти, когда этому образу грозит опасность померкнуть в глазах народа.

Принц Филипп обладает способностью быть единым в двух лицах: в общественной, публичной жизни он остается в тени королевы; в частной, в личной жизни он утверждает себя в качестве главы семьи. Роль, требующая мгновенного перехода от одного образа к другому, стоит только переступить порог! Когда двери Виндзорского замка закрыты, там правит Филипп. Если он и является мужем, осужденным на то, чтобы всю свою жизнь следовать за женой, держась в двух шагах позади нее, но зато позади трона он держит бразды правления в своих руках. Так как Елизавета всегда хотела отделить официальную жизнь от личной, она позволила мужу поступать так, как он того желал. Можно сказать, что королевская чета не отклоняется от классической схемы существования большинства супружеских пар. Вознаграждением для Елизаветы является то, что она сохранила рядом с собой нетерпеливого, непредсказуемого супруга, всегда настроенного очень решительно. Она знает, что даже на публике ее муж иногда может проявить чрезвычайную вежливость, а затем вдруг впасть в сильнейшее и необъяснимое раздражение. Иногда он уверен в себе, иногда — нет, порой он как бы подчиняется стадному инстинкту, а порой бывает ужасно одинок. Он очень энергичен, полон задора, в нем есть нечто от Дон Кихота, и его невозможно ни провести, ни укротить.

Хотя Филипп — ее полная противоположность, хотя он импульсивен, атлетически сложен, хотя он скорее актер, чем зритель, Елизавета принимает его таким, каков он есть. Герцог Эдинбургский сам сказал о своем главном качестве и о своем лучшем недостатке: «Искренность человека и его верность самому себе имеют свою цену. По моему мнению, людей не возмущает, не оскорбляет и не смущает, если они сталкиваются с человеком, грешащим некоторой неискренностью и определенной нехваткой вежливости и любезности. В действительности они готовы все вам простить при том условии, что вы будете надлежащим образом делать то, что они вправе ожидать от вас».

Глава XV

Принц Уэльский

Долгое время англичане видели в принце Чарльзе человека, открытого внешнему миру, эдакого экстраверта, привыкшего вести себя излишне непринужденно, порой до развязности, и немного старомодного. Иногда его все же воспринимали как человека доброжелательного, уязвимого и пропитанного духом классицизма, в особенности в том, что касалось его вкусов. Чарльз Филипп Артур Джордж, принц Уэльский и граф Честер (Честерский), герцог Корнуэльский и герцог Ротсейский, граф Каррик, лорд Антильских островов, наместник Шотландии, кавалер ордена Подвязки, сорок четвертый наследник трона королей Великобритании был воплощением британского духа, одновременно классического и приятного, забавного и странноватого. В силу чего принц Чарльз, казалось, был обречен на то, чтобы провести лучшие дни своей украшенной королевским гербом молодости в изобилующей любезностями и явно скучной роли официального лица, представителя королевского семейства, разумеется, осыпанного восторгами толпы, но в то же время и постоянно затмеваемого его матерью и женой, подобно тому, как многие мужчины из династии Виндзоров постоянно пребывали в тени своих женщин. Совершенно очевидно, что эта роль не могла принести ему удовлетворение.

Наследник

После того как Чарльз робко и скромно жил в тени матери-покровительницы, отца-супермена и легендарного двоюродного деда (Эдуарда VIII, отрекшегося от престола ради своей знаменитой миссис Уиллис), после того как он был отодвинут на задний план и как бы лишен притягательности своей ослепительной супруги, после того как он был пригвожден к позорному столбу за то, что в пять часов вечера пил чай с Ка-

миллой, то есть был уличен в супружеской неверности, Чарльз, уязвленный тем, что в глазах англичан он выглядел эксцентричным интеллектуалом, ведущим умные разговоры с выращиваемыми помидорами, не пожелал больше играть второстепенные роли. Вечный юноша, влачивший заурядное существование при самом пышном и роскошном дворе планеты, захотел вновь стать принцем, очаровывающим людей и подчиняющим их себе.

Постепенно наследник престола сумел «поднять планку» и «расчистить площадку». Теперь его уже не терзают сомнения и нерешительность. В нем нет ничего от человека, измученного чувством неудовлетворенности и истерзанного бесконечным ожиданием того момента, когда он взойдет на трон. Всем понятно, что Чарльзу удалось найти смысл жизни. Он желает способствовать процветанию и величию своей страны и полагает, что в данном качестве сможет сыграть в этом деле чрезвычайно важную роль. Принц Уэльский искал смысл жизни в конкретных делах. Архитектура, экология, медицина, использующая естественные средства лечения, образование, безработица, культура далеких стран — кажется, все задевает какие-то струны в его сердце. Пользуясь своей внешне явной, а по сути мнимой, свободой и одновременно осторожно и пронизательно используя власть прессы, принц Уэльский стал сегодня знаменосцем некоего общественного, социального движения, борющегося за экологию, в рядах которого находится подавляющее большинство подданных Ее Величества (около девяноста процентов населения, по данным опросов). Кризис, связанный с «коровьим бешенством», наглядно продемонстрировал, что единственным защитником английской деревни является сын королевы.

Этот принц-гуманист, увлеченный садоводством, этот выдающийся художник-акварелист, этот страстный поклонник оперы сумел «попасть в тон», стать созвучным Великобритании, в особенности настроениям молодежи, несмотря на то, что иногда его действия или демарши бывают встречены насмешками и критическими замечаниями. Его успех в чем-то похож на па-

ри, на немыслимую затею, на вызов: воссоздать и осовременить идеальный образ принца, какой существовал когда-то в стародавние времена в европейских династиях, когда короли умирали молодыми, то есть образ вечно юного принца, доброго, благородного и справедливого. И с романтическим взглядом на жизнь. Действительно, романтизм — это одна из излюбленных ценностей Чарльза, и его романтичность играет большую роль в интересе, который принц вызывает к своей особе у широкой публики. Люди видят его странности и капризы, но при этом, глядя на него, им начинает казаться, что один из сильных мира сего может влиять на ход событий не только умом, но и сердцем. Совершенно очевидно, что Чарльз хочет играть роль своеобразного противовеса монархическому аппарату со всей его роскошью, помпезностью и блеском.

80-е годы XX века открыли Чарльзу самого себя. Он по достоинству оценил поразительное влияние на общество своей женитьбы, чему немало способствовали средства массовой информации, ведь это было точное попадание в цель, и его популярность невероятно выросла, правда, частично она была украдена у него Дианой. Все, что он сам может сделать для своей страны, прибегая к помощи речей или предпринимая хорошо продуманные действия, стало его главной заботой. Отныне он буквально одержим навязчивой идеей сохранения своего образа в глазах англичан. Неудача его брака с Дианой, за которую общественное мнение возложило ответственность на него, и до сего дня остается для него ахиллесовой пятой. К тому же у него и внешность настоящего представителя рода Виндзоров, за что некоторые современники Чарльза иногда не щадили его, подвергая жестокой критике. Так, Пенни Джунор, биограф принца Чарльза, отмечает, что «у него покатые плечи, широкие бедра и короткие ноги». Другой «портретист» дошел до того, что написал, будто принц со своими оттопыренными ушами «похож на “фольксваген”, у которого забыли закрыть дверцы». Вполне вероятно, что в детстве Чарльз, любивший поест, был толстоват, что плечи у него были полноваты, а руки вверху напоминали формой бутылки с минеральной

водой «Сен-Галмье», что у него была худосочная грудь, широкие бедра и тонкие, слабые икры. Сегодня своей фигурой, лишенной не только малейшего намека на лишний жир, а даже одной-единственной унции жира, он обязан постоянным тренировкам и правильному питанию. Столь серьезная забота принца о своем внешнем виде происходит, по мнению некоторых, от того, что на жаргоне психологов именуется дисморфофобией, то есть навязчивым страхом стать уродливым. Да, конечно, уши у принца довольно велики и достаточно заметно оттопырены, а его нос не отвечает греческим канонам красоты, но подвижность его лица, выразительность мимики и очаровательная улыбка мгновенно заставляют забыть о недостатках.

Чарльз испытывает чувство неудовлетворения? Эта тема долгое время была лейтмотивом всех публикаций прессы. В «портрете», появившемся на страницах журнала «Лайф», другой биограф принца, Энтони Холден, сосредоточил свое внимание и внимание читателей на описании слабого рукопожатия Чарльза, на его нервном тике, постоянной нервозности, на его все возрастающей мизантропии, на преследующем его страхе неудач, на его комплексах, приобретенных из-за сравнения себя с Дианой. По мнению Холдена, Чарльз «пришел в отчаяние» из-за кампании, развязанной против него в прессе, когда из него сделали посмешище. Далее Холден писал, что принц уверен во всеобщем упадке, что в любой ситуации он проявляет крайний пессимизм, что он наделен большой отвагой, но недооценивает себя и чувствует себя постоянно ущемленным. Этот анализ отличался большой жестокостью.

Пенни Джунон проявляет большую снисходительность: «Чарльз умен, чувствителен, благороден, в изобилии наделен чувством юмора и обаянием. Но он скорее интроверт, чем экстраверт, ему не хватает уверенности в себе, он легко уязвим. Вся его жизнь была посвящена долгу». А затем мисс Джунон восклицает: «Принц Уэльский вне политики! В соответствии с конституцией он не должен даже быть обвинен в причастности к ней, и у него нет желания что-либо менять в данном вопросе. Сфера деятельности, которую он из-

брал для себя, чисто гуманитарная, и именно в ней могут раскрыться его таланты. Трагедия в том, что он сам не уверен в собственной значимости, и в том, что те, кто его окружает, недостаточно верно направляют его и недостаточно энергично понуждают к движению вперед».

Кажется очевидным, что Чарльз хорошо знает свет, то есть высший свет, в котором он вращается, и что ему прекрасно известно, сколь нелеп и абсурден этот мир, его мир. «Это принц, которому ведомо, что такое “состояние души” или “настроение”», — будут насмехаться над ним одни. «Это принц ответственный и серьезный», — будут усиленно преувеличивать его достоинства другие. В любом случае он действительно человек серьезный, но ведь слово «серьезный» — не синоним слова «скучный». В самом деле, никто не подвергает сомнению его чувство юмора, его серьезность и его ум. Те, кто полагают, что знают его, в особенности страдают от его неуверенности в себе и недоверия к другим. Многие даже поссорились с ним из-за этого. Говорят, что один из личных секретарей принца Уэльского вроде бы даже не раз рыдал после того, как выслушивал его упреки. Похоже, обслуживающий персонал иногда бог знает до чего доводит принца... а порой и принц показывает кое-кому где раки зимуют...

Итак, Чарльз любит вставать рано. Он отправляется работать в свой кабинет, где службе строго-настроено запрещено что-либо переключать с места на место, потому что принц очень аккуратен, до педантизма. Его указания всегда изложены кратко, в письменной форме, и вместо подписи стоит только первая буква его имени. Он мало контактирует напрямую со слугами. Слугам известно о фобиях их господина: он ненавидит шум водопроводных труб и слишком жарко натопленные комнаты. Кстати, он сам регулирует термостаты в основных помещениях. Майкл Колборн, вплоть до 1984 года бывший его личным секретарем, частенько становился жертвой недоверчивого и обидчивого Чарльза. Лорд Маунтбеттен, однажды найдя его огорченным каким-то замечанием Чарльза, приободрил его в следующих выражениях: «Проявите к нему терпе-

ние, Майкл, пожалуйста. Он сердится не на вас лично, он просто нуждается в разрядке, а вы — единственный, на ком он может выместить свое дурное расположение духа. Примите же это за честь, ибо вы нужны ему».

Чтобы удостовериться в том, что он не является объектом использования в коммерческих интересах, ни он сам как личность, ни его имя, принц постоянно находится настороже. Стоит только одному из секретарей продемонстрировать недостаточную бдительность, как разражается скандал. Майкл Верни рисует, по его мнению, довольно «дипломатичный» портрет принца: «Я полагаю, что в глубокой натуре принца Чарльза есть некий парадокс. С одной стороны, он вроде бы осознает свое одиночество, свое положение в обществе, которое не позволяет ему быть таким, как все, и поддерживать настоящие узы дружбы, а с другой стороны, он, кажется, вполне удовлетворен обществом самого себя, то есть самодостаточен. Так, рыбалка — одно из его излюбленных развлечений. Не правда ли, показательно и свидетельствует о многом? Но в любом случае это человек, всегда настроенный на позитив, человек положительный и рассудительный, который пытается по возможности избежать любых осложнений и конфликтов. Я не хочу сказать, что он уклоняется от выполнения своих обязанностей и уходит от ответственности, но если есть способ найти такое решение проблемы, которое позволит избежать напряжения, он тотчас же к нему прибегнет».

Принц-экологист

Дикки Арбитэр, бывший советник принца Чарльза по связям с прессой, однако, проявляет настойчивость и уточняет: «Чарльз вовсе не затворник и не отшельник, он всегда рад отобедать со своими друзьями или провести вечер в спокойной, непринужденной обстановке с семьей и кузенами. Он любит различные виды конного спорта, такие как игра в поло, и псовую охоту. Он с удовольствием разговаривает с сельскими жи-

телями, хорошо знает их в лицо и помнит разговоры, которые вел с ними раньше». Короче говоря, даже в этих сферах принц Уэльский, по мнению Дикки Арбитэра, ведет себя по-королевски.

Гарольд Брукс-Бейкер, прославленный издатель «Беркс пиридж» («Книга пэров Берка»), как только речь заходит о принце Уэльском, начинает петь ему дифирамбы: «Принц Чарльз — это самый конструктивный, самый творческий, самый умный, самый сознательный и самый добросовестный человек из всех, кого королевская семья произвела на свет на протяжении нескольких сотен лет». Летом 1978 года директор одного из благотворительных заведений, находящихся под патронажем принца Чарльза, прибыл в Букингемский дворец. Он должен был сказать принцу несколько слов перед тем, как сопроводить его на собрание комитета заведения, но Его Королевское Высочество не могли нигде найти. Наконец один из слуг сказал, что в последний раз видел принца Чарльза в парке, он сидел под деревом и писал речь. Директор терпеливо ждал, затем услышал, как в конце длинного и широкого коридора открылась и закрылась дверь. Глядя на этого одинокого молодого человека, шедшего ему навстречу и выглядевшего озабоченным, директор подумал: «А что же у него за жизнь? Что мы для него?» Спустя тринадцать лет он привел данные социологического анализа и написал следующее: «Если принц Уэльский так популярен, то только потому, что он интересуется жизнью других слоев общества, а не только того, который ему известен, а также потому, что считает: талант и личные достоинства человека значат больше, чем его происхождение или цвет кожи».

Чарльз хотел бы быть современным королем, и он это очень хорошо объясняет: «Я попытаюсь изменить старинный и далекий от людей облик королевской власти». Ричард Линдсей, содействовавший принцу Уэльскому в работе на Би-би-си над его передачей «Мир висит на волоске», дает такие «свидетельские показания»: «Чарльз за неделю встречается с огромным количеством людей и пожимает больше рук, чем большинство из нас за год, но тем не менее у него гораздо

меньше друзей. Принц Уэльский, каков бы он ни был, совершенно естественно приговорен к одиночеству. Он обязан перед самим собой требовать сдержанности и молчания, абсолютного соблюдения тайны от всех, кто его окружает. Кстати, принц Уэльский — это человек, умеющий при знакомстве тотчас же сделать так, чтобы вы чувствовали себя непринужденно. Это человек творческий, как говорится, артистическая натура, чувствительный, ответственный, но очень одинокий».

Один из биографов Чарльза, Алан Гамильтон, отмечает: «В его внешности есть неуловимые признаки преждевременного старения; он компенсирует сей недостаток своей плохо скрываемой или нескрываемой страстностью взрослого шутника и балагура... Похоже, это правда, что во время путешествия на Гебриды Чарльз, одетый в рабочий комбинезон, сажал картошку, добывал торф и пас овец. Как только эта новость стала известна, в газетах написали, что Чарльз уж точно большой оригинал. Подданные Ее Величества, без сомнения, поняли, что королевская ноша тяжела, что иногда человек, отягощенный этой ношей, может захотеть куда-то сбежать и что это нормально; они также поняли, что сейчас, когда тема экологии в моде, нет ничего удивительного в том, что кто-то может найти удовольствие в занятии огородничеством или садоводством. Чарльз должен сознавать, что сейчас, будучи еще принцем Уэльским, он может пользоваться мгновениями отдыха и свободы, что будет невозможно, когда он станет править. Он любит природу и никогда этого не скрывал».

Пенни Джунор писала: «У Чарльза часто возникает ощущение, что в Лондоне он задыхается; более всего ему подходит образ жизни, который он ведет на севере Шотландии: окруженный всем, что он любит, он может там бродить часами, идти куда глаза глядят, и никто его там не потревожит, не побеспокоит, за исключением овец. Он может ловить лосося в одной из лучших рек Великобритании, он может охотиться на оленя, осторожно подкрадываться к нему (в такой охоте, по его мнению, есть особое очарование и даже определен-

ный дерзкий вызов). Он приглашает друзей, разделяющих его вкусы, составить ему компанию в Балморале или где-нибудь в другом месте». И конечно, приглашает Камиллу, которая высоко ценит такой «чисто английский» образ жизни.

Доктор Мириам Ротшильд в ежемесячном журнале «Кантри ливинг» («Сельская жизнь») дает следующие уточнения относительно увлечения Чарльза проблемами экологии: «С каждым годом принц ощущает себя все ближе и ближе к земле. Он с увлечением занимается своим садом в Хайгроу и не пытается скрывать удовольствие, с каким погружается в процесс планировки зеленых массивов и выбора цветов для клумб. Нередко можно видеть, как он выдергивает из земли сорняки. Недавно он по случаю купил ферму неподалеку от Хайгроу и несколько гектаров пашни, и очень этим гордится».

Один из «букингемоведов», то есть один из знатоков жизни в Букингемском дворце, знающий Чарльза с детства, признает: «Он обладает большой внутренней силой, позволяющей ему преодолеть множество проблем. Так, например, Чарльз полностью победил робость, от которой страдал в подростковом возрасте, а также небольшой дефект дикции, так что теперь, давая интервью для Би-би-си, он не нуждается в повторной записи. Как и его отец, Чарльз все или очень многое любит делать сам. Он сам пишет тексты всех своих речей, и я не думаю, что на него можно серьезно повлиять».

Эдвард Бир, бывший шеф европейского отдела «Ньюсуик», полагает, что Чарльз делает все, что ему вздумается: «Какова истинная природа принца? Каков его характер? В нем намешано все, кроме простодушия, и он, никогда не нарушая строгих правил, касающихся его поведения, все же в конце концов делает все, что ему заблагорассудится, все делает по-своему. Принц Чарльз несет в себе противоречия, причем такие, что их сочетание граничит с шизофренией: с одной стороны, он испытывает настоящее пристрастие ко всему, что связано с мистикой королевской власти, с ее пышностью и блеском, с ее ритуалами и историчес-

кими символами; но он также является “оставшимся в живых ребенком свингующих семидесятых”, человеком, который, если бы он был французом, вполне заслуживал бы прозвища “последователя идей хиппи”, чьи стигматы он несет на себе». Эгоистичный, нетерпеливый, дерзкий, даже нагловатый? «Подобно тому, как королева может прекратить какую-нибудь дерзкую выходку одним-единственным ледяным взглядом, — признает Брайан Хой, репортер Би-би-си, обычно берущий интервью у членов королевской семьи, — так Чарльз может сделать журналиста посмешищем или даже сделать так, чтобы тот попал в немилость у начальства, причем всего лишь одной точной репликой. Он, прежде бывший таким любезным, сегодня способен заставить своих собеседников понять, что такое королевская холодность».

Чарльз занят больше, чем руководитель какого-нибудь предприятия, он чаще всего живет, как говорится, весь на нервах и не испытывает необходимости окружать себя придворными. По характеру он более интроверт, чем экстраверт, и чувствует себя комфортно в семье, которой ему вполне достаточно для счастья. Он более всего походит на королеву и на Георга VI: он движим тем же чувством долга и любви к хорошо выполненной работе. От королевы он унаследовал мягкость, приветливость и доброжелательность и рад этому: «Королева обладает чудесным чувством юмора, она очень чувствительна и рассудительна». От Георга VI он унаследовал доброту и чувство реальности, связи с действительностью.

Во дворце бывает и так, что принц Чарльз вынужден просить о свидании с матерью, ведь там бескрайнее море гостей и сановников, так что иногда, чтобы встретиться, члены королевской семьи должны просматривать свое расписание и расписание того родственника, с которым хотят побеседовать. Они редко, очень редко оказываются дома все вместе, в одно и то же время, и о семейном обеде должно быть оговорено заранее, за неделю, а то и за две. Чарльз лучше, чем кто-либо, знает, как много его мать работает, с каким воистину религиозным чувством она относится к своему

долгу; известно ему и то, что она предпочла бы жить в сельской местности, ходить в старой юбке в компании своих лошадей и собак.

Как принц Чарльз вновь позолотил свой герб

Является ли сегодня Чарльз тем принцем Уэльским, о котором мечтала Елизавета? Без сомнения... Какое-то время она считала его слишком большим «революционером», проповедующим чисто европейские ценности, позволяющим себе строить предположение, что Содружество может исчезнуть, как исчезла Британская империя, владычица Индии, а также человеком, в религиозной сфере склонявшимся к экуменизму. Но с тех пор Чарльз образумился. Он стал рассудительным, здравомыслящим, но, с другой стороны, он не боится высказывать и поддерживать мнения и суждения, которые нельзя назвать общепринятыми, обычными. Он скорее либерал, чем консерватор, и королева это понимает и принимает. Он был бы превосходен в роли современного короля, искренне полагает его мать. Чарльз тем более будет хорошим королем, что он опять сумел завоевать доверие англичан после долгого «сошествия в ад», то есть после тех мук, что терзали его после смерти бывшей жены Дианы.

Как Чарльз сумел «вновь позолотить свой герб», то есть поправить свои дела? Прибегнув к продуманной и последовательной стратегии установления связей с общественностью, чтобы сделать образ более современным и привлекательным. В Сент-Джеймском дворце есть настоящая команда по работе с прессой во главе с Марком Болландом, главным советником. Теперь, когда образ Дианы более не затмевает личности Чарльза, его помощники хотят показать, что он много работает на благо королевства. После теракта в городе Ома, в Ирландии, в августе 1998 года, он тотчас же прибыл на место трагедии, чтобы поддержать потерпевших, и нашел нужные слова. Во время кризиса, связанного с «коровьим бешенством», он пригласил на уик-энд в Хайгроу глав правительств и ведущих политиков европейских стран,

чтобы уверить их в отменном качестве английской говядины. Он действует на свой страх и риск, иногда даже жертвует собой, и язык у него неплохо подвешен. Короче говоря, все английские фермеры, занимающиеся выращиванием коров, его просто обожают.

Его давнишние хобби и его извечные пристрастия вполне соответствуют духу времени, и его действия и поступки теперь далеко не всегда подвергаются критике. Созданный им фонд «Принц Траст», чья деятельность направлена на то, чтобы помочь безработным и молодым людям создавать собственные предприятия, как говорится, «заводить собственное дело», получил всеобщее одобрение. Эта организация предоставляет тысячи грантов и кредитов для осуществления индивидуальных или коллективных проектов. Бывшие безработные восхваляют действия принца.

В то время как Тони Блэр выглядит скорее центристом, чем социалистом, Чарльз, кажется, действительно обладает крайне чувствительным социальным нервом и его отклики выглядят очень искренними. Занятые им позиции в вопросах архитектуры и экологии свидетельствуют о наличии у него здравого смысла. Никакие лобби не имеют на принца влияния. Когда Чарльз говорит об условиях и среде обитания, о насилии и жестокости в городах, о дегуманизации, то есть об обезчеловечивании городской жизни, о пренебрежении к окружающей среде и о распаде структуры общества, действительно создается впечатление, что мы имеем дело с «монархией новой волны», которая озабочена не успехом на выборах, а чем-то иным.

Чарльз находится в первых рядах борцов за сохранение озонового слоя (он заставил убрать из дворцов все аэрозоли), выступает против модифицированных продуктов питания (в противовес своей сестре Анне). Он борется за признание методов нетрадиционной медицины и гомеопатии. Он является сторонником медицины, использующей естественные средства лечения, и проповедует ее идеи, он поборник биологически чистых продуктов сельского хозяйства, борец за идею защиты окружающей среды... Десять лет назад над

принцем-экологом смеялись, а сейчас ему аплодируют, и мысленно люди поздравляют себя с тем, что имеют в его лице человека, обладающего властными полномочиями и способного противостоять преступным деяниям общества потребления и пассивности правительства.

Чарльз все более и более очеловечивает свой образ, в чем-то копируя «дух Дианы»: он наносит визиты в центр по борьбе с раком (пьет чай с добровольцами, на которых испытывают терапевтические методы лечения этого заболевания), в центр больных СПИДом, он ободряет и утешает больных и при этом выглядит очень естественно, а это главное.

Никогда прежде Чарльз во время государственных визитов не выглядел столь естественно, как теперь, никогда раньше он не был таким улыбочивым, веселым, приятным, короче говоря, таким привлекательным. Теперь, когда во время посещения одного из городков в Южной Африке он вдруг принимается бить в тамтам, или когда позволяет девчонкам из «Спайс герлз» расцеловать себя, или когда на вечеринке в честь его 50-летия заводит дружбу с поп-звездами, можно смело утверждать, что влияние Дианы сильно сказывается на его нынешнем стиле поведения. А кто сопровождал Чарльза и Камиллу во время поездки на отдых в Турцию и на уик-энд в Хайгроу? Джоанна Ламли, бешеная, словно сорвавшаяся с цепи, неуправляемая актриса!

Даже любовь Чарльза к Камилле теперь начинает служить ему добрую службу, ведь то, что он так долго хранит ей верность и пожертвовал очень многим ради любви, в конце концов рождает уважение к нему, заставляет относиться к нему с почтением. Умная и упорная психологическая обработка общества, производившаяся Чарльзом для того, чтобы сделать его давнюю связь приемлемой для этого общества, в конце концов принесла свои плоды. И в Сент-Джеймском дворце, и в Хайгроу Чарльз с Камиллой живут как супружеская чета, состоящая в законном браке. Они сейчас выглядят как наконец-то соединившиеся влюбленные, так что Англия, похоже, уже готова в один

прекрасный день дать согласие на их свадьбу*. И в этом деле проявились большие душевные достоинства Чарльза: он был терпелив, дипломатичен, отважен и верен своей любви.

Отец и сыновья

Наконец, в глазах общественного мнения Чарльз стал любящим, ласковым отцом Уильяма и Гарри, отцом-покровителем, отцом-защитником. При жизни Дианы принца Уэльского считали отцом довольно холодным, аристократически отстраненным от своих детей и совсем не ласковым (надо признать, принцесса хорошо умела манипулировать средствами массовой информации, чтобы создать такое впечатление). После ее смерти Чарльза стали воспринимать как человека, очень серьезно отнесшегося к своим обязанностям по отношению к двум «сиротам», как называют Уильяма и Гарри. Что с ним стало? «Он превратился в очень любящего, очень ласкового, очень заботливого отца». Он повез своих сыновей на футбольный матч на Кубок мира, затем отправился вместе с ними на каникулы. Он пристально следил за тем, как Уильям готовился к сдаче экзамена на получение водительских прав. В прессе появились бесчисленные фотографии Чарльза и двух его сыновей, занятых игрой в поло. Оказывается, принц Чарльз их дразнит, он с ними играет! Короче говоря, Чарльз превратился почти что в «папу-наседку». Больше всего он хотел защитить своих детей, для него не могло быть и речи о том, чтобы пресса превратила их жизнь в кошмар, как это произошло с ним, когда он был в том же возрасте, что и его сыновья. И в этом случае общественное мнение могло только его поддержать и одобрить.

Вопреки английским обычаям Чарльз не стеснялся показывать свои чувства: видно, что он не просто любит Уильяма и Гарри, но испытывает к ним нежность.

* Свадьба состоялась 9 апреля 2005 года. — *Прим. ред.*

Когда в ноябре 1997 года он взял с собой Гарри в Южную Африку, было заметно, что между отцом и сыном существует некая связь, некое согласие, которое обычно существует между единомышленниками, если не сказать сообщниками.

Чарльз часто берет одного из сыновей на премьеры фильмов, фотографируется с девчонками из «Спайс герлз», чтобы сделать сыновьям приятное. И можно сказать, что он действует в этом духе столь же успешно, как Диана.

Для Уильяма и Гарри их отец не является ни принцем, ни наследником престола. Для них он такой же человек, такой же мужчина, какими являются другие отцы для своих детей. Они разделяют его вкусы и его пристрастия, хотя иногда и посмеиваются над ним, над его слишком строгим стилем одежды, над его излишней чопорностью и прямолинейностью. Люди, сталкивающиеся с ними, восхищаются, что они столь уравновешенны после всего, что с ними случилось. И частенько это чудо приписывают Чарльзу.

Что могло бы в конце концов разъединить Чарльза и его сыновей, так это упорное желание прессы противопоставить принцу Уэльскому его сына Уильяма. Старому Чарльзу молодого Уильяма! И так, кто же будет на престоле: Карл III или Вильгельм V? (По русской исторической традиции все европейские царствующие монархи именуется на немецкий лад, вот почему Чарльз должен превратиться в Карла, а Уильям — в Вильгельма. — Ю. Р.) Отец против сына в очередном ремейке под названием «Царь Эдип»... Уильям, как достойный наследник Дианы, стал любимчиком среди британцев, словно он для них является единственным, кто способен модернизировать монархию и поддерживать королевскую власть на должном уровне после Елизаветы II. Разумеется, Уильям — наследник во всех смыслах этого слова. Он наследник состояния Дианы, оцениваемого в 60 миллионов евро (он разделит его со своим братом Гарри по достижении 25-летнего возраста, а пока оно находится под опекой Энтони Джулиуса, советника принцессы). Он — наследник престола, а вместе с престолом и тяжкого бремени власти, то есть он — своеобразное «воз-

можное средство» увековечения монархии. Но сегодня отречение Чарльза от престола вовсе не стоит на повестке дня. Если вспомнить о продолжительности жизни королевы-матери, то есть о ее долгожительстве, то можно полагать, что у Елизаветы есть основания надеяться еще на два десятилетия царствования. Только тогда вопрос о выборе между Карлом III и Вильгельмом V станет актуальным.

Глава XVI

Диана

31 августа 1997 года принцесса Диана трагически погибла в автокатастрофе, и весь мир содрогнулся, ибо он, казалось, потерял в ее лице королеву сердец. Соединенное Королевство рыдало, но Букингемский дворец не реагировал на эти слезы.

Только пять дней спустя королева наконец поняла, что между ней и всей нацией произошел полный разрыв, что надо как-то действовать и оставить королевскую сдержанность, забыть о ней. И началось запоздалое шоу королевы: общение с толпой, собравшейся перед Букингемским дворцом, выступления по телевидению, в ходе коих покойнице воздавались невиданные почести и возносились неслыханные хвалы ее подвигам, — все это успокоило глухой гнев народа. Елизавета II теперь не щадила трудов и сил, но сколько же понадобилось статей в газетах, сколько сотен тысяч писем и сотен тысяч букетов цветов, чтобы Ее Величество соизволила покинуть Шотландию, где она пребывала на отдыхе?

У людей создалось впечатление, что Виндзоры отталкивают, отвергают Диану даже в смерти, и это была самая большая ошибка Виндзоров, потому что они дали повод подвергнуть себя критике за холодность. Конечно, королева сумела «порвать с протоколом», то есть нарушить его при установлении связей с общественностью, продемонстрировать доброту и человечность. Но, действительно, именно под нажимом народа

во время «революции Дианы» государыня пошла на встречу своим подданным, говорила с ними, принимала букеты, иногда даже со слезами на глазах. Чтобы укротить бурный поток критики, она приказала приспустить британский флаг над Букингемским дворцом и выработала настоящую стратегию поведения членов королевской семьи во время похорон, решив, что будет находиться со своими близкими у решетки дворца, когда мимо проследует похоронный кортеж с телом Дианы.

Диана же ни от чего не избавила английскую королеву. Даже после смерти бывшая невестка королевы противостояла ей, бросала ей вызов, вынуждая на время оставить сдержанность, открыто выказать свое горе и оказать ей самые высшие почести. Можно назвать это превосходным посмертным реваншем.

«Сама чистота»

Ирония судьбы заключается в том, что та, которая на протяжении пятнадцати лет так часто бросала вызов Елизавете и так противостояла ей, вышла из среды английской аристократии и была с самого раннего детства знакома с членами королевской семьи. Леди Фермой (ее бабушка по материнской линии) была фрейлиной королевы-матери, ее подругой и доверенным лицом. Они обе были вдовами, и у них были общие воспоминания о той поре, когда они, молодые девушки, проводили вместе долгие часы. Выйдя замуж, они находили тысячи и тысячи причин, чтобы наносить друг другу визиты. Взойдя на престол, Елизавета предоставила в распоряжение семьи Фермой прекрасную резиденцию Парк-Хаус, расположенную на землях замка Сандрингем. Так дети и внуки двух семейств росли в непосредственной близости, будучи соседями. Эндрю, разница в возрасте с которым у Дианы была почти незаметна, был ее лучшим товарищем по играм. Ее сестра Сара (старше Дианы на шесть лет) была крестной дочерью королевы-матери. Крестным отцом другой ее сестры, Джейн, стал в свое время герцог Кентский, а крестной

матерью младшего, Чарльза Спенсера, является сама королева Елизавета. Диана — единственный ребенок в семье, у которого крестные были выбраны не из членов королевской семьи: ее крестной матерью стала леди Мэри Коулман, долгое время бывшая фрейлиной принцессы Александры.

Связана Диана с Виндзорами и через отца. Эдвард Джон Олторп стал лордом Спенсером после смерти своего отца, принадлежавшего к славной когорте пэров и до 1954 года бывшего шталмейстером королевы. Мать Дианы, высокороденная Фрэнсис Рут Берк Роуч, родилась в 1936 году. Родители Дианы встретились в апреле 1953 года на балу, на котором присутствовала королева-мать. Эдварду было тридцать два года, Фрэнсис — всего восемнадцать; свадьбу сыграли несколько месяцев спустя, бракосочетание состоялось в Вестминстерском аббатстве в присутствии королевы, королевы-матери, принца Филиппа и принцессы Маргарет. Супружеская чета столкнулась в жизни со множеством проблем, в том числе и со смертью новорожденного ребенка; супруги официально развелись в декабре 1968 года. Лорд Спенсер второй раз женился в 1976 году на бывшей жене графа Дартмута (Дартмутского) Рейн Картленд, дочери богатейшей романистки Барбары Картленд. «Это сама чистота», — скажет впоследствии многословная старая дама о принцессе Уэльской. Что же касается матери Дианы, то она «заново начала свою жизнь» в 1967 году с шотландским промышленником Питером Шандом Киддом, составившим свое состояние на производстве обоев.

Разумеется, именно при изучении генеалогического древа графов Спенсеров, а не рода ее матери, Диана смогла попасть в список возможных невест наследника престола. Род Спенсеров известен с 1506 года, а родственные связи, установленные в результате браков, породнили Спенсеров со знатнейшими герцогскими домами королевства. Леди Диана является по прямой линии потомком незаконнорожденного сына Карла II (от своей любовницы Луизы де Керуай Карл II (1630—1685) имел сына, получившего титул герцога Ричмон-

да, и одна из представительниц этого рода вышла замуж за одного из Спенсеров, предков Дианы). Предки Дианы по материнской линии — выходцы из Ирландии. Прапрадед леди Дианы в 1856 году стал бароном и в конце жизни был назначен наместником графства Корк на юго-востоке Ирландии.

Первый ребенок в семье родителей Дианы появился в марте 1955 года, это была дочь Сара; в 1957 году родилась Джейн. Два года спустя появился наследник мужского пола Джон, но он умер во младенчестве. Мать погрузилась в глубокую депрессию, но на следующий год вновь забеременела. 1 июля 1961 года в 19 часов 45 минут она родила в своем доме, в Парк-Хаусе, очаровательную девочку, которую и нарекли Дианой. Роды прошли без осложнений; в эти минуты родители, горячо надеявшиеся на то, что родится мальчик, еще не выбрали женского имени. Имя девочке официально было дано только 30 августа 1961 года во время крестин, состоявшихся в церкви Сандрингема; кстати, купель из флорентийского мрамора в этой церкви — дар Эдуарда VII.

Первые годы жизни Дианы прошли в детской на втором этаже Парк-Хауса. Под присмотром своей гувернантки дитя делало первые шажки по великолепному королевскому владению, по землям замка Сандрингем, от которого в определенной зависимости находился и Парк-Хаус. Поместье действительно великолепно: 8094 гектара лесов, парков и садов. Иногда там можно было встретить королеву, совершавшую прогулку верхом; Ее Величество тогда останавливалась, чтобы поболтать с леди Олторп. В 1964 году у Дианы появился младший брат, названный Чарльзом и крещенный в Вестминстерском аббатстве в присутствии королевы.

Семейство Спенсеров ежегодно 5 ноября устраивало большой праздник с фейерверком. Последним удачным праздником стал праздник осенью 1967 года. Родители Дианы, уже находившиеся в плохих отношениях, официально объявили о своем решении расстаться на какое-то время из-за несовместимости характеров. Этот крах супружеской жизни оказал глу-

бокое влияние на девочку, можно сказать, тяжело отразился на ней. Дело было в том, что леди Спенсер влюбилась в другого мужчину (который впоследствии стал ее вторым мужем) и тотчас же покинула и мужа, и детей. Диане было тогда шесть лет, и она была потрясена юридической дуэлью, продолжавшейся несколько долгих месяцев. В декабре 1968 года ее мать официально потребовала развода, обвинив супруга в жестоком обращении. Ее муж в ответ обвинил ее в измене с Питером Шандом Киддом, заявив, что адюльтер имел место с весны 1967 года. В конце концов леди Олторп проиграла процесс, лишилась права воспитывать детей и даже была отвергнута своей матерью, отказывавшейся затем с ней разговаривать на протяжении многих лет. Процесс по делу о разводе выставил на всеобщее обозрение интимную жизнь четы Спенсеров и предоставил прессе сенсационные сведения. Диана, учившаяся тогда в школе в Кингз-Линн, подвергалась жестоким насмешкам соучениц. Один из близких друзей семейства Олторпов вспоминает: «Хотя Диане было всего восемь лет, она приобрела тяжкий опыт испытания страданием, и это оставило в ее душе неизгладимый след. Но если крах брака родителей чаще всего угнетает детей, становится для них помехой и ставит в невыгодное положение, то на личность Дианы это повлияло иначе: ее характер окреп, обретя мужество». Диана осталась с отцом, но продолжала поддерживать отношения с матерью. Ежегодно она проводила летние каникулы вместе с ней на живописном маленьком острове Сайл около берегов Шотландии.

Годы учебы Дианы были малоинтересны. После пребывания в Зилфилд-скул, в Кингз-Линн, ее записали в Риджуорт-Холл, закрытую школу для благородных девиц в графстве Норфолк. Школьную форму ей купили в магазине «Хэрродз» осенью 1970 года. Диана была очень посредственной ученицей по основным дисциплинам, но преуспевала в музыке, живописи и плавании. В конце 1972 года она потеряла бабушку, старую графиню Спенсер. Во время погребальной службы в

королевской часовне Сент-Джеймского дворца королева-мать, принцесса Маргарет и герцогиня Глостерская подошли к Диане, чтобы ее обнять и поцеловать.

В сентябре 1973 года вслед за сестрами Диана поступила в очень престижную привилегированную частную среднюю школу Вест-Хит, около Севеноукса, в графстве Кент. Она прилежно изучала там, кроме основных дисциплин, гончарное ремесло, искусство рисунка и ткачество. Она была пансионеркой, то есть жила в школе на полном пансионе, и легко завела там подруг, девушек из знатных семей, с которыми и после окончания школы поддерживала дружеские отношения. Общим для них, по признанию одной из подруг Дианы, была лень: «Мы проводили все время за чтением женских иллюстрированных журналов. Вместо того чтобы делать уроки, мы взахлеб проглатывали детективы, приключенческие и любовные дамские романы, те, что называют “розовой водичкой”. Диана обожала романы Барбары Картленд. Мы тратили время на их поиски и покупку». В то время Диана плохо переносила свой «позолоченный интернат» и неохотно, скрепя сердце предпринимала усилия для приобретения школьных знаний. Она, кстати, провалилась на экзаменах и не получила свидетельства о сдаче экзаменов по программе средней школы на обычном уровне (основных экзаменов для каждого английского школьника). В июне 1977 года она опять сдавала экзамены по английскому языку, по искусству и географии. И опять провалилась, но настаивала на том, что обязательно появится осенью на занятиях, чтобы потом все же сдать экзамены. Новый провал! После четырех лет учебы в этой дорогостоящей школе итог оказался далеко не блестящим... Иностранные языки ее не привлекали, потому что у нее неважный слух, и французский ее был весьма посредственным. В свои восемнадцать лет она еще ни разу не выезжала за пределы Соединенного Королевства. Хотя ее бабушка, леди Фермой, и была знаменитой пианисткой и даже организовывала ежегодный музыкальный фестиваль, Диана села за рояль поздно и без всякого энтузиазма. Балет привлекал ее гораздо больше. Из всех коллективных походов (на

концерты, выставки, в театры), организуемых школой, Диана с удовольствием ходила только на балет. Она видела «Лебединое озеро» пять раз, «Жизель» — четыре раза и ходила в театр «Колизей» («Колизеум») и на спектакли труппы «Садлерз-Уэллз», чтобы посмотреть «Коппелию» и «Спящую красавицу». Диана доверительно сообщила Рудольфу Нурееву после гала-концерта в «Ковент-Гардене», что хотела бы стать танцовщицей, но ее высокий рост — непреодолимое препятствие для осуществления этого желания. Какое будущее ожидало Диану? Что она могла делать в жизни, кроме как выйти замуж и стать матерью семейства? Такое пожелание высказал ее отец, когда принял решение послать Диану в Швейцарию в Альпийский институт Видеманетт, расположенный в замке Экс неподалеку от курортного местечка Гстаад. Там изучали кулинарию, искусство кройки и шитья, высокую моду, хорошие манеры, французский язык и все, что может быть полезно для будущей хозяйки дома. В декабре 1977 года Диана впервые садится в самолет, решительно настроенная на то, что «проведет в изгнании» около года. Она очень быстро почувствовала себя неуверенно в этой школе, где учениц обязывали говорить по-французски. К счастью, у нее там появилась приятельница, англичанка, вместе с которой она начала учиться кататься на горных лыжах. Но после трех месяцев пребывания в Швейцарии Диана, сильно обескураженная, утратившая веру в свои силы, решает вернуться на родину, к семье. Сей избалованный ребенок, однако, все же сообразил, что надо сначала отправиться к матери, чтобы в надежном убежище переждать отцовские громы и молнии. Тем более что лорд Олторп, 9 июня 1975 года ставший восьмым графом Спенсером, занимался семейными проблемами. Обосновавшись в величественном замке Олторпов около Нортгэмптона, он женился на Рейн Картленд. Прощай, Парк-Хаус и бассейн, куда иногда приходили купаться принцы Эндрю и Эдуард, лорд Линли и леди Сара! После двадцати восьми лет брака с графом Дартмутом дочь Барбары Картленд решила развестись и выйти замуж за новоиспеченного графа Спенсера. Ей было сорок семь лет, и у нее было

четверо детей. Знаменитая романистка рассказала, что у нее с дочерью была трогательная сцена: «Мама, я влюблена, как сумасшедшая, совсем так, как бывают влюблены твои героини. Ты должна мне помочь, ты должна меня понять». Кто ничего, совсем ничего не понимал, так это Сара, Джейн, Диана и Чарльз, впавшие в отчаяние из-за того, что их отец женился во второй раз 14 июля 1976 года (никто из членов королевской семьи на бракосочетании не присутствовал). Юные Спенсеры выказали по отношению к мачехе неприязнь, даже враждебность, тем более что в замок вместе с ней прибыли и ее дети: Уильям, Руперт, Шарлотта и Генри.

Сара и Джейн решили выказывать этой чужой женщине, незаконно вторгшейся в их дом, свое презрение и не выполнять никаких ее распоряжений, тем самым осложняя ее жизнь. Диана, более пассивная, попыталась как-то договориться с младшими детьми мачехи: Шарлоттой, четырнадцати лет, и восьмилетним Генри, и в конце концов согласилась примириться с новой хозяйкой замка. В одном из интервью, опубликованном в «Дейли экспресс», эта дама ничего не стала скрывать: «Это было совершенно ужасно... Людям нравилось видеть во мне кого-то вроде матери Дракулы. В самом начале я пережила ужасный период. Сара меня игнорировала, даже когда я хотела занять за столом свое место. Она отдавала слугам приказания, не спрашивая моего мнения. Джейн за два года не сказала мне ни слова, ни разу, даже если мы с ней сталкивались в коридоре. Одна Диана была мила и любезна и старалась сделать как лучше». Бедная Рейн смогла присутствовать на свадьбе Дианы, но сидела она не на скамье семейства Спенсеров — напротив скамьи королевской семьи, а на откидном сиденье.

По возвращении из Швейцарии Диана быстро поняла, что не сможет долго оставаться в замке. Ее мачеха производила в доме большие перемены и даже открыла замок для посещений туристами по определенным дням. Кроме того, Диана, любившая ходить в джинсах и в обычной свободной одежде, по вечерам вынуждена была по примеру новой хозяйки дома надевать к обеду и ужину длинное вечернее платье.

Вскоре внимание прессы привлекла к себе Сара. После ее появления на скачках в Аскоте в 1977 году рядом с Чарльзом она предстала перед обществом как будущая принцесса Уэльская. Вторая сестра Дианы, Джейн, журналистка, работавшая в журнале «Вог», преподнесла всем большой сюрприз, в апреле 1978 года выйдя замуж за Роберта Феллоуза, личного секретаря королевы и интенданта Сандрингема. Диана на этой свадьбе была подружкой невесты и вежливо кланялась, здороваясь с многочисленными членами королевской семьи, присутствовавшими на бракосочетании. Кстати, королева удостоила новобрачных чести поселиться в превосходных покоях Кенсингтонского дворца.

Диана начала входить в роль няни, находясь целый день при маленькой девочке, дочке ее друзей, в Гемпшире; затем она вернулась в Лондон, чтобы записаться в картотеку в одном из агентств, специализирующихся на подборе нянь на временную работу. Затем, в сентябре 1978 года, она на протяжении трех месяцев проходила в Уимблдоне курс обучения в знаменитой кулинарной школе Элизабет Рассел. Ежедневно она покидала временное жилище своей матери в Лондоне (Кадоган-плейс, 69) и спускалась в метро, как все рядовые лондонцы, чтобы приобщиться к искусству сотворения суфле, тортов и пудингов. Она стала замечательной кулинаркой, но жизнь не дала ей возможности развивать этот дар.

Осенью у отца Дианы произошло тяжелое кровоизлияние в мозг. Он вышел из больницы только в январе следующего года; все полагали, что спасло его чудо. Правда, излечился он не полностью, остались некие последствия...

Победа

В январе 1979 года Сара и Диана были внесены в список приглашенных королевой на уик-энд, на охоту в Сандрингеме. После встречи в ноябре 1977 года на семейном обеде Чарльз впервые получил возможность

провести рядом с Дианой довольно много времени. Вопреки прогнозам прессы Сара и принц Уэльский продолжали пребывать «в стадии отношений добрых друзей».

Итак, Чарльз заинтересовался младшей из сестер и в последующие месяцы виделся с Дианой много раз. Он часто приезжал к ней на Кадоган-плейс и увозил обедать, или на спектакль, или на закрытый показ какого-нибудь фильма. Между ними не было ссор, а царило доброе согласие. Ей было семнадцать, Чарльзу — на двенадцать лет больше. У Дианы прежде не было никаких «сердечных» приключений, ни одного бойфренда, по крайней мере никому ничего о таковых не известно. Открытая, улыбчивая, приветливая, она казалась очень уравновешенной, спокойной и вела безупречный образ жизни. Эта высокая молодая женщина, светлая шатенка, голубоглазая, не курила, если и применяла косметику, то очень немного и выглядела такой свежей, такой юной и такой романтической. Елизавете, давно мечтавшей женить старшего сына, наследника престола, Диана показалась настоящим маленьким чудом. Для Чарльза, чей список любовных авантюр давал обильную пищу для слухов и сплетен, все четче и четче вырисовывалась необходимость сделать выбор, и сделать его быстро: ему уже стукнуло тридцать, и он вовсе не хотел оставаться холостяком.

1 июля 1977 года Диана отмечала свой восемнадцатый день рождения. Она унаследовала значительную сумму денег, оставленную ей бабушкой, купила четырехкомнатную квартиру на Коупхерн-Корт, 60, между Сауткенсингтоном (Южным Кенсингтоном) и «Эрлз-Кортом» (выставочным центром), в одном из самых фешенебельных районов Лондона. Она купила мебель в фирме «Хэбитэт» и предложила своим подругам Софии Кимбалл, Филиппе Коукер и Вирджинии Питман поселиться вместе с ней (подобная практика очень распространена среди лондонской молодежи). Диана нашла скромную работу — место помощницы воспитательницы в очень изысканном и модном детском саду под названием «Молодая Англия» на Сент-Джорджс-сквер, в районе Пимлико, который посещали дети из

самых знатных, самых избранных семей: туда, например, была записана праправнучка сэра Уинстона Черчилля, которая впоследствии на свадьбе Дианы была одной из подружек невесты. Диана ездила на работу на метро, посещала дорогие магазины Найтсбриджа (такие как «Хэрродз» и «Харви Николс») и одевалась просто, но со вкусом. Она покупала себе платья у Фьюрочи, пуловеры у Бенеттона, а блузки — в магазине «Либертиз», славившемся своей любовью к стилю золотого века, воспетого Прустом. Ее текущий счет в Саутвестерн Бэнк всегда пополнялся своевременно, к чему обязывали положение в обществе и семейное состояние. Легенда, сложившаяся вокруг имени Дианы, превратит ее в бедную девушку, вынужденную делить свое жилье с подругами, чтобы свести концы с концами, и работать ради пропитания в детском саду. Но все это выдумки.

Диана по вечерам часто отправлялась повеселиться: посещала театры, ходила на балеты, музыкальные комедии. Ее бабушка, леди Фермой, получала множество приглашений на премьеры и приглашала с собой свою любимую внучку. Кевин Шанли из салона «Хедлайнз» стал ее личным парикмахером, и он же будет делать ей прическу к свадьбе.

В июле 1980 года девушка имела возможность любоваться Чарльзом во время игры в поло на стадионе «Каудрей-Парк» в Мидхерсте, в графстве Суссекс. Она танцевала с ним в «Гудвид болл», ипподроме около Чичестера, сопровождала его в плавании на яхте «Британия» (путешествие было многодневным) и получила приглашение от королевы присоединиться к нескольким ближайшим друзьям королевской семьи, дабы провести уик-энд в шотландском замке Балморал. Когда Чарльз испросил разрешение у своей матери на то, чтобы проверить, так ли воинственно, как и прежде, настроены лососи, обитающие в реке Ди, которая протекает по землям замка, Диана предложила себя ему в компаньоны, вот тогда и началась первая официальная глава их любовного романа.

7 сентября ежедневная газета «Сан» выболтала секрет: «Он вновь влюблен! Леди Ди — новая подружка

Чарльза!» Журналисты всего мира тотчас же устроили на бедную Диану настоящую охоту и уже не отступали от нее ни на шаг. Она выдерживала эти атаки с большим трудом, тем более что ощущала себя в довольно сложном положении с моральной точки зрения, так как еще не приняла решения по поводу того, что же ей ответить на возможное предложение выйти замуж. Осаждаемая со всех сторон папарацци, как только выходила из дому, Диана получала уроки существования человека, находящегося в зените славы и известности. Фотографам даже удалось заснять ее против света на Сент-Джордж-сквер, по этой фотографии можно было судить о том, что у нее очень длинные ноги и что она не носит нижней юбки. Какие-то люди, быть может, особо наглые журналисты, пытались не раз проникнуть к ней в квартиру, взломав дверь или подобрав к замку ключи. Телефон звонил беспрестанно, но Диана держалась стойко. Подобное хладнокровие заставляло заподозрить, что у девушки очень твердый характер. Все же Чарльзу и Диане удавалось регулярно встречаться. В октябре они провели несколько дней в Биркхолле у королевы-матери; 4 ноября встретились в «Ритце» на приеме, устроенном в честь 50-летия принцессы Маргарет (Диана была подругой детства леди Сары, дочери Маргарет). Два дня спустя девушка становится героиней статьи в «Санди миррор», связавшей ее имя с «делом о королевском поезде». В статье говорилось, что по возвращении принца Чарльза, посетившего с официальным визитом западные графства Англии, королевский поезд якобы остановился в чистом поле в графстве Уилтшир и что некая девушка, так похожая на Диану, что ошибиться было невозможно, поднялась в вагон, чтобы провести там ночь. Букингемский дворец все отрицал, но газета отказывалась опубликовать опровержение (в действительности это Камилла, а не Диана, тайком посетила Чарльза в поезде).

Чарльз, обвиненный в том, что использовал деньги налогоплательщиков на то, чтобы удовлетворить свои любовные капризы, надолго отбыл с визитом в Индию. А разве придворный обычай не требовал, чтобы принц и принцесса, пожелавшие сочетаться браком, прошли

испытание разлукой? Ну конечно! Как и во всякой мелодраме, разлука поможет принцу понять, что у него на сердце. По возвращении в Англию Чарльз на Рождество отправился в Виндзорский замок, а 2 января провел целый день в Сандрингеме. И ничего! День «Д» настал только 3 февраля. В тот вечер принц ужинал с Дианой наедине в своих покоях в Букингемском дворце. Он предупредил родителей о том, что намерен просить ее руки, но должен проверить свои чувства к ней. Только три недели спустя новость стала, так сказать, официальной. 21 февраля «Таймс» загадочно намекнула: «Сегодня будет сообщено о помолвке принца». В 11 часов мировая пресса получила соответствующую информацию, и английский народ, счастливый от того, что на краткий миг вырвется из серых сумерек экономического кризиса, поддался обаянию леди Ди. Вдруг появилось новое лицо, современное и очаровательное, чтобы обновить образ британской аристократии. Как утверждал один из журналистов: «Если монархия хочет выжить и укрепиться, ей необходимы свежесть и новизна принцессы Дианы. Чарльз должен воплощать традиционные ценности страны, но королевская власть нуждается в такой личности, как Диана, чтобы установилось долгожданное равновесие».

В этот период Камилла была главной фигурой на шахматной доске любовных увлечений принца. Но Диана этого не понимала. Она была наивна и воображала, что Чарльз действительно женится на ней по любви. Помолвка была отпразднована на танцевальной вечеринке. Появившись на празднестве, принц Уэльский подал руку своей бабушке, королеве-матери, а Диана поспешила присоединиться к леди Фермой — своей бабушке. Две почтенные старые дамы без устали похвалялись тем, что именно они являются «вдохновителями» этого брачного союза. Тайно, но с тем большим успехом, что делалось это тайно, они трудились в тени и безвестности, но сумели устроить все таким образом, чтобы их внук и внучка могли проводить по несколько спокойных часов, не опасаясь любопытных взоров общественности. Королева-мать предложила Диане провести у нее в Кларенс-Хаусе пять месяцев,

отделяющих помолвку от свадьбы. Через два дня Диана приняла приглашение, но затем объявила, что все же будет чувствовать себя гораздо свободнее, если поживет у сестры.

Тогда кое-кто не без оснований заметил: «Не стоит опасаться того, что королевское семейство будет подавлять принцессу. Напротив, представляется гораздо более вероятным предположение, что Диана незаметно окажет благотворное влияние на устаревшие манеры и весь образ жизни дворца, отличающийся холодностью, чопорностью и жесткостью». Диана, обладавшая сильной волей, решительная и уверенная в себе, уже сделала первые шаги в этом направлении. Для начала она отказалась подчиниться требованиям обычая, в соответствии с коим платье новобрачной должно быть сшито кем-то из очень известных кутюрье. Застав всех врасплох таким проявлением независимости, Диана заказала свадебное платье едва обретшим известность кутюрье — Дэвиду и Элизабет Эманьюэл. Вопреки правилам дворцового этикета Диана приняла решение открыто показать свою любовь. На всех официальных фотографиях были запечатлены мгновения нежности и любви, невообразимые в эпоху королевы Виктории. Когда в конце марта Чарльз должен был отбыть на пять недель с визитом в Австралию и Новую Зеландию, Диана провожала его в аэропорту и поцеловала на прощание без робости и ложной скромности. Из протокольного отдела дворца ей все же был передан список, в котором перечислялось, чего она отныне не может делать: водить машину, вскрывать посылки, носить сумки с продуктами, ходить одна в ресторан, выходить на улицу без телохранителя, курить в общественных местах и т. д. Но Диане до этого списка и дела не было.

Начались небольшие, вроде бы несерьезные инциденты, вроде угроз одного психа, на протяжении трех недель ежедневно посылавшего письма, в которых он угрожал убить леди Диану до 29 июля. Последовали и громкие протесты при известии о том, что множество медведей гризли будут убиты, дабы к свадьбе из содранных с них шкур были сшиты новые шапки для королевской стражи. Были также обнару-

дованы записи телефонных переговоров между Чарльзом и его невестой, сделанные в Австралии. Но популярность Дианы по-прежнему оставалась в зените. По мнению Пенни Джунор, она оказывала на прессу и на английский народ такое влияние, которого никто не мог предвидеть. «Диана сделала для гордости нашей нации столько же, сколько война за Мальвинские острова!»

Видел ли Букингемский дворец жизнь с Дианой в розовом свете? Следует кое-что отметить... Так, королева-мать попыталась убедить Диану в том, что одна из ее задач — контролировать себя, так как «характер у нее импульсивный и необузданный». Часто брови придворных и обитателей дворца недоуменно поднимались, например, когда Диана купила вторую огромную квартиру как раз накануне свадьбы. Она часто внезапно появлялась в личных покоях принца в правом крыле дворца, с окнами, выходящими в парк, словно желая застать его врасплох в его тихом убежище. Однажды утром, поднимаясь наверх, чтобы повидать Чарльза, Диана, у которой на голове были наушники, с невозмутимым и холодным видом прошла мимо королевы, не сказав ей ни слова; никогда прежде ничего подобного в священных коридорах дворца не было... Но Елизавета II, столь щепетильная по части приличий, всего лишь улыбнулась, видя, что девушка, почти подросток, погружена в свой собственный мир, отбивает такт и напевает мотив в стиле поп-музыки, звучащей у нее в ушах.

Однако терпению королевы есть предел. Елизавета II без колебаний не раз публично решила заклеить беспечность и беззаботность Дианы и покритиковать, а то и осудить ту легкость, с которой Диана обращалась с правилами протокола. Неразрешимые проблемы этикета были очень близко приняты к сердцу матерью Чарльза, пытавшейся убедить себя в том, что ее невестка — пока еще лишь ученица, обучающаяся профессии принцессы и потому позволяющая себе в публичных местах идти впереди Чарльза и даже заставлять его ждать, пока она поговорит со старым другом или с кем-то из толпы.

Отношения королевы и Дианы быстро испортились. Несколько недель принцесса вместе с принцем Уэльским прожила в Букингемском дворце. Думая, что поступит правильно, молодая женщина вознамерилась обставить и убрать некоторые «государственные апартаменты» дворца, такие как гостиная, в «духе времени». Но когда она «открылась» королеве, та, оскорбленная в лучших чувствах, твердо и решительно поставила ее на место: «Как это грубо и невежливо! Вы у меня дома, и ваши идеи не соответствуют моим вкусам». Принцесса покраснела и приняла все к сведению, так сказать, намотала на ус.

Свадьба века

Свадьба состоялась 29 июля 1981 года. Семьсот пятьдесят миллионов телезрителей наблюдали за ходом сего знаменательного события на своих телевизионных экранах. Певица из Новой Зеландии Кири Те Канава, обладательница дивного сопрано, которой по сему случаю был пожалован титул леди, исполняла в соборе Святого Павла произведения Баха и Генделя. И вот в стеклянной карете появилась Диана, современная Золушка, облаченная, как в оправу, в романтическое платье из шелка и тафты, сплошь украшенное вышивкой, такое пышное, что невесту с большим трудом поместили в карету. Мало того, у платья был шлейф длиной в семь с половиной метров, настоящий кошмар для леди Сары, возглавлявшей группу подружек невесты. Когда молодожены должны были ответить «да» на вопросы архиепископа Кентерберийского, оба выказали смущение и замешательство. Что это было? Волнение? Или неподготовленность? Диана запуталась в именах Чарльза, а тот странным образом запнулся в момент произнесения слов клятвы в супружеской верности, что было дурным предзнаменованием. К счастью, все закончилось на балконе Букингемского дворца, где принц, исполнявший в этой «королевской премьер» роль первого любовника, запечатлел долгий поцелуй на губах жены под несколько удивленным

взглядом королевы. Пять часов вечера... вокзал Ватерлоо... Молодожены отбыли на два дня, чтобы провести их наедине, а потом отправиться на королевскую яхту, на которой их ожидали 276 членов экипажа и на которой им предстояло совершить круиз по Средиземному морю.

После возвращения у Дианы и Англии начался медовый месяц без единого облачка на небосводе. Но образ принцессы Дианы постепенно изменялся в сознании нации, по мере того как нация во всех подробностях рассматривала ее прически, драгоценности, наряды, ее улыбки, жесты, поступки, изменения ее веса, длину ее платьев и цвет ее шляп. Это пристрастное разглядывание было беспрецедентным, но, по мнению социолога Блайта, вполне понятным: «Широкая публика, представители всех слоев общества обожают знаменитостей, в том числе тех, у кого в руках королевская власть, обожают звезд, обожают шум, сплетни и скандалы. Следует не без доли цинизма заметить, что Диана сегодня популярнее любой женщины на планете, известнее любой звезды. Но в отличие от звезд ее появления на публике совершаются вовсе не в расчете на скорый выход нового фильма на экраны». Диана со своим весом 55 килограммов при росте 1 метр 78 сантиметров не должна была испытывать зависть к профессиональным манекенщицам. Пресс-атташе Букингемского дворца признает: «Пресса превратила ее в международную красотку с обложки, и я предполагаю, что она чувствует себя обязанной поддерживать эту репутацию и ни в чем не обмануть ничьих ожиданий».

Истинная правда, что Диана являлась воплощением английского стиля, хорошего тона и элегантности, прекрасной иллюстрацией чего служили ее большие кружевные воротники и обшитые кружевами декольте, оборки на ее юбках, блузки со сборками и складочками и вуалетки на шляпках, которыми не пренебрегла бы и Сиси (императрица Австро-Венгерской империи Елизавета, по прозвищу Сиси, которую в кино так замечательно сыграла актриса Роми Шнайдер. — Ю. Р.). Этот стиль тотчас же принялись копировать чуть ли не все англичанки.

Вскоре, однако, критике стали подвергаться большие траты Дианы. Ее обвиняли в том, что она капризна и пустовата, если не глуповата. Но она все равно оставалась популярной. Аура принцессы Уэльской, ее искрящийся характер и ее решительность, ее стиль поведения со всей полнотой проявились и в другой сфере: в стирании пыли со всех традиций и обычаев, со всего повседневного образа жизни, чтобы почувствовать себя хозяйкой своего собственного дома. Это она вынудила Чарльза отказаться от мысли сделать их имение в Хайгроу постоянной резиденцией (в Глостершире). Это она следила за тем, как обставляли и украшали их покои на трех этажах Кенсингтонского дворца, отказываясь обращаться за помощью к Дэвиду Хиксу, зятю лорда Маунтбеттена, ранее осуществлявшему надзор над процессом отделки и меблировки покоев Чарльза в Букингемском дворце. Она хотела самостоятельно исполнять свою роль, даже если придется пойти на риск вступить в конфликт со своим окружением. Она превратила Кенсингтонский дворец в некое подобие «минного поля». В результате ее бурной деятельности около двадцати человек уходят со службы, причем многие из них долгое время верой и правдой служили принцу. Уж не скрывалась ли под обликом нежной и ласковой Дианы женщина с характером? Следовавшие друг за другом прошения об увольнении со службы вызвали такое негодование, такое возмущение в общественном мнении, что Букингемский дворец должен был поторопиться и поставить точки над «i», внося определенную ясность в положение дел: «Не принцесса нанимает персонал на работу во дворце, и не она увольняет... Никто из супругов, ни принц, ни принцесса, не является человеком властным». Однако один бывший слуга не побоялся утверждать, что принцесса Диана враждебно настроена к старым служащим своего мужа: «Она никогда не выказывала расположения к тем, кто был частью жизни Чарльза до свадьбы. Эти изменения, произошедшие в его окружении, огорчали принца, что вызывало ярость у принцессы». Молва обвиняла ее в том, что она чрезмерно капризна, мелочна, придирчива. Многие свиде-

тели не побоялись описать ее как малосимпатичную личность: «Я видел, как она устроила сцену принцу в присутствии слуг... Она может быть отвратительной с подчиненными, может унижать и оскорблять их, может обращаться с ними самым дурным образом...»

Но существует, по крайней мере, одна «сфера деятельности», в которой принцесса Уэльская критике не подвергается: это роль матери. Ее первый сын Уильям родился 21 июня 1982 года, а два года и два месяца спустя она подарила ему братика (15 сентября 1984 года), которому при крещении было дано имя Генри. В отличие от Чарльза и Эндрю Уильям и Гарри (так зовут Генри в семье) достаточно близки по возрасту, чтобы их воспитывали вместе. Диана проводила в детской много часов.

Принцесса Уэльская — узница

Однако очень быстро жизнь Дианы перестала быть похожей на жизнь героинь книг «розовой библиотеки». Многие из приближенных понимали, что дуэт принца и принцессы неумолимо движется к катастрофе, тем более что Чарльз очень быстро стал отдавать себе отчет в том, что Диана вовсе не та женщина, которая ему была нужна, не та, с которой он хотел бы прожить пятьдесят лет, ибо им не о чем говорить друг с другом. Он увлекался историей и литературой, ее же ни то ни другое не интересовало ни в малейшей степени. Чарльз был без ума от лошадей, Диана любила только детей. Принц любил классическую музыку, принцесса же предпочитала поп-музыку и зевала в опере.

В действительности этот союз с самого начала был обречен на неудачу. Незадолго до свадьбы Диана в суете последних приготовлений, несмотря на возражения личного секретаря принца Уэльского, решила вскрыть небольшую посылочку, адресованную Чарльзу. Приятный сюрприз! Браслет... Изумление... Внутри были выгравированы инициалы будущего мужа Дианы и Камиллы! Диана едва не упала в обморок. Мир вокруг

нее рухнул! Еще с отрочества Диана испытывала два горячих желания: выйти замуж за Чарльза и стать принцессой Уэльской. Между женихом и невестой произошла ужасная сцена. Она все еще хотела бы поверить в ошибку, в недоразумение, которое можно было бы быстро забыть. Но жестокая реальность в первый раз восторжествовала над ее мечтой. Из еженедельника принца выпали фотографии Камиллы. Чарльз невозмутимо заявил, что женитьба не внесет никаких изменений в его отношения с леди Паркер-Боулз. И в качестве доказательства своего права, своей власти и своей уверенности в себе вскоре после церемонии бракосочетания в соборе Святого Павла он публично преподнес браслет Камилле.

Тотчас же после окончания медового месяца Диана начала испытывать муки одиночества, к которым ничто и никто ее не подготовил. Ее муж, по природе своей человек чрезвычайно независимый, до предела захваченный желанием как можно лучше выполнять свои функции, окружал ее заботой только в тех случаях, когда надо было руководить ее первыми шагами в ее новой роли принцессы на официальных приемах. Она не находила в лоне своей новой королевской семьи ни убежища, ни поддержки. Слишком глубоко погруженная в свои обязанности, слишком озабоченная будущим своих детей, являвшихся воплощением преемственности и долговечности монархии, Елизавета II совершенно не располагала временем для того, чтобы уделять внимание состоянию душ тех, кто в результате брачных союзов вошел в семью Виндзоров. По мнению королевы, им следовало быть достойными этой чести, даже если им и приходилось молча страдать!

Как бы там ни было, Диана в первые годы замужества ужасно, смертельно скучала. Она обманывала сама себя и спасалась от безделья, катаясь на роликовых коньках по инкрустированному драгоценной древесиной паркету. Буквально задыхаясь от тоски, она в конце концов стала искать общества своих слуг и постоянно торчала в служебных помещениях. «Сударыня, я бы посоветовал Вашему Королевскому Высоче-

ству возвратиться в ваши покои. Ваше место не среди нас», — однажды заявил ей дворецкий тоном, не терпящим возражений.

Международная пресса единодушно приветствовала то, как принцесса Уэльская приступила к исполнению своих официальных и представительских обязанностей. Главы государств, больницы, различные фонды, вернисажи, торжественные открытия предприятий и учреждений, восторженные толпы... Все видели очаровательную, ослепительную, сияющую молодую женщину, всегда готовую произнести ласковое слово и одарить улыбкой самых несчастных. Но как только шофер захлопывал дверцу «ягуара», лицо Дианы застывало. В машине, сидя на обтянутом кожей удобном сиденье, о чем она думала? О тоскливом одиночестве, ожидавшем ее в Кенсингтонском дворце? О Чарльзе, отбившем в Хайгроу, чтобы в уединении лучше подготовиться к произнесению речей? Разрыв был неизбежен. Сразу же после рождения Гарри принц Чарльз стал спать в отдельной спальне, а потом... переехал жить в другой дворец!

Эти бесконечные удары судьбы постепенно подтачивали психическое и физическое здоровье принцессы. Она без передышки впадала из одной крайности в другую: из булимии в анорексию. Чарльз требовал, чтобы она присутствовала за столом независимо от состояния здоровья, правда, не всегда, но в некоторых случаях требовал. Диана должна была проявлять незаурядное мужество, чтобы выполнять свои официальные обязанности.

Проявляя свой антиконформизм тогда, когда ей этого хотелось, Диана иногда в одиночестве принимала по ночам странноватые эскапады, нанося визиты близким друзьям, таким как Кэролайн Бартоломью, или своей фрейлине Энн Бекуит-Смит. У них она становится сама собой, а затем возвращается во дворец, как сбежавшая узница, возвращающаяся в свою золоченую клетку.

Уже с 1981 года ее стали называть «принцесса Уэльская — узница». Дворец для нее — это место, откуда исходит «мертвая энергия». Друзья Чарльза, «добро-

желатели» Дианы, начали поговаривать о том, что принцесса больна и психически неуравновешенна и лучшее, что можно сделать, это поместить ее в специализированную лечебницу. Все это привело к тому, что молодая женщина погрузилась в глубокую депрессию на долгие годы. Она ощущала себя ни на что не годной, бесполезной. По утрам она вставала, одолеваемая желанием поскорее лечь обратно в постель. Короче говоря, она испытывала чувство полнейшего краха.

Разумеется, всем известно, что с 1986 по 1991 год ее сердце билось для пылкого, удалого капитана королевской гвардии Джеймса Хьюитта. Но Диана хотела придать своей жизни другой смысл. Это ей позволила сделать гуманитарная деятельность. Избрав в качестве примера мать Терезу, Диана предприняла усилия для организации новых инициатив в деле борьбы со СПИДом и принялась яростно бороться против противопехотных мин. Самым обездоленным, самым несчастным она приносила свою улыбку, свою теплоту, свою искренность. Она также вела войну с Букингемским дворцом и заставила королеву заплатить по счетам за годы пренебрежительного отношения. При разводе, теперь уже неизбежном, кто бы удовлетворился «небольшими чаевыми», если свекровь — одна из самых богатых женщин в мире? В 1996 году Диана-камикадзе даже пытается дать «последний решительный бой ради чести», чтобы поднять «на аукционе» цену своего развода. Ее адвокаты отвергли предложение отступного, поступившее от королевы: 23 миллиона евро, которые Диане обещали выплатить одновременно «в качестве окончательного расчета». «Стоимость соглашения со мной намного выше», — иронизировала молодая женщина. Явно находясь под влиянием аукционов «Кристи» или «Сотби», Диана потребовала 35 миллионов евро. Но королева, желавшая поскорее покончить с этим делом, согласилась пойти на уступки и заключить полюбовное соглашение, остановившись на некой «средней» сумме. Итак, свобода... А сумма тотчас же вносится в Книгу рекордов Гиннеса!

Но стратегия Дианы, направленная на то, чтобы нанести поражение королеве, бросив Букингемскому дворцу дерзкий, даже наглый вызов, одновременно изображая жертву перед телекамерами, в конце концов обернулась против нее. На королевской шахматной доске ее больше никто не поддерживал. Все ее друзья, чьи имена фигурировали на страницах «Готского альманаха», вдруг разом исчезли (да и было их немного), а все сотрудники, работавшие на нее, устав от окружавшего ее презрения, от ее пренебрежения и от того, что ими манипулировали, предпочли хлопнуть дверью. Внезапно принцесса почти перестала выходить в свет и вообще на люди. Диана больше не бывала у своих друзей, она практически разорвала старые связи и уединилась, как в монастыре, в Кенсингтонском дворце, ставшем вдруг таким тихим. Принцесса походила на леди Макбет, бродившую по пустынным коридорам замка Гламз (именно так это название звучит по-английски, у нас же в переводе пьесы Шекспира замок именуется «Гламис». — Ю. Р.).

В тридцать пять лет Диана осознала, что никогда не будет ни обычным человеком, ни настоящей принцессой. Ей было прекрасно известно, что представители династии Виндзоров попытаются окончательно свалить ее с пьедестала бывшей обладательницы титула «Ее Королевское Высочество». За всеми ее передвижениями уже следили почти в открытую, как для того, чтобы вывести ее из равновесия, так и для того, чтобы собирать информацию, способную потом сослужить определенную службу в борьбе против нее.

Следующим летом, когда ей исполнилось тридцать шесть, Диана приготовилась провести свое первое лето свободной женщины десять месяцев спустя после развода. В Сен-Тропез она не хотела ничего, кроме десяти дней сладкого безделья, отмеченных прогулками на яхте вместе с сыновьями Уильямом и Гарри. Она обосновалась на вилле, принадлежащей Мохаммеду аль-Файеду, миллиардеру-египтянину, владевшему отелем «Риц» в Париже и магазином «Хэрродз» в Лондоне. На берегу Средиземного моря Диана вновь открывала для себя, что такое беспечность, находясь в кругу дру-

зей миллиардера. Именно тогда к их обществу присоединился Доди аль-Файед, сын Мохаммеда, бизнесмен и кинопродюсер. Они уже были знакомы с Дианой, так как впервые встретились десять лет назад, на матче игры в поло — тогда принц Чарльз и Доди играли в соперничавших командах, — а затем не раз сталкивались на различных светских раутах. Но почему теперь принцесса смотрела на плейбоя другими глазами? После предписываемой жесткими правилами протокола холодности Букингемского дворца Диана открыла для себя радость жизни в узком кругу избранных, летающих на самолетах ради участия во всяких увеселительных мероприятиях, эта жизнь привлекала своей новизной, простотой и свежестью.

Вскоре на просторах Портофино представители прессы запечатлели первые поцелуи. Прощай, грустное и строгое выражение лица, которое она часто демонстрировала при исполнении официальных обязанностей принцессы Уэльской! Преображенная счастьем, которое, как она думала, наконец-то пришло к ней, Диана видела свое будущее в розовом свете. Надо сказать, что жизнь вместе с Доди обещала быть более чем приятной, ибо состояла бы она из непредвиденных перелетов на частном самолете и плаваний на прекрасной яхте «Джоникал». Лазурный Берег, Корсика, Италия, Сардиния... Неделю за неделей любовники проводили, бороздя морские просторы, купаясь и целуясь, как подростки, словно их каникулы должны были длиться вечно.

30 августа, когда Диана и Доди приняли решение покинуть Сардинию и отправиться в Париж, предполагалось, что Париж станет всего лишь одним из пунктов в их путешествии влюбленных. Никто тогда не мог предвидеть, что это будет их последняя остановка... В воскресенье 31 августа 1997 года в полночь черный «Мерседес-2805» отъехал от отеля «Риц» и трагически завершил свой путь, врезавшись в третью опору туннеля Альма. Диану привезли в больницу «Питье-Сальпетриер», поместили в реанимацию, но вернуть к жизни не смогли. Принцесса Уэльская умерла от легочного кровотечения.

Проявленное Виндзорами безразличие при известии о смерти Дианы, а затем продемонстрированное всему миру горе, охватившее народ, станут посмертной победой Дианы. Разумеется, Елизавета II сумела в этих чрезвычайных обстоятельствах найти выход из затруднительного положения, в которое сама себя поставила, когда поначалу холодно наблюдала за невероятными проявлениями народной любви, выказанными при известии о смерти Дианы. Она, так сказать, всю неделю, предшествовавшую похоронам Дианы, спасала самое главное: монархию, и ей это удалось. Но тот факт, что между королевской властью и подданными пролегает пропасть, стал совершенно очевиден, ибо был выявлен смертью Дианы и тем, сколь холодно, в соответствии с правилами протокола, отнеслись к этому событию Виндзоры.

С той струей свежего воздуха, которую Диана привнесла в образ королевской власти, вместе с присутствующим ей гламуром и с окружавшей ее аурой человечности она произвела переворот в монархии Виндзоров.

Принцесса оставила в наследство свою явную способность быть в согласии и гармонии со временем в противовес ледяной, высокомерной королевской власти, находящейся в плену у протокола и привычек. Одна только пылкая Диана могла пожимать руки прокаженным и целовать больных СПИДом, не утрачивая своей харизмы и своего сияющего ореола.

Многие наблюдатели полагают, что вместе с Дианой была в каком-то смысле похоронена идея монархии. Некоторые при поддержке Тони Блэра проповедуют сейчас идею копирования скандинавской модели монархии, монархии менее амбициозной, менее властолюбивой и менее высокомерной, «более серенькой и менее чопорной, не бросающейся в крайности, присущие неформальному стилю континента».

Конец пышным празднествам и мистике. Немного больше человечности и простоты. Настоящая дворцовая революция!

«Случай с Камиллой»

Это была одна из самых удивительных исповедей, которую когда-либо слышали англичане. 29 июня 1994 года перед лицом тысяч своих будущих подданных, не просто удивленных, а ошеломленных, принц Уэльский признался в своей великой тайной любви. Камилла Паркер-Боулз вошла в историю через маленькую дверцу. Ей было около пятидесяти, она обладала чувством юмора, и, как оказалось, будущий король Англии любил ее на протяжении двадцати четырех лет как безумец.

Тайная история любви

Это откровение — как шуточный намек на прошлое королевской семьи: бабушка Камиллы по материнской линии, мисс Эллис Кеппел, была любовницей прадедушки Чарльза, короля Эдуарда VII, в 70-е годы XIX века, и была столь близка государю, что, когда он лежал при смерти, она была допущена к изголовью его постели и стояла рядом с королевой Александрой.

Закон молчания охраняет эту тайную историю любви. «Камилла — далеко не идеальная женщина, — откровенничала одна из ее подруг. — Я не уверена, что она каждый день меняет нижнее белье, и задаюсь вопросом, бывала ли она когда-нибудь у парикмахера, но он сразу влюбился в нее как сумасшедший». Их первая встреча произошла в дождливый день 1970 года, когда Чарльз был еще неопытным юношей. «Ни для кого не секрет, что Камилла была потрясающе хороша в постели, — комментирует один из ее ностальгирующих бывших любовников. — В 60-е годы нечасто встречались такие раскованные, раскрепощенные девушки, столь изобретательные под простынями». Восторженный принц попросил у Камиллы ее руки в 1972 году, но красотка ему отказала, ибо «интересы государства обязывают»... Как будущий король, Чарльз непременно должен был жениться на девственнице. А она-то девст-

венницей не была, уж это точно. Если говорить прямо, Букингемский дворец рекомендовал Чарльзу сохранить Камиллу в качестве любовницы.

Сказано — сделано. В 1973 году состоялась свадьба Камиллы, вышедшей замуж за Эндрю Паркер-Боулза, затем 29 июля 1981 года принц Чарльз женился на леди Диане Спенсер, но это ничего не изменило. Принц проводит свою последнюю ночь холостяка в постели давней любовницы. И именно она выслушивает его первые признания женатого мужчины, когда он ей позвонил с яхты «Британия» в самый разгар медового месяца. Находился ли он в своей ванне, у друзей или с государственным визитом на другом краю света, он не мог обойтись без ежедневных разговоров с Камиллой. «Это единственный человек, с кем он может говорить без обиняков и у кого он просит совета», — объясняет один из приближенных принца. Но все же в первые годы брака с Дианой Чарльз тщательно скрывал свою тайную любовь.

В этой истории произошел резкий поворот утром 16 сентября 1984 года, когда на ступенях Паддингтонской больницы Чарльз и Диана показали толпе своего второго сына. Иллюстрированные журналы всего мира поместили фотографию этой четы на обложках, а Англия разразилась бурей восторгов: никогда еще будущая королева не была столь обаятельна, не выглядела так гламурно; королевская семья была в зените славы, царила во всех сердцах. После полудня того же 16 сентября Чарльз уединился, чтобы позвонить той, которая отказалась выйти за него замуж и которую он никогда не переставал любить: Камилле Паркер-Боулз. Диана расцвела, она блистала молодостью и красотой, Камилле же было уже около пятидесяти, но именно к ней Чарльз пылал любовью и желанием, пылал неутолимой страстью. Через три дня она вновь стала его любовницей, а королевская семья, не ведая того, начала долгий путь нисхождения в ад.

Брак Чарльза и Дианы был теперь всего лишь обманом зрения, и принц Уэльский больше не мог обходиться без Камиллы. Любовники дошли до того, что занимались любовью в супружеской постели Чарльза в

Хайгроу. «Я кричала, плакала, я беспрестанно его спрашивала, почему он так бросался на нее, так на ней прыгал, — призналась позднее Диана одной из подруг. — У меня были доказательства, что он спал с этой шлюхой в нашей постели». Со своей стороны принц Уэльский жаловался на фригидность жены и на то, что у них нет совместной половой жизни. Но отношения Чарльза и Камиллы не ограничивались только физической стороной. Почти четверть века принц Уэльский находил душевное равновесие в ее верности и любви. «Он не смог бы жить без нее», — доверительно поведал как-то даже один из его секретарей.

Однако принцесса Уэльская попыталась бороться. С самого начала! Кстати, присутствие ее соперницы на свадьбе стало первым поводом для спора между Чарльзом и Дианой. Накануне бракосочетания она попросила Чарльза вычеркнуть «эту женщину» из списка приглашенных. Чарльз воспротивился, но Диана все же добилась своего, и Камилла не присутствовала на завтраке, данном королевой в Букингемском дворце на следующий день после свадьбы. Это была единственная крохотная победа, которую она одержала, прежде чем вступить в тяжкую борьбу, «надев железные рукавицы». Ибо в самом начале Диана думала, что ее молодость, ее красота и ее любовь смогут победить чувства Чарльза к «этой женщине». Она ошибалась... Между 1983 и 1986 годами она все чаще и чаще обедала и ужинала в одиночестве, сидя перед телевизором, или слонялась по коридорам дворца с наушниками на голове, слушая записи «Дайр Стрейтс», своей любимой рок-группы.

Диана искала забвения, развлекаясь в ночных заведениях Лондона или тратя деньги в модных бутиках. Во время официальных выходов они еще «сохраняли лицо», но на других фотографиях Чарльз смотрел в сторону... «Я так надеялась на этот брак, я так много от него ждала, — скажет Диана позднее, когда будет давать свое знаменитое интервью Би-би-си. — Когда ты — такая, как я, когда ты — дитя разведенных родителей, то ты горячо желаешь, чтобы у тебя все было лучше, чем у них, чтобы твой брак оказался удачным. Но нас в этом браке всегда было трое. А это слишком много».

В 1992 году пребывание с визитом в Корею, подготовленное Форин Оффис по просьбе Чарльза с целью примирения супругов, стало полной катастрофой. Уже при выходе из самолета в Сеуле супруги выказали по отношению друг к другу холодную, ледяную отстраненность. Ни одного взгляда, ни одного движения, ни одного ласкового жеста, которыми они бы обменялись во время этого визита, получившего столь неудачное название: «Визит общности интересов и единомыслия». 9 декабря того же года премьер-министр Джон Мейджор объявил в палате общин о «полюбовном расставании» принца и принцессы Уэльских. История любви подошла к концу.

Операция «Камилла»

Камилла знала, что одержала победу, но она опасалась, что у ее победы горький привкус и что за нее придется заплатить слишком высокую цену. Развод, официально состоявшийся 28 августа 1996 года, прозвучал как эхо развода четы Паркер-Боулзов, состоявшегося 19 января 1995 года. Кстати, сам Эндрю Паркер-Боулз очень быстро женился во второй раз на Розмари Питман. Теперь Камилла осталась наедине со своей судьбой! На публике она не выказывала победных настроений и перед средствами массовой информации склоняла низко голову и смотрела себе под ноги. Она сохраняла свою легендарную сдержанность и хранила молчание, тая свой секрет. Она, кстати, отказывалась подавать в суд на журналистов по делам о защите чести и достоинства, но ее провоцировали... В тот момент как раз вышел в свет детективный роман, в котором инспектор из Букингемского дворца пытался разузнать, кто покушался на жизнь Камиллы на охоте. Назывался роман «Смертельные ловушки для Камиллы». Но ее адвокат даже не заявил протест. Во время одной из псовых охот в Брокенборо она продемонстрировала незаурядное чувство юмора, когда, восседая на своем гордом скакуне, заявила папарацци: «Разве у вас еще недостаточно моих фотографий?»

Камилла сама, без чьей-либо помощи, уладила свои финансовые проблемы. Развод с Эндрю принудил ее пойти на жертвы: она продала Нику Мэнсону (ударнику группы «Пинк Флойд») за 915 тысяч евро небольшой коттедж, в котором так часто принимала Чарльза, и купила дом в Лейкоке, в Уилтшире, неподалеку от Хайгроу.

Камилла, испытывавшая прямо-таки непреодолимое влечение к Грете Гарбо, питала такое же пристрастие к таинственности, как и покойная звезда. Если всем известно, что в числе предков Камиллы была Эллис Кеппел, любовница Эдуарда VII, то никто не знал, например, что Хенрик Датский, муж королевы Дании, приходился ей дядей, каковым он стал в результате того, что ее брат Марк Шанд женился на Клию Голдсмит, чья мать была женой Жан Батиста де Монпеза, младшего брата Хенрика. В деле запутанных семейных интриг Камилле есть с кого брать пример!

Превратив свое поместье Рэй-Милл-Хаус в Уилтшире в «любственное гнездышко», бывшая миссис Паркер-Боулз ждала своего часа. Все опросы общественного мнения, делавшиеся на протяжении многих лет, свидетельствовали о том, что англичане ее ненавидели, что они возлагали на нее ответственность за то, что брак из волшебной сказки, брак Чарльза и Дианы, потерпел неудачу и распался. Самая презираемая женщина в Англии... ее считали слишком старой, слишком безвкусно одетой и т. д. Камилла была фавориткой принца Чарльза, но не была любимицей англичан: в 1997 году опросы свидетельствовали, что семьдесят девять процентов англичан никогда бы не хотели видеть ее королевой. Пресса подчеркивала, что «даже если Камилле суждено дожить до ста лет, ей все же не хватит времени, чтобы научиться так очаровывать нацию, как это сумела сделать ее соперница Диана». Однако у Чарльза не опускались руки, и он принялся за упорную работу, чтобы сделать в глазах общественного мнения узаконивание своей продолжительной связи делом допустимым, приемлемым. План операции «Камилла» был разработан летом 1997 года: в соответствии с ним требовалось превра-

тить гадкого утенка в прекрасного королевского лебедя, нелюбимую средствами массовой информации Золушку — в «новую Камиллу». И тогда, быть может, сердце старой доброй Англии наконец растает и примет ее?

Прием, состоявшийся в Хайгроу 18 июля 1997 года в честь 50-летия Камиллы, казалось, зажег зеленый свет обретению нового статуса. Но ужасная смерть Дианы стала похоронным звоном по надеждам любовников. В пятьдесят три года любовница принца Чарльза должна была «нажать на тормоза».

Чарльза сурово осудили бы, и в глазах общественно-го мнения он выглядел бы предателем памяти Дианы, если бы он привел к своим сыновьям-сиротам мачеху, которая к тому же отчасти была повинна в разрыве и разводе их родителей.

6 сентября 1997 года в своем доме (в Рэй-Милл-Хаус) Камилла смотрела прямую трансляцию похорон Дианы по каналу Би-би-си; она сидела перед телевизором, курила сигарету за сигаретой и видела, как разбиваются все ее мечты и развеиваются вместе с сигаретным дымом. Приговоренная на протяжении долгих месяцев ходить с низко опущенной головой, она уволила ответственную за связи с общественностью Аманду Мак-Манус, ставшую ненужной. Теперь не могло быть и речи о больших благотворительных праздниках в пользу Общества борьбы с остеопорозом (она в последнюю минуту отменила праздник, назначенный на 13 сентября), а также не могло быть и речи о ее появлениях на королевских гала-концертах и гала-представлениях (так называют концерты и спектакли, которые почтили своим присутствием члены королевского семейства. — Ю. Р.), как не могло быть и речи о ее появлении на «официальных» фотографиях. Итак, проведение операции «Камилла» откладывалось до «греческих календ», то есть на неопределенный срок.

Своим друзьям графу и графине Шелберн любовница Чарльза доверительно поведала о своем смятении и растерянности, о своей беспомощности перед той ситуацией, что сложилась в результате гибели Дианы. Ка-

милла теперь должна была провести зиму в одиночестве, со своими двумя собаками Фредди и Тоска, ждать, когда к ней заедут ее двое детей, сын Том (двадцать один год) и дочь Лора (девятнадцать лет), и по возможности сделать незаметными свои визиты в Хайгроу, загородную резиденцию Чарльза.

Разумеется, она понимала, что сможет вдали от назойливых фотографов участвовать в псовых охотах (к чему она пылала страстью) у Бофоров, а также выходить в свет вместе с лордом и леди Ромзи. Камилла знала, что Чарльз отныне осужден на исполнение роли вдовца и образцового отца. Даже после смерти Диана продолжала отравлять ей жизнь!

Но время делает свое дело. Безупречный образ Дианы постепенно померк, и любовники приступили к исполнению чего-то вроде «вальса сомнений и колебаний». Вновь была организована кампания по смягчению общественного мнения. Операция «соблазнение новой Камиллой», разумеется, шла не без промахов. Любовница принца Чарльза даже уволила пиарщика, которому было поручено создать ее новый имидж. Устав от язвительных насмешек в прессе по поводу ее возраста, ее редких жестких волос и блеклых тонов ее одежды, Камилла попросила Алана Килкенни изменить ее внешность. Но пресс-атташе немного поторопился, посчитав, что брак Чарльза и Камиллы — дело уже решенное и что состоится это событие довольно скоро. Рассуждая на столь острую и взрывоопасную тему, журналист выказал недостаток такта и дипломатии. Это привело в ярость королеву, и она без колебаний сказала об этом Чарльзу, а тот передал своей любовнице, что его мать гневается. Короче говоря, слишком усердный пресс-атташе был уволен.

Чтобы исправить промах и возместить нанесенный им ущерб, чтобы дать людям понять, что в этом деле ничего еще не решено и что общественное мнение не поставят перед свершившимся фактом, Чарльз поручил своей приятельнице Пэтти Палмер-Томкинсон дать интервью газете «Нью-Йоркер». «Вопрос о женитьбе не стоит на повестке дня» — таков был смысл интервью приятельницы Чарльза. По мнению короле-

вы Елизаветы, следовало приостановить распространение всяческих домыслов, которое происходило слишком уж «крещендо».

Что до этих двоих, то они понимали, что партия еще далеко не выиграна. Путь все еще был усыпан шипами, и чтобы достичь заветной цели — женитьбы, Чарльз в силу закона о королевских браках, принятого еще в 1772 году, должен был сначала получить согласие королевы, своей матери, а затем испросить разрешение архиепископа Кентерберийского. В принципе церковь очень редко, только в чрезвычайных случаях дает свое благословение разведенному. Единственной надеждой Чарльза могло быть то обстоятельство, что королева согласится выдвинуть предложение «в духе времени»: о разделении церкви и государства (это должно было предусматривать, что в дальнейшем монарх сложит с себя обязанности главы англиканской церкви); согласие премьер-министра, похоже, уже было получено, но более всего вызывало опасения общественное мнение, которое могло породить самые острые проблемы! Камилла по-прежнему оставалась женщиной, которую не просто резко критиковали, ее больше всех в королевстве хулили и поносили, про нее говорили, что она — «бесстыдная разлучница», «злая колдунья, одержавшая победу над доброй феей Дианой»...

Любовникам оставалось лишь одно: заключить морганатический брак, то есть брак, в котором супруга может быть признана в «религиозном плане», но не получает ни титула, ни привилегий члена королевской семьи. В истории Англии был прецедент: король Георг IV после соответствовавшего всем требованиям приличий брака со своей кузиной женился в Брайтоне на местной вдовушке миссис Фитцгерберт. Итак, Камилла рисковала быть вынужденной довольствоваться званием морганатической жены Чарльза.

Со стороны официальных лиц знаки, свидетельствовавшие о их расположении к Камилле, все множились. Чарльз пригласил свою любовницу в замок Сандрингем с благословения матери. Чем дальше, тем больше было официальных выходов в свет, когда эта чета появлялась на людях в публичных местах, и это

уже воспринималось как нечто совершенно естественное. Так продолжалось вплоть до «нежного поцелуя» летом 2001 года (26 июня в Сомерсет-Хаусе). Этот поцелуй был своеобразным обещанием.

По правде сказать, за исключением королевы-матери, в большинстве своем члены королевской семьи были весьма расположены к Камилле. По причине своего почтенного возраста сия дама, понятное дело, не сможет долго сопротивляться! В семье Виндзоров все те, кто уже «прошел школу» развода (принц Эндрю, принцесса Маргарет, принцесса Анна и принцесса Мария Кристина Кентская), воздерживались от любых суждений на темы морали и от высказываний тоже. Кстати, Диана после развода оставалась в изоляции и не поддерживала никаких отношений с членами своей бывшей семьи, даже со своими соседями по Кенсингтонскому дворцу. Камилла, известная своей легендарной скрытностью, всегда оставалась в тени и не затмевала других членов королевской семьи. Она, с присущим ей немного циничным юмором, с ее любовью к «загородному» образу жизни: к собакам, охоте, лошадям — вполне соответствовала вкусам Виндзоров.

Разумеется, оставался еще вопрос об отношениях между детьми Дианы и Камиллой. Даже если Камилла никогда не сможет играть роль «матери-заместительницы» (и клан Спенсеров будет за этим следить), Чарльз все же настоятельно желал, чтобы между его сыновьями и «женщиной всей его жизни» установились гармоничные отношения. Если Диана при жизни требовала, чтобы ее сыновья не имели никаких контактов с Камиллой, то теперь Чарльз делал все для того, чтобы это положение изменилось. Когда его сыновья находились в Хайгроу или в Сент-Джеймском дворце, он бывал с ними откровенен и не скрывал, какие узы связывают его с Камиллой. Психологи, к которым обращались с вопросами по сему поводу, были единодушны: «Принцы должны видеться с Камиллой». Не должна она была оставаться в их глазах женщиной, которую нужно скрывать или которой нужно стыдиться. Хорошие отношения с детьми Чарльза тоже должны стать своеобраз-

разным признанием прав Чарльза и Камиллы на личную жизнь.

В действительности уже на протяжении нескольких лет все, кажется, делается для того, чтобы психологически подготовить королевство ко второму бракосочетанию Чарльза. Как признает издатель «Книги пэров Берка»: «Они не могут пожениться прежде, чем Англиканская церковь не изменит отношения как к разводам, так и к повторным бракам в религиозном смысле. Это была следующая стадия, причем решающая. Как только это препятствие будет преодолено, принц с Камиллой поженятся в течение года. “Религиозный вопрос” — единственное, что их сейчас еще сдерживает. Чарльз и Камилла просто ждут благословения Церкви, и мне известно, что в последнее время они не раз встречались с архиепископом Кентерберийским. Близкие друзья четы подтверждают, что они хотят пожениться и что все делается для того, чтобы они достигли своей цели».

Итак, остается подождать еще год-два! Да, остается также узнать, взойдет ли Чарльз на престол и станет ли Камилла в один прекрасный день королевой... Путь воина для Чарльза еще не завершен!

Глава XVIII

Уильям и Гарри

Как хороший отец, принц Чарльз очень сблизился с сыновьями, Уильямом и Генри, которого в семье зовут Гарри. Напомним, что старший сын Уильям родился 21 июня 1982 года в 21 час 03 минуты в больнице Святой Марии; он весил три килограмма двести семнадцать граммов, а спустя два года и два месяца ему подарили младшего брата (три килограмма сто граммов), произошло это 15 сентября 1984 года в 16 часов 20 минут. В очень серьезном официальном коммюнике Букингемский дворец доводил до сведения подданных, что родители заранее отказываются, чтобы их старшего сына называли Билли или Уилли. «Ре-

бенок будет известен под именем принца Уильяма, и никоим образом не будет и речи об уменьшительном имени...»

Уменьшительные имена и прозвища

Следует заметить, что королевская семья, в особенности после царствования королевы Виктории, питает пристрастие к уменьшительно-ласкательным именам или прозвищам, являющимся символами любви и нежности. Для родителей это был своеобразный способ дать ребенку нечто вроде настоящего имени, вместо того чтобы «приклеить» ему «престижное» имя, данное в честь одного из предков. А для детей это был столь же своеобразный способ почувствовать себя такими же детьми, как другие, обычные дети, способ установления тесных связей и близости с теми, кто их любит. Итак, Елизавета для всех своих близких — Лилибет, а ее сестра какое-то время была Бад, что значит «бутон розы», потому что ее второе имя — Роза. У принца Филиппа, принцессы Анны, принцев Эндрю и Эдуарда уменьшительно-ласкательных имен и прозвищ не было. Только Чарльза в раннем детстве снабдили довольно фамильярным прозвищем Плюмпудинг; так его прозвал принц Филипп из-за его толстых щек, и все королевство с радостью подхватило это прозвище, очень не нравившееся мальчику.

В Англии рождение каждого ребенка в королевской семье сопровождается действиями, подчиняющимися строгим правилам. Это касается и выбора имен; специалист по истории королевской семьи Патрик Монтегю-Смит составил список имен, из которого родители и должны выбрать имя для своего дитяти, обязательно только из этого списка. Для мальчика, будущего наследника престола, имена рекомендуются следующие: Уильям (при восшествии на престол — Вильгельм), Эдуард, Ричард, Чарльз (при восшествии — Карл), Джеймс или Джордж (при восшествии — Георг). Для девочек рекомендуются: Елизавета (вообще-то в повседневной английской речи это имя звучит как Элизабет. — Ю.Р.),

Маргарет (при восшествии — Маргарита), Анна (звучит как Энн), Луиза, Мария (звучит как Мэри), Виктория или Екатерина (звучит как Кэтрин). На крайний случай, как аутсайдеры, в списках значатся Генри (при восшествии — Генрих) и Роберт, а для девочек — Фрэнсис и Филиппа.

Современное воспитание

Диана родила не во дворце. Два принца крови Уильям и Гарри — единственные прямые наследники престола, появившиеся на свет божий вне его стен. Оба родились в крыле «Линдо» в одной из самых знаменитых больниц Лондона — в больнице Святой Марии (Сэнт-Мэри-оф-Паддингтон), не являющейся шикарной и дорогой клиникой, но именно там работает доктор Джордж Пинкер, королевский гинеколог. Доктор Пинкер порвал с обычаями и традициями, потому что он не принадлежит к титулованной знати. В его кабинет на Харли-стрит пациенток доставляет старый, скрежещущий лифт. Это он, доктор Пинкер, настоял на том, чтобы принцы появились на свет в больнице, и наотрез отказался выслушивать все глупости относительно того, что дети из королевской семьи должны появляться на свет во дворце, ибо он считал это место совершенно непригодным для родов. Семейство и королевское окружение были несколько шокированы и взволнованы его высказываниями. Королева полагала, что традиции надо чтить и что обычай будет соблюден. Для доктора Пинкера об этом не могло быть и речи, и принцесса, целиком и полностью ему доверявшая, придерживалась того же мнения.

Детская в Кенсингтонском дворце очень отличается от детской в Букингемском дворце. Чарльз и Диана предпочли для нее пастельные тона. Для занавесей Диана выбрала кретон в розовый цветочек на белом фоне. На постели с мягкой периной в чехле с оборками лежало роскошное покрывало до самого пола, а венчал всю эту роскошь балдахин с драпировками со множеством

оборок. На белых стульчиках и шкафчиках красовались маленькие голубые кролики и розовые маргаритки. На светлом паласе, покрывавшем всю комнату, лежали подушки и стояло глубокое кресло для няни.

В начале 80-х годов Чарльз признался в том, что испытывает определенные трудности в воспитании детей. Он часто говорил, что не хочет им навязывать, где и чему они должны учиться. Он сам ненавидел и до ужаса боялся Гордонстоуна, школу, которую выбрал для него отец в Шотландии, ибо это была жестокая школа. Он там был очень, очень несчастен. Когда он был совсем маленьким, даже начальная школа оказалась для него пыткой, своеобразной Голгофой. Подвергнет ли он своих детей подобным испытаниям?

Процесс воспитания королевских детей изменился со времен детства деда Чарльза, Георга VI по прозвищу Берти, которого насильно кормили из бутылочки и ноги которого долгое время держали между стальными пластинками, потому что у него были немного вывихнуты колени и это грозило тем, что он вырастет кривоногим. Нянька так ревновала его к родителям и так злилась на него за то, что он какое-то время проводил с ними, что выкручивала и щипала ему руки, прежде чем втолкнуть в гостиную, чтобы он всегда входил к ним в слезах. Ну и как не удивляться, что он стал заикой?

Генри (Гарри) и Уильям всего этого избежали. Если Чарльз желал, чтобы его сыновья были честными, порядочными, вежливыми, серьезными, разумными, хорошо воспитанными, то Диана со своей стороны хотела, чтобы дети прежде всего были счастливы. «Принцесса — очень преданная мать и посвящает принцу Уильяму много времени, — заявлял Виктор Чапмэн, помощник личного секретаря королевы, незадолго до рождения принца Генри. — Она следит за тем, как с ним обращаются, как с ним говорят, как он играет. Она его поправляет, если он что-то делает не так, как ей бы хотелось».

Свидетели вспоминают, что супруга принца Чарльза очень не любила даже ненадолго расставаться с детьми, что она ни за что не хотела оставлять Уильяма во

время ее первого большого официального визита в Австралию и Новую Зеландию. Чарльз с Дианой не только взяли с собой ребенка, которому тогда было всего лишь восемь месяцев, но и все вместе полетели на одном самолете, хотя по традиции наследники престола должны путешествовать отдельно друг от друга. Это была настоящая дворцовая революция! Какова же была главная причина такого «дикого», на взгляд придворных, решения? Все дело было в том, что принц с принцессой хотели, чтобы их сын, которому когда-нибудь суждено стать королем, в полной мере ощущал себя в безопасности и чувствовал на себе родительские любовь и заботу. Вот почему Диана так настаивала на том, чтобы они взяли Уильяма с собой в это продолжительное «паломничество». «Она всегда все делает по-своему. Я думаю, Чарльз уже это заметил, — сказал однажды граф Спенсер о своей дочери. — Во всем, что касалось их сына, Диана была правящей королевой, а Чарльз — ее послушным супругом».

Диана проводила в детской долгие часы. Она, сохранившая довольно неприятные воспоминания о своей собственной няне, не позволила никому выбрать няню для своих сыновей. Говорят, она даже по сему поводу поссорилась с мужем. Избранницей стала Барбара Барнс, рекомендованная принцессой Маргарет, ибо она прежде работала в семье одной из фрейлин принцессы. Однажды Барбара Барнс поведала о своих принципах журналистам: «Чтобы хорошо ладить с детьми, у меня есть один секрет, и состоит он в том, чтобы обращаться с ними как со взрослыми, давать им кое-какие поручения, чтобы они чувствовали свою ответственность. Их надо поощрять и поддерживать, когда они задают вопросы». В этих словах нашли отражение теории психолога Марии Монтессори, идеи которой разделяла Диана; суть их заключалась в том, что ребенка следует подталкивать к тому, чтобы он думал и действовал самостоятельно, и следить за тем, чтобы родители по отношению к нему вели себя не слишком покровительственно, но и не слишком безразлично.

Принцесса Уэльская, проявлявшая необыкновенное внимание к самым незначительным поступкам сыно-

вей, даже вела подробный дневник, в который заносила все детали взросления детей. Она сама выбирала для них одежду: самые тонкие, самые мягкие кашемировые свитера и шарфики, украшенные самой искусной вышивкой — все самое лучшее для Уильяма и Гарри. Основные предметы одежды для мальчиков Диане поставлял самый шикарный магазин детской одежды «Уайт Хаус» («Белый дом»). Принцесса Уэльская, очень страдавшая в детстве от одиночества из-за развода родителей, постоянно была с детьми. Она сама выкормила сыновей грудью и научила Чарльза менять им белье, пеленать и купать их. Она ежедневно проводила с ними много времени и осенью 1985 года даже сама водила старшего в детский сад в Ноттинг-Хилле. Тогда, как казалось, с воспитанием детей все обстояло прекрасно.

«Старший, — полагала принцесса, — мальчик веселый, восторженный, совсем не робкий, очень независимый. Он прирожденный лидер и организатор, что позднее принесет ему большую пользу. Так, в день начала учебного года он сам выбрал себе одежду, и лучше было позволить ему это сделать... Быть может, Генри — более спокойный, более пассивный? Может, он скорее наблюдатель? Будет ли он следовать примеру старшего брата? Не знаю. Но это личность, и личность, очень сильно отличающаяся от личности Уильяма». Совершенно очевидно, что мальчики были очень веселые. Хотя по характеру принцы сильно отличались друг от друга, они прекрасно ладили между собой и очень не любили, когда их разлучали. Уильям, которого в семье звали «Уилл», был из них двоих самым подвижным, самым заводным, но Гарри легко соглашался поучаствовать в тех глупостях, что творил его брат. На фотографиях у Уильяма всегда плутоватый, шаловливый вид, в то время как Гарри смотрит в объектив с некоторой долей опаски. Насколько Уильям улыбочив, очарователен, оживлен, настолько же Гарри робок, скрытен, неуверен в себе и привязан к матери. Диана старалась дать каждому то, в чем он больше всего нуждался, — любовь.

Но Диана немного перестаралась. Чарльза раздражало, что его жена демонстрировала неуклонную ре-

шимость воспитывать детей так, как она того хотела. В этом воспитании не было ничего общего с «классическим королевским» воспитанием: Уильям свободно ходил по покоям, а так как детская находилась рядом с комнатой принцессы, то Диана постоянно заглядывала в детскую в любое время дня и ночи; последнее слово всегда оставалось за ней, и частенько няня, миссис Барнс, пролиwała слезы... Расхождения во взглядах между дамами были столь велики и остры, что увольнение няни превратилось в настоящее «дело».

Первое время отношения между Дианой и няней были просто превосходны. Полная гармония... Уильям обожал свою «Бабу». Няня, уже имевшая опыт работы с детьми, пребывала в твердой уверенности, что либеральное воспитание приносит добрые плоды, а под либеральным воспитанием она подразумевала, что крики и пощечины категорически запрещены. Леди Ди это очень ценила. Чарльз воспринял эти идеи спокойно, хотя его собственный опыт подталкивал его к применению способов и методов несколько более «классического» воспитания. Надо сказать, что его собственная няня, Мейбл Андерсон, была из породы тех шотландских нянь, суровых и строгих, что на протяжении нескольких поколений воспитывали детей в старых знатных английских семействах.

Но постепенно популярность энергичной и очень живой Барбары среди членов королевской семьи и их приближенных стала злить и раздражать Диану. Принцесса упрекала няню в том, что та использует свое положение, чтобы втереться в доверие к некоторым членам семьи, в особенности к принцессе Маргарет и ее сыну, виконту Линли. «Она много о себе воображает, эта задавака», — однажды коварно шепнула Диана кому-то из знакомых. Быть может, более или менее неосознанно молодая мать ревновала няню к сыну, мысленно упрекая ее за то, что малыш Уильям так привязан к ней — ведь он с ней никогда не расставался. И совершенно естественно, что юный принц гораздо внимательнее прислушивался к советам своей нянюшки, чем к советам матери. Как объяснил один из друзей этой четы: «Барбара находилась в услужении у излишне

нервной молодой матери, отчаянно пытавшейся совместить столь противоречивые вещи, как статус супруги, общественной деятельницы и публичного лица и обязанности матери». Принц Уэльский, поначалу старавшийся примирить двух женщин, в конце концов был вынужден вмешаться. «Уильям, — утверждал он, — далеко не обычный мальчик. Однажды он станет королем Англии». По его мнению, Барбара Барнс слишком часто принимала сторону Уильяма, а не его супруги. И Чарльз стал требовать, чтобы для его сына наняли няню, «воспитанную и обученную на старый манер», если возможно, разделяющую идеи, вышедшие из моды. Изгнать ставшую слишком популярной няню! Изгнать!

Надо сказать, что Уильям выказывал большую живость и подвижность. Впервые он продемонстрировал свой буйный характер, когда ему было всего год и три месяца от роду и он уже довольно хорошо умел ходить, чтобы добираться до туалета и кидать в унитаз ботинки отца. Он повторил свой маневр с туфлями матери, а затем и со своими собственными; кстати, малолетние дети по причинам, известным одному лишь Господу Богу, обожают разуваться. Его ужасный характер в полной мере проявился, когда он захотел заставить своего младшего братишку Гарри, которому тогда было всего семь месяцев, погрызть плюшевого кролика, разумеется, совершенно неудобоваримого. Во время бракосочетания Эндрю и Ферги он развлекался тем, что показывал язык маленьким пажам. Его первая настоящая глупость была совершена с определенной целью: понаблюдать интереснейшее зрелище, и ради этого он сделал так, что в замке Балморал была объявлена пожарная тревога. Он давал выход своей бешеной энергии, носясь верхом на Виски, своем первом скакуне. Чарльз давал ему уроки верховой езды. В то время как разрыв между Чарльзом и Дианой становился все глубже и они все чаще и все дольше жили в разных замках, вопрос о воспитании Уильяма вызывал все более острые дискуссии в прессе. Чарльз, внимательный, но часто бывавший в отъездах, чаще, чем это требовалось бы для нормальных отношений с сыном, выказывал, быть может, излишнюю суровость. Мнения Дианы и Елизаветы II

относительно того, следует ли навязывать детям строгую дисциплину, не совпадали. Королева не скрывала, что желала бы, чтобы по отношению к Уильяму проявлялась бóльшая твердость. Выбор колледжа, в котором предстояло учиться старшему сыну Чарльза и Дианы, превратился в ожесточенный спор. Диана не хотела, чтобы ее дети оказались заточены в стенах учебного заведения, находящегося вдалеке от дома. Однако в 1990 году Уильям был отправлен на полный пансион в Ладгроу-Скул, в Беркшире. Итак, в восьмилетнем возрасте принц вынужден был учиться жить вдали от семьи, которую он видел только по субботам и воскресеньям. Диана кое-как приспособилась и начала устраиваться так, чтобы ее расписание, предусматривавшее выполнение ею официальных функций, совпадало с расписанием занятий ее детей и не мешало ей общаться с ними. На первом месте в ее еженедельниках всегда стояли записи дат школьных каникул, дат концертов хоров, в которых участвовали мальчики, дат спортивных состязаний и т. д. Чарльз постоянно куда-то исчезал. В июне 1991 года, когда с Уильямом случилась беда и он оказался в операционной одной из лондонских больниц, Диана в одиночестве сидела у постели больного ребенка, потому что Чарльз предпочел отправиться в оперу на гала-представление. На следующий день батальон психологов и возмущенных матерей осудил поведение принца. Чтобы предстать перед обществом в образе ответственного, заботливого отца, Чарльз попытался всех обмануть, дабы изменить свой имидж: его сфотографировали на конной прогулке вместе с сыновьями, а также всех троих на велосипедах. Диана рассматривала эти действия как постыдное лицемерие и ханжество, достойные Тартюфа. Она-то сама проявляла сверхзаботу о своих детях и изливала на них любовь и нежность. Когда в декабре 1992 года чета официально объявила о неизбежности разрыва, все помыслы Дианы были прежде всего направлены на сыновей. Она любила их безгранично. Все ее усилия преследовали одну цель: сделать так, чтобы у детей детство было иным, чем у нее самой, и чтобы они не пострадали оттого, что их родители разошлись. Уильям, найдя-

шийся на пороге подросткового возраста, сблизился с отцом: он стал охотиться и удить рыбу, как Чарльз, и их согласие, в чем-то похожее на сообщничество, становилось все заметнее. Все чаще и чаще на различных церемониях отец и сын о чем-то болтали и посмеивались с видом друзей-заговорщиков. Роскошный отдых в Греции во время каникул в 1995 году на яхте, предоставленной в распоряжение Чарльза, сблизил их еще больше.

Осенью 1995 года Уильям поступил в Итон. В знаменитом колледже он находился под строгим контролем очень высоких должностных лиц. В его распоряжении была отдельная комната с отдельным туалетом (сия привилегия распространяется только на принцев крови). В соседней комнате обосновался его личный офицер службы безопасности, дабы обеспечить его защиту. Ради пущей предосторожности Уильяму вручили особые часы, достойные Джеймса Бонда, водонепроницаемые, хитроумные, со вделанным в них электронным устройством, позволяющим следить на экране за перемещением их владельца.

Выбор, павший на Итон, где вот уже на протяжении пятисот лет «делали», как на фабрике, настоящих английских джентльменов, оказался оправданным, хотя повседневный образ жизни там и был довольно суров: подъем — в 7.30 утра, завтрак — в 8.00 (во время которого ученики могли читать выписываемые ими газеты), затем обязательная молитва в часовне перед началом занятий, обед — в 13.00, чай — в 17.00, ужин — в 20.00, а через полчаса — вечерняя молитва. Вот таково было расписание в Итоне, расположенном неподалеку от Виндзорского замка. Вплоть до шестого класса (выпускного класса средней школы в Англии. — Ю.Р.) на протяжении первых трех лет — ни телевидения, ни радио! Запрещено, и все! Не могло быть и речи о том, чтобы спрятать в чемодане хотя бы транзисторный приемничек! Несмотря на титул и положение в обществе, при поступлении в Итон Уильяма восприняли как новичка. Он уже знал наизусть историю колледжа, основанного в 1440 году королем Генрихом VI, выразившим пожелание, чтобы учениками в него бы-

ли записаны семьдесят мальчиков из числа нуждающихся. С тех пор в колледже прошли курс наук восемнадцать будущих премьер-министров и множество прославленных, видных деятелей, среди которых можно упомянуть герцога Веллингтона (победителя в битве при Ватерлоо. — Ю. Р.), Кейнса, экономиста и Джорджа Оруэлла, писателя. Стоимость обучения для каждого из 1267 учеников составляла около 15 тысяч евро в год (на 1267 учеников — 130 преподавателей). Родители могли записать своего отпрыска в список кандидатов в возрасте четырех лет, но без особой надежды, потому что лишь одного из десяти «жаждущих» принимали в число учеников. Списки ожидающих своей очереди уже заполнены и «закрыты» на два года вперед. Что это? Дань старомодным нравам? Пожалуй, нет, если вспомнить, сколь велика сила Итона, даже если и признать, что некоторые из его правил устарели. Так, например, в Итоне до сих пор существует свой особый язык «для посвященных», позволяющий бывшим его ученикам узнать друг друга много лет спустя после окончания Итона в любом уголке мира. Так что Итон — это своеобразная «масонская ложа» в системе образования. Если вы заслужили привилегию посетить Итон с частным визитом, то там, на письменных столах, сделанных из останков кораблей «Непобедимой армады», вы сможете прочесть вырезанные на столешницах имена всех тех, кто учился в Итоне. Этому обычаю уже пятьсот лет. Уильям, будущий король, не сможет ему не подчиниться.

Для Генри, младшего брата Уильяма, развод родителей был еще более болезненным. Но Чарльз прибег к помощи «джокера» по прозвищу Тигги. 3 августа 1993 года носившая это прозвище Александра Легг-Берк стала гувернанткой Уильяма и Гарри. Появление Александры, молодой женщины того же возраста, что и принцесса Диана, и из того же социального круга, женщины, чья матушка была компаньонкой принцессы Анны, стало частью всеобъемлющей стратегии, направленной на то, чтобы создать для юных принцев

нечто вроде искусственной семьи на то время, что они проводят с отцом. Веселая, шумная, непоседливая, заводила и затейница, эта бывшая воспитательница детского сада выводила мальчиков «в свет», ходила с ними по магазинам и всячески старалась их развлечь. Она поддерживала связь с друзьями Чарльза, с миллионером Хью ван Катсеном, владельцем конюшни, где содержали скаковых лошадей, участвовавших в скачках, и его женой Эмилией; они тоже играли роли «родителей» в отсутствие Чарльза; Уильям и Гарри часто отдыхали в их имении в Норфолке. Диана, с трудом сдерживая ярость, наблюдала за развитием событий. Она скривилась от неудовольствия, когда увидела в газетах фотографии, на которых Гарри сидел на коленях у Тигги на заднем сиденье машины; она вздрагивала при мысли о том, что «эта Тигги» может называть детей «мои дорогие», и поморщилась, когда узнала, что гувернантка во время пребывания детей в Балморале повезла их покупать подарок отцу ко дню рождения.

Живая, искрящаяся остроумием, по духу своему очень похожая на Мэри Поппинс, Тигги стала неизменной спутницей мальчиков. Каждый уик-энд и на каникулах, проведенных ими вместе с отцом, она была доброй феей, обеспечивавшей им приятное времяпрепровождение. «Для детей она стала кем-то вроде старшей сестры», — признавал один из приближенных к Чарльзу людей. Но Диана так никогда и не признала Тигги, видя в этой молодой женщине соперницу, стремящуюся занять ее место в сердцах ее сыновей.

После развода Уильям и Гарри видели родителей только раздельно. Чарльз приглашал их в Шотландию, Диана предлагала провести каникулы под лучами теплого солнышка. Чарльз внушал им, что у них есть обязанности, соответствующие их положению в обществе. Диана, как радостная мать, разыгрывала карту беззаботного веселья и беспечности и потому всячески их развлекала, ибо действительно желала, чтобы ее сыновья жили так, как живут обычные подростки. В Сен-Тропез в последнее лето ее жизни Диану видели за несколько странным для ее возраста занятием: она занималась скейтбордом вместе с Гарри. К тому же она

сняла на ночь одно увеселительное заведение, чтобы принцы смогли побывать там с друзьями на вечеринке.

На первый взгляд маленькие принцы были похожи на всех подвижных, буйных школяров своего возраста. Они занимались картингом и гоняли на велосипедах, играли в компьютерные игры. «Они совершенно такие же, как обычные, нормальные дети, и с ними легко можно ладить, — объясняет Гарет Науэлл, один из их сотоварищей по занятиям картингом. — Им нравится то, что нравится ребятам их возраста». Да, они — такие же, как все, вот только... только их одних сопровождают полицейские в штатском, только им одним разрешено пользоваться телефоном, установленным в кабинете директора колледжа, чтобы по воскресеньям звонить матери, только у них одних на ящичках, где хранятся продукты, есть висячие замочки, и только они просят своих друзей хранить у себя адресованные им письма «втайне от врагов».

Рыжий Гарри («...он гораздо более Спенсер, чем Виндзор, и очень похож на мужчин из моего рода, ведь они тоже рыжие...») — ребенок очень ласковый. «Настоящий ангелочек», — говорила Диана. Принцесса очень беспокоилась из-за того, что однажды, после восхождения Уильяма на престол, Гарри может быть отодвинут на задний план, и сделала все для того, чтобы между братьями сохранялся дух братства и солидарности. Она всегда хотела избежать того, чтобы Гарри расстроился из-за своего «неудобного» статуса брата будущего короля, и всячески стремилась поддерживать в нем мысль, что он должен быть лучшим и самым верным помощником старшего брата, его надежнейшей опорой.

Но трагическая смерть Дианы нанесла тяжелый удар Гарри, которому было тринадцать лет. Он, казалось, был безутешен, несмотря на то, что получил более тысячи сочувственных посланий. Маленький принц, бросивший снежки в фотографов, охотившихся за его матерью около реки Лех в Австрии, где он проводил зимние каникулы, теперь научился улыбаться. В свои тринадцать лет Гарри жил, лавируя между очень грустным отцом и старшим братом, от которого британцы

ждали столь многого. 10 сентября 1997 года Гарри, одетый в несколько мешковатый костюмчик английского школяра, отправился в сопровождении отца в школу в Ладгроу. Его преподаватели сочли, что ему надо провести здесь еще один год, прежде чем он сможет присоединиться в Итоне к брату, общения с которым ему так не хватало. Он вновь встретился с друзьями, но был еще в том возрасте, когда не поверяют секретов даже лучшим друзьям. А его мать больше не приедет к воротам школы, не будет его там ждать, чтобы забрать на уик-энд...

Папочка Чарльз

К счастью, принц Уэльский лучше, чем кто-либо, понимал, в какой тоске, в каком отчаянии пребывали его сыновья. Он попросил, чтобы его покои в Сент-Джеймском дворце были увеличены, дабы там можно было выделить две комнаты для мальчиков. Таким образом Уильям и Гарри, жившие с матерью в Кенсингтонском дворце, могли вновь обрести семейный очаг во время каникул и уик-эндов. Чарльз попросил руководителей учебных заведений немедленно сообщать ему лично, если один из мальчиков проявит хоть малейшие признаки волнения, беспокойства или растерянности. Состояние Гарри в тот момент, казалось, вызывало наибольшее беспокойство. Он был более раним, чем старший брат, и замкнулся в себе, погрузившись в свое горе и отчаяние.

Как нам уже известно, Генри больше походил на Спенсеров, чем на своего отца флегматика Чарльза. Некоторые даже утверждали, ссылаясь на фотографии, что он мог бы быть сыном майора Хьюитта, мимолетного любовника Дианы. Гарри правша, в отличие от левши Уильяма. Гарри буквально свихнулся на видеоиграх. Еще он был в своей семье «писателем». Чарльз говорил, что всегда находился под глубоким впечатлением от писем, которые писал ему его младший сын, так они были трогательны и волнительны. Чтение — лю-

бимое занятие Гарри, в особенности любил он приключенческие романы. Любил он также и фильмы, в особенности боевики; у него была собака породы лабрадор, и он также разделял с другими Виндзорами всем известную любовь к лошадям. То, что он рос как бы в тени старшего брата, пошло ему на пользу, так как он ощущал себя в безопасности и детство у него было относительно спокойное. Он был страстным любителем футбола и часто инкогнито присутствовал на матчах с участием его любимой команды «Арсенал». Хотя он еще маловат ростом, но почти в такой же хорошей спортивной форме, как Уильям. Он довольно близок с леди Джейн Феллоуз, сестрой Дианы. При жизни Дианы он часто вырывался в Гайд-парк в сопровождении только одного телохранителя, чтобы покататься на велосипеде. Гарри также провел каникулы с матерью на ранчо Курта Рассела и Голди Хоун. Однажды он обедал с Томом Крузом, и его даже видели в Лос-Анджелесе, когда он брал автограф у Брэда Питта в ресторане. Поведение, не слишком типичное для Виндзоров! Этот восторженный поклонник Эммы, блондинки из группы «Спайс герлз», до трагедии был жизнерадостным подростком.

В конце концов Чарльзу удалось сблизиться с Гарри. Он пригласил его совершить с ним путешествие в Южную Африку, где при содействии девушек из «Спайс герлз» к младшему принцу вернулась улыбка. Затем Чарльз и Гарри отправились вместе кататься на лыжах, потом Гарри сопровождал принца Уэльского, побывавшего с официальным визитом в Канаде, а позднее присутствовал вместе с ним на одном из матчей за Кубок мира.

Но Чарльз навязывал Уильяму и Гарри слишком традиционное, слишком «виндзорское» воспитание. Диана сделала все возможное, чтобы ее сыновья избежали железной дисциплины «королевского воспитания», в соответствии с которым росли до них все принцы крови. Она пыталась сохранить свободу, непосредственность и естественность воспитания скорее американского, а не английского: посещение парков с аттракционами на каникулах,

плавание на яхтах, хождение в джинсах, игры в баскетбол, просмотр американских фильмов по субботам и воскресеньям... Диана дарила им каникулы на Карибах или на Лазурном Берегу, у кинозвезд или миллиардеров...

Теперь, под влиянием Чарльза, воспитание «меняет направление» в сторону более традиционного, по английскому образцу: уик-энды в Хайгроу, каникулы в Шотландии, заполненные рыбной ловлей, охотой и верховой ездой в соответствии с программой. Все становится более соответствующим протоколу, более чопорным, более приличествующим статусу принцев и членов королевской семьи. Покончено с беззаботностью и развлечениями, свойственными золотой молодежи (больше никаких занятий картингом!). В соответствии с обычаями, принятыми у Виндзоров, Чарльз предпочитал уводить сыновей в королевские леса стрелять куропаток или ловить лосося — вкушать простые радости жизни в естественной среде.

Уильям — суперзвезда

Уильям в Англии — знаменитость, звезда первой величины. Он унаследовал черты своей матери: он тоже блондин, как и она, у него такая же улыбка, одновременно робкая и ослепительная, такая же нежная белая кожа, он так же строен, как и она, и так же очарователен, он наделен тем же всепобеждающим шармом. Короче говоря, Уильям — это новый всеобщий любимчик, идеальный будущий Прекрасный Принц. Но когда леди Диана умерла, на плечи Уильяма легла очень тяжелая ноша: он осознал, что хочет он того или нет, но однажды станет королем, и детство у него против его воли должно быть как у будущего короля; кроме того, на него была возложена еще более ответственная миссия: стать надеждой монархии и ее спасителем в случае, если ей будет грозить гибель. Говорят, что он очень умен. Сама Диана как-то, давая интервью, сказала: «Этот ребенок очень много думает». Так как он очень почитал свою мать, почти поклонялся ей, как кумиру, как идолу,

как святыне, то в тот момент многие опасались за его рассудок.

Уильям, старший сын Чарльза и Дианы (судьба отпрыска королевской семьи обязывает!), стал привлекать к своей особе внимание всех подданных королевства. «Мишень № 1» для папарацци, он был предметом грез всех девочек-подростков. Он был шестым в списке идолов тинейджеров, обойдя многих звезд рок-музыки! Напор со стороны средств массовой информации усиливался, и колледж, в котором он учился, все более напоминал осажденную крепость. В подобной ситуации человеку очень и очень тяжело жить, тем более что развод родителей и так глубоко травмировал Уильяма. Дело дошло до того, что Уильям был вынужден пройти курс терапии у Сьюзи Орбах, пятидесятилетней дамы, очень опытного психолога, которой Диана всецело доверяла. К тому же следовало помнить и об опасностях, подстерегавших принца со всех сторон. Не только ИРА угрожала принцу... С тех пор как Уильям стал сопровождать Чарльза на охоту на лис, он начал получать посылки с искусно замаскированной взрывчаткой; экстремисты из числа защитников животных (члены Фронта за освобождение животных) однажды отправили Уильяму мышеловку с прикрепленными к ней лезвиями бритвы.

Что уж говорить об одиночестве... В пятнадцать лет юный принц отправился на первую вечеринку с танцами в «Икуинокс-клуб» (возможно написание «Экинокс-клуб». — Ю.Р.) в Лондоне. Сопровождаемый телохранителями, Уильям, сжимая в руке бокал с апельсиновым соком, слонялся по битком набитому залу. После нескольких ничего не значащих разговоров на светские темы и обмена дежурными улыбками маленький принц ушел один! Ни одной девушки-подружки на горизонте! Но партия всего лишь отложена...

3 сентября 1997 года в Итоне начался новый учебный год. Уильям не присутствовал на торжественной церемонии из-за траура. Можно было предположить, что отправлять его в колледж на полный пансион в столь критический момент ни к чему, так как это могло бы отрицательно сказаться на его душевном состоя-

нии. Но не следовало забывать о том, что у Итона имелось одно неоспоримое преимущество: там он был защищен от папарацци и там он был вынужден волей-неволей вести очень размеренный образ жизни. Вероятно, в течение учебного года у Уильяма просто не было времени предаваться унынию, печали и тоске.

Со своей стороны, Букингемский дворец обратился к журналистам с просьбой оставить Уильяма в покое. Директор Итона пригрозил, что исключит из колледжа любого ученика, который что-нибудь сболтнет представителям прессы. «Итон полностью приспособлен для такого парня, как он, чье будущее — это будущее публичного человека, — полагал писатель Пол Уоткинс, тоже выросший в Итоне. — Он должен здесь существовать сам по себе, завоевав уважение всех, но не используя для достижения этой цели свое имя, свое богатство или титул. Он здесь будет не единственным, у кого есть личный телохранитель, у детей глав иностранных государств и детей богатейших греческих судовладельцев тоже есть телохранители». «В Итоне Уильям так же похож на других учеников, как может быть похож человек его круга и его общественного положения, — уточняет историк Дэвид Старки. — Многие ученики богаче его, и у многих семейная жизнь гораздо сложнее, чем у него».

Уильям также мог рассчитывать на поддержку отца. Между ними установилось настоящее согласие. Мальчик проводил с Чарльзом довольно много времени в Сандрингеме. В парке водилась масса дичи, и Уильям проникся страстью к охоте, «заразившись» ею от отца. Принц Уэльский хотел, чтобы между ними установились такие отношения, какие устанавливаются между двумя мужчинами. Он сообщил ему о своей связи с Камиллой, и мальчик даже встречался с ней несколько раз. Рядом с отцом он постигал азы своего будущего «ремесла», своей будущей «профессии» — быть королем. Уильям наблюдал за тем, как его отец нес груз своих обязанностей, он видел, как его отец носился с различных конференций на церемонии открытий предприятий, с похорон на церемонии передачи поручения сформировать правительство или выдвижения

кандидатов от политических партий, как он торопился с благотворительных мероприятий на военные парады. Он теперь знал, что скоро придет и его очередь. Он проходил обучение и у другого, воистину незаменимого члена королевской семьи — у королевы. Итон находится недалеко от Виндзорского замка, и по воскресеньям Уильям часто пил чай с Ее Величеством. За ним приезжала машина, и они с королевой два часа проводили вместе.

После гибели Дианы Уильям действительно все больше и больше сближается с другими Виндзорами. Мягкое влияние Дианы постепенно стиралось, исчезало. И все же она «завещала» ему чрезвычайно важные ценности: желание помогать ближнему, потребность в искренности и правдивости, умение слушать других. Это посмертное влияние благотворно для будущего короля.

Когда 21 июня 2000 года Уильям отмечал свой восемнадцатый день рождения, стало известно, что слуги в королевских дворцах стали именовать его «Ваше Высочество». Прессе Уильям доверительно сообщил, что имеет банковскую кредитную карточку, позволяющую ему брать со счета около 760 евро в день, что он любит ароматизированные сорта чая, такие как «Эрл Грей» и «Лапсанг Сушон», что он заказывает вещи по каталогам в фирме «Фортнум энд Мейсон» и что, хотя он и любит бигмаки, все же отдает предпочтение сбалансированному питанию и обожает печь пирожки.

Гарри на свое 16-летие (в сентябре 2000 года) позировал вместе с отцом перед объективом фотоаппарата лорда Сноудона. При росте 1 метр 76 сантиметров подросток уже перерос отца. Он играл в поло, был в полном согласии с отцом, порой его видели в те мгновения, когда он обнимал или целовал свою девушку у дверей пиццерии. Этот юноша со своей хитровой мордочкой проказника предстает перед старой доброй Англией в облике изнеженного, взлелеянного принца, который способен поразить всех, сообщив о своем желании отправиться на стажировку на кухню одного из отелей в Швейцарских Альпах.

Уильям тоже стажировался в весьма экзотических местах Южной Америки (он провел два с половиной

месяца в Чили, работая вместе с членами благотворительной организации «Ралли интернэшнл») и в Африке, вероятно, в поисках приключений. И так, у него был довольно веселый (если не сказать буйный) год перед поступлением в университет Святого Андрея (Сент-Эндрю) в Шотландии. Он начал свою «летопись сердечных увлечений» с Эммы, племянницы Камиллы Паркер-Боулз. Ему также приписывают мимолетные интрижки (более-менее виртуальные) с Холи, дочерью Ричарда Брансона, с Аннализой Асбьернсен, с Элизабет Джаггер, с Тарой Палмер-Томкинсон, с Изабеллой Анстрадер-Ког-Колторп и с Натали Хикс-Лоббечке... не считая так называемого невинного флирта с Бритни Спирс. Уильям стал самым превосходным, самым завидным женихом мира, самой желанной партией и конечно же номером один желтой прессы.

Сыновья Чарльза и Дианы, отличающиеся особым шармом, непринужденностью, естественностью и беззаботностью, принесли королевскому двору Великобритании легкий ветерок молодости. Быть может, они добьются успеха в деле, в котором Диана потерпела поражение. Быть может, им удастся заставить монархию измениться.

Глава XIX

Престиж и популярность

Сразу же после восшествия на престол Елизавета II признала в одной из речей, что «структура и жесткие рамки монархии могут легко восприниматься как архаические пережитки прошлого, лишённые всякого смысла». Советники Короны утверждали, что монархия, символ постоянства и стабильности, должна осознавать, что бросает вызов столетиям, будучи неподвижной и неизменной, как огромные каменные глыбы Стоунхенджа. Но, чтобы быть эффективной, она не может довольствоваться золотыми тросточками и рыцарями ордена Подвязки; ей надо остаться живым институтом общества, тесно связанным с жизнью страны.

Значение дворца коренится не столько в его политическом влиянии, сколько в социальном, общественном. В королевском дворе и в Букингемском дворце чаще всего видят одновременно забавную причуду английской общественной жизни и способ развлечь массы. Монарх в Великобритании по своей природе не отличается от своих подданных. Напротив, он обладает теми же достоинствами и теми же недостатками. Быть воплощением английского духа — вот все, что от него требуют. Он должен быть флегматичным, вежливым, скромным, простым, достаточно спортивным, но не слишком, воздержанным, умеренным в еде и питье, а также в одежде, не слишком блестящим, но основательным, наделенным чувством юмора, если возможно — шутником, но таким, который не смеется собственным шуткам. Королевский дом Виндзоров представляет на всеобщее обозрение полный набор личностей, который еще более увеличивает силу его очарования, ибо каждый британец может узнать себя в одной или другой из них.

Желательно, чтобы вкусы, интересы и действия представителей королевской семьи отвечали запросам и надеждам, осознанно или неосознанно формирующимся в умах и душах их подданных. Необходимо, чтобы их поведение и их образ жизни были отражением трех высших ценностей британцев: аристократизм, традиционная семья и жизнь в сельской местности.

Раздираемое внутренними противоречиями, сотрясаемое внешними конфликтами, Соединенное Королевство все чаще и чаще производит впечатление распадающегося и разрушающегося, чем восстанавливающего силы и изменяющегося. Возвышаясь над ссорами своих политических сторонников и противников, Елизавета II является символом единства страны. Она сковывает воедино звенья цепи, тянущейся сквозь столетия. Она воплощает собой постоянство, которое не должно нарушиться. Те, кто думает, что однажды Елизавета II могла бы отречься от престола в пользу своего сына Чарльза, не понимают, что является основой основ королевской власти в Великобритании. Ее Величество крепко держится за свое происхождение,

за свою природу, к которой применимо прилагательное «августейшая». Престиж, достоинство, превосходство над всеми и вся английского монарха покоятся на непоколебимом фундаменте связи времен, преемственности и обычаях, на опыте, приобретенном за многие века. Благодаря монархии Англия ощущает себя бессмертной, она чувствует свое превосходство над другими странами. Пренебречь этим, отречься от престола, то есть «отказаться от своего места», означало бы обесценить функции королевской власти и низвести монархию до уровня небольших европейских монархий, где ношение короны превращается просто в «работу», с которой можно уйти на пенсию в шестьдесят пять лет! С 1936 года одно только слово «отречение» заставляет весь Букингемский дворец трепетать от ужаса.

Средний англичанин продолжает жить, руководствуясь двумя или тремя основными давным-давно сформировавшимися понятиями, проистекающими из убеждения, что верховная власть Британии и британское превосходство обсуждению не подлежат. Находясь среди обломков своего блестящего прошлого, страна сохраняет некоторые преимущества, дарующие шанс на успех, она держит на руках несколько замечательных козырей и блестящие остатки былой славы, из коих самым прекрасным украшением остается королевская власть. Англия всегда прилагала все усилия для того, чтобы создать впечатление, что она представляет собой некий особый, отдельный мир, нерушимый и вечный. Британцы уверены, что они — единый народ. Ни сильное влияние космополитических идей, ни влияние современных теорий не могут ничего изменить в этом глубочайшем убеждении нации.

Именно поэтому превратившаяся в машину по производству грез, в собрание статей, питаемое средствами массовой информации всего мира, монархия кажется необходимой. Главный козырь Королевского дома Маунтбетенов—Виндзоров заключается в том, что монархия сумела использовать средства массовой информации для того, чтобы упрочить, сохранить, обессмертить свой образ. Монархия очень изменилась после восшествия Елизаветы II на престол в 1952 году;

быть может, кому-то покажется, что она стала «банальной», обычной, но она намного увеличила свое состояние, свою независимость, свою популярность и силу своего гипнотического очарования, воздействующего на толпы подданных.

Сохранив всего лишь видимость власти, монархия за два века сблизилась с населением, воплощением социальных чаяний которого она и является. Взамен британцы в большинстве своем признают за своим монархом право вести образ жизни, отличающийся помпезностью и роскошью, отражающий величие страны (гвардейские полки, королевские резиденции, кареты, пышные торжественные церемонии).

Елизавета II проявила свою способность приспосабливаться, согласившись на изменение облика монархии. Понимая, что с монархией произошли великие изменения, которые невозможно было предвидеть во время ее коронации, Елизавета смогла сохранить ее основы, к коим относилась с большим почтением. Елизавета смогла заметить два подводных камня, способных ей очень сильно повредить: ссоры в семье и грязные скандалы. Увы, она не всегда могла их избежать...

Часто английскую королевскую семью называют «монархией-спектаклем», «монархией-зрелищем». Ее история действительно богаче неожиданными поворотами, чем любая «мыльная опера», в которой заранее можно предвидеть все события. Обрамление, декор здесь гораздо более естественны, «хореография» официальных церемоний — несравненна, а мифология монархии приобретает фантастические размеры и придает почти бредовый характер процессу самоотождествления англичан с персонажами этого «спектакля».

Многие социологи подчеркивают, что телезрители во всем мире, наблюдая за наследными принцами, стали воспринимать их как своих знакомых. Любопытство публики к ним остается ненасытным: чем больше она о них узнает, тем больше требует сведений о них. Каждый, похоже, старается играть свою роль как можно лучше, сохраняя нить повествования, никогда не утомляющего и не наводящего скуку: Маргарет изобраа-

жает грустную принцессу, Анна — злую фею Карабосс (из сказки Шарля Перро «Спящая красавица»), Филипп — принца-звезду; Диана, казалось, сошедшая со страниц одного из бестселлеров Барбары Картленд, стала суперзвездой, затмившей своих партнеров.

Стимулируемые запросами публики, средства массовой информации набивали себе цену и изощрялись в поисках и интерпретации любой, даже самой незначительной новости о жизни членов королевской семьи. Внимание привлекало все: новая шляпка, любовная интрижка, шалости, каприз, дурное настроение — все могло пролить потоки чернил на бумагу. Но теперь эти «дознания с пристрастием» завершались резкой критикой или градом насмешек, от коих только королева, казалось, была защищена. Подданным королевы было приятно знать, что сильные мира сего, как и они, знакомы и с радостями, и с трудностями. Десакрализация королевской британской семьи увеличила ее популярность, не нанеся ущерба ее престижу.

«Популярность? Пусть так! Но какой ценой? — вопрошал один из журналистов «Санди диспэтч». — Вам что же, действительно будет приятно увидеть, как королева стоит в очереди в одном из супермаркетов Лондона? Или вам понравится, если вы увидите принца Филиппа, стиснутого толпой в метро в час пик? Вы уверены, что не предпочтете, чтобы королева и ее семья остались в том же положении, в каком пребывают сейчас, то есть немного отстраненными и далекими?»

Монархия знает, что ее благополучие зависит от привязанности и уважения, которые питает к ней нация. Вот откуда проистекает необходимость казаться доступной своим подданным, одновременно сохраняя дистанцию, манеры, чопорность и минимум помпезности, без которых почтение невозможно. Но сегодня пресса преследует королевскую семью столь настойчиво, что результат оказывается уже далеко не так удачен. Отвращение королевской семьи ко всякому вторжению или вмешательству в ее личную жизнь неуклонно увеличивается; королевская семья держится

настороже, если оказывается в поле зрения профана, опасаясь, что малейшее движение, малейшее слово будут использованы ей во вред.

Семейные тайны

Разумеется, бури и скандалы иногда нарушали спокойствие и гармонию во дворце, но королева и ее советники смогли извлечь уроки из злоключений Маргарет, чтобы избежать новой катастрофы. Однако в неприятных эпизодах недостатка не было. Так, во дворце наотрез отказываются говорить о родственных связях принца Филиппа, вернее, о его родственниках-нацистах. Старшая сестра принца Маргарита вышла замуж за князя Гогенлоэ-Лангенбурга; Теодора — за маркграфа Баденского; а Цецилия — за наследного великого герцога (князя) Гессен-Дармштадтского. Во время Второй мировой войны Гогенлоэ-Лангенбург воевал в рядах вермахта, а Кристофер Гессен-Дармштадтский работал на гестапо, служил в рядах СС и погиб за штурвалом самолета люфтваффе.

В семье слишком поздно узнали, что отец Марии Кристины фон Рейбниц, ставшей супругой принца Майкла Кентского, вовсе не был жертвой Гитлера (как она его представила), а был нацистом практически с самого основания НСДАП, другом Германа Геринга и штурмбаннфюрером СС. Белокурая принцесса не особенно смущалась и расстраивалась, когда все выплыло наружу. Подобно красивой и амбициозной незнакомке с загадочным прошлым из американского сериала, вторгшейся в богатую семью, соблазнив самого слабого из ее мужчин, она сумела выйти из положения и на этот раз. Как однажды отметил кто-то из «злых языков» дворца: «Что происходит в сериале, когда кто-то раскрывает скандальные подробности тайн прекрасной незнакомки? Она кусает губы, отважно вскидывает голову, и, видя ее смелость, решимость и неожиданное богатство ее личности, восхищенные члены семьи и покоренные

телезрители сплачиваются вокруг нее». Именно это и произошло.

Иногда семейные тайны удается скрывать лучше; в этой сфере блистала королева-мать. Никто так и не узнал, что ее племянник Патрик Боуз-Лайон покончил жизнь самоубийством 10 июля 1923 года, что жена ее племянника Тимоти нашла такой же конец в замке Гламз в 1959 году при чрезвычайно загадочных обстоятельствах и что две другие ее племянницы, Кэтрин и Нерисса, провели жизнь в сумасшедшем доме. «Светский боттен» (справочник, содержащий сведения о видных деятелях и представителях аристократии. — Ю. Р.) почему-то сообщал, что Нерисса умерла в 1940 году, хотя она скончалась лишь в 1986-м, а о Кэтрин написано, что она умерла в 1961-м, хотя она вот уже более пятидесяти лет живет в больнице «Эрсвуд» в Редхилле, в Суррее; все члены королевской семьи, принужденные выдавать этих родственниц за умерших, никогда не наносили им визитов. Что и говорить, эти факты можно назвать весьма неприятными для королевы-матери, председательствовавшей во многих ассоциациях поддержки людей, страдающих умственными расстройствами...

Тем более что впоследствии стало известно о существовании еще двух кузин, какое-то время пребывавших в той же больнице. В довершение всего припомнили историю первого ребенка прадедушки и прабабушки королевы-матери: этот ребенок, родившийся в 1822 году, был слабоумным, и его официально объявили умершим, но на самом деле он был приговорен к жизни в полной тайне и провел всю жизнь в замке Гламз, заточенный в темном, тесном убежище. Когда эта тайна была раскрыта и произвела эффект разорвавшейся бомбы, Букингемский дворец спрятался за осторожным высказыванием: «Без комментариев».

Обязанность соблюдать сдержанность и осторожность, когда-то сформулированная в чрезвычайно лапидарной форме королевой Викторией: «Никогда ни на что не жаловаться и никогда не давать никаких объяснений», и сегодня не потеряла своей актуальности. К этой формулировке и сейчас прибегают всякий раз,

как только начинают ходить слухи о раскрытии некой тайны или начинает распространяться неприятный анекдот или рассказ о забавной истории, приключившейся с одним из членов королевской семьи.

Однако в отличие от королевы Виктории Елизавета II никогда не хотела «стричь под одну гребенку» всех членов семьи: она одобряла индивидуальность каждого из них (или относилась терпимо к этому), понимая, что сила королевской семьи в какой-то мере зависит и от разносторонности ее членов.

Но 90-е годы были для британской монархии прямо-таки катастрофическими. Скандалы, героиней коих была Сара, сериал «Чарльз и Диана», выход на сцену Камиллы — все это запятнало честь династии Виндзоров. Пресса раздувала скандалы, появлялись публикации крайне неприятных результатов опросов общественного мнения, разносные статьи на первых полосах... «Ужасный год» для королевы растянулся на десятилетие. Тогда казалось, что династия Виндзоров бьется в предсмертных конвульсиях и обречена на гибель. «Еще вчера, — пишет Филипп Зиглер в своем труде «Королевская власть и народ», — мысль, что Великобритания может расстаться со своей многовековой монархической традицией и сменить монархию на республику, выглядела бредом эксцентричного сумасшедшего или экстремиста». А сегодня народ настоятельно требует перемен от королевской семьи, до сих пор оказывавшей упорное сопротивление любой попытке привести ее в такое состояние, чтобы она была способна принимать в расчет реальности современной жизни. Остается только узнать, будет ли этих перемен достаточно для того, чтобы убедить широкую публику, что монархия стоит того, чтобы ее поддержали и сохранили, что она может играть активную роль в грядущем столетии. Если же сделать этого не удастся, сей общественный институт, являющийся составной и неотъемлемой частью английского образа жизни, осужден на смерть.

Лучший способ узнать, какие чувства испытывают британцы к монархии, — это обратиться к «Масс обзервейшн аркайв» (журнал организации «Мнение

масс» по изучению общественного мнения. — Ю. Р.), издаваемому под эгидой университета графства Суссекс (встречается написание Сассекс. — Ю. Р.), в котором исследуются и комментируются результаты опросов общественного мнения («людей с улицы») с 1937 года. Из этих публикаций можно узнать, что к событиям и явлениям, по поводу коих проводились опросы, королевская семья не имела никакого отношения в девяноста процентов случаев. Отмечается также тот факт, что в Великобритании прослеживается тенденция роста числа людей, высказывающих свое благорасположение к республике. По мнению Энтони Дджея, вероятно, есть десять членов королевской семьи, «чьи поступки поддерживают популярность монархии в той или иной степени, и, вероятно, есть около двух десятков ее членов, скорее способных запятнать ее образ, чем заставить этот образ засиять новым блеском».

Вокруг династии Виндзоров теперь почти нет мистического ореола. Королева и члены королевской семьи постоянно предстают перед широкой публикой как обыкновенные люди, к тому же весьма уязвимые. Разводы, ссоры, расставания, скандалы и зависть разрушили единство династии. Пресса с ее «тщательно выписанными портретами» ничего им не прощает. На них нападают в открытую, их высмеивают, приводя массу забавных деталей. Теперь, когда они низвергнуты с небес на землю, сам собой напрашивается вывод, что, увы, уже поздно принимать какие-то меры. Ущерб слишком велик, и слишком велико возмущение большинства налогоплательщиков, оплачивающих их счета. Идолы низвергнуты с пьедестала.

Столь долго оберегаемая королевой от всех предосудительных препирательств королевская семья теперь вновь оказалась в замешательстве. Скандалы неотступно преследуют дом Виндзоров. А скандал — это такая ситуация, над которой королевская семья не может возвыситься и которую не в силах предотвратить. Однажды принц Филипп во время визита в Канаду сказал: «Ответ на вопрос о монархии очень прост. Если народ ею не удовлетворен, он может ее сменить... Монархия не может существовать

только ради своих интересов, а существует только ради интересов страны».

Елизавета очень старается исправить ущерб, нанесенный монархии в 90-е годы, и стремится выказать себя более человеческой, более близкой к своему народу, к духу и уровню страны. Разумеется, атмосфера в Букингемском дворце чаще всего бывает тяжелой и мрачной. Там царствуют тишина и безмолвие, в чем-то сходные с тишиной, царящей в провинциальной Англии: существование там с самого утра связано с чашкой чаю и прослушиванием передач Би-би-си, там царствует культ собак и лошадей, садоводства, спорта и музыки. Время, кажется, не имеет никакой власти над дворцом, течение жизни, похоже, лишь только слегка его затрагивает.

Спрятавшись за занавесями, сотканными из тумана и дождя, за облачками пара, поднимающимися над чашками чаю, за шорохом твидовых юбок, Англия с отчаянным упорством защищает свой национальный характер. Букингемский дворец, как колеблющаяся на ветру травинка, поступает точно так же. Насколько некоторые части королевской резиденции (кухни и кабинеты первого этажа здания) похожи на улей, настолько же та часть, что выходит окнами в парк, выглядит так, словно находится под наркозом. Являясь символом власти (англичане очень гордятся и часто кичатся своим почтением к закону и общественным институтам), Букингемский дворец немного похож на среднего англичанина, думающего, что его страна до сих пор является центром мира. Но, быть может, он и не так уж не прав...

Если бы мне рассказали о Букингемском дворце

Со времен правления королевы Виктории Букингемский дворец является главной официальной резиденцией английских монархов. Символ всей мощи и верховной власти Короны, бывший дворец герцога Букингемского (в русской традиции чаще именуемого Бекингемом) нередко наводил ужас на наследников

престола; кстати, сама Виктория очень быстро его возненавидела, а Эдуард VII без колебаний окрестил его «склепом», настолько он ему казался холодным, огромным и зловещим. Георг V был с ним вполне согласен, а Эдуард VIII (герцог Виндзорский) не смог совладать с собой и не сказать во весь голос в тот момент, когда впервые в качестве монарха вышел в Большой холл, что коридоры дворца нисколько не избавились от затхлого, сырого запаха, наводящего на мысль об узилище... Георг VI без конца мечтал о том, чтобы поскорее покинуть Букингемский дворец, вырваться из него и оказаться в дорогих его сердцу Сандрингеме или Балморале. Елизавета II ко дворцу кое-как, разумеется, приспособилась, но каждую пятницу в 15 часов покидает его и возвращается только в понедельник; когда же она отбывает с визитом или на отдых, резиденция закрывается. Как в театре, где гасят огни рампы, во дворце гасят свет и задерживают занавеси. Спектакль окончен...

Со времен завоевания Британии норманнами четыре лондонских дворца, сменяя друг друга, служили королевскими резиденциями. Вестминстер, заложенный еще по приказу последнего короля-саксонца Эдуарда Исповедника, уступил эту честь Уайтхоллу при Генрихе VIII, а спустя полтора столетия на смену Уайтхоллу пришел Сент-Джеймский дворец. В эпоху правления Георга III, в 1762 году, королева-супруга Шарлотта (из династии Мекленбург-Стрелиц) получила Букингем-Хаус в качестве личной резиденции; ей тогда было восемнадцать лет. В северном крыле Букингем-Хауса и выросли ее дети, там же находились ее личные апартаменты, вокруг располагался и ее «сад для удовольствий».

После смерти Шарлотты (1818) и Георга III (1820) Георг IV выразил пожелание, чтобы Букингемский дворец сохранил свой облик и дух старинной усадьбы и его можно было бы использовать как временное пристанище. Но он поддался на уговоры своего главного архитектора Джона Нэша, который после 1825 года на старом фундаменте возвел огромный дворец в элегантном стиле неоклассицизма; теперь все визитеры

попадали во двор Букингемского дворца, проезжая под сводами Марбл-Арч (Триумфальной арки, служившей главным въездом во дворец).

Однако до восшествия на престол королевы Виктории (1837) Букингемский дворец использовали мало; восемнадцатилетняя королева приняла решение перевести туда свой двор. Ее архитектор Блоур (Блор) надстроил здание, возведенное Нэшем, убрал Марбл-Арч и завершил создание внутреннего двора, возведя еще одно крыло, ставшее фасадом здания, длиной 110 метров и представляющее собой стилизацию под архитектурное творение эпохи итальянского Возрождения. Именно к этому зданию сэр Астон Уэбб пристроил в 1912 году строгий, даже мрачный фасад, всем известный сегодня; произошло это вскоре после того, как перед решеткой дворца был воздвигнут мемориал королевы Виктории.

Историк, занимающийся изучением истории Букингемского дворца, предполагает, что он был возведен на границах владений старинного замка Ай, приобретенного Вестминстерским аббатством вскоре после завоевания Британии норманнами. Владения замка Ай состояли из трех подвластных владений: Айбери, Гайд и Найт. Главная усадьба находилась в Айбери, и ее владения простирались до берегов реки Тайберн, которая вилась через луга и болота и впадала в Темзу, служившую границей владений. Сегодня Тайберн — одна из подземных речек Лондона, но тот факт, что она протекает под Букингемским дворцом, дает нам довольно точные сведения о местоположении владений замка Ай.

Если верить утверждениям историка Оуэна Хедли, владения Айбери, Гайд и Найт были переданы королю Генриху VIII в 1536 году. В 1623 году король Иаков I передал Лайонелу Кранфилду, первому графу Мидлсексу, поместье Айбери в свободное ленное владение, оставив за собой все же два гектара, которые впоследствии стали центром тех двадцати гектаров, на которых сейчас располагаются дворец и парк. Король проявлял

интерес к этому клочку земли с тех самых пор, как в первые годы своего правления произвел некий опыт (к сожалению, неудачный, но оригинальный): попытался сделать то, что удалось сделать французам, — выращивать шелковичных червей. В 1609 году он действительно приказал засадить два гектара тутовыми деревьями и окружил их стеной. Но его надежды не оправдались, и с 1623 года в Саду тутовых деревьев перестали выращивать шелковичных червей, однако Корона, по счастливому случаю, осталась владелицей этих садов.

С южной стороны к этим садам примыкал луг в двадцать аров (ар — мера длины, причем именно ар, а не акр. — Ю. Р.) под названием «Курочки», который вместе с владением Айбери перешел в ленное владение графа Мидлсекса. В том же году сэр Уильям Блейк, лондонский адвокат, обнес луг оградой, чтобы выстроить на нем дом. В 1633 году лорд Горинг приобрел все владение; вскоре ему предстояло стать графом Норвиком, одним из военачальников короля Карла I в период гражданской войны. Лорд Георг Горинг существенно увеличил возведенный дом, пристроил к нему южное крыло и превратил в небольшой замок с островерхой крышей, очарование коему придали «сады для увеселений». Известный под названием Горинг-Хаус, сей замок стал «предком» Букингемского дворца. В 1677 году его владельцем стал граф Арлингтон. Надо сказать, что граф Арлингтон уже с 1672 года проявлял заботу о том, чтобы получить от Короны право на аренду Сада тутовых деревьев. После пожара он вновь отстроил замок, возвышавшийся напротив Сент-Джеймс-парка; теперь он именовался Арлингтон-Хаус, и это была превосходная резиденция, имевшая два крыла и купол.

Но вскоре на авансцену вышел новый владелец: Джон Шеффилд, герцог Бекингем (существуют написания Бакингем и Букингем. — Ю. Р.), чья высокомерная супруга была незаконнорожденной дочерью Иакова II. В архивах дворца найдены документы, свидетельствующие о том, что в 1702 году герцог поручил «образованному, изобретательному и искусному» Уильяму Уинду начертить план нового обширного зда-

ния, которое он немного сместил к северу от первоначальных сооружений, чтобы из окон открывался вид на новую широкую улицу, проложенную по приказу короля Карла II, — на будущую Мэлл. Для этого строители были вынуждены посягнуть на Сад тутовых деревьев; итак, Букингем-Хаус был возведен отчасти на землях, принадлежавших герцогу, а отчасти на землях, принадлежавших Короне. Герцог получил устное разрешение королевы Анны увеличить передний двор к востоку, в сторону дороги; он истолковал милостивое согласие королевы столь широко, что прирезал себе кусочек Сент-Джеймс-парка и заставил отвести дорогу в сторону.

Первоначально Букингем-Хаус представлял собой кирпичное здание, его два отдельно стоящих крыла соединялись с центральным зданием изогнутыми колоннадами. Уже в 1708 году оно вызывало всеобщее восхищение, в «Нью вью оф Лондон» его описывали как «чрезвычайно изящный дворец... коим не смог бы пренебречь самый великий монарх». Весьма пророческие слова! Действительно, последняя жена герцога, как ее называл Гораций Уолпол, «принцесса Букингемская», обставила и украсила свое жилище воистину с королевской роскошью, которую и сохраняла вплоть до самой смерти, последовавшей в 1743 году.

В 1761 году сэр Чарльз Шеффилд, незаконнорожденный сын и наследник герцога, продал дворец Короне за сумму, равную нынешним 45 тысячам евро. Хотя сначала дворец предназначался для того, чтобы заменить Сомерсет-Хаус в качестве так называемого дотального (то есть входящего в приданое) жилища королевы, однако тотчас же стал семейной резиденцией. 22 мая 1762 года король Георг III и королева Шарлотта обосновались в нем, но продолжали использовать Сент-Джеймский дворец для приемов гостей. Даже сегодня иностранные послы официально бывают представлены для вручения верительных грамот и получают аккредитацию при дворе в Сент-Джеймском дворце, в нем также происходит церемония провозглашения нового монарха — в двух шагах от Букингемского дворца.

После восшествия на престол Георга IV в 1829 году Букингем-Хаус превратился в Букингемский дворец, так как его резиденция Карлтон-Хаус казалась ему слишком небольшой по размеру. «Если народ желает, чтобы король заимел еще один дворец, — доверительно поведал он своему любимому архитектору Джону Нэшу, — то я не стану возражать, чтобы возвели еще один, но я должен иметь пристанище и желаю, чтобы этим пристанищем стал Букингем-Хаус. Есть некие воспоминания далеких дней, которые делают это место для меня особенно дорогим». Работы, которые, как первоначально предполагалось, должны были обойтись в сумму, равную 32 тысячам современных евро, усложнились и расширились, так что в первое время на них было затрачено около 540 тысяч, а в результате они обошлись в сумму, равную одному миллиону современных евро.

Здание возвели из камня, доставленного из Бата, городка на западе Англии. Нэш, исполняя пожелания короля, сохранил старое здание, а также в определенной мере сохранил и внутреннее расположение покоев. Так, например, купол, возвышающийся над лестницей, совпадал по размерам и по высоте с тем, что существовал во времена Георга III. Нэш увеличил ширину здания и украсил новый фасад, выходящий в парк, рельефным полукруглым выступом в центре террасы, по бокам коей возвышались колоннады, увенчанные фронтонами. На втором этаже, окнами на «Сады увеселений», которые нарисовал Уильям Таунсенд Эйтон, Нэш расположил в южном конце оружейную, затем апартаменты, сегодня превращенные в Большую столовую, Голубую гостиную, Музыкальный салон и королевский кабинет (первоначально задумывавшийся как большая королевская спальня и туалетная). Чтобы отделить эти апартаменты от кордегардии, Зеленой гостиной и Тронного зала, Нэш создал картинную галерею со стеклянной крышей.

Как подчеркивал Олуэн Ходли, все эти покои, созданные в ходе перестройки, предпринятой Нэшем, как с внешней стороны здания, так и изнутри практически не претерпели изменений, подобно портику со спаренными колоннами, который сейчас украшает

центральный вход. Не без некоторой театральности Нэш заменил два выступавших вперед крыла Букингем-Хауса с их изогнутыми аркадами на новые, гораздо большего размера, и добавил со стороны парка еще один вход, ведущий в личные покои монарха. В своей книге «Королевский Лондон» Кристофер Хибберт рассказывает, что, когда над дворцом была возведена крыша, король призвал к себе архитектора и сказал ему: «Нэш, парадные покои, созданные вами для меня, столь прекрасны, что там, полагаю, я буду устраивать приемы для придворных». Нэш пришел в замешательство, смутился и принялся ссылаться на то, что, видимо, спланировал строительство «слишком малых масштабов». «Да нет же, вы не понимаете, — прервал его король, пребывавший в прекрасном расположении духа, — это будет замечательный дворец». Но, к несчастью, Нэш был вовлечен в какие-то аферы с фальшивыми счетами, и завершать работы по перестройке дворца был вынужден Эдвард Блор.

Король прожил достаточно долго, чтобы наблюдать за возведением Марбл-Арч перед въездом во внешний двор (эту Триумфальную арку в 1850 году переместили к Гайд-парку) и чтобы предречь, сколь роскошным будет будущий дворец. Букингемский дворец был уже готов принять хозяев и их гостей, но 29 июня 1830 года король скончался.

Так как Вильгельм IV, восседавший на престоле с 1830 по 1837 год, тоже не воспользовался Букингемским дворцом, королева Виктория стала его первой обладательницей. Один из ее биографов полагает, что она приняла решение обосноваться в нем в середине июля 1837 года. Вильгельм IV повелел, чтобы дворец привели в надлежащее состояние и чтобы с этим поторопились, но когда его племянница унаследовала корону и трон, ей объявили, что ничто не будет готово ранее Нового года. По свидетельству Салли Стивенсон, супруги посла Соединенных Штатов в Англии, одной из первых посетивших новую резиденцию молодой королевы, Виктория приказала вызвать чиновников, ответственных за проведение строительных работ, и заявила им, что имеет намерение отобедать в Букин-

гемском дворце в июле. «Я очень опечален тем, что вынужден сообщить Вашему Величеству, — ответил королеве один из них, — что это невозможно».

Однако 21 июля, ровно месяц спустя после официального объявления о начале эпохи правления Виктории, миссис Стивенсон писала своей «горячо любимой сестре» в Вирджинию, что она и ее муж только что получили приглашение отобедать с Викторией в Букингем-Хаусе; две недели спустя она описывала место, где побывала, как изобиловавшее «богатыми и роскошными покоем», которые, по ее выражению, напомнили ей описания дворцов из сказок «Тысячи и одной ночи». Как объяснить сие чудо? А дело было в том, что «почтенные, преисполненные сознания собственной важности старые лорды» получили указания «от маленькой королевы, написанные ею собственноручно», и в данном послании содержался приказ, чтобы дворец был готов принять ее в своих стенах в назначенный день... И им ничего иного не оставалось, как привлечь к работам всех рабочих, коих удалось нанять, и королева смогла поселиться в своем новом дворце в тот день и в тот час, который она назначила. Вот что называется действовать по-королевски!

Воздавая дань истине, историк Вайнтрауб отмечает, что Виктория постепенно возненавидела Букингем-Хаус, так же как шум и грязь Лондона, но в первые годы пребывания на троне дворец показался ей местом, достаточно приятным для жизни и проведения приемов.

Если Нэш не ошибся, предрекая, что дворец когда-нибудь покажется слишком маленьким, то этому горю вскоре смогли помочь. Итак, в 1843 году южную оранжерею превратили в часовню, освященную после бракосочетания королевы с принцем Альбертом из Саксен-Кобургской династии. В 1847 году Блор перестроил восточный фасад, над которым в центре, над самым входом, возвышался купол; он также перестроил и два боковых фасада. Вдоль второго этажа он создал большой коридор, своеобразную галерею длиной в восемьдесят метров. В 1854 году сэр Джеймс Пеннетхорн, ученик Джона Нэша, разрушил и уничтожил оружейную комнату и восьмиугольную залу, служившую

королю Георгу III библиотекой, чтобы создать Бальный зал, в котором у западной стены располагался трон под балдахин, а у восточной — орган и хоры для музыкантов; под этим залом он расположил просторные кухни, а рядом, в восточном крыле, — Зал танцевальных вечеров.

Утренние церемонии пробуждения монарха и приемы в гостиных дворца стали единственным «способом» проникновения в высший свет; церемонии пробуждения, иногда имевшие место, позволяли осуществить представление ко двору мужчин, в то время как на послеполуденных приемах обычно монарху представляли дам. Хотя эти церемонии отличались жесточайшими предписаниями относительно одеяний и соблюдения правил протокола, хотя эти краткие контакты отличались чрезвычайной сухостью и чопорностью, все же возможность едва прикоснуться губами к руке монарха и обменяться несколькими словами с королевой и принцем-консортом стала совершенно необходимой «визитной карточкой» для представителей аристократии.

Для Виктории и Альберта обеды и ужины, часто отмеченные печатью торжественности, практически никогда не проходили в интимной обстановке. За редким исключением придворные присутствовали на трапезах, хотя и не любили эту «тяжкую работу», причем даже в тех случаях, когда никаких развлечений не предвиделось. Сотрапезники менялись в зависимости от «очередности», но каждый должен был оставаться за столом, пока королевская чета не решит удалиться. Кстати, в соответствии с протоколом королева последней входила в столовую и первой ее покидала.

И все же, хотя большие приемы и проводились в Букингемском дворце в честь бракосочетания и юбилеев королевы Виктории, невозможно было избавиться от впечатления, что это в большей степени ее личная резиденция, чем государственная, официальная.

Последний знак присутствия Виктории — мраморный памятник, изваянный сэром Томасом Броком, стоящий лицом ко дворцу; эта статуя королевы была установлена в мае 1911 года.

С 1901 по 1910 год Эдуард VI с большим удобством провел во дворце годы своего недолгого правления. Этот всегда одетый с иголки монарх, бонвиван и денди, выказывал при жизни добродушие и даже простоту, правда, носившую печать истинного благородства и аристократизма, он по-особому — с легким презрением смотрел на людей бестактных, или неумных, или на надоедливых приставал, при этом едва заметно прищуривал один глаз, и этот взгляд вошел в легенду.

Ничем подобным не обладал Георг V, чьи предрассудки в основном отражали предрассудки среднего класса или мелкой буржуазии. Легко представить себе Георга V как короля благодушного и снисходительного, но всегда поглощенного мыслями о важности и значимости его функций, как человека «домашнего, обыкновенного, непритязательного, немного угрюмого». Дело в том, что никто никогда не видел, чтобы он смеялся, и люди, видя его на фотографиях, сделанных за долгих четыре года войны, забыли, каким весельчаком он был в юности. Георг V был заложником этикета, хотя этикет его времени был уже гораздо менее жестким, чем этикет «старого двора»; он был суров и негибав в том, что касалось обязательного присутствия придворных на церемониях, но допускал поразительные отступления от правил приличия и благопристойности, например, позволяя Его Величеству на выставке в Уэмбли кататься на аттракционе, именуемом «русскими горками».

Важным «элементом» правления Георга V было постоянное вмешательство во многие дела необычной, замечательной королевы Марии. С самого начала царствования Георга V она поставила себе цель: обновить убранство дворцов, восстановить их интерьеры, причем так, чтобы при сохранении архитектурного стиля все же были убраны анахронизмы и детали, свидетельствовавшие о дурном вкусе. Она собирала повсюду мебель, чтобы создать единые ансамбли, собирала картины, серебряную посуду и целые серебряные сервизы, принадлежавшие Короне. В результате такой «собирательской» деятельности ее коллекция произведений искусства прославилась.

Не является ли Букингемский дворец в какой-то степени ее «творением»? Ведь это она сделала его пригодным для жилья, она избавила его от «ужасных маленьких безделушек», чтобы стали видны его истинные ценности, она изгнала из дворца пальмы в огромных кадках, репс и красный плюш, чудовищные бесформенные изделия из бронзы; она побывала в подвалах и извлекла оттуда пылившуюся там старинную мебель, обустроила и полностью оборудовала роскошные ванные комнаты и вдохновила сына на то, чтобы во дворце было проведено центральное отопление.

Но королеве Марии было мало того, что она поддерживала короля во всех его начинаниях абсолютно безоговорочно, нет, ее это не удовлетворяло, и она проявила подлинный талант, если не сказать гениальность, чтобы заставить британскую монархию засиять новым блеском. Во время Первой мировой войны она совместно с королем приняла решение, что королевский двор откажется от употребления алкоголя, «пока длятся бедствия». Ее муж с трудом обходился без своей привычной порции виски с содовой, но постоянное присутствие рядом с ним королевы Марии помешало ему нарушить обет и низко пасть в своих собственных глазах. Об этой жертве всех англичан широко оповестила пресса, настолько широко, что никто более не думал, что монарх и его семья живут в роскоши, в то время как простые смертные вынуждены себе во всем отказывать.

Под влиянием королевы монархия возвела чувство долга и преданность в ранг святынь, превратила эти качества в новую религию. Без оглядки тратя силы у постелей раненых, королева Мария своим примером принудила других представительниц королевской семьи делать то же самое, и однажды одна из них пожаловалась: «Я устала, и я ненавижу госпитали». На что королева ответила: «Вы принадлежите к английской королевской семье. Мы никогда не устаем, и мы все любим госпитали».

Как отметил один из ее биографов: «При всей своей преданности мифу о британской монархии и священной фигуре короля королева Мария так никогда и не

смогла найти решение главной проблемы: проблемы отношений со своими детьми. Кроме того, старший сын и наследник престола, пришедший к власти после смерти Георга, отринул почти все ценности, которые столь ярко защищали его родители, так что его короткое царствование — с января 1936 года по декабрь того же года — породило самый глубокий кризис, с коим когда-либо сталкивался дом Виндзоров. Его отречение от престола нанесло королевской семье тяжелую рану, и эта рана до сих пор терзает семейство, потому что семья боится, что это был опасный прецедент, и этот страх во многом может служить объяснением тем внутренним изменениям, что произошли в лоне английской монархии».

Коронованный под именем Эдуарда VIII Дэвид, старший сын Георга V, правил всего лишь 325 дней. Надо заметить, что, когда он был принцем Уэльским, именно он стоял у истоков процесса создания современной монархии: именно в нем как в личности видят провозвестника общества более открытого, более демократичного. У него было много «козырей»: несомненная популярность, очарование, столь же несомненное, и некий антиконформизм. Однако в личной жизни он проявлял довольно тяжелый характер, высокомерие, спесь, своенравие, даже сумасбродство, отражением чего были его сердечные увлечения.

Его воцарение во дворце, казалось, прозвучало похоронным звоном по старому этикету: под влиянием той, что впоследствии стала его женой, он уволил многих старых слуг, изменил график работ и систему оплаты труда, в результате чего быстро столкнулся с ненавистью обслуживающего персонала. К счастью, 10 декабря 1936 года в 13 часов 52 минуты он отрекся от престола ради любви Уоллис Симпсон; герцог Виндзорский провел остаток жизни со своей супругой «в золоченом изгнании», у которого явно ощущался привкус горечи, и привкус этот присутствовал во всем вплоть до смерти герцога, случившейся в его парижском жилище в 1972 году.

Самым странным в этом кризисе, пробудившем столько страстей, было то, с какой скоростью широкая

публика примирилась с уходом со сцены короля без короны. Что касается королевского двора, то у него память оказалась не столь короткой; там царило глубокое убеждение, что герцог совершил акт предательства, и это убеждение с годами не исчезло.

На троне воцарилась новая чета: Георг VI и «улыбающаяся герцогиня» Елизавета (Элизабет) Боуз-Лайон. Они вступили во дворец 17 февраля 1937 года, накануне войны. Королева Елизавета, очень любившая шампанское, не имела ни малейшего желания следовать примеру королевы Марии и отказываться от алкоголя, «пока длятся бедствия». Однако были предприняты серьезные усилия, чтобы при составлении меню королевских трапез соблюдались нормы карточной системы, а король чертил в ваннах и раковинах линии, выше коих воду наливать не разрешалось, дабы не тратить понапрасну драгоценные запасы. Не стоит и говорить, что эти достойные похвал усилия стали объектами многочисленных публикаций в прессе. Двух принцесс сфотографировали в тот момент, когда они «рыли траншеи ради победы» в парке. «Они делали это собственноручно», — гласит легенда.

Георг VI приказал оборудовать во дворце бассейн (разрушенный во время бомбардировок Лондона, а затем вновь отстроенный) и множество ванных комнат. Только в самом конце его правления во дворце было проведено отопление с использованием мазута. Однако при этом все же до конца мая необходимо было обогревать огромные помещения дворца при помощи дровяного отопления; приходилось разжигать камин, чтобы в залах было если не тепло, то хотя бы не холодно; кстати, Елизавета, видевшая в горящих каминных «искорку радости», очень дорожила ими. Переоборудование системы отопления изменило дворец: теперь здесь больше не ощущается запах сырости и можно пройти по коридору без мехового манто. Елизавета распорядилась застелить коридоры коврами и повсюду разместить дополнительные осветительные приборы.

После смерти Георга VI умерла надежда, которую питал принц Филипп, надежда по-прежнему жить в

Кларенс-Хаусе и превратить Букингемский дворец в «королевский генеральный штаб». В действительности Кларенс-Хаус стал лондонской резиденцией королевы-матери; находился он в двух шагах от Букингемского дворца, за роскошной решеткой, установленной по приказу Эдуарда VII у въезда в Грин-парк. Обосновавшись в Кларенс-Хаусе, королева-мать быстро превратила это гигантское здание XVIII века в самый шикарный частный особняк Лондона, войдя в который, визитеры могли лицезреть выставку принадлежавших королеве-матери произведений искусства.

«Будем надеяться, что это событие положит начало большой операции по уборке дворца», — говорил преисполненный надежд сэр Генри Чэннон по поводу восхождения на престол Елизаветы II. Однако в первые годы правления молодой королевы система, тщательно отлаженная при Георге VI, не только не изменилась, но и упрочилась. Придворные, занимавшие высокие посты, сохранили свои должности и свое положение в обществе; так, например, имевший большое влияние при Георге VI его личный секретарь сэр Алан Ласселз был утвержден в той же должности при молодой королеве. Но герцог Эдинбургский наблюдал, и зорко наблюдал за жизнью двора. Этот человек, вспыльчивый, склонный к крайностям, не слишком вежливый и почтительный, привыкший говорить без обиняков, не скрывал своего неприятия придворного протокола, наводившего на него скуку и угнетавшего его. И вот герцог «наткнулся» на множество старых придворных. Если кто-то и должен был приступить к осуществлению «операции по уборке дворца», о которой мечтал сэр Чэннон, то не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы угадать, кто именно возьмется за метлу.

Двести двадцать слуг, чтобы содержать дворец в порядке! Могло показаться, что это слишком много, даже если учесть, что во дворце шестьсот девяносто комнат... Филипп, любивший в обществе главного казначея и своего личного секретаря проверять счета, поступавшие в Букингемский дворец, вскоре заметил, что королевские слуги тратят свое рабочее время в основном на то, чтобы обслуживать друг друга, соблюдая все прави-

ла этикета, и только семь-восемь человек в действительности заботятся о благополучии королевской семьи. Герцог медленно осуществлял реформы и предложил определенные меры экономии, что заставило многих в ярости скрежетать зубами. «Господин Чистильщик» этикета, он с удовольствием стряхивал пыль, за несколько веков осевшую на занавесах и драпировках дворца. Пресса, подводя итоги его деятельности, делает такой вывод: «Вместе с Филиппом в Букингемский дворец вошло то, что XX век повелел считать практичным и эффективным». Ну что же, в результате королева, по крайней мере, ест свои блюда теплыми, а не холодными!

Когда наступает ночь, англичанам нравится думать, что свет, который виден в одном из окон второго этажа, горит в комнате королевы. В полночь триста дворцовых стенных часов начинают отбивать двенадцать ударов. В огромных залах, украшенных торжественной позолотой, царит тишина, бесконечные коридоры пустынные... В этот час привидения, обитающие во дворце, обретают право ходить по красным коврам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Церемонии, на которых можно увидеть королеву
и членов ее семьи*

Смена караула

У главного входа во дворец ежедневно в 11 часов 30 минут, кроме дождливых дней, под взглядом мраморных очей королевы Виктории разворачивается театрализованное зрелище, занимающее первое место в «лондонском туристическом хит-параде». Эта церемония — спектакль, в ходе которого можно наблюдать за тем, как под звуки военных маршей перестраиваются пехотинцы-гвардейцы, составляющие вместе с конногвардейцами основу Королевской стражи.

Внимание! На этой церемонии всегда присутствует масса народу, так что лучше прийти пораньше. Смена караула также происходит и в Сент-Джеймском дворце в 11 часов 15 минут.

Вынос знамени

Первоначально в английской регулярной армии каждый батальон или даже каждая рота имели свой флаг или штандарт. Термин «Вынос знамени» («Trooping the Colour») произошел от слова «troop», то есть «музыка», которую исполняли в тот момент, когда выносили знамя. С 1751 года каждый английский полк имеет кроме собственного знамени еще и королевский штандарт; по случаю официального дня рождения монарха на всеобщее обозрение представляют штандарт короля или королевы, потому что монарх является главнокомандующим армией и полковником Королевской стражи, пришедшей оказать ему воинские почести.

В наши дни церемония выноса знамени происходит в первую или вторую субботу июня, чтобы не мешать уличному движению в Лондоне в будние дни. Итак, королева покидает Букингемский дворец в сопровождении эскорта кавалеристов из двух самых старых пол-

ков королевства: Лейб-гвардейского конного полка и Королевского конногвардейского полка «синих», имеющихся так из-за цвета мундиров. Королева выезжает на улицу Мэлл и следует по ней до Хорсгардз-Парейд, где и разворачивается театрализованное действо, начинающееся в 11 часов. Парад продолжается около часа. Оркестр трижды исполняет национальный гимн. Каждый год королева устраивает смотр одному из четырех старых полков.

Желающие присутствовать на этой церемонии направляют соответствующее прошение между 1 января и 28 февраля; в марте проводится жеребьевка и его величество случай выбирает нескольких счастливчиков из числа многочисленных просителей, приславших заявки.

Церемония награждения орденом Подвязки проводится в третий понедельник июня.

Поминальное воскресенье

Во вторую субботу ноября королева присутствует в Альберт-Холле на церемонии в честь павших воинов.

День дерби

В первую среду июня королева всегда присутствует на скачках лошадей-трехлеток.

Рекомендуем посетить

Королевская галерея

Музей, в котором выставлены картины и другие произведения искусства, принадлежащие королеве, находится на Бакингам-Пэлис-роуд. Можно доехать на метро до станции Сент-Джеймс-парк или до станции Виктория. Музей открыт ежедневно (кроме понедельника) с 10 часов 30 минут до 17 часов 30 минут и с 14 до 16 часов 30 минут по воскресеньям. Цена билета: для взрослых — 3 евро, для студентов и льготников — 1,63 евро. Рядом, на Бакингам-Гейт, находится очень симпатичный книжный магазинчик, где можно купить почтовые открытки и сувениры.

Королевские конюшни

Конюшни Букингемского дворца находятся рядом с Королевской галереей на Бакингом-Пэлис-роуд. Время посещения: понедельник — четверг с 12 до 16 часов 30 минут (закрыты с 30 июля по 27 сентября и 25—26 декабря).

В конюшнях находится одна из самых замечательных коллекций карет. Как указано во всех путеводителях, ни в коем случае нельзя упустить возможность осмотреть карету, предназначенную для церемоний коронации; эту карету влекли восемь лошадей, и весит она около четырех тонн; она была создана в 1762 году по эскизам прославленного архитектора Уильяма Чемберса и украшена аллегорическими сценами флорентийским мастером Чиприани, обосновавшимся в Лондоне. Там можно осмотреть множество карет, используемых во время различных торжественных церемоний (самая известная — «Стеклянная карета»), ландо, фаэтонов и даже шарабан с пологом, подаренный королеве Виктории Луи Филиппом. Автомобилей, выкрашенных в королевские цвета: черный, коричневый с алым, там тоже много, от «даймлера» 1903 года выпуска до «роллс-фантома» 1961 года. Следует заметить, что «даймлеры» были излюбленными машинами королевского двора на протяжении сорока лет. Также можно посетить чрезвычайно интересную выставку лошадиной упряжи.

Кенсингтонский дворец

Дворец стоит посреди Кенсингтон-Гарденз, покои молодой королевы Виктории открыты для публики с 9 до 17 часов с понедельника по субботу и с 13 до 17 часов по воскресеньям. Коллекция платьев, предназначенных для приемов при дворе, выставлена на первом этаже. Апартаменты второго этажа просто великолепны. Увидеть эту красоту совершенно необходимо, тем более что и сады там потрясающе прекрасны. Адрес: Кенсингтонский дворец, Брод-Вок (Бродвок), Кенсингтон-Гарденз, Лондон W8.

Гардз-Музеум (Музей королевской гвардии)

Музей королевских полков располагается в двух шагах от дворца, в так называемых Веллингтонских казармах. Здесь выставлены оружие, трофеи, мундиры, а также картины, на которых изображены самые знаменитые сражения; есть также особый зал, где представлены парадные мундиры. Открыт ежедневно с 10 до 16 часов, кроме пятницы. Адрес: Бердиджвок, Лондон, SW1.

Прославленный **Виндзорский замок** можно посетить в тот период, когда королева там не живет, и осмотреть его таинственные покои, как и покои дворца Хэмптон-Корт, а также покои Кью-Пэлис, самого маленького из королевских дворцов. Конечно, не стоит забывать и о Тауэре, где можно полюбоваться сокровищами Короны.

Олторп

Родовое поместье семейства Спенсеров с 1508 года; там похоронена оплакиваемая многими Диана, принцесса Уэльская. Нортхэмптоншир, NN74HQ. Открыто с 1 июля по 30 августа с 10 до 17 часов (самая близкая станция: Милтон Кейнс Централ). Входные билеты следует заказывать заранее.

Бродленд

Это огромное поместье на берегу реки Тест служило сначала резиденцией лорду Палмерстону, премьер-министру королевы Виктории. Но знаменитым его сделали Луи Маунтбеттен и его жена Эдвина, устраивавшие там замечательные празднества, во время которых самая изысканная роскошь соседствовала с великой простотой. Все двадцать комнат для гостей всегда были зарезервированы заранее, среди гостей были Чарли Чаплин и Неру. В 1947 году королева Елизавета и принц Филипп приняли решение провести здесь первую брачную ночь; тридцать четыре года спустя принц Уэльский и принцесса Диана последовали их примеру. Лорд Маунтбеттен открыл свой дом для посещений в 1979 году. Там можно видеть великолепные полотна Ван Дейка и Рейнольдса. Адрес: Бродленд, Ромзи, Гемпшир.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
<i>Глава I. СЛЕДУЙТЕ ЗАГИДОМ</i>	9
Красная ковровая дорожка	11
Роскошь, покой и... досуг	15
Королевские апартаменты	19
<i>Глава II. ОДИН ДЕНЬ КОРОЛЕВЫ</i>	32
Двадцать четыре часа из жизни королевы	33
Королевский завтрак	34
За работой	36
«Серый кардинал» королевства	40
Дворцовый эконом	44
Посетители	45
Улыбайся!	48
«Советовать, ободрять, предупреждать»	50
От Уинстона Черчилля до Тони Блэра	54
Вечер во дворце	62
<i>Глава III. ЗА СТОЛОМ</i>	63
В Королевском доме	64
На кухне	68
Королева за столом	75
«Обеды королевы»	77
Торжественные банкеты	79
Букингемский плумпудинг	86
<i>Глава IV. НА СЛУЖБЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА</i>	89
«Улей»	89
Звания	96
Истеблишмент	103
Двор королевы-матери	112
<i>Глава V. ПРАЗДНЕСТВА</i>	113
Почести и награды	114
Балы	118
Счастлирое Рождество	119
Календарь торжественных церемоний	120
Королевские юбилеи	124
<i>Глава VI. КОРОЛЕВСКИЕ ЛОШАДИ И СОБАКИ</i>	126
Чемпионка в Букингемском дворце	128
Скачки	132
Королевские конюшни	136
Сьюзен, Сахарок, Голубчик и другие	142
<i>Глава VII. ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЙ</i>	146
Официальные визиты	148

Безупречная организация	152
Женщина-марафонец	156
Необычные транспортные средства	162
По машинам!	165
<i>Глава VIII. В ЗОЛОТЕ</i>	171
Исключительная налогоплательщица	172
Сказочно богатая коллекция произведений искусства	175
Сокровища Короны	181
Богатство семейства Виндзоров	186
Корпорация «Букингемский дворец»	196
<i>Глава IX. БЕЗ ЦЕРЕМОНИЙ</i>	197
Королевские похороны	199
Счастливые события	201
Коронации	209
Вопросы этикета	212
<i>Глава X. ПОСТАВЩИКИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА</i>	218
От поставщика Ее Величества королевы	218
Внешний вид Ее Величества	229
Что подарить?	233
<i>Глава XI. В БЕЗОПАСНОСТИ</i>	236
Букингемский дворец, или Золоченая клетка	236
Незванные гости у изголовья королевы	241
<i>Глава XII. НА ПОРТРЕТАХ</i>	252
Придворные художники	253
Между идеализмом и реализмом	256
Король фотографов	257
Фотографы Короны	266
Папарацци	273
<i>Глава XIII. ДЕТИ БУКИНГЕМСКОГО ДВОРЦА</i>	276
Маленькие принцессы	276
Маленькие принцы	282
<i>Глава XIV. КОРОЛЕВА-МАТЬ И ПРИНЦ-КОНСОРТ</i>	294
Королева-мать	294
Принц-«иконоборец», принц — отрицатель традиций ...	300
<i>Глава XV. ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ</i>	309
Наследник	309
Принц-экологист	314
Как принц Чарльз вновь покрыл позолотой свой герб	319
Отец и сыновья	322
<i>Глава XVI. ДИАНА</i>	324
«Сама чистота»	325
Победа	332
Свадьба века	339
Принцесса Уэльская — узница	342

<i>Глава XVII. «СЛУЧАЙ С КАМИЛЛОЙ»</i>	349
Тайная история любви	349
Операция «Камилла»	352
<i>Глава XVIII. УИЛЬЯМ И ГАРРИ</i>	358
Уменьшительные имена и прозвища	359
Современное воспитание	360
Папочка Чарльз	371
Уильям — суперзвезда	373
<i>Глава XIX. ПРЕСТИЖ И ПОПУЛЯРНОСТЬ</i>	377
Семейные тайны	382
Если бы мне рассказали о Букингемском дворце	386
Приложение	401

Мейер-Стабли Б.

М 45 Повседневная жизнь Букингемского дворца при Елизавете II / Бертран Мейер-Стабли; пер. с фр. Ю. М. Розенберг. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 407[9] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03011-4

Французский журналист Бертран Мейер-Стабли, хорошо знакомый с жизнью дворца, открывает нам тайны огромного сложного механизма, в котором повседневность противостоит традициям, и отвечает на многие вопросы, приподнимающие завесу тайны, окутывающей большие и малые секреты семейства Виндзоров. Перед нами предстает галерея замечательных портретов: королева, беседующая с Тони Блэром; Диана, непокорная принцесса, произведшая переворот в обычаях и нравах королевской власти; необыкновенно притягательная королева-мать, облачившаяся в вечерний туалет и ужинающая в полном одиночестве. И в то же время для сотен усердных слуг Букингемский дворец с его роскошью и спокойствием — это свой собственный мир, в котором фрейлины и агенты службы безопасности трудятся бок о бок с хранителями королевских лебедей и королевскими кондитерами.

УДК 94(410)

ББК 63.3(4Вел)

Мейер-Стабли Бертран

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БУКИНГЕМСКОГО ДВОРЦА
ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ II**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **Е. В. Смирнова**

Художественный редактор **И. И. Суслов**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 23.01.2007. Подписано в печать 03.05.2007. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 21,84+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 73713.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03011-4

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ
БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников,
музыкантов, театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Уже изданы и готовятся к печати:

С. Дурылин
«В СВОЕМ УГЛУ»

Т. Маврина
«ЦВЕТ ЛИКУЮЩИЙ.
ДНЕВНИКИ 1930—1990 ГГ.»

Н. Матвеева
«МЯЧ, ОСТАВШИЙСЯ В НЕБЕ»

М. Тенишева
«ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ»

М. Нестеров
«О ПЕРЕЖИТОМ. ВОСПОМИНАНИЯ»

О. Высотский
«НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
ГЛАЗАМИ СЫНА»

Н. Чуковский
«О ТОМ, ЧТО ВИДЕЛ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Г. Бондаренко

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ**

С. Лолаева, Г. Черкасов

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

Ж. Эрс

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПАПСКОГО ДВОРА
ВРЕМЕН БОРДЖИА И МЕДИЧИ**

Н. Будур

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВИКИНГОВ**

Т. Диттрич

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ**

Е. Глаголева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦИИ
В ЭПОХУ РИШЕЛЬЕ И ЛЮДОВИКА XIII**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>, dsef@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Фредерик

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЯПОНИИ В ЭПОХУ МЭЙДЗИ**

Р. Мантран

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО**

И. Курукин, Е. Никулина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО КАБАКА
ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО БОРИСА ЕЛЬЦИНА**

Н. Никитина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЬВА ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ**

Е. Лаврентьева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ.
ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dsef@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Крейд
«ГЕОРГИЙ ИВАНОВ»

С. Старкина
«ХЛЕБНИКОВ»

А. Короленков, Е. Смыков
«СУЛЛА»

И. Князький
«НЕРОН»

Ж. Эрс
«ЛЮДОВИК XI»

М. Дюшен
«ГЕРЦОГ БЕКИНГЕМ»

Л. Иволина
«МАЗАРИНИ»

М. Арзаканян
«ДЕ ГОЛЛЬ»

В. Панцов
«МАО ЦЗЭДУН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dscel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Ст. Зарницкий
«БОТТИЧЕЛЛИ»

М. де Декер
«МОНЕ»

А. Жидель
«ПИКАССО»

В. Боккарди
«ВИВАЛЬДИ»

К. Дюфрен
«МАРИЯ КАЛЛАС»

А. Хорт
«ЛЮБОВЬ ОРЛОВА»

А. Варламов
«ГРИГОРИЙ РАСПУТИН-НОВЫЙ»

С. Кузьмина
«АДМИРАЛ КОРНИЛОВ»

В. Демин
«ЛЕВ ГУМИЛЁВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Ф. Александр, Б. де Л' Онуа
КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ
(перевод с французского)

Королева огромной империи, сравнимой лишь с античным Римом, бабушка всей Европы, правительница, при которой произошла индустриальная революция, была чувственной женщиной, любившей красивых мужчин, военных в форме, шотландцев в килтах и индийцев в тюрбанах. Лучшая плясунья королевства, она обожала балы, которые заканчивались лишь с рассветом, разбавляла чай виски и учила итальянский язык на уроках бельканто. Высокородным лордам она предпочитала своих слуг, простых и добрых. Народ звал её «королевой-республиканкой». Полюбив цветы и яркие краски Средиземноморья, она ввела моду на отдых на Лазурном Берегу. Страстная натура, она почти до безумия любила своего Альберта. И, овдовев в сорок два года, до самой смерти слепо следовала лютеранским принципам своего немецкого принца. Это биографическое повествование без всяких прикрас рассказывает о пылкой и неистовой Виктории.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

8(499) 972-05-41; 8(495) 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

М. Дюшен

ГЕРЦОГ БЕКИНГЕМ

(перевод с французского)

Эта книга французского исследователя Мишеля Дюшена, автора биографий Марии Стюарт, Елизаветы Английской, Карла I и других трудов, посвящена человеку, который вошел в историю Англии XVII века не только как государственный деятель, но и как романтический, авантюрный, почти легендарный герой. Джордж Вильерс, герцог Бекингем — фаворит двух монархов, обер-шталмейстер, главный адмирал британского флота, военачальник и дипломат, даже спустя почти четыре столетия продолжает вызывать живейший интерес. И действительно, яркая и трагическая судьба мелкого дворянина, достигшего к двадцати четырем годам вершины государственной власти и погибшего в тридцать шесть лет от кинжала убийцы, не может не завораживать, как не может не очаровывать образ красавца-соблазнителя, неотразимого покорителя женских сердец, который заставил всех поверить (и, возможно, поверил сам) в то, что является возлюбленным королевы Франции.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

8(499) 972-05-41; 8(495) 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 8(499) 972-05-41, 8(495) 787-64-77.
<http://mg.gvardiya.ru> E-mail: mol_gvard@mail.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

С. Лолаева, Г. Черкасов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ

Б. Григорьев, Б. Колоколов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЖАНДАРМОВ

Т. Диттрич
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВИКТОРИАНСКОЙ
АНГЛИИ

Н. Будур
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВИКИНГОВ

Н. Никитина
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЬВА ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Ж. Сустьель
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЦТЕКОВ НАКАНУНЕ
ИСПАНСКОГО
ЗАВОЕВАНИЯ

ISBN 978-5-235-03011-4

9 785235 030114 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ